

ИНДЕКС 73375 (Распечатать)
51845 (МАП)

СЕВЕР
1 + 2

СЕВЕР

1 + 2
Июль - Август
2015
ISSN 1070-9722

20
15

В номере

Николай Конев "Застынутое время"
Влад из прошлого в повести К. Плигина
Архангельская ссылка Иосифа Бродского
Счастливей случай Елены Пистилляйн

СЕВЕР

С 1-2 2015

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1940 ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛИ: ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ,
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ПОЭЗИЯ

Виктор КИРЮШИН	«СУДЬБОЙ ДОБЫТЫЕ СЛОВА...»	(12+)	3
Сергей ДОНБАЙ	«РОДНОЙ ЯЗЫК – НАШ ПРОМЫСЕЛ ЖИВОЙ...»	(12+)	31
Ирина СВЕТЛОВА	«ЛИШЬ БЫ В НЕБЕ РАДУГА КАЧАЛАСЬ...»	(12+)	169

ПРОЗА

Константин ГНЕТНЕВ	ПЛАСТУН, <i>повесть</i>	(12+)	5
Антон ШУРИН	ТЕМНЕЕТ РАНО; ПЕТЛЯ, <i>рассказы</i>	(16+)	86
Владимир СОФИЕНКО	СМОТРИТЕЛЬ РЕКИ, <i>рассказ</i>	(12+)	104
Василий КОСТЕРИН	ЖИЛ, ЖИВ... <i>маленькие рассказы о вожде</i>	(12+)	148
Ирина ДЕГТЯРЕВА	СОЛДАТИКИ НА ПОДОКОННИКЕ, <i>повесть</i>	(16+)	171

МОНПАНСЬЕ

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН	СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ, <i>рассказ</i>	(0+)	28
--------------------------	-----------------------------------	------	-----------

МОНПАНСЬЕ

Марина СТРУКОВА	КОТ УЧЕНЫЙ, <i>сказка</i>	(0+)	136
------------------------	---------------------------	------	------------

ЛИЧНЫЙ АРХИВ

Николай КОНЯЕВ	ЗАСТИГНУТЫЕ НОЧЬЮ, <i>книга вторая</i> ЛИХИЕ И СВЯТЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ	(12+)	33
-----------------------	---	-------	-----------

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Артем КУЛЯБИН	СКВОЗНЯКИ ВРЕМЕНИ	(12+)	78
----------------------	-------------------	-------	-----------

Литературный конкурс журнала «Север» СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Александра ПОЯРКОВА	В ГОРОДЕ N., <i>рассказ</i>	(12+)	121
Алексей ПЕНДРАКОВСКИЙ	КОНИ, <i>рассказ</i>	(12+)	200
Александр ТИХОНОВ	«ВНИМАНИЕ, ГРАЖДАНСКИХ НЕ БРОСАТЬ...», <i>стихи</i>	(12+)	211

ПО РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Владимир БОНДАРЕНКО	«СЕВЕРНЫЙ КРАЙ, УКРОЙ...»	(12+)	126
----------------------------	---------------------------	-------	------------

СЕВЕР

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Иван (12+)
РОГОЩЕНКОВ СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК **162**

Сергей ВИЗАНТИЙСКОЕ ПРОШЛОЕ (12+)
ИВАНОВ ЕВРОПЫ **213**

О Ч Е Р К

Алексей ПАРОЛЬ – «ПЕЛАГЕЯ», (12+)
КУДРЯШОВ очерк-расследование **218**

П Е Р С П Е К Т И В А

Александр ПОДАРОК ПЕТРОЗАВОДЧАНАМ
ЕРШОВ ОТ ЭНЕРГЕТИКОВ (12+) **230**

К Н И Ж Н А Я П О Л К А

Наталья (12+)
МЕЛЁХИНА В ЕДИНОЙ СВЯЗКЕ **233**

Борис ДОБРОЕ СЛОВО В АДРЕС (12+)
ГУЦИН ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ПИМЕНОВЫХ **236**

Вениамин «РЫЖИЙ СНЕГ» (12+)
СЛЕПКОВ СВЕТЛАНЫ ВЫЮГИНОЙ **238**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ **240**

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно отражает точку зрения редакции на затронутые темы.

За точность фактов и цифр ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности платить авторский гонорар. Авторам высылаются журналы с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами, произведения которых не будут опубликованы.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При использовании материалов, опубликованных в журнале, просим непременно ссылаться на «СЕВЕР».

Главный редактор Е.Е. Пиетиялайнен

  (8142)

гл. редактор **78 47 36**

отв. секретарь. **78 47 36**

отделы: **78 48 05**

прозы,

поэзии,

публицистики

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

<http://sever-journal.ru>

Адрес редакции: **185035, г. Петрозаводск,**

Пушкинская, 13, журнал «Север»

Адрес издательства: **185035, г. Петрозаводск,**

Пушкинская, 13, «Север»

АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Формат 84x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,4. Уч.-изд. л.29,66 Заказ 1703. Тираж 1000 экз. Типография ООО «4+4». 185007, г. Петрозаводск, пр. Лесной, 51. Верстка выполнена в компьютерном центре журнала «Север». Подписано в печать 25.12.2014: по графику 12.00, факт. 12.00. Дата выхода в свет: 15.01.2015

г. Петрозаводск, «СЕВЕР», 2015 г.

Виктор Фёдорович КИРЮШИН —

поэт, переводчик, публицист.

Родился в Брянске в 1953 году.

Окончил факультет журналистики МГУ.

Публиковался во многих газетах и журналах.

Автор четырех сборников стихотворений.

Лауреат премии Ленинского комсомола, Всероссийской премии им. Ф.И.Тютчева «Русский путь»,

Международной премии им. Андрея Платонова,

Независимой премии им. Бориса Корнилова.

Золотой лауреат фестиваля-конкурса «Русский Stil»

в Германии, «Литературная Вена» в Австрии.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Живет в Москве.

**Виктор
КИРЮШИН**

г. Москва

*«Судьбой
добытые слова...»*

* * *

Побудь со мною, тишина!
Давно искал я этой встречи.
От праздной человеческой речи
Душа остывшая темна.
Побудь со мною, тишина.

Лишь на мгновенье отреши
От нескончаемого быта.
Какая музыка в тиши
От сердца суетного скрыта!
Лишь на мгновенье отреши...

Судьбой добытые слова
Растают в небе легче дыма,
Поскольку жизнь неизяснима
И в пепел обращать права
Судьбой добытые слова.

Молчат высокие леса,
Безмолвны медленные реки,
Чтобы могли мы в кои веки
Ушедших слышать голоса.
Молчат высокие леса.

Побудь со мною, тишина!
Мое проклятье и спасенье,
Раскаянье и воскресенье,
И оправданье, и вина.
Побудь со мною, тишина.

* * *

Еле слышен из-за леса,
Где оранжевый восток,
Подзабытый звук прогресса —
Электрички стукоток.

От добра добра не чаю:
Одинок — и что с того?
Вот и нынче не встречаю,
Слава Богу, никого.

Не юрод и не отшельник,
Потому что каждый миг
Речка, луг, дорога, ельник
В собеседниках моих.

Эта хата хоть и с краю,
Да зато не в тупике.
Никого не окликаю
В непроглядном далеке.

Лишь одним страшит граница,
Где сгорит житьё-бытьё:
Вдруг и на небе продлится
Одиночество моё?

ОТТЕПЕЛЬ

К ночи сгушается воздух сырой,
Вольно и наспех прошитый капелью.
Пахнет в округе набухшей корой,
Дымом печным и оттаявшей елью.

Забуксовало зимы колесо —
Дерзко и весело царствует влага!
В зыбком тумане
Почти невесом
Звук торопливого женского шага.

Снега январского жалко до слёз...
Много ли проку в такой канители,
Если ненадолго и не всерьёз
В чаще лесной затаились метели?

Их возвращения не тороплю,
Видимо, свыкся с погодой сырою.
Утром остывшую печь затоплю,
Стол на двоих, как бывало, накрою.

Красная скатерть, хмельное вино,
Встречи на миг, остальное — разлука.
Буду смотреть в зоревое окно,
Ждать понапрасну условного стука.

Лучше б весь мир занесло, замело,
Снежная запеленала одежда...
Необъяснимо такое тепло.
Необъяснимее только надежда.

* * *

Остановлюсь и лягу у куста,
Пока легки печали и пожитки,
На оборотной стороне листа
Разглядывать лучистые прожилки.

При светлячках, при солнце, при свечах
Мир созерцать отнюдь бесполезно:
В подробностях, деталях, мелочах
Не хаос открывается, а бездна.

Вселенная без края и конца
Вселяла б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхался у лица
Листок зелёный
С муравьём на ветке.

СТРАННИК

Все бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых,
В полях пустых и безголовых,
В лесах почти что неживых.

Где ливень хлещет,
Ветер свищет,
Блистают молнии во мгле...
Того, что странник этот ищет,
И не бывает на земле.

Смешно за выдуманным светом
Гоняться, не смыкая глаз,
Но он,
Не знающий об этом,
Счастливей каждого из нас.

ЗИМНЯЯ РЕКА

Даже ворон не крикнет. Откуда?
И полозья не скрипнут. Куда?
Комариного звонкого гуда
Не осталось давно и следа.

Только стужа ворчит, матеря,
Да метелица путает след,
Вместо жаркого цвета кипрея
Рассыпая серебряный цвет.

Где трепещет сухая осока,
Обнажённая стонет ветла —
Гулом крови,
Движением сока
Жизнь как будто недавно была.

А теперь, словно в доме без окон,
В этой чёрной воде подо льдом
Затаился воинственный окунь,
Дремлют чуткая щука и сом.

Ходит солнце по низкому кругу,
Гаснут стылые дни вдаль,
Чтобы снова по кроткому лугу
Вышла цапля к ожившей реке.

Это дерево знает и птица,
И вода понимает, и твердь:
Можно заново будет родиться,
Если только рискнёшь умереть.

**Константин
ГНЕТНЕВ**

г. Петрозаводск

*То не казак, шо поборов,
а той, шо вывернувся.
(Старинная казацкая поговорка)*

Часть первая
ЭКСКУРСИЯ
С ОСОБЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

ПЛАСТУН

ПОВЕСТЬ

1

Владимира Семёновича Машковско-го вызвали на службу на неделю раньше срока, но он только обрадовался этому. За несколько дней, что прожил дома, он успел сделать звонок бывшим однокурсникам и знакомым, побродить по улицам и заскучать.

Он неторопливо собрался и решил, что не станет брать машину: времени хватало дойти пешком. Машковский вышел на короткий, как воробьиный скок, Романов переулок, повернул налево на Воздвиженку, и вот уже широкая Моховая в потоке машин. Напротив, за Моховой, всё так же темнел вечнозелёный Александровский сад, и Кремль во всей своей державной мощи высится над куполами деревьев.

Привычная с раннего детства, но от того не менее волнительная панорама...

Кажется, Москва бурлит и брызжет молодой энергией. Плакаты вождей, лозунги и призывы, в кинотеатрах весёлые комедии, из репродукторов с утра до ночи гремят марши и хор Пятницкого: «А в деревне – там веселье и краса, и завидуют деревне небеса...»

Но он поймал себя на том, что успел отвыкнуть от этой яркости, от такого вот нарочитого, как ему казалось, оптимизма. Нешумный, сосредоточенно-деловой и даже несколько скучноватый стиль Стокгольма ему более приятен: там невозможно представить себе атмосферу, которая только возбуждает и навязчиво вторгается в личную сферу.

Машковский успел почувствовать раз-

ницу. Почти три года он прожил за границей, занимаясь закупками металла для промышленности СССР. Однако главным занятием в стокгольмском представительстве Внешторга была не торговля, а разведка. Машковский служил в иностранном отделе Главного управления государственной безопасности НКВД и теперь шел на Лубянку.

– Не расстроился, что раньше времени сдёрнул? – Начальник отдела Слуцкий, перетянутый ремнями вдоль и поперёк широкого живота и с ромбами старшего майора в петлицах, широко улыбнулся и жестом пригласил присесть поближе. – Ну, извини, Володя, я потерю компенсую. Не пожалеешь.

На просторном столе чисто, и только папочка с его отчётом сиротливо лежит на самом краю. Машковский понял, что отчёт внимательно прочитан и, видимо, не один раз – уголки закладок торчали тут и там. Он не был начинающим сотрудником и хорошо знал, что отчёты вернувшихся из командировок немало попутешествуют по столам. Их читают очень пристрастно. А потом предстоит обязательная и долгая беседа. Знал он и другое: время для такого разговора не настало. Так зачем он тогда понадобился?

– Ну, как Москва? Скушно, небось, в этих стокгольмах, тоска смертная! А настоящая жизнь – вот она где! Страна бурлит: рекорды, подвиги, герои рождаются каждый день!

Начальник жестом показал на окно и возбуждённо прошелся по кабинету. Потом вернулся в кресло и придвинул к себе его папочку.

– Но я о другом. Ты же знаешь, будем изучать, думать, советовать, – он кивнул на отчёт и продолжил. – Ты тут хороших идей накидал, думаю, руководству понравится. Разговаривать о твоей работе станем потом. А сейчас вот такое необычное предложение, послушай...

И Машковский услышал историю сотрудника ИНО, работавшего с хорошим результатом, но потом оказавшегося предателем-перевертышем, избалованного с помощью близкого друга. Теперь бывший чекист строит канал. А недавно озадачил бывшее начальство странным письмом...

– Веры гаду, конечно, нет никакой. Злобится, на честных сотрудников клеветает. По-хорошему надо бы ему оговор припать да срок накинуть, только руководство управления посчитало нужным вначале проверить. А с руководством спорить, сам знаешь. На, почитай...

Машковский взял лист плохой, испачканной чем-то бумаги и прочёл: «НКВД СССР, государственному комиссару безопасности... находясь в жутких условиях, среди уголовного элемента... я всю свою жизнь отдал... и лично тов. Сталину...

готов доказать... мною выявлена группа врагов... грабежи и убийства с целью завладеть... готов способствовать возвращению... надеюсь на снисхождение...»

Машковский положил листок на стол:

– Товарищ старший майор, извините, но мне кажется, это не нашего профиля дело. При чём тут разведка?

Слуцкий нахмурился и встал:

– Прежде всего мы большевики, а большевикам есть дело до всего, что против партии и народа. Это главное. Во-вторых, мы не хотим давать делу официального хода. О письме знают трое: начальник управления, я и теперь ты. Ты в отпуске. Понимаешь?

Слуцкий поднялся, поскрипел ремнями, прошелся по кабинету от стола к большой карте на стене и снова к столу. Помолчав, добавил доверительным тоном:

– Мы с товарищем комиссаром второго ранга подумали и решили, что именно тебе нужно съездить и посмотреть великую стройку, а то когда ещё доведётся. Расскажешь за границей, как мы умеем работать. Официально едешь с обычной инспекцией. Временем не ограничиваю. Да, вот ещё...

Слуцкий выдвинул ящик стола, достал несколько бумаг.

– Вот карта района – запросил в ГУЛАГе. Видишь, трасса, здесь штаб и лагерь, о котором идёт речь. В Медвежьей Горе не выходи, там начальство, церемонии, обеды, расспросы, ещё увяжется кто-нибудь. Выйдешь на 14-м разъезде. Дам шифровку, тебя встретят. Отъезд завтра.

Вторую бумагу на бланке НКВД СССР тоже протянул Машковскому:

– Действуй, Владимир Семёнович, тихо, не светись, этому тебя учить не нужно. Вот документ для особых полномочий. Чтоб не звонить, не советовать ни с кем. Задание больше чем чрезвычайное, и полномочия твои границ не имеют.

– Так ведь завтра 1 Мая, товарищ старший майор, – начал было Машковский. – Отец обещал на праздник прибыть.

– Про отца знаю. Он поймёт. Передавай ему большевистский привет. А отпразднуем, когда вернёшься с успехом, я обещаю.

Уже в дверях, придержав Машковского за локоть и глядя прямо в глаза, начальник сказал главное, о чём Машковский уже начал догадываться сам:

– Помни: нас интересует только ящик. Ящик! – повторил он жестко. – И чтоб не осталось никого, кто бы о нём знал!

2

Понимал ли Машковский, что поручение из категории грязных? Отдавал ли отчёт, чем оно может обернуться для него самого? Вероятно, да. Не раз и даже не два на службе ему напоминали ленинские слова про белые перчатки. «Что ж, в каждой работе есть своё помойное ведро, которое нужно кому-то выносить», – решил он.

На выходе Машковский столкнулся с бывшим однокурсником Павлом Суржицким. В органы из института их взяли вместе, но Павел попал в центральный аппарат и уже сделал карьеру, стал замначотдела.

– О-о-о, какой у нас редкий гость! – улыбнулся Паша, оттирая друга к стене вестибюля. – Надолго?

– Завтра на поезд и ту-ту в сторону севера.

– Куда именно, если можно?

– На Беломорканал, второе отделение.

– Тебе-то что там делать?

– Начальству виднее. Вот командировку получил, иду собираться.

– Хотя, может, это и к лучшему, – помрачнел Павел. – Ты ведь не знаешь, что у нас происходит? Нашим ребятам уже и спать некогда. Сам идёшь на службу и не ведаешь, что там тебя ждёт. Ну да ладно! Привет отцу! Славный у тебя дед! Помнишь, как, бывало, мы у вас гуляли, а он всё шутил? Другой бы выгнал, а он: «Ребятки, может, ещё попоём? Времени-то всего полтретьего ночи».

Машковский неторопливо шел по Лубянской площади в сторону Моховой. Асфальт блестел на ярком весеннем солнце. Свежий ветерок холодил виски, напоминая о вчерашней зиме. Но отделиться от мыслей о письме никак не удавалось. Воспоминались неровные строки, писанные, вероятно, втайне, при свете коптилки, в уголке барака, занавешенного старым одеялом.

«Как же он его отправил? – неожиданно подумалось Машковскому. – По правилам, оно не должно было выйти за лагерный периметр...»

Неведомый ему пока бывший разведчик сообщал, что работает в УРЧ второго Отделения Беломорского лагеря, «сидит на распределении рабсилы». Строительство на трассе канала подходит к концу. Карельская республика занимается переселением жителей из деревень, подлежащих затоплению. По просьбе гражданских властей руководство отделения строительства ежедневно отправляет на помощь группу заключённых из четырёх человек. С некоторых пор он стал замечать, что каждое утро на разводе прикомандированный чекист отбирает одних и тех же людей: двух бывших сотрудников НКВД, ранее служивших на транспорте и

судимых за хищения и мародёрство, и двух бывших милиционеров, осуждённых за бандитизм.

Автор сообщал, что с некоторых пор члены группы, прикомандированные к сотрудникам Переселенческого управления Карельского Совнаркома, стали вести себя вызывающе, «стабунилились в злую стаю», которая «сама себе на уме». И тогда он провёл собственное расследование. Результат озадачил. В течение нескольких месяцев группа фактически грабит переселенцев. Деревни староверческие, у староверов старинные иконы в окладах, золотые монеты царской чеканки, много серебра и других древних ценностей. Автор письма указал даже на небольшой прочный ящик из-под какого-то морского прибора, в котором преступники хранят награбленное. При условии, что ему это зачтётся, автор обещал указать и помочь «в восстановлении законности».

– Да, кажется, я серьёзно попал в переплёт, – вздохнул Машковский. Ему вспомнился первый наставник, старый и мудрый еврей Висковский. «Молодой человек, бойтесь как огня сугубо личных заданий начальства, – говорил он. – Только глупые люди рассчитывают сделать на них карьеру. Запомните: у личных заданий не бывает успеха: в случае удачи вы ненужный свидетель, в случае неудачи личный враг».

Где теперь хитромудрый Висковский, жив ли? С его возрастом и букетом болезней не то что лагерь, следствие не пережить.

Но ничего из случившегося несколько минут назад в кабинете начальника ИНО было не отметить, не переиначить. «Ладно, разберёмся на месте», – решил Машковский и прибавил шагу. У него сегодня долгожданная встреча с отцом. Они не виделись уже полтора года.

3

Машковский боготворил отца и многому научился у него. Да и теперь во время редких встреч продолжал жадно впитывать отцовский опыт. Ему импонировали стиль ведения беседы, её неторопливость, манера направлять мысль собеседника при кажущейся незаинтересованной отстранённости. Машковского-младшего поражала манера отца построить беседу так, что собеседник не только сам выкладывал нужную информацию, но еще изо всех сил старался доказать точность сказанного, настаивал, убеждал, приводя всё новые и новые дополнительные факты.

Он уважал отца и за то, что он, мальчишка из бедной многодетной семьи из киевского пред-

местья, всего добился сам. Для младшего Машковского подобное имело особую цену: почти все его сверстники оказывались детьми тех, кого вытянули из провинции с помощью каких-то запутанных и тёмных связей.

В семье Машковских не так. Умом и упорством отца он живёт в большой квартире в центре Москвы и в любой момент может съездить на круглогодичную двухэтажную дачу в Серебряном Бору, где провёл первые счастливые годы. Именно отцу он обязан весёлым отрочеством среди обеспеченных и не знающих житейских тягот сверстников и отличной школой, куда принимали далеко не всех и по окончании которой он свободно говорил на двух языках. Третий язык он выучил за два с половиной курса МВТУ, откуда и попал на службу. И сейчас, кое-что постигший самостоятельно, видел в отце ценного советчика и опору.

Отец возглавлял торговое представительство в Берлине и был членом Коллегии Наркомвнешторга, часто наезжая по делам в Москву. Жил он совсем рядом, на улице Грановского, с молодой женой, аспиранткой-химиком. Первая жена, мама Машковского-младшего, во время первой волны партчинок не выдержала, сорвалась и тяжело заболела нервной болезнью, непонятной даже врачам их закрытой поликлиники. Отец возил её и по другим врачам, снабжал дорогими заграничными лекарствами, устраивал в лучшие санатории. Мама не поправлялась. И тогда он оставил жену в доме, где жили старые большевики и большевички, ветераны революции, под постоянный присмотр докторов. Машковский-младший понял, что большего для мамы отец сделать не мог. Понял и не осудил.

Он взял в магазине бутылку «Столичной», копчёной колбасы, банку шпрот и триста граммов нарезанного тонкими прозрачными ломтиками сыра. В магазине его знали. Здесь получали продуктовые заказы, «отоваривались» все обитатели близлежащих улиц, так называемые «прикреплённые».

– Ну, здравствуй, здравствуй! Да подожди ты, спину сломаешь, медведь! – отец шуточно отстранился от сына и протянул пакеты: – Отнеси-ка на стол, я пока разденусь.

Семёну Яковлевичу Машковскому едва перевалило за сорок, и, как многие в этом возрасте, он начал входить в тело, крупнеть. Безупречный костюм, галстук, седеющая голова в ёжике волос, уверенная неторопливость жестов... Всё выдавало в отце европейскую повадку. «С таким садиться на переговоры – не дай бог, – мелькнула мысль у Машковского-младшего. – Сможет подчинить своей воле любого партнёра».

Сын с отцом сели за стол, налили из графинчика и выпили. Потом налили ещё.

– Успел встретиться с кем-нибудь из знакомых здесь? – спросил отец.

– Только с Толиком Незнанским и вчера на улице с Сашей Кольцовой. Да по телефону поговорил. Толя в армии, командует полком, а Саша дома, у неё в семье проблемы.

– Да, проблемы сейчас не только у Саши, – глухо проговорил Машковский-старший. – Ты бы не очень активничал в восстановлении старых знакомств. Не нужно этого пока, несвоевременно.

– Теперь и не придётся. Завтра уезжаю на Беломорканал с небольшим поручением. Сегодня приглашали к начальству.

– Досадно. Как раз завтра я хотел с тобой к маме выехать. Уже и машину заказал.

Они выпили ещё, неторопливо закусили. Каждому хотелось, как это бывало раньше, в пору, когда Машковский-младший был школьником или студентом, совершенно свободно поговорить о житейском бытии и друзьях-товарищах, обсудить политические проблемы, поспорить об экономическом курсе страны. Но каждый понимал, что теперь это невозможно. Даже им. Даже сидя вот так – наедине, друг против друга.

– С утра заехал в наркомат, – начал отец, – посмотрел бумаги к Коллегии. Вижу, у вас тоже проблема переplat по сделкам. Собираются вызвать торгпреда, будут бить.

– К сожалению, этого не избежать, папа. Сам знаешь. На нас постоянно давят наркоматы: «Давай металлопрокат! Давай трубы большого диаметра! Давай оборудование для заводов! Пятилетка требует!» Мы же платим наличными все способы. Вот и берём контракты только там, где дают кредит, и, разумеется, переплачиваем.

– Какой примерно объём переplat у вас?

– По некоторым контрактам от 30 до 40 процентов.

Они снова помолчали. Машковскому-младшему хотелось напомнить и о другой причине переplat, но он сдерживался, сомневался: поймёт ли отец, ведь она коренилась в Москве. Отец это заметил:

– Говори, мы ведь не на заседании партбюро.

– Вёл один большой контракт и вижу, что курс доллара нестабильный. Сделал предложение изменить формулировку условий расчёта, то есть выписку счёта в долларах заменить оплатой векселями в марках с перерасчётом по курсу дня. Партнёр принял, торгпред советуется с Наркомвнешторгом, а нам ответ: «предложение отклонено». Когда пришла пора делать платежи, доллар упал, и мы крупно потеряли.

– Знаю. Знаю, и более того. У нас сегодня выс-

шее начальство, сынок, это не проблема, это беда. Но оно поставлено партией, лично товарищем Сталиным. Он осуществляет кадровую политику. Как мы можем сомневаться?

Графинчик заметно опустел, и синеватый сумрак тихо опустился на оконные стёкла. Молодая аспирантка-химик, вероятно, вернулась с занятий и ждала отца в небольшом уютном гнёздышке на улице Грановского. Пора была прощаться.

– У тебя тут по-холостяцки пустовато, – шутливо сказал отец, стоя в дверях в пальто и шляпе. – На, хоть этим семейным атрибутом дом украсишь.

Он протянул сыну небольшой свёрток.

– Как только станет возможно, дай о себе знать. И будь аккуратен. Очень прошу тебя, Володенька, будь предельно аккуратен. Ты же знаешь, что происходит. Хорошо?

Они обнялись на прощанье.

И от того, что он назвал его Володенька, как называл, может быть, раза два-три за всё время, пока он помнил себя сыном, тонкой горьковатой ноткой защемило сердце. «Будто прощается навсегда», – подумал Машковский-младший.

Оставшись один, он развернул свёрток. В мягкой шелковистой бумаге лежал обычный перекидной календарь, такой, что всегда висел у них дома на кухне. На самом деле, какой приятный подарок! Он взял нож и на разделочной доске отрезал первые четыре месяца. Но чуть-чуть не рассчитал. Последний листочек, на сегодняшний день, оказался сильно надрезанным и висел некрасиво, левым углом книзу. Машковский-младший подумал и оторвал листок совсем. Он укрепил календарь на стене, отступил на шаг и полюбовался праздничной картинкой. На листке завтрашнего дня ярко значилось: 1 мая 1933 года.

Часть вторая

ОТДЕЛЕНИЕ НОМЕР ДВА

1

Чем дальше поезд бежал на Север, тем ниже деревья за вагонным окном, тем беднее и суровее пейзаж. Мелко дребезжала ложечка в пустом стакане, стывшим воздухом вело из щели в раме. Машковский не замечал этого. Мыслями он был там, откуда совсем недавно приехал, в городе, который полюбил, которым восхищался.

*...Зачем он мне снился, смятенный, нестройный,
Рожденный из глубин не наших времен,*

*Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный,
Такой уж почти и нерадостный сон...*

«Как Гумилёв угадал мои мысли, – удивлялся он. – Как чудно у него и здесь»:

*«О Боже, – вскричал я в тревоге, – что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?»*

Он вспоминал любимое место прогулок по набережной Штротгатен. Спокойная вода в каменных берегах, невысокое северное небо – мир, рождающий особое настроение, почему-то очень близкий его душе. Он неспешно шел мимо Оперы к Национальному музею, затем поворачивал направо к Королевскому дворцу через массивный и тяжелый мост. Вспомнился ему и парк Скансен, – в пустынных аллеях острова Юргарден так легко затеряться для чужих глаз и тихо поговорить с тайными помощниками.

Когда надоедало снова и снова проходить милые сердцу уголки Стокгольма, он пытался представить бывшего коллегу и нынешнего каналаармейца из лагерного УРЧ. Интересно, думал он, удалось ли ему сохранить выучку, без которой за границу работать не пускают? Или теперь это обычный заключённый, в рваном бушлате и в сбитых о камни сапогах второго срока носки?

Само дело не представлялось Машковскому сложным. Арестовать негодяев к чёртовой матери, вытряхнуть из них этот ящик и отдать под суд, да так, чтоб лишить всех надежд на волю. Машковский знал, что на Беломорстрое есть свой суд, так называемая выездная сессия Верховного суда Карельской республики, и даже прокурор свой. Потребую, пусть в 24 часа укатают голубчиков. Только вот с бывшим коллегой что делать? Знает ведь всё. Этого он пока придумать не мог.

Поезд шел, как казалось Машковскому, очень долго. Вот уже во второй раз опустили за окном синие сумерки. Сумерки сгустились, да так и не перешли в тугую черноту позднего вечера. Он вспомнил читанное где-то, что здесь, на Севере, с началом лета и до самой осени ночи вообще не бывает.

И так ехал он, всматриваясь в теряющуюся в полутьме картинку за окном и ожидая полустанка с нехитрым названием «14-й разъезд», где ему надлежало сходить. Если бы знал он, что в эти минуты в уютной квартирке на улице Грановского творится страшное, наверное, остановил поезд и побежал по шпалам назад, крича о несправедливости и требуя остановиться. Но он ничего не

знал. Даже не чувствовал никакой тяжести на душе. Просто смотрел и смотрел в окно.

Машковского-старшего арестовали не сразу после заседания Коллегии, а вечером, спустя примерно два часа. Почему случилось именно так, спросить было не у кого.

Он вернулся к молодой жене, и она, счастливая от того, что муж наконец дома и что обещал быть до конца недели, быстренько накрыла стол. Они поужинали, даже выпили по рюмке хорошего коньяка, и им было отчего-то весело. Так же легко, будто о забавном происшествии, он рассказал о своём выступлении, что поначалу сдерживался, мучился, а потом всё-таки решился. И как Коллегия настороженно притихла, слушая его тяжёлые слова. А речь была на тему, которую они с сыном вскользь затронули накануне, о негибкости и даже известной косности руководящего звена.

Вышло так, что зимой Машковский в Берлине получил задание расторгнуть договор на поставку одной фирме железной руды. Контракт стал не нужен ни нам (в СССР резко вырос объём выплавки чугуна), ни фирме, которая из-за кризиса без того оказалась завалена рудой. Из Москвы требовали ликвидировать контракт немедленно, даже если придётся заплатить отступные. Но отступные-то могли составить от 500 тысяч до миллиона рублей!

Машковский сознательно затянул переговоры. Из Москвы бомбардировали торгпредство телеграммами и грозили судом. Но он держал паузу до тех пор, пока не вынудил-таки инициировать расторжение контракта саму фирму, а затем ещё выплатить нам в качестве отступного миллион рублей золотом...

На этом примере Машковский потребовал расширить полномочия представительств на местах, заменить в руководстве людей безынициативных и вообще больше доверять специалистам. И вроде больше ничего не говорил, но и этого оказалось достаточно. «Ошибка, безусловно, ошибка, – сказал в дверях на прощание разом потерявшейся и испуганной жене. – Успокойся, дорогая, скоро разберутся, и я вернусь».

Никакого перрона или даже площадки для пассажира на 14-м разъезде не оказалось. Машковский спрыгнул в темноту и чуть было не упал, поскользнувшись на ледяной корке. Поезд сразу ушел, и в свете фонаря у будки дежурного Машковский заметил двух человек. Один сворачивал в рулончик сигнальный флажок, второй скорым шагом приближался.

– Товарищ Машковский? – спросил второй. Он был в длинной шинели без ремня, на фуражке тускло рдела звездочка. – Сотрудник НКВД Никольский, уполномоченный второго Отделения. Приказано встретить и обеспечить вашу работу.

– Кто ещё знает о моём приезде? – спросил Машковский.

– Никто.

– Никто и не должен знать, – жестко сказал Машковский. – Отвечаете за это лично.

Они миновали будку дежурного, прошли за разъезд. Через несколько десятков метров Машковский обнаружил второй железнодорожный путь, уходящий от «мурманки» к востоку, в абсолютную темноту леса. На путях под парами стояла небольшая дрезина-мотовоз. Чекист Никольский помог Машковскому взобраться в кабину, машинист толкнул рычаг, и снова надоедливо застучали на стыках колесные пары.

– Потерпите с часок, – извиняющимся тоном сказал Никольский. – К ночи будем на месте.

Комнатка в штабном бараке оказалась по-своему уютной и жарко натопленной. Окно в белой занавеске, на бревенчатых стенах несколько суровых северных пейзажей в рамках. На пейзажах высокое небо, островерхие ели, валуны и реки в бурунах пены. Работы выдавали руку твёрдую, уверенную, хотя и непрофессиональную. «Для любителя неплохо», – решил Машковский.

Стрелки ходиков показывали второй час ночи. Хотелось есть, но где теперь найдёшь еды? Он собирался укладываться, когда в дверь постучали. На пороге стоял молодой мужчина в полувоенной одежде. Спокойный и строгий взгляд, доброжелательная улыбка. За его спиной Машковский заметил чекиста Никольского с корзиной в руках.

– Разрешите, товарищ Машковский?

Мужчина вошел и представился:

– Начальник второго Отделения Беломорстроя Афанасьев Григорий Давыдович. Мы подумали, что с дороги вам необходимо перекусить, и решили предложить кое-что на первый случай. А с утра милости просим в столовую комсостава, она тут недалеко.

Никольский внёс корзину и поставил на табурет у стола.

– Товарищ Никольский, вероятно, забыл о моём приказе, – жестко начал Машковский. – Мне повторить или сразу вас арестовать?

Афанасьев сразу понял причину раздражения московского проверяющего и попытался успокоить:

– Извините, товарищ Машковский. Дело в том, что без меня в Отделении не происходит ничего:

не выходят на линию дрезины, не открываются никакие двери, лопатой без меня никто не копнёт. Я здесь хозяин.

– Хозяин у нас один – советское правительство. Правительство работает под руководством партии большевиков, а главным орудием его является грозный, но справедливый НКВД. А кто вы? Бывший вредитель, преступник, которому мы позволили честным трудом оправдаться перед народом. Не забываетесь, гражданин Афанасьев!

В комнате приезжих повисла тяжёлая, томительная тишина. Ни местный чекист, ни начальник Отделения, от мановения пальца которого зависели судьбы почти двадцати тысяч человек, явно не ожидали такого оборота дела.

Машковский продолжал всё таким же жестким тоном:

– Ставлю вас в известность, что я являюсь представителем Главного управления государственной безопасности, а не ГУЛАГа, и у меня особые полномочия. Обо мне никому никуда не докладывать и впредь подобных визитов не наносить. К двери поставить часового. Я сам приду, когда и куда потребуется. Мои приказы обязательны для всех без исключения. Можете быть свободны.

В корзине Машковский нашел добрый шмат сала, копчёную колбасу, баночку икры и даже бутылку армянского коньяка. Выпив из хрустальной рюмочки, предусмотрительно завернутой в чистую холстинку, и наскоро закусив, Машковский лёг спать. И прежде чем сморил его сон, успел подумать с удивлением: «А неплохо они тут устроились!»

2

Утром его разбудил грохот за дверью. Машковский проснулся, вспомнил, что он на Беломорканале, и прислушался к перебранке за дверью.

– Ты что же, падла, шумишь ни свет ни заря, людей зазря будишь?

Голос в ответ простуженно бубнил что-то невразумительное. Первый голос, исполненный начальственных ноток, видимо, принадлежал часовому.

– Забурел совсем при штабе, собака, распоясался. Если забыл про котлован, мы тебе напомним...

Голос продолжал угрожающе гудеть. В ответ слышалось что-то непонятное. Машковский догадался, что заключенный истопник принёс охапку дров и неловко грохнул у печи. И теперь получает выволочку от такого же заключенного, но вохровца. А вохровец-заключённый, как ни пос-

мотри, начальник. У него винтовка со штыком, а паёк с одёжкой совсем другие.

У штабного крыльца Машковского ждал Никольский. На поводу он держал рослого жеребца. Ещё один жеребец стоял рядом, привязанный к перильцам.

– У нас, товарищ Машковский, извините, автомобиль нету. Ездим верхами. Вы как, справитесь?

Машковский отвязал поводья и прямо с нижней ступеньки в один мах впечатался в седло. Лошадей он знал и любил. В юности отец отвёл его в секцию при центральном ипподроме, и два года Владимир буквально жил там, с досадой уходя по вечерам домой и с радостью возвращаясь в конюшни после учёбы. «Лошади – утеха аристократов», – любил повторять отец на упрёки матери, что ипподром мешает сыну заниматься.

– Поедем, Никольский, посмотрим, что тут у вас.

Они выехали из городка на дорогу, что вела на восток. В нескольких сотнях метров виднелся первый котлован – узкий и длинный. Мелькнули бараки с пологими крышами, почти касающимися земли и крытыми дранкой, за ними здание столовой. Поодаль он заметил неказистый домик с кучами черного антрацита рядом и дымящей трубой, широкой и чёрной, каких не бывает у обычных зданий. Возле домика, опершись грудью на палку, стоял заключённый. Был он невысок, в затрапезном бушлате, голову украшала меховая шапка наподобие папахи, и смотрел исподлобья.

– Наша кузня, – заметив интерес Машковского, отозвался Никольский. – А то кузнец при ей. Беляк, у Юденича служил.

Машковскому показалось, что кузнец смотрит не так, как смотрят здесь все, – равнодушно и покорно. Он увидел напряжение и даже вызов. «Затаился, как волк, злобится, – мелькнула недобрая мысль. – Не перековался ещё».

И этот случайно пришедший образ: «не перекованный кузнец» своей парадоксальностью прибавил Машковскому настроения. Он улыбнулся, вжал каблуки в лошадиные бока и поскакал к котловану, в котором копошились десятки маленьких серых фигурок.

...Словно удар саблей, прямой и точный, рассёкший земную твердь, представился ему Беломорский канал. И если здесь, неподалёку от лагерного городка, чёрный парящийся шрам составил не более двухсот-трёхсот метров, то к югу он тянулся и тянулся на километры. Был он ровен, гладок и глубокий, с отвесными каменными стенами. И удивительно было, что слабыми человеческими руками можно прорубить такое в голой скале.

– 165-й канал, – показал рукой Никольский. – Сто дней пластались день и ночь, а на днях кончили. Сам Нафталий Аронович хвалил.

Машковскому хотелось спросить, кто таков этот Нафталий Аронович, мнение которого так много значит, но не стал. Узнаю и так, если будет нужно, решил он.

– Кончаем канал, – продолжал Никольский. – Кое-где дамбы и водоспуски укрепят, и будем пускать воду. Да и половодье скоро. Морозы совсем отдали, как её удержишь, воду-то.

– А что с деревнями в заливной зоне?

Никольский ответил не сразу. То, что этот московский хлыщ осведомлён больше, чем ожидалось, он успел заметить ещё вчера. А теперь, вишь, подбирается туда, где жарко. Нужно быть повнимательнее, решил чекист. Кто знает, с чем он в нашу тьмутаракань прикатил.

– Деревни не по нашей части. Ими занимается власть гражданская, люди от карельского правительства. Занимаются плохо, доложу я вам, опаздывают.

– В чём же причина?

– А в местных, – неожиданно зло ответил Никольский. – Там же кто, староверы, скрытые враги советской власти. Позарывали богатство и сидят – тронуть их не смей. Мол, царь Пётр не тронул и вы не моги! Да и Бог не попустит, чтоб вода до домов поднялась.

– Вода точно поднимется?

– Поднимется, и, как говорится, концы в воду. А мы поможем...

«Вот с него-то мне бы и начать, – подумал Машковский. – Но нельзя, могу спугнуть. Обрубит концы разом. Терпение и ещё раз терпение».

3

Для беседы с информатором он выбрал время позднее, самый конец рабочего дня. Машковский знал, что бывшего сотрудника центрального аппарата ГУГБ зовут Станислав Малашицкий и что в заключении он с 1930 года по обвинению в измене Родине, а также в пособничестве сотрудникам Внешторга в побеге за границу. УРЧ занимала большую комнату в штабном бараке. К ней примыкала комната поменьше, для начальника. Начальник мог выйти к сотрудникам, а мог и в коридор: вторая дверь вела к выходу, минуя стол секретаря.

Машковский чуть приоткрыл дверь. В щель он увидел тускло освещённую комнату, уставленную столами и шкафами, папки в которые заталкивали, видно, коленями, настолько они были переполнены. Два усталых человека сидели, пригнув

головы к бумагам и пытаясь что-то различить.

Малашицкого узнал сразу, хотя и не видел никогда: худенький, интеллигентного вида очкарик, типичная конторская крыса, в которой не заподозришь не то что разведчика, а сколько-нибудь самостоятельную человеческую единицу вообще. «Идеальный тип», – подумал Машковский. Он тихо вошёл и кивком показал второму сотруднику на выход. Тот понял и тихонько выскользнул за дверь.

– Здравствуйте, Малашицкий!

Малашицкий вздрогнул, в глазах мелькнул ужас. Он вскочил со стула и минуту-другую молчал, пытаясь собраться и понять, кому он понадобился в столь поздний час и что это за незнакомец перед ним. Наконец собрался и ответил слабым голосом:

– Здравствуйте, гражданин начальник. А как вы узнали, то есть я хотел... Мы разве знакомы?

– В этом нет нужды. Я сотрудник Главного управления госбезопасности Машковский. Прибыл разобраться с вашим письмом.

Машковский никак не ожидал того, что последовало дальше. Из глаз Малашицкого брызнули слёзы, он зарыдал, упал грудью на стол и несколько минут плакал навзрыд, уткнувшись лицом в кулаки и сотрясаясь плечами. Машковский налил воды из мутного графина на подоконнике и велел выпить.

– Возьмите себя в руки, – сказал строго. – Мне ещё самодеятельного драмтеатра не хватало.

Малашицкий выпил воды, вытер слёзы мятым и когда-то белым платком и успокоился:

– Простите меня, я, право, не ожидал. Чем могу служить?

– Сядьте для начала, – указал Машковский на стул. – Разговор у нас долгий.

Постоянно останавливаясь, чтобы перевести дыхание и промокнуть глаза платком, Малашицкий поведал печальную историю своей жизни. Три года назад количество невозвращенцев во Внешторге превысило все мыслимые пределы. Разумеется, стали искать не причины, а виноватого. И нашли. Он курировал несколько европейских представительств, проверял кадры. Он и ответил.

– Но я не виноват, – лепетал Малашицкий, и слёзы лились из его глаз. – Внешторговцев загоняли в угол – не давали валюты, сдерживали инициативу и гнали, гнали, гнали заданиями: «Стране нужны машины и оборудование! Даёшь прокат!» Но была и другая причина...

Малашицкий замолчал, подбирая слова.

– Ну, так какая же?

– Почти у всех, кто сбежал из СССР, Отечеством была не Россия, а весь мир.

Машковский понял. Глухая волна негодования поднялась в душе, но он сдержался.

«Каков, однако, негодяй, – подумал он. – Мы с отцом и матерью... А он!»

Ему стало ясно, что Малашицкий вконец сломлен тремя годами лагеря. На Соловках поработал на общих работах, где-то на торфяниках, надорвался. Когда с материка пришли бумаги, тамошняя УРЧ (учётно-распределительная часть) учла прежнюю специальность. На Беломорканале тачки избежал, но окружение из угольников и бытовиков и сам статус всеми презираемого и понукаемого заключенного превратили московского кабинетного интеллигента аналитика в тряпку.

– Давайте ближе к делу, – попросил Машковский.

Однако он уже понял, что едва ли сможет добиться чего-либо стоящего сегодня. Зря взял жесткий тон. Информатор совсем растерялся и расчувствовался. Ему грезится скорое освобождение, раз письмо дошло и заинтересовало, и он теперь сможет быть полезным прежней службе. «Зачтётся, да, непременно, непременно мне это зачтётся! – читал Машковский в глазах собеседника. – И, может быть, этот человек освободит меня от мучений, которых переносить я более не в силах...»

Малашицкий взял карандаш и дрожащей рукой вывел на листке четыре фамилии.

– Вот состав группы, о которой я сообщил. Группа действует почти месяц.

– Как вам стало известно о грабежах и ящике?

– Однажды случайно стал свидетелем, как к воротам лагеря пришла женщина и стала требовать встречи с начальником. Она кричала, что староста, деревню грабят наши люди и забирают всё ценное. Женщину прогнали. Я проанализировал, кто это мог быть, ведь заключённые по деревням ходить не могут. И вышел на группу.

– А ящик?

– О нём я узнал от одного из участников группы.

– Малашицкий перегнулся через стол и карандашом черкнул крестик против одной из фамилий. – Я специально достал самогона, они крепко выпили, и вот он, – Малашицкий снова показал на крестик, – шепнул, что если я и дальше стану поставлять им водку, он сумеет меня крепко отблагодарить, мол, у них богатства целый ящик. Но ящика в лагере нет, я проверил.

– Мало ли чего может наболтать пьяный...

– Гражданин начальник, я клянусь: всё, что я сообщил, правда.

Машковский понял, что предстоит тщательная и аккуратная проверка. Первоначальный план со скорым арестом и конфискацией оказался слишком прост и явно не сбавывал.

– Завтра к вечеру подберите личные дела на всех четверых. Кроме того, составьте справку на Никольского – всё, что знаете и о чем только догадываетесь.

При упоминании чекиста Малашицкий вздрогнул и отшатнулся.

– Не нужно вздрагивать, Малашицкий. Не нужно. Да, эта женщина, она из какой деревни приходила?

– Малая Масельга. Это недалеко, километров с десятков-полтора будет, не больше. В сторону севера.

4

Под копытами жеребца громко хрустела корочка льда, наросшая на лужах с ночи, но сугробов, привычных в эту пору на Севере, на обочинах дороги уже не было. Только белая крупа. Как всегда бывает весной, выглядела она некрасиво: рябая, замусоренная лесным сором.

В этом году необычайно ранняя весна пришла в эти края. Снег согнано быстро, ручьи набухли, а строительное начальство без конца совещалось, опасаясь паводка. «В Москве про снег уже и не помнят, а тут ещё крупа белеет, куда ни глянь, – думал Машковский. – Что за страна?»

Путь предстоял долгий, и Машковский коня не гнал. Весь более-менее пригодный лес для строительства вдоль дороги выпилили. Смотреть было не на что. Ровное полотно болот слева и справа перемежалось каменистыми грядами и жиденькими борками из низких и редких деревьев.

Выехал он рано, но ни одной колонны на дороге не догнал: заключённых затемно расставили по объектам. «Как всё-таки их много», – думал Машковский. В первый же день его поразил лагерный городок с бараками на девять тысяч заключённых. Бараки стояли справа и слева от бревенчатого здания штаба, в который его поселили. А когда Никольский сказал, что к северу и югу отсюда стоят точно такие же городки, а на восток и запад другие лагеря и лесные командировки, он поразился.

«Откуда в стране появилось столько врагов? – впервые подумал об этом Машковский. – И где все эти вражьи тысячи тысяч были прежде? И я, и другие честные граждане жили среди них, ездили в трамваях и метро, покупали газеты в киосках, стоя с ними в очереди. А их нужно было бояться. Они делали свои чёрные дела».

От этих мыслей становилось не по себе.

Машковский знал и другое: Беломорканал – не единственная большая стройка. Он читал в газетах о строительстве канала Москва–Волга и о начале

ударных работ на сооружении железной дороги от Байкала до Амура. «А ведь и там такие же заключённые! И там их многие тысячи! И все – враги?!»

Но ведь те, с кем он встретился на канале, и есть настоящие враги. Разве не враг Малашицкий, из-за халатности которого стране нанесён громадный ущерб? Разве не враг рядящийся под чекиста Никольский, организовавший банду? А эти бытовики – воры и грабители, заполнившие серой безликой массой бараки, – они что, не враги? А сам начальник отделения, этот туз Афанасьев, поработал на строительстве оросительных систем в Средней Азии так, что страна потеряла многие миллионы рублей...

Машковский отмахнулся от этих мыслей. «Слюнтяйство, – решил он. – Интеллигентское слюнтяйство. Прав Слуцкий, что отправил меня сюда. Всех из ИНО нужно отправлять в такую вот глубинку».

Он отвык от верховой езды и успел устать, а унылая дорога среди чахлого леса и болот всё тянулась и тянулась. Машковский мечтал добраться до Масельги и отдохнуть в деревне за самоваром у какого-нибудь словоохотливого хозяина, но ему даже никто не открыл. У первого дома Машковский привязал коня к изгороди, сложённой из горизонтальных жердей, постучал, но ему никто не ответил. В другом доме на стук шевельнулась занавеска и лёгкая тень мелькнула в глубине дома. Тишиной встретили и в других домах.

Это озадачило Машковского. «Боятся, – решил он. – Запуганы. Да и то понятно: лагеря кругом».

Судя по всему, деревня готовилась к переезду. Ряд домов, что ближе к берегу, уже разобрали. Фундаменты из камней, печные фундаменты из раскрошившихся кирпичей, брошенные кое-где дрова, поломанный инвентарь... Следы прошлой жизни наводили уныние.

В конце деревни он заметил невысокого мужичка. Тот копошился на берегу у вытаявшей из-под снега лодки, то и дело поправляя небольшой костёр с ведром на перекладине. Машковский подошел. В ведре на огне он увидел немного разогретой смолы.

– К плаванию готовитесь, – весело поприветствовал человека Машковский. – Что же, пора.

Мужичок поднял голову, внимательно осмотрел ладные сапожки незнакомца, кожаное пальто и хмуро ответил:

– Скоро мы все уплывём отсюда. Только вот пристанем куда?

– А разве не сообщили, куда вас переселят?

– Куда бы ни переселили, а всё жизни той не будет: не дома, – так же хмуро ответил мужичок.

– А вы что же, гражданин хороший, разве не из переселенческого начальства? Или сразу из района?

– Из района, – ответил Машковский. – Мы переселением не занимаемся. Там другие люди есть.

– Этакую дорогу катить... Видно, дело сурьёзное.

– Мне бы старосту вашего повидать.

Мужичок внимательно посмотрел Машковскому в глаза и ответил зло:

– Дело-то, может, и есть, да только вот старосты боле нету. Припоздал ты малехо.

– Куда же староста мог деться? Тем более в такую пору, когда переселение на носу?

– Да так же вот приехал один с важным делом, и не стало старосты.

– Как это? – удивился Машковский, уже догадываясь, что могло произойти в Масельге. – Как выглядел тот, который приезжал?

– Да кто его знает? Я с ним чаи не пивал. Видел из окна: приземистый такой, сытый. Хозяин...

«Никольский! – сразу узнал Машковский. – Это он...»

– Почему вы решили, что этот человек увёз старосту? Может, староста сам уехал по делам? Мало ли дел у старосты.

– А я и не говорил, что увезли, – ответил мужичок. – Никуда не увозили. Мы её потом за деревней в лесочке нашли.

«О-го-го, – подумал Машковский. – Дело-то заворачивается вовсе не шуточное. Это война. Если Никольский на убийство пошёл, значит, точно ему есть что прятать».

– Убили?

– Да. Ножичком и прямо в сердце. Одна дырка, и нет Алевтины Матвеевны, царствие ей небесное...

– Так за что же?

– Кто его знает? Мы и сами не понимаем.

– Не может такого быть, чтоб человека убили, а в деревне не догадываются за что?

– Может, гражданин хороший. У нас всё может быть. А догадываться теперь вовсе не с руки. Нельзя нам догадываться. Можно жизни лишиться.

– В район сообщали? Там власть, милиция, следователи. Разберутся, убийцу найдут, накажут.

– Угу, – буркнул мужичок. Он долго молчал, но, видно, Машковский разбередил в душе больное, не сдержался:

– Алевтина тоже сначала в район жаловалась, но там ей быстро окорот дали. Тогда пошла прямо в лагерь, хотела начальству глаза открыть и заступу найти. Нашла...

– А на что жаловалась?

Мужичишко не ответил. Он снял ведро с огня и долго мешал смолу палкой. Смола парила, издавала резкий, но приятный запах. Иногда поднимал руки, и смола иссиня-чёрным жгутом стекала с палки обратно в ведро.

– Лодочку вон просмолю да приберу пока, – ответил он нехотя. – Как устроюсь под Надвоицами, так и за лодочкой пригребусь. Как выгозерцу без лодочки-то? Деды наши в лодочке рождались, в ней и помирали.

И он снова надолго замолчал.

Машковскому хотелось горячего чаю, хотелось сесть вольно на лавку, снять сапоги и дать ногам отдохнуть с дороги. Но он и не думал попросить об этом. Он выжидал. Знал, мужичка удалось растравить разговором, и боялся спугнуть.

И мужичишко оценил такт собеседника, мол, начальственный гонор не показывает. Ладно. Он не спеша сходил в ближайший сарай, принёс квач-холстину, намотанную на палку и перевязанную в несколько рядов жгутом. Квач был новенький, чистый. Приятно было думать, что сейчас станет обмакивать его в ведро и размазывать горячую смолу вдоль бортов, наглухо заливая щели. Сделав все приготовления, ответил:

– Обижали нас услонцы. Все дома перетрясли, мол, оружие ищем. А сами что? У меня даже отцовского Егория взяли, оклады с икон, кресты, что с Данилова привёз... Тьфу! Нету правды нонче, вот что тебе скажу. Нету!

Поздно вечером в столовой для комсостава Машковский узнал ещё одну очень неприятную новость. В конце рабочего дня сотрудника УРЧ заключённого Малашицкого срочно вызвали на объект. И там неловкий очкарик сорвался с обледенелой бровки в котлован и разбился насмерть. Кто отдавал приказание тащиться на стройку? Что было нужно штабному писарю возле котлована, этого не знал никто.

Машковский воспринял известие как тревожный звонок и для него самого. Укладываясь спать, он достал из дорожного саквояжа небольшой браунинг, с которым приехал из зарубежной командировки, вставил обойму и дослал патрон в патронник.

Часть третья

ПОБЕГ

1

Рано утром он зашел в УРЧ. Стол Малашицкого сиротливо пустовал. Машковский взял свободный стул и подсел вплотную к знакомому по первому визиту сотруднику. Тот оробел, хотел отодвинуться, но отодвигаться было некуда: в рёбра давил подоконник.

– Чем занимался вчера Малашицкий?

– Какие-то дела искал да записывал что-то, – постоянно сглатывая слюну, сказал заключённый. Он переживал ужас. Весь опыт многомесячного тюремного следствия, а потом и лагерный вопили: на него хотят повесить гибель бывшего коллеги. Заболтают, запугают! Как быть, что говорить? Караул! И панически билось сердце.

– Нашел?

– Да, да. Собрал в стопочку. Я уходил, они у него на столе оставались. Вот здесь.

– А бумага с записями?

– Он её в стол сунул. Он вечером вас ждал... вас ждал...

Машковский открыл ящик стола. Там было девственно чисто. Что, собственно, он и ожидал. Открыл другой ящик, третий...

– И куда же они делись?

Машковский говорил голосом тихим, почти ласковым. Но для интеллигента из УРЧ голос этот казался шипением кобры, готовой к броску. Он уже был в полубморочном состоянии.

– Я, я, я... утром пришел, здесь уже ничего не было. Я клянусь! Я здесь совсем ни при чём! Гражданин начальник, я вам клянусь!

Чекиста Никольского в штабе не оказалось.

– Оне взяли коня и, кажись, до объекту поихали, – сказал начальник ВОХРы. – Казалы, тильки до ужину будут.

«Ну что ж, – подумал Машковский. – Никольский уже знает о моём интересе. Даже пофамильно. Вечером буду допрашивать группу». Он приказал начальнику охраны лично доложить о возвращении с работ в лагерь четверых заключённых. И показал список Малашицкого.

2

Днём в лагерном городке тихо. Где-то далеко ещё гукают взрывы, но теперь редко. Основные работы на трассе будущего канала подошли к завершению. Машковский вышел на плац. Прибитая тысячами ног площадь одновременно служила центральной улицей и дорогой, что вела за ворота к строящемуся шлюзу и дальше направо на другой берег. В обратном направлении, к западу, дорога упиралась в старый почтовый тракт от Повенца, через Петровский Ям к Сумскому Посаду, что на Белом море.

И к Повенцу, и к Петровскому Яму шагать и шагать. И на всём этом пространстве лесов, скал и болот работают заключённые второго отделения БелБалтЛага. Тут же ютятся небольшие деревеньки. Жители деревенок очень не любят новых

хозяев. И не только за то, что уничтожают лес и по-своему перекраивают географию. В дома часто приходят люди с винтовками, становятся на постой, живут по нескольку дней, объедают и обижают. Это лагерные патрули из заключённых. Они бесконтрольны и всевластны. На них бесполезно жаловаться: объявят пособником, мол, помогал бежавшим из лагеря, и арестуют. В худшем случае сожгут дом.

А из лагеря бегут, бегут и бегут. Вот и теперь наступает время, когда начнутся побегии: снег сошел, а болота ещё проморожены с зимы, человека держат. Сейчас самое время...

Машковский узнал об этом только что, из утреннего доверительного разговора с начальником лагерной ВОХРы. В прошлой жизни этот пожилой простоватый украинец был милиционером, руководил отделом в родном селе. А когда началась массовая высылка кулаков, предупредил, помог одной-двум многодетным семьям вовремя «сховаться». Помог бы и другим, но сдал свой же заместитель. И с осени 1929 года бывший милиционер оказался на Соловках.

– А куда бегут? – поинтересовался Машковский. – Тут ведь одни болота.

– Которые поглупее, уходят на восток, в глушь. Туда не убежишь, некуда. Мы за ними и не бегаем: нехай с голоду гибнут. Которые грамотные, те всё за границу стараются – тут до Финляндской страны недалече. Только там у нас перекрыто: патрули по деревням, дрезины на железной дороге. Осенью вот сорвались трое, так мы...

– Всех удаётся перехватить?

– Нет. Бывает, что уходят. Что с ними потом в лесу, мы не знаем. Может, доберутся куда, может, утопнут в болоте или с голоду помрут. Кто их ведаёт...

Нечаянный разговор разбередил душу и всерьёз озадачил. Машковский прежде не думал, что группа может пойти «на рывок», как тут говорят. Почему бы и нет? Люди там опытные, обученные навыкам топографии. И руководитель с большими возможностями. К тому же почувствовал, что кольцо сжимается.

«Как бы не прозевать, – помрачнел Машковский. – Что скажу Слуцкому? Не учёл близость госграницы и прохлопал ящик? Тоже мне – разведчик!»

Он прошел до лагерных ворот, заглянул в караулку, чтобы ещё раз предупредить начальника охраны. Ярко светило солнце, и день выдался понастоящему весенний. Серые фигурки дежурных копошились возле столовой: двое тащили куда-то большой бак, третий колот дрова. Было смешно, как он делал это. Толкая перед собой ногами и ру-

ками, катил очередную чурку, долго её устанавливал, потом, еле-еле поднимая колун над головой, ронял его на чурку. Чурка падала набок и откатывалась в сторону. Заключенный бросал колун, обречённо брёл к чурке, и всё начиналось сначала.

Густо дымила труба кузницы, и звонко пела под молотом наковальня...

Идиллическая картинка лагерного быта не радовала Машковского. На душе было тревожно. Он понимал, что дело необходимо форсировать, но как? Ведь ему нужен ящик, а не полдесятка новых уголовных дел. Плевать ему на эти дела!

3

Украинец нашел Машковского поздно вечером.

– Оне пришли, гражданин начальник, – сообщил свистящим шепотом. – Уси явились. Ужинать не стали.

– А Никольский?

– Пошов до себя. Отдыхают.

– Всех четверых взять под арест немедленно. Приставить усиленный караул. Никольскому не докладывать. Я буду через полчаса.

Первые минуты допроса подтвердили догадку, что о тайном следствии они предупреждены и как вести себя научены. Да, по деревням ездили – приказ руководства; да, с местным населением общались, хотя было запрещено: виноваты, готовы понести наказание; да, кое-что из вещей брали – в качестве подарков за помощь: виноваты, готовы понести... Где вещи? Пропили. И, разумеется, ни один ничего не слышал про ящик: «нам ящиков не положено»...

И так валяли эту дуру по кругу, все вчетвером.

Народ грамотный, тёртый...

Через час ввалился чекист Никольский. Явно раздосадованный, он старательно скрывал неудовольствие:

– Товарищ Машковский, Отделение строительства обязалось помогать гражданским властям Карельской республики, а вы задержали нашу группу без объяснения причин. Я был вынужден доложить в управление лагеря.

Намёк Никольского, что от него, оказывается, ожидали объяснения причин, привёл в бешенство. Но он сдержался.

– Мне нет дела до обязательств, взятых на себя Отделением строительства, – ответил он зло. – Что же касается объяснений причин, то прошу сегодня не отлучаться из городка. Мы эти причины с вами обсудим.

Перед обедом у штаба остановился автомобиль. Несколько сотрудников НКВД сопровождали полноватого мужчину в расстёгнутом кожаном пальто, из-под которого виднелась гимнастёрка, перетянутая ремнями. Они явно спешили. В сопровождении вооруженного эскорта мужчина торопливо прошел в штаб.

– Заместитель начальника Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря Кузнецов Борис Николаевич, – представился он Машковскому. И добавил: – Руководитель центрального штаба по соревнованию и ударничеству.

– Машковский Владимир Семёнович, сотрудник НКВД СССР.

– Нам сообщили, что вы ведёте работу в Отделении, о которой мы не знаем. Вы чините помехи и срываете темпы. В то же время мы ожидаем скорого паводка и напрягаем все силы...

– Вы и не должны знать о моей работе, – жестко прервал его Машковский. – И тот, кто сообщил вам о ней, будет наказан. Я представляю не ГУЛАГ, а Главное управление госбезопасности.

Машковский подал бумагу с гербом, которой снабдил его перед отъездом Слуцкий. Кузнецов взял листок и медленно стал читать. И чем ближе к концу подходило чтение, тем краснее и краснее становилось лицо.

– Извините, Владимир Семёнович, что пришлось отвлечь вас от работы, – Кузнецов вернул бумагу, и рука у него мелко дрожала. – Вы должны нас понять. Великая стройка... темпы... приказ товарища Сталина... Мы больше не станем чинить вам препятствий...

Кузнецов со свитой быстро вернулись в машину, рывкнул мотор, и компания укатила. Машковский долгим взглядом посмотрел на бледного Никольского. Лёгкая испарина выступила на висках чекиста. Он понял, что промахнулся. «Даже на обед не остались, – подумал Машковский. – Неловко дураку перед подчинёнными».

– Из лагеря не отлучаться! – приказал Никольскому.

4

Как пожалел он потом, что не арестовал отделенческого чекиста уже тогда, днём. Сколько лишних забот стоила ему эта промашка...

Поздно вечером Машковский без предупреждения вошел в кабинет Никольского. Тот сидел на корточках и сосредоточенно искал что-то в массивном сейфе. На спинке стула висела полевая сумка. Она была плотно заполнена, если не сказать – набита. Клапан оттопыривался в сторону,

рискуя вырвать замок с мясом. Чекист повернул к двери злое лицо, готовый привычно рывкнуть на входящего за бесцеремонность. При виде москковского гостя с готовностью вскочил:

– Проходите, товарищ Машковский. Я вас жду.

Кабинет немногим уступал афанасьевскому: такой же прочный и просторный стол, массивный сейф в простенке между двумя большими окнами, шкаф, кожаный диван, телефонный аппарат, карта района на стене слева. Машковский присмотрелся: карта была точно такой же, какой снабдил его в Москве Слуцкий: дороги и дорожки, реки и ручьи – подробнее и точнее карты, видимо, не было ни у кого.

Предложение присесть Машковский не принял и молча прохаживался от стены с картой до окна и обратно. Никольский убрал в сейф пузатую полевую сумку, сунул в стол бумаги со стола и приготовился к беседе. Хотя, конечно, беседы он ждал с самого утра, и не только ждал, но и готовился к ней. Он был убеждён, что того, что этот москвич успел вынюхать в Отделении, мало для серьёзного разговора и тем более для каких-либо обвинений. Но как знать... Что успел наболтать этот интеллигентный хлюпик из УРЧ? Что наговорили староверы в Масельге? Не проболтался ли кто-то из арестованной группы?

– Скажите, Никольский, как давно работает группа и почему, собственно, занимаетесь ею вы, а не начальник учётно-распределительной части?

– Работает она больше трёх недель, – с тех пор, когда стало ясно, что гражданские власти не успевают освободить от населения зону затопления. Что касается меня, то мне это поручено руководством лагеря.

– Почему всё-таки поручено вам?

– Думаю, потому, что это приграничная зона, можно ожидать засылки или внедрения вражеской агентуры. Мы собираем и отслеживаем всю информацию. У нас муха не пролетит.

– Надо полагать, в деревнях у вас есть информаторы?

– Есть.

– И в Малой Масельге?

– Да, и там.

– Тогда расскажите подробно, что сообщил информатор об убийстве старосты.

Никольский замолчал. Вопрос его явно обескуражил. Сослаться на секретность? Смешно. Какие у него могут быть секреты от этого московского зазнайки, если перед ним дрожит лагерное начальство? Соврать? Проверит, и будет ещё хуже...

– Вы же понимаете, Никольский, что вашу информацию я проверю, какая бы она ни была. Советую говорить правду.

– Информатор ничего не сообщил о старосте. Его в этот день в деревне не было. Он был отозван в район.

– Кто отозвал и зачем?

– Информатор был премирован мной за работу, и я разрешил съездить в район отовариться. Понимаете, товарищ Машковский, у нас в деревнях пока недостаточно хорошее снабжение продуктами питания. Это временно. А пока ценных работников мы стимулируем таким образом.

– В этот день в деревне видели вас. Что вы там делали?

Никольский вспотел. Он расстегнул ворот гимнастёрки, встал и открыл форточку. Свежий вечерний ветерок вошел в кабинет, шевельнул плотной занавеской.

– Это был не я, – начал было Никольский, но тут же поправился: – Я хотел сказать, что меня в тот день там не было. Я был накануне, как раз с целью премировать информатора. А в тот день... Нет, нет.

– А как быть с показаниями свидетеля?

– Он ошибся, уверяю вас. Проверьте. Он ошибся.

– Вот завтра и проверим, – сказал Машковский.

– Вместе поедем и проверим.

Всё в объяснениях Никольского выглядело гладко и правдоподобно, но именно это больше всего истораживало. Гладкая правдоподобность составляла проблему Машковского на протяжении последних лет службы в разведке. И если бы он не умел распознавать разницу между правдой и её подобием, карьера у него прервалась бы гораздо раньше. Но он научился чувствовать разницу. И теперь стало абсолютно ясно, что Никольский враг и настало время решительных действий. Но как подступиться к ящику? Где он?

– Мы располагаем достоверными сведениями, что группа занималась грабежами, а вы её покрывали. Где хранятся награбленные ценности?

Никольский молчал.

– Вы же понимаете, Никольский, что добровольная выдача может облегчить вашу вину.

Никольский молчал.

– У вас впереди ночь, Никольский, – жестко сказал Машковский. – Из штаба не выходить – я предупрежу часового. К утру подготовьте мне подробный отчёт о преступной деятельности группы и вашем участии в ней. Отдельно покажите, что и где награблено, а также место хранения ящика. И помните: каков будет отчёт, так сложится и ваша судьба.

Машковский взял у чекиста ключ и запер кабинет снаружи.

5

Разбудили его громкие голоса за дверью, а потом резкий стук. Машковский посмотрел на часы. Стрелки показывали начало седьмого. Он поднялся, накинул на плечи пальто и открыл. За дверью стоял начальник лагерной ВОХРы.

– Беда, гражданин начальник. Подымайтесь! Оне утекли уси...

– Говорите толком, – прервал Машковский. – И по порядку.

Из торопливого и путаного доклада, перемежаемого бранными словами, он понял, что среди ночи чекист Никольский стуком в дверь вызвал часового, разоружил его, связал и запер. Потом под угрозой оружия освободил группу из ШИЗО*, а охрану разоружил и также запер. Затем все с оружием вышли за ворота лагеря и исчезли. Пост охраны на воротах не был предупреждён и потому подчинился приказу Никольского. Вохровцы доложили также, что слышали звук дрезины на железнодорожной ветке.

Это была катастрофа!

Быстро, быстро, быстро – шумело в ушах. – Действовать, действовать, действовать...

– Кто предупреждён о побеге? Что предпринято?

– Выслан взвод в составе 16 бойцов. К 14-му разезду на дрезинах идут патрули с юга и севера. Мы предупредили лаготделения и лесные командировки к западу. Оне пойдут к границе, поэтому и за мурманской дорогой охрану сейчас подыдем, – там у нас и в Масельской, и в Великой Губе, и в Кармасельге посты. – Вохровец едва перевёл дух. – Изловим, дюже не тужитесь, гражданин начальник. Не первые оне...

– Любую информацию докладывать мне немедленно, – распорядился Машковский. – И ещё. Дайте команду: в случае захвата или уничтожения группы весь груз должен быть в целостности доставлен в лагерь и передан лично мне. Груз может составлять важнейшую государственную тайну. Отвечаете лично.

Машковский не мог найти себе места весь день. Он несколько раз обошел плац от восточных ворот к западным и обратно, трижды был у начальника ВОХРы, но там он явно мешал. Однажды даже почувдилось, что слышит выстрелы – там, где должна проходить мурманская железная дорога.

Промаявшись во дворе, поднялся в кабинет Никольского. На первый взгляд, в кабинете ничего не изменилось: тот же чистый стол и запертый теперь сейф в простенке между окнами. Но, присмотревшись внимательно, обнаружил, что нет карты.

* ШИЗО – штрафной изолятор.

Место, где она висела, выделялось белизной.

«Ах, негодяй, – посетовал Машковский. – Ах, вражина! Да и я хорош. Нужно было арестовать – и в камеру. Думал, утром удастся выведать про ящик. Вот и...»

Он проверил ящики стола, перелистал какие-то бумажки, исписанные неграмотными каракулями про то, как «Ванька ругался плохо про жисть в деревне...». Ключа от сейфа нигде не было.

«Не взял же он его с собой в побег», – подумал Машковский.

Он ещё раз тщательно осмотрел подоконники и стол. Ключа не было и тут. Тогда резко стукнул по столешнице. Внутри гулко и едва слышно тукнуло. Машковский лезвием складного ножа снял столешницу с шипов. Между ней и пыльной поверхностью тумбы лежал завернутый в тряпочку ключ.

«Секреты у вас детские», – довольный собой, подумал Машковский.

Но и сейф его ничем особенно не порадовал. Он нашел здесь четыре папочки с личными делами членов группы и недописанную докладную сотруidника УРЧ Станислава Малашицкого: «...из разговора с пьяным... остатки древнего клада разбойников-панков... Карельский остров... золотые монеты царской чеканки...»

Вникать в написанное ныне покойным коллегой не хотелось.

«Как бы мне эти ваши разбойничьи клады бокм не вышли...»

Тревога всё больше овладевала Машковским. Время шло к вечеру, а известий не было. И погоня не возвращалась, и молчал телефон. Лагерь, между тем, жил своей жизнью, будто ничего не произошло. Да и то, что тут такого необычного? Ну, убежали очередные, самые нетерпеливые, авось поймут. У нас ударная стройка, и сам товарищ Сталин следит за темпами!

К ночи за Машковским прибежал боец охраны:

– Гражданин Машковский, вас начальник кличет, погоня вернулась.

Возле вахты в свете прожектора он увидел неровный строй из усталых и грязных бойцов взвода охраны. Рядом на земле, прикрытые шинелями, лежали три тела. Из-под небрежно накиннутых шинелей виднелись грязные и мокрые сапоги. Еще три тела, ничем не покрытые, лежали поодаль у ворот.

– Докладывайте! – приказал Машковский.

Командир взвода, видно, бывший военный, вышел на шаг из строя и отрапортовал:

– Группу настигли у самой «мурманки». У них дрезина в двух километрах заглохла. Пока они

пешем шли, и мы тут. Но раньше у разъезда их встретил патруль на дрезине. Патруль думал, что, как всегда, зэки без оружия идут, с ножичками одними, а у них пять винтов, ну и дали, и весь патруль, – а их три человека, – на насыпи прямо и побили. Мы сзади нажали. Нас больше, и то троих вон потеряли. А те двое ушли.

– Как ушли? Почему прекратили преследование?

– Так ведь темнота, гражданин начальник. Лес кромешный. Теперь по свету надо, иначе всех положат. Стреляют-то хорошо...

– Была ли поклажа, вещмешки какие или что-то ещё? Какое оружие применялось?

– Били с винтовок, да ещё револьвер. А поклажа была, да. Один большой зелёный ящик за собой волок. Мы бьём, а он волокёт. Мы бьём, он пригибается, падает и всё одно волокёт...

Машковский приказал отдыхать и готовиться к выступлению утром. Сам пошел в штаб.

«Уйдут, – засело в голове. – Эти точно уйдут. У них карта, оружие, опыт. Никольский лучше преследователей знает, где его будут ждать, и сумеет такие места обойти. А погода ему только на руку».

Погода была замечательная. Ясная, чистая ночь с громадной лампой луны на небосклоне. Добрый морозец схватил корочкой оттаявшую за день снежную корку. В такую ночь только бежать и бежать.

«Нужно придумать что-то неожиданное, – вдруг подумалось ему. – Какое-то нетривиальное решение. Охотник! Да, охотник! Нужен быстрый, сильный, смелый охотник-одиночка. Рейнджер. Он пойдёт по следу как гончая, настигнет и покарает! Да, мне нужен такой охотник».

Машковский вернулся в помещенье караула. Сбежали за начальником. Мягкий, невыспавшийся украинец прибежал, на ходу натягивая гимнастёрку.

– Скажите, есть ли среди лагерного контингента человек бывалый, скажем, охотник, диверсант или... Вы меня понимаете?

Украинец хлопал глазами и пытался сообразить. Со сна получалось плохо.

– Да они тут все диверсанты, мать их...

– Я не в том смысле. Подумайте.

Начальник ВОХРЫ наконец пришел в себя, успокоился.

– Понимаю вас, гражданин начальник. Но в этом смысле мы не поможем. Оне ведь от нас хваются. Такое дело подлое, что им не хвастают. Тут надо к уркам: это по их части.

– А где урки?

– Да везде. В кого ни ткни, всё в урку попадётся. А главный у них Костя-капитан. Тот в БУРе. Не работает, собака, так мы его там держим.

Часть четвёртая

ОХОТА

1

Барак усиленного режима, в который поселяли заключённых, что не хотели работать, филонов, а также разного рода злостных нарушителей лагерного режима, располагался на территории городка, но как бы на отшибе. Обитателям БУРа свободное хождение запрещено, тут проволока, часовой. И баки с кормёжкой доставляли прямо сюда, что давало повод гордиться, мол, мы даже в столовую не ходим, сюда несут.

Машковский рванул дверь. В нос шибануло крепким настоем кислых портянок, несвежего белья и немывтых тел. Скорым шагом прошел мимо общего стола длиной в полбарака, мимо раскалённой печи, сваренной из 200-литровой железной бочки, и прямо в угол, где одеялами выгорожен закуток. В таких закутках обитают бригады, паханы и прочая лагерная блатная братия.

Машковский отвернул край одеяла. За небольшим столом, крытым чистой белой скатёркой, сидели пятеро заключённых и играли в карты. «Шестёрка» только что заварил чифир – жестяная банка парила на краю стола. Тут же стайкой белели вымытые кружки. Машковский аккуратно отодвинул ближайшего заключённого, тщедушного мужичонку в линялой майке, не спеша присел на скамейку и тихим голосом попросил плеснуть немного и ему.

– Вот она, служба, – с наигранным восхищением сказал Костя-капитан. – Ночь на дворе, народ отдыхает, а начальник работает. Всё покою нет.

Машковский глотнул чифиря: горло опалило чувовищной горечью.

– Да, – ответил мирно. – Есть дела, а есть делишки. Делишки можно отложить на завтра, а вот дела...

Он помолчал, а потом предложил Косте-капитану:

– Отпусти людей, пусть отдохнут. У меня к тебе разговор серьёзный.

– У меня от братвы секретов нету. Говори здесь.

– У тебя, может, и нету, а у меня есть.

Снова помолчали. Машковский больше к кружке не притрагивался: хватило одного раза. Костя-капитан думал, как сохранить лицо. Соглашаться с чекистом сразу и ронять авторитет было запахло. С другой стороны – сам пришел, оказал уважение и за горло не хватает...

– Ни ты из тепла на мороз не хочешь, ни я. К тому же попки станут прикладами тут греметь, людей побудят...

Костя-капитан чуть качнул головой, и компания тихо удалилась, аккуратно заправив за собой одеяла. Машковский помолчал, глядя на блатного по-доброму, безо всякой угрозы.

– Для хорошего дела мне нужен один человек, – тихо сказал Косте. – Но особый: охотник либо удалой. Слышал, наверное, люди прошлой ночью с зоны соскочили. Вроде бы и ладно – может, дойдут куда: закон – тайга, медведь – хозяин. Но взяли чужое, очень важное взяли. Нужно догнать и взятое вернуть.

– Так ведь целый взвод ходил. Догнали, народ болтает.

– На воле остались двое, и первый твой знакомый Никольский. Знаю, ты тоже его не любишь. Так что скажи, есть такой человек на примете?

– Дай, начальник, подумать. Наши всё вокруг барачков вертятся, их за километры по болоту не пустишь – моща не та. Да и с оружием... Нет, у нас нету.

Машковский встал, собрался идти. Что тут лясать точить с этим блатным, всё толку никакого нет. Но Костя остановил:

– Постой, постой, начальник, не гони воронных, а то успеешь. Знаю такого. Но не наш, сразу говорю. Он тут в лагере с самого начала. Раз наехали на него, хотели приручить, да куда там: крут оказался. Кроушку пустил – мама не горюй! Отступились и больше не трогали.

– Кто таков?

– А кузнец. Тарусов Михаил, Сидорыч по бабюшке кличут.

2

Машковский скорым шагом направился в штаб. Там разбудил дежурного, вызвали начальника УРЧ, и тот, сшибая стулья, бросился искать личное дело Тарусова. Машковский заперся в кабинете Никольского и открыл серую, обтрёпанную по краям папку.

Протоколы допросов, дополнительные пояснения, запросы на места и в архивы, справки, докладные стукачей, письма... Из разношерстного лагерно-бюрократического добра понемногу стала вырисовываться жизнь человека. Он узнал, что Тарусов, сорока лет, из потомственных казаков, живущих на границе с Северным Кавказом. Дед участвовал в Крымской войне, был в первой линии в знаменитом рейде на Малаховом кургане в ночь на 28 ноября 1855 года под Севастополем.

Отец погиб на турецкой войне, попал с товарищами в засаду, из которой выбрались только трое из десяти.

И сам Михаил Сидорович оказался не промах. В 21 год призван на военную службу в 4-й батальон 2-й Кубанской пластунской бригады генерала Гулыги и сразу же попал в бой. В рубке под Сарыкамышем в ночь на 16 декабря 1914 года 300 пластунов положили 800 турок. В плен никого не брали. Исключение сделали только для офицеров штаба турецкой пехотной дивизии – оставили им жизнь. За этот бой Михаил Тарусов получил Георгиевский крест и звание подхорунжего, перескочив сразу через три воинских звания (приказной, урядник, вахмистр). Войсками командовал тогда генерал Юденич. К Юденичу пришел Тарусов и в Гражданскую.

В 1929 году арестован как офицер-белогвардеец и кулак. 10 лет лагерей. Отбывал на Соловках. В 1930 году семья вымерла по причине голода. В лагере вёл себя тихо, работал хорошо, в антисоветских разговорах и предосудительных действиях не замечен.

«Да, – подумал Машковский. – Настоящий боец! Этот справится, я уверен».

Ему было интересно, кто же таков пластун. В роду Тарусовых все мужчины были пластунами, а он никогда не слышал такого слова. Но чтобы узнать это, нужно было дождаться утра.

Чуть рассвело, он пошел к Тарусову. Кузнец стоял возле кузни с непокрытой головой и смотрел на восток долгим взглядом. На востоке занималась заря, и голая каменная пустыня за лагерным городком, унылая и суровая в своей неприютности, помаленьку окрашивалась алым.

Парнишка-подручный растопил горн, и на пыляющих углях с самого края уже пыхал носиком мятый закопченный чайник.

– Хозяин, чайку не нальёшь? – обратился он к кузнецу, опустив приветствие.

Кузнец с удивлением посмотрел на Машковского и молча показал рукой на верстак, где стояли две кружки. Тут же на обрывке газеты «Перековка» лежали кусочки колотого сахара и пара ломтей хлеба от вчерашнего ужина.

– Надо что? – спросил Тарусов, когда они выпили по глотку крепкого свежего чаю.

– Узнать хочу, – весело отозвался Машковский. – Кто такой пластун?

Машковский заметил, как разом подобрался кузнец, как напрягся телом и посуровел лицом. «Дело моё читал, – понял он. – Подбирается. Что ему ещё?»

– Пластун – бедный человек. У него нет денег даже на лошадь. Пеший казак.

– И только?

– А что ещё? Да и нету больше никаких пластунов, кончились. И казаков нету. Мы все теперь... Как там, Ваня, в «Перековке» писали, – советские люди. Одна дружная семья народов. Только одни уже перековались, а другие не успели.

Кузнец опрокинул на газету пустую кружку вверх дном.

– Давай, Ваня, закладывай заготовку в огонь. Нам наряд выполнять надо.

– Постой, Михаил Сидорович, – остановил кузнеца Машковский. – У меня к тебе важное дело. Через полчаса жду в штабе. Пусть Ваня тебя подменит.

3

Приход московского чекиста смутил Тарусова. Ничего плохого он за собой не числил, а потому не мог взять в толк, что ему надо. Может, какая-то ниточка тянется от этих бандюганов Никольского? Так нет, ничего их не связывало. Или гибель интеллигента из УРЧ, о котором заключённые с уверенностью говорили, будто его убили по приказу отделенческого уполномоченного чекиста? Так мало ли народу в лагере гибнет почти каждый день, он-то тут при чём.

«Ишь, – ухмылялся кузнец. – Пластун его заинтересовал! Я и слово-то это почти десять лет как забыл. Пластун...»

И в памяти возникли горы у Бардусского перевала, и шоссе на Сарыкамыш, за которым залегли турки, когда им дали по зубам казаки. И мороз под тридцать градусов, и снег по пояс. Лежать нельзя, и четвёртый батальон бросили в контратаку. А туркам некуда деться: скатиться с гор они скатились, а забраться обратно как?

Ух, что же там было – в снегу и совершенной темноте! Хрип, вой, выстрелы в упор, звяк шашек, стоны раненых и предсмертный, беспомощный визг умирающих...

Кузнец вспомнил, как выручил урядник их сотни, насадил на штык здорового турка, дотянувшись через его спину в мощном броске. У Михаила застряла в снегу нога, он упал на колени и тут получил бы кривой турецкой саблей по голове. А урядник... Как он благодарен ему до сих пор.

Он был молод тогда, очень силен и излишне горяч. И это был первый его бой. И какой бой! Пластуны... Никогда тебе не узнать, паря, кто такие пластуны. Пластунов отцы растят с младенчества, в пластуны выбирают построже, чем в ваши партячейки.

Так думал Тарусов, неспешно шагая в сторону

отделенческого штаба. Конечно, он знал и про побег, и про преследование, как знали все. И про группу, что шмонала деревни старообрядцев по приказу Никольского. Что можно скрыть в лагере от заключённого?

А сейчас он был доволен этим неожиданным и мимолётным возвращением в прошлое. На минуту почувствовал привычные когда-то ремни на плечах, тупой стук ножен у левого сапога и тяжесть кинжала на поясе.

«Эх, было и прошло. Как всё-таки хорошо!»

И прибавил шагу.

Машковский ждал Тарусова в кабинете Никольского. Лагерное личное «дело» кузнеца он убрал в ящик, чтоб не отвлекало в прошлое. Теперь это было неинтересно.

Кузнец вошел, сел на предложенный стул возле стола и вопросительно посмотрел на чекиста. Четыре последних года своей жизни он прожил в качестве советского заключённого. Этого срока обычно хватает, чтобы уяснить простую истину: в кабинеты начальников зовут не для того, чтобы задавал вопросы ты. Совсем наоборот.

– Спасибо за чай, Михаил Сидорович, – начал Машковский. – В столовой такой не подадут. С утра хорошо взбодриться.

– Был бы человек, а чаю завсегда добудем, – тихо ответил кузнец, давно отвыкший от обращения по имени-отчеству. Он был просто зэк со статьёй №58 УК РСФСР о контрреволюционных преступлениях против советского государства. И ему не давали об этом позабыть.

Они снова замолчали.

– Очень важное у меня предложение к вам. Давайте обсудим. Сутки назад из лагеря совершила побег группа вооруженных преступников. Трех вчера застрелили во время преследования, двое ушли. Ну ушли бы и ушли, но они захватили документы, имеющие важную государственную тайну. Нужно их догнать и документы вернуть. Что вы думаете на этот счёт?

– Ничего не думаю. Что я могу думать? Взвод не догнал, а я догоню, что ли? Есть охрана, их кормят, поят, одевают. Нехай и бегают.

– Взвод с рассветом уже ушел. Но...

Машковский помолчал и жестко добавил:

– ...не догонит. Понимаете, Михаил Сидорович, тут случай особый. Они хорошо вооружены, имеют карту, навыки хождения, запас еды. Прошло больше суток. Нужно не бегать за ними, а выбрать место впереди и встретить. Простой вохровец на это не способен, хоть всех их туда отправь. Тут нужен пластун...

«Опять он за этого пластуна», – Тарусов молча слушал и думал о чём-то своём. Он казался Машковскому безучастным, инертным, да и вид его весь, затрапезный, серый и неприметный, начинал раздражать. «Про того ли бойца я читал в деле, – сомневался Машковский. – Где этот огонь, где удаль? Даже намёков нет. Сварился, что ли, совсем в лагере?»

– У вас карта есть? – неожиданно попросил Тарусов.

Машковский расстелил карту района и стал показывать на ней, где была стычка, куда ведут дороги, расположение озёр.

– Не нужно, – остановил его кузнец. – Мы карте обучены.

Он поводит заскоружлым чёрным пальцем, что-то промышчал в усы и задумался.

– Они ведь пошли вокруг Сегозера слева, тут и дорога есть. А дальше... Обрисуйте, что у них с собой: оружие, груз...

Машковский рассказал о винтовках, нагане и ящике.

– Тяжело. Машину захватят либо подводу. И сегодня к ночи могут быть в Паданах. А там не достанешь.

– Что же делать?

– Вот здесь, – кузнец ткнул пальцем в карту за Евгорой у Сунозера, – мне нужно быть раньше их.

– Почему же здесь? И вот тут место хорошее, и тут узость...

– Я бы пошел здесь. И они пойдут...

Легко сказать «быть раньше». Самолёта у него нет. «Самолёт, самолёт...» Машковский вспомнил слова Никольского, что в некоторых крупных лагерных пунктах охрана имеет свои аэросани. Когда-то пограничники перехватили группу финских разведчиков, прорвавшуюся через границу на таких санях. Сани с самолётным винтом в мастерских Беломорстроя разобрали, изучили и построили несколько точных копий. Они несовершенно, часто ломаются, да и механиков хороших не хватает, но это был шанс.

Машковский поднял трубку телефона и попросил коммутатор соединить с Великой Губой. В посёлке на самом берегу Сегозера принимали со сплава плоты и отгружали древесину на железнодорожную станцию Масельгская.

Великая Губа ответила, и Машковский спросил про сани. «Да, есть, – ответили уныло. – Но не на ходу, ремонтируем».

– Сейчас 9 часов, – строго сказал Машковский в трубку. – К вам выезжает наш сотрудник. К 12 часам ремонт должен быть закончен. Сани с механиком и двумя бойцами поступают в его распоряжение. Под вашу личную ответственность.

– Не нужно бойцов, – сказал кузнец. – Одни хлопоты с них.

Машковский взял чистый лист бумаги и написал: «Податель сего является... выполняет секретное задание... оказывать всяческое содействие...» Бумагу с картой кузнец сунул в шапку. Они прошли в караулку, и Машковский предложил Тарусову выбрать оружие. Выбирать, собственно, было не из чего: винтовка, короткий карабин да револьвер. Кузнец выбирал долго. Он ощупывал каждое ложе, словно мать родное дитя или как слепой вещь, что у него в ходу от рождения. Внимательно смотрел на пенёк мушки, трогал прицельную планку – нет ли люфта, не сбита ли неудачным падением; плавно переводил затвор, заглядывая в патронник – не видно ли коррозионной ржи.

Наконец Тарусов выбрал винтовку со штыком, взял в горсть две-три обоймы с патронами, и они вышли.

– Зачем тебе штык, Михаил Сидорович? – спросил Машковский. – Только лишний вес таскать.

– Штык, он не только для бою, – гражданин начальник, – ответил кузнец. – Он и для балансу утверждён. Со штыком стрельба точнее будет.

Машковский удивился: он никогда не слышал об этом. Даже на закрытых для чужого уха курсах, где его учили самые умные на свете преподаватели и инструкторы.

– Мне бы стрельнуть пару раз, – попросил кузнец. – Надо к винту принохаться.

Они вышли за ворота, поставили на камень рванный башмак, что валялся на дороге, и кузнец дал первый выстрел. Башмак упал.

– Низит немного...

Он выстрелил ещё раз, и снова пробитый башмак свалился на дорогу.

– Лады, – пробурчал довольный кузнец.

В комсоставской столовой Машковский взял буханку хлеба, пару луковиц и шмат сала, завернул в чистую тряпицу и уложил в солдатский вещмешок. Туда же хотел положить запасные обоймы, но кузнец не дал, сунул в карман. В кузнице Михаил Сидорович вынул из-под стрехи длинный кинжал в ножнах. Машковский никогда не видел таких: отполированная поверхность клинка отсвечивала будто зеркальная...

– Год работал, – с гордостью сказал Тарусов. – Цельный год.

У ворот лагеря Машковский приостановился и тихо сказал:

– Ты должен понимать, казак, что на кону твоя и моя судьба. Мне потерю ящика не простят, ну и

тебе жизни не будет – лучше не возвращайся. В живых не оставляй никого, не заслуживают они. Ящик доставь лично мне.

И долго смотрел, как заводят дрезину, как она, неуклюже шатаясь на неровностях рельсового пути, набирает ход. «Часа через три должен быть в Великой Губе, – подумал Машковский. – И ещё час-полтора уйдёт на озеро».

Времени у них оставалось совсем мало.

4

Пока Тарусова мотало в дрезине, он думал о неожиданном повороте судьбы, что свершился в его жизни только что, каких-то час-полтора назад. И было неловко признаться самому себе, что поворот этот ему нравится. Руку холодила студёная тяжесть винтовки, такой привычной в прежние годы, а под бушлатом ощущал жесткое ребро кинжала. Это придавало уверенности. Только тот, кто за долгие годы так сроднится с оружием, как роднятся в долгих походах казаки или солдаты, мог понять его чувства. Будто что-то важное сошлось воедино, и эта полнота наполняет душу тихой радостью и счастьем. «Чего мне ещё не хватает, – думал он. – Рвану теперь куда захочу – кто остановит?»

Тут же пришла другая мысль: а куда бежать и зачем? Чтобы прятаться всякой тени? Он отогнал думу о побеге. «От себя не убежишь, – решил он. – Я ещё послужу, коли пригодился. А там посмотрим».

Дежурный на 14-м разъезде перевёл стрелку на главный путь «мурманки» и прокричал в ухо машинисту: «Через сорок минут пройдёт товарный. Ты проскочи до Масельгской ходом. Только не останавливайся».

В Масельгской загнали дрезину в тупичок, где Тарусова уже ждал патрульный разъезд из двух конных. Поводья третьей лошади кинули Тарусову. Он поправил винтовку за спиной и сел в седло. И снова тело запело от радости: как давно он не сидел в седле! Как всё-таки это было давно!

Аэросани шли по льду споро, но рёв от мотора оказался невыносимый. Тарусову это не нравилось, он страдал: с таким шумом на дело не ходят. На подходе к берегу тронул механика за плечо. Они остановились и сверились по карте. В нескольких километрах за деревушкой Евгора дорога выходила прямо на озёрный берег. Мыс здесь крут настолько, что путник оказывается на ровном, просматриваемом месте неожиданно для себя самого. И обойти невозможно: два озерца посреди огромного болота слева делали этот обход почти невозможным.

Тарусов сошел километра за два от берега. Он указал механику на небольшой островок: «Езжай в Паданы и жди. Запалю здесь костёр, тогда приедешь». «Сколько ждать?» – спросил механик. «Не знаю. Наверное, до завтра». Аэросани умчались вдоль береговой линии в село, а он остался на льду. В ушах стоял рёв, будто водопад гремел. Тарусов присел на корточки и сидел так несколько минут, чтобы уши привыкли к тишине.

За паданской дорогой он сделал петлю километра на полтора к югу и теперь был спокоен: если и проходить к границе, то только здесь. Сама дорога оказалась малоезженная: пара машин, скорее пограничных, прошла за сутки, не больше. Конных следов не было вовсе.

«На военные машины они нападать не станут, не дураки, а другого транспорта и пеших следов нет. Значит, надо ждать», – решил он.

Он выбрал сопочку, с которой хорошо просматривалась дорога и редкий лесок по обочинам, а на макушке угадал место для своей лёжки. Когда-то тут рубили лес, а теперь поднялся мелкий сосняк. Спрятаться в таком лесу невозможно. На мох настелил лапника, подрезал нижние ветви ближайших кустов, а сверху устроил наподобие шалашика – на тот случай, если вдруг посыплет снежок.

Теперь, когда всё было готово, достал хлеб, луковицу и сало и закусил, отрезая по маленькому ломтику то одного, то другого. Сколько ждать? Он об этом не думал. Сколько надо. Он помнил сызмальства: умение выждать – главная добродетель.

К ночи подморозило. Винтовочный ствол на мху, будто крахмалом, обсыпало крупной белой изморози. Тарусов согрелся, поочерёдно напрягая мышцы, вначале снизу вверх: ног, живота, груди и рук, а потом в обратном порядке – раз за разом, раз за разом. Когда становилось чуть теплее, отдыхал и затем начинал снова.

Иногда в дремотном видении к нему приходила мать. Всякий раз картина повторялась. Будто они с отцом возвращаются из похода, а она стоит у тына – такая загорелая, молодая, весёлая. Отец только свесится, бывало, с седла, слегка приобнимет мать и тронет коня дальше, до крыльца. А он обязательно прыгнет на землю и прижмёт её к груди, тёплую и родную. Мама никогда не плакала при встрече, как другие, только светилась тихим женским счастьем.

С десяти лет отец начал брать его в походы. «Механоша» – называли таких сыновей в станице – отцовых помощников. Ух, и трудна эта пластунская наука! Спервоначала-то на тебе костёр да каша, а потом... Что такое «стрельба на хруст», «волчья пасть» или «лисий хвост»? Эти пластунские сек-

ретные приёмы нужно было не только понять, но усвоить и показать своё понятие. А проверяльщики-то были ох, ох, ох!

Тарусов вспомнил, как уже опытного и, как ему казалось, ко всему готового в 20 лет, его проверил отец. Они шли степью, и на одном из курганов отец предложил вроде в шутку:

– Оставайся, слушай сакму, а я уйду туда, – он показал в сторону станичной окраины. – А выйду у тебя за спиной.

Ему и сейчас стыдно за тогдашнюю свою молодую самоуверенность.

– Не выйдешь. Как тут выйти – всё как на ладони...

Отец ускакал, а через полчаса на него налетел станичный табун. Скакали кони, стоял топот сотен копыт, а он никак не мог взять в толк, с чего бы табуну лететь в неурочный час и кто его спугнул. Так стоял, пока сзади не услышал голос отца.

– Что стоишь, пластун хренов! Мать к ужину ждёт...

«Ничего нет случайного в нашей войне, – говорил ему отец. – Думай, думай и думай». Сколько раз помогала отцова наука, если и не побеждать, так оставаться живым. Вот и сейчас он «слушал сакму» – ждал в засаде врага. И, как прежде, лёгкое волнение бродило в крови.

Под утро, когда почти рассвело, услышал далёкий шум тележных колёс на замороженной дороге. Шум приближался. Уже и гулкий тук лошадиных ног различался явственно. Он смахнул рукавом крупу с винтовочного ствола, лёг поудобнее и расслабился. Похоже, наступил его час.

На телеге он увидел четверых. На передке сидел пожилой мужик со связанными впереди руками. Вожжами управляла женщина рядом. Сзади, опершись на зелёный ящик на самом конце телеги, полужёла сидели двое. Они держались по-хозяйски, вольно, на коленях у каждого лежала винтовка.

«Конь хозяйский, не боевой, выстрела испугается и понесёт, – рассчитывал ситуацию Тарусов. – Второй раз стрелять придётся вдогон». Но получилось иначе. Конь остановился, взвился от неожиданности на дыбы, аж оглобли задрались к небу, и рванул в галоп, унося с собой связанного мужика и женщину. Ящик и этот второй с винтовкой свалились на дорогу вслед за убитым. В следующую минуту, стоя на коленях, второй крутил головой: пытался понять, откуда стреляли. Сообразил, упал за ящик и открыл огонь по сопочке.

«Ну, постреляй, постреляй, – подумал Тарусов. – Я помогу».

Он положил вещмешок на шалашик так, чтобы виден был с дороги, и отполз вниз по склону к са-

мому основанию сопочки. Потом стремительно переместился влево к дороге и залёг на бровке. Отсюда он видел не только ящик, но и торчащие ноги в сапогах, и даже место, на котором только что сидел их обладатель.

Второй бандит из-за ящика продолжал раз за разом пулять по сопочке, целя, видимо, в вещмешок кузнеца. Но ответных выстрелов не было. И он осмелел, приподнялся, потом встал и задом, задом, держа винтовку наизготовку, стал отступать к придорожным кустам. И как только дошел и повернулся, чтобы нырнуть в кусты, Тарусов ударил его между лопаток...

Ящик в трёх местах оказался окован светлой металлической полоской и снабжен бумагой с печатью уполномоченного НКВД второго Отделения БелБалтЛага. Бумагу узкой лентой приклеили так, как опечатывают дверь в квартиру арестованного: незаметно не откроешь. Чтобы удобнее нести, к ящику приторочили лямки от солдатского вещмешка.

Тарусов взял удостоверение Никольского, наган и пухлую полевую сумку. В нагрудном кармане подельника нашел командировочное удостоверение в погранзону, срок которого истекал завтра. Он взвалил всё это трофейное добро на себя, подцепил на руку три винтовки и помаленьку пошел к дальнему островку на озере.

5

Машковский встретил кузнеца у ворот лагеря хмурый и чем-то озабоченный.

– Спасибо тебе, Михаил Сидорович, выручил.

Когда суета вохровцев вокруг трофеев стихла и они остались у ворот одни, Машковский добавил:

– Я до ночи съезжу в Медвежку, а ночью у нас ещё одно дело. Я приду. Жди.

Тарусов нащупал под бушлатом спрятанный от лагерной охраны кинжал и пошел в кузницу. Он хотел горячего чая. Он привык к нему за годы жизни в этой стылой и неприятной Карелии. Никакие дела его больше не интересовали.

Кузнец не знал, не мог знать, что, пока ходил в рейд за Сегозеро, с Машковским случилась непоправимая беда...

После обеда Машковского вызвали в штаб к телефону. Дежурный доложил:

– Звонили с Лубянки. Очень важно. Просят быть у аппарата через полчаса.

Машковский приказал переключить вызов на кабинет Никольского и запер двери. «Что всё это может значить? – думал он. – Срочно отзывают в

Москву? Новая загранкомандировка? Или что-то с отцом?»

В трубке услышал знакомый голос. Звонил Паша Суржицкий:

– Володя, слушай внимательно, времени у меня нет, – в голосе однокурсника звенела тревога. – Слуцкий умер, отравлен, комиссар второго ранга арестован... – Паша замолчал, подбирая слова. – И ещё. Твой отец с мачехой у нас. Принято решение за тобой не посылать, ждать в Москве. Это всё. Володя, хорошенько подумай, прошу тебя...

Он хотел переспросить, возмутиться: как это отравлен, как это арестован?! Вот так просто: начальник Иностранного отдела и руководитель всей госбезопасности страны? Почему схвачен отец? За что арестована молодая аспирантка?

Но спрашивать и возмущаться было поздно: в трубке исходил треском коммутатор.

Такого удара он ожидать не мог! Никак не мог...

Машковский вышел из штаба и стал бродить вдоль лагерного периметра, пытаясь прийти в себя, собраться с мыслями.

«Кто же я теперь? – размышлял он. – Пособник бандитов! Да, именно пособник. Они тут грабили, а я приехал забрать награбленное. Договорились заранее. Только одного этого достаточно, чтобы утопить всех – и комиссара, и себя, и отца. И я ничего и никому не докажу. Это конец...»

Нужно уходить за границу, пришла неожиданная мысль. Спрятать ящик до поры и уходить. Но куда спрятать?

Он не заметил, как вышел за ворота и оказался возле стройки. Работы завершались, и хотя пропагандистский шум прошёл, сделать предстояло ещё много: работали круглосуточно. Внизу у подножья будущего шлюза услышал громкий разговор. Кто-то кого-то увещевал, затем увещевания переходили в крик, сдобренный крепкими словами.

Машковский заглянул вниз. Начальник смены распекал бригадира бетонщиков за брак. Они стояли возле странно изогнутой громадной трубы из бетона. Труба начиналась у основания и уходила в другой котлован, что был ещё ниже первого. Машковский спустился по трапам и подошел.

– Смотрите, гражданин начальник, что делают! – кричал начальник смены. – Мы ему ударника хотим дать, а он...

На стенке трубы виднелась большая раковина-каверна. Видно, опалубку сколотили небрежно и бетон просто вытек. Сменный взял черенок лопаты, просунул в каверну и дна не достал. Бросил черенок наземь и снова заорал:

– Собака, саботажник, филон! По твоей милос-

ти ещё три дня ждать, пока бетон схватится! Сроки... темпы... да я... да мы...

Машковский попросил пояснить назначение трубы. Сменный успокоился и рассказал, что это водопроводная галерея. Вода по ней пойдёт из одной камеры в другую. А проблема состоит в том, что отремонтировать её почти невозможно: и верхний и нижний концы всегда под водой, не доберёшься.

«Вот, вот где нужно спрятать ящик, – сразу решил он. – Да, только здесь».

Он приказал сменному подобрать трёх толковых бетонщиков с инструментом для работы в ночную смену. И найти прочную чугунную плиту, которую замуруют в качестве крышки, чтобы наверняка устранить это безобразие.

– Я приду и проконтролирую работу лично, – сказал он начальнику смены.

Среди ночи кто-то легонько тронул кузнеца за плечо.

– Вставай, Михаил Сидорович...

Кузнец в барак не уходил. Различные штурмы, прорывы и декадни на строительстве были обычным явлением, и кузнец мог понадобиться и в ночь, и за полночь. Рядом имелась крохотная пристройка с топчаном и столиком, там и спал.

Кузнец поднялся, затеплил лампу.

Машковский расстегнул полевую сумку и достал бумаги. Он выложил на столик новенький паспорт на имя Тарусова Михаила Сидоровича и удостоверение ударника Белморстроя с красной полосой по диагонали на то же имя. Сверху положил тяжёлый рубиновый знак в виде флага. Затем развернул отпечатанный на машинке лист и прочитал: «...подлежит досрочному освобождению с восстановлением в гражданских правах в связи с зачётом рабочих дней и ударной работой...»

На другом листе значилось, что Тарусов М. С. назначается на должность кузнеца 5-го разряда в качестве вольнонаёмного с окладом содержания согласно штатному расписанию. Здесь же была приписка: «по завершении работ по строительству объекта передаётся в штат шлюза №... для продолжения работы в той же должности».

Последняя бумажка из сумки Машковского и вовсе чуть не добила кузнеца: «За ударный труд премировать кузнеца Тарусова М. С. кожаными сапогами и отрезом на костюме на общую сумму...»

– Документы сам отнесёшь в штаб завтра с утра, – строго сказал Машковский, чтобы привести в чувство оторопевшего кузнеца, душа которого ликовала. – Скажешь, я приказал. А теперь пойдём.

Они вынесли ящик и тихо прошли на объект. Возле галереи крутились трое рабочих, а в раст-

ворном ящике уже парил и перекачивался густыми волнами готовый раствор. Машковский спустился в котлован:

– Где чугунная крышка? Подогнали?

Чугунина была готова: она входила в углубление так, что оставалось место, чтобы положить слой прочного бетона сверху. Машковский приказал всем троим идти в барак на полчаса, погреться. А потом сразу сюда. Затем с Тарусовым они взошли по узкому трапу в гулкую черноту галереи. Неровные сполохи света от горящего полена метались по бетонным стенам гигантской бездонной трубы. Они аккуратно вставили ящик в каверну и закрыли чугунной пластиной.

Вот и ладно...

Выбравшись наружу, оба облегченно вздохнули и присели на брёвна. Ночной небосвод распростёр над ними свой иссиня-чёрный и высокий купол. Майские звёзды мерцали в вышине, суля назавтра добрую ясную погоду, которую так ждёшь поздней весной, намаявшись в бесконечной зимней стыни. И отчего-то щемило сердце, как щемит редко и только от большой потери.

– Рано утром уйду: получил приказ, – сказал Машковский. – Ящик пока остаётся, и ты, Михаил Сидорович, при нём караульным. Ни при каких обстоятельствах не оставляй его без догляда. Ты казак и приказ понимаешь. А я приду, жди.

Рано утром в каморке, собираясь в штаб, кузнец услышал, как затарахтела раздолбанным движком лагерная дрезина. Он вышел. Дрезина успела отойти далеко, к самому лесу. Пластуну она казалась теперь маленькой степной полёвкой, что бежит-бежит куда-то по своим маленьким и очень важным делам и нет ей ни до кого дела.

Вместо эпилога

ПАТРИОТ ШЛЮЗА

Настоящим патриотом шлюза считают на канале старейшего работника, почётного ветерана ББК Тарусова Михаила Сидоровича. Из семьи репрессированных, он трудится на судходной трассе уже полвека. Молодым кузнецом начинал он трудовой путь, пройдя все этапы реконструкции и модернизации трассы и передавая своё мастерство молодым рабочим.

Тарусов М.С. оставался на рабочем посту и в суровую годину войны. Старожилы рассказывают, что однажды в одиночку, вооруженный только охотничьим ружьём, он сумел целый час держать оборону от группы диверсантов, пробравшихся

на территорию гидросооружения. Подоспевшие бойцы полка охраны НКВД обезвредили группу. В ней оказались финны и даже один шведский офицер. Все они имели взрывчатку и намеревались взорвать галереи шлюза.

И в трудные годы послевоенного восстановления Тарусов М. С. всегда был вместе с коллективом. Профсоюзные активисты в шутку жалуются, что ветеран систематически нарушает трудовой кодекс – он ни разу не воспользовался предложенной путёвкой в санатории и дома отдыха и даже если и выходил в отпуск, то всегда оставался на шлюзе, отдавая всё своё время любимому увлечению – рыбалке.

В эти дни ветеран вместе с каналом празднует юбилей. Правда, каналу исполняется только полвека, тогда как Тарусову М.С. все 90. Поздравляем Михаила Сидоровича и желаем ему, как и прежде, оставаться на своём боевом посту!

(Газета «Водник Карелии», 1983 год, №24)

ШВЕДСКИЙ КОНЦЕРН НАМЕРЕН ИНВЕСТИРОВАТЬ В РАЗВИТИЕ РУССКОГО ПРИПОЛЯРЬЯ

Сегодня в Минтрансе Российской Федерации состоялась встреча президента крупнейшего в Северной Европе строительного концерна «МАШКОиС» (MASHKO@S) господина Машкова,

на которой обсуждались возможности крупного инвестирования в развитие транспортной инфраструктуры приарктических территорий России.

Как заявил нашему корреспонденту г-н Машков, концерн внимательно следит за планами российского правительства по экономическому и социальному развитию северного и северо-западного «фасада» России. «Мы хотели бы принять участие в этом большом и важном деле, – сказал г-н Машков. – И в качестве первого шага намерены предложить крупные инвестиции в реконструкцию Беломорско-Балтийского канала». Практически оно может выразиться в строительстве в средней Карелии крупного промышленного комплекса, который мог бы стать базой для развёртывания полномасштабных работ по реконструкции судоходной трассы.

Шведский бизнесмен с русскими корнями пояснил, почему в сферу его интересов попал именно ББК. В годы сталинского произвола его отец вынужден был оставить Родину. Весной 1933 года он работал на канале и мечтал вернуться. Здесь он хотел отыскать прежних помощников и завершить одно важное дело. Г-н Машков пояснил, что существо дела составляет семейную тайну. «Папа погиб при невыясненных обстоятельствах, и я хочу исполнить его волю».

Корр. ИТАР-ТАСС, г. Москва. 17 июня 2013 г.

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ

родился в 1947 году,

окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета

и более 30 лет работал в периодических изданиях Карелии.

Член Союза писателей России,

автор очерковых и публицистических книг,

заслуженный журналист Республики Карелия,

лауреат премии Республики Карелия

в области культуры, искусства и литературы 2008 и 2014 года.

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН

г. Петрозаводск

Счастливы́й случай

рассказ

Художник А. Трифонова

— Через неделю — соревнования! Соберите в кулак всю свою волю, работайте сложные элементы обязательной программы выступления. Неделя — это много! Всё можно успеть! Главное — не ударить в грязь лицом перед зрителями! Всё! Тренироваться! — Татьяна Ивановна, тренер по художественной гимнастике, повелительно хлопнула в ладоши и засвистела в свисток, висевший у неё на груди.

Девочки рассыпались по спортзалу.

Алёнка шумно вздохнула. Легко сказать — доработать сложные элементы! А как сделать?

Для Алёнки сложным элементом было сальто — кувырок через голову с разбега. То есть разбежалась она запросто, но, добежав до середины зала, где надо было выполнить этот почти смертельный номер, вдруг останавливалась и, нерешительно взмахнув руками, плелась обратно в угол с надеждой успешно повторить попытку. Но... ничего не получалось. Заметив её беспомощные старания, тренер в сердцах воскликнула:

— Не преодолеешь свой страх — лучше не приходи! Опозоришься сама и опозоришь нашу команду! Судьи приедут из столицы! — Татьяна Ивановна вскинула вверх голову

и многозначительно подняла палец. — Жители города соберутся! Только попробуй подвести нашу спортивную школу! У нас всегда были победы! Рекорды! Медали! А это — первое соревнование в вашей младшей возрастной группе. Не справишься — выгнью! — жёстко закончила тренер и, развернувшись, пружинистым шагом пошла к другим воспитанницам.

Алёнка снова печально вздохнула. Что тут

можно возразить? Может, и правда «заболеть» и просто не пойти на это рискованное соревнование?

... Неделя пролетела быстро. Алёнка на тренировках непринуждённо и красиво выполняла упражнения с мячом, красной атласной лентой, на брусках и бревне. Ей нравилось заниматься под музыку, которая создавала настроение праздника.

Особенно нравилось порхать и кружиться внутри серпантина длинной атласной ленты, который создавала она сама волшебной палочкой во время танца. Для многих девочек именно этот элемент был сложным — они запутывались в ленте, выпускали её из рук или замирали под сердитый возглас тренера:

— Кому медведь на ухо наступил?! Музыку надо не только слушать, но и слышать!

Алёнка слышала музыку, как слышало музыку и её тело — лёгкое, изящное и послушное своей хозяйке.

Но... сальто — сложный Алёнкин элемент — не собиралось даже хоть чуточку стать проще.

Один раз она рискнула, зажмурив глаза, с разбегу встать на руки и... рухнула на спортивный мат спиной. Лежала, распластавшись, с удивлением пытаюсь сосчитать бесчисленные мушки в глазах. Не получилось.

«Ничего у меня не выйдет. Я трусиха и неуклюжая королева», — грустно подумала она про себя. А вечером накануне соревнований решила остаться дома.

В школу было не надо — соревнования назначили на воскресенье. И, счастливая от принятого решения, она безмятежно заснула.

...В воскресенье утром её разбудил звонок в дверь. На пороге стояла улыбающаяся бабушка с тортом в руках.

— Это тебе! Но потом, после соревнований съедим! А то станешь тяжёлой — с брусков ещё свалишься! — бабушка засмеялась. — На соревнования надо идти налегке! Сегодня все идут в городской спортзал! За своих болеть будем! Ну, что стоишь-то? Пора уже! — бабушка, не раздеваясь, подтолкнула Алёнку в комнату. — Собирайся! — весело приказала она.

Алёнка не посмела возразить и молча подчинилась бабушкиному напору.

...В городском спортивном зале стоял оживлённый гул, играла музыка. Родители, бабушки, дедушки и друзья юных гимнасток кричали ободряющие лозунги и приветливо махали руками. Среди зрителей Алёнка разглядела и бабушку — та лучезарно улыбалась и то слала воздушный поцелуй внучке, а то демонстрировала поднятый вверх большой палец как символ Алёнкиного совершенства.

Но вот судьи — восемь человек — заняли свои места парами в четырёх углах спортзала. Под музыку подняли флаг.

Юных гимнасток вызывали группами по четыре человека для исполнения обязательной программы. После выступления судьи на табло показывали баллы для каждой участницы. Из максимальных 10 баллов высшая оценка всех выступавших не поднималась пока выше 7.

Но зрители одаривали участниц щедрыми аплодисментами и криками «Браво!».

Алёнка с волнением ждала своей очереди.

«Провалюсь, — тревожно думала она. — Сделаю всё, кроме сальто. Может, получу 2 балла — худшую оценку, как в школе». Она грустно улыбнулась. Но отступить было некуда.

— Ефремова Елена! — вдруг донеслось до неё, в груди бухнуло сердце.

Алёнка вышла в лучи софитов. Они ослепляли её, поэтому она не видела ни девочек своей команды, ни зрителей.

Раздался резкий звук свистка, грянула музыка. Девочки, словно бабочки, взлетели из своих углов и запорхали в гимнастическом танце, поочередно выполняя упражнения обязательной программы. Вот приблизился момент, когда они снова разошлись по углам зала. И теперь, разбежавшись, вновь должны пересечься в центре, выполнив сальто.

Заиграла другая музыка — Алёнка встала на цыпочки, раскинула руки, запрокинула голову. «Я — птица! — вдруг пронеслось у неё в голове. — А разве птицы боятся летать? Зачем птице кувыряться? Кувыркаются только раненые, подбитые кем-то птицы. Птица должна парить! И радоваться, глядя сверху на мир!» — думала Алёнка. И, не успев до конца додумать эту мысль, в летящем прыжке двинулась

к центру зала. О сальто она больше не думала. Краем глаза она заметила свою волшебную палочку с красной атласной лентой, брошенную небрежно на пол кем-то из участниц.

Алёнка села на шпагат возле ленты. «Я — птица! Меня поднимет этот алый ветер!» — уже стремительно подумала она, поднимаясь пружиной с земли в вихревом кружении атласной ленты. «Главное — слышать музыку!» — вспомнила она наставления Татьяны Ивановны. И дала волю своей фантазии, облетая в причудливом танце трёх девочек, которые выполняли разученные заранее элементы обязательной программы.

Когда музыка стихла, Алёнка сложила руки-крылья, умирив свой атласный ветер и склонив голову в поклоне публике.

В зале обрушился шквал аплодисментов.

«Браво!» — скандировали хором зрители.

Алёнка стояла замерев, не поднимая головы. Потому что она боялась её поднять, чтобы не увидеть своих позорных оценок. Прозвучала фамилия Алёнки.

Судьи подняли табло с баллами одновременно. «Десять, десять, десять...» — восемь раз проговорил голос в рупор.

Алёнка решила, что ослышалась.

Повернула голову вбок — на табло ближайших судей чернели пузатые десятки.

Осторожно перевела глаза — все судьи выставили ей максимальные баллы! Они встали со своих мест и тоже аплодировали вместе со зрителями!

Алёнка заплакала. Отчего — она не знала и сама. Как же так? Ведь она не сумела победить свой страх и выполнить злосчастное сальто! За что её усилия так высоко оценили?

«Какая грациозная девочка!» — услышала она за спиной чей-то голос. «И находчивая!» — добавил кто-то другой.

Из оцепенения её вывели бабушкины объятия. «Вот так мы! — радовалась она, тормоша внуку. — Всех удивили!»

Домой шли весело. «Бабушка, сегодня какой-то счастливый случай! — воскликнула Алёнка. — И почему мне так везёт?»

«Тому везёт, кто сам везёт, — засмеялась бабушка. И добавила, немного подумав: — Каждый день — это счастливый случай!»

□

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН —

главный редактор журнала «Север».

Автор нескольких поэтических книг

и книг прозы для детей.

Лауреат премии президента РФ.

Лауреат международных поэтических конкурсов:

«Золотое перо»-2009,

«Звезда полей»-2010,

«Душа и слово»-2011.

Секретарь правления Союза писателей России.

Координатор Международной ассоциации писателей и публицистов по Северо-Западу.

Сергей Лаврентьевич ДОНБАЙ

родился 22 сентября 1942 года в городе Кемерово.

Автор одиннадцати книг стихотворений.

Публиковался во многих литературных журналах.

Лауреат литературных премий им. В.Д. Фёдорова,

Святого благоверного великого князя

Александра Невского, «Белуха» и др.

Заслуженный работник культуры России.

Член высшего творческого совета
и приёмной коллегии Союза писателей России.

Главный редактор журнала «Огни Кузбасса».

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Сергей
ДОНБАЙ**

г. Кемерово

«Родной язык —

наш промысел живой...»

* * *

Родной язык в нас снова растревожит
И русскую тоску, и нашу прыть.
От первых потаённых чувств «Быть может...»
И до надежды страстной «Может быть!»

Родной язык. Мы все уйдём и сгинем.
Но строчка будет жить, ей хватит сил.
«Скажи поклоны князю и княгине», —
Так Бунин в прошлом веке попросил.

А в детстве кто из нас, как небожитель,
Не отхлебнул из русского ковша
Родной язык — и ангел наш хранитель,
И песня, словно общая душа,

Которую всё реже дарит радио,
Но верещит всё громче на износ.
Родной язык «Не в силе Бог, а в правде», —
В тысячелетье прошлом произнёс.

Народа нет и не было немного.
И гордость, и смирение на лице
Он выразит «В начале было Слово...»,
«Пусть... будет пухом...» — он вздохнёт в конце.

Он узелок на память нам и — затесь,
Он оберег наш и — сторожевой,
Он был и есть, как Бог, без доказательств.
Родной язык — наш промысел живой.

* * *

Месяц по небу морозному
Цокает детским копытцем!
Мальчику братец по разуму,
Девочке — трепетным сердцем.

Снова о детстве целебном мы,
Снова о небе тоскуем
Полуколючком серебряным,
Полу, в ответ, поцелуем.

Небо ночное подковано
Месяцем, словно словечком.
Тоже ль горюет о ком оно
На языке своем вечном.

Кто-то когда-то, наверное,
Чтоб подарить человечку,
Звёздное, с виду смиренное,
Небо привёл за уздечку.

ВОЛЯ

Я родился, вздохнул, задохнулся и ожил.
Этот воздух, который впервые схватил,
Был густым от страданий и пыли дорожной,
Смешан с пеплом и горем отчества был.

И входили в свободном потоке стихии
Навсегда возраст воздуха в тельце моё,
Молодая, морозная сила Сибири —
И снега, и таежные жабры её.

Мама помнит, на сносях картошку копала...
Я не помню, когда у меня неприязнь
Появилась к той части людей, что считала,
Что спесиво считала: земля — это грязь.

Приходилось и поле копать, и могилу,
Череп в руки я брал, отряхнув чернозём...
Верю в землю родную, как в чистую силу!
Жизнь не брезгает смертью — смелее во всём!

Я тонул, но река меня не утопила...
И в награду за этот мальчишеский страх
Мне ловить пескарей без числа разрешила
И всё лето качала на тёплых плотах.

Но и я выручал в свою очередь воду,
Если в чайнике снег разогреть на костре,
То как будто стихии даруешь свободу —
Волю вольную ласковой летней сестре!

Талый чай тяжело закипает, морозно.
И до самой травы снег просел под костром.
Кружка с чаем дымится в ладонях... и можно
Быть счастливым в тайге с этим малым теплом! —

Оттого, что куржак, как живой, розовеет,
Оттого, что вот здесь, как когда-то меня,
Чью-то новую жизнь соберёт и согреет
Воля воздуха, влаги, земли и огня.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

А нас обернуло порознь
И вместе уже не раз,
Глядит сквозь военную прорезь —
Как целится — детство в нас.

И все эти годы мирные
В глубоких тылах страны,
Мы всё ещё эвакуированные
Сиротственники войны.

Отчётливо в детство, в отрочество
Вошла — до сих пор видна —
Как общее наше отчество,
Отечественная война.

* * *

В. Ковшову

Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая серьга
Одиноко над полем висит.

И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.

Николай **КОНЯЕВ**

г. Санкт-Петербург

Книга Вторая
Лихие и святые
девяностые

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.

Федор Тютчев

Глава первая
ВИСКУЛЕВСКОЕ ЭХО ЧЕРНОБЫЛЯ

РЕКЛАМА

Уезжали с Мариной из Ленинграда, а вернулись в Санкт-Петербург...

Такое ощущение, что совсем в другой город приехали.

Возле нашего дома на кинотеатре «Победа» реклама: «Труп мужа очаровательной хозяйки дома. Острый сюжет. Множество эротических сцен. Неизменный хеппи-энд. Смотрите в нашем кинотеатре!»

А рядом другой щит: «Веселая сказка о юной сексуальной принцессе, влюбившейся в плейбоя!»

Люди идут мимо, некоторые оглядываются на щиты с рекламами, но ничего не меняется в озабоченных, хмурых лицах. Словно и не понимает никто, что труп мужа и хеппи-энд не могут состыковаться, как не соединяются между собою слова: юность, сказка, разврат...

Впрочем, это в прежней жизни они не состыковывались, в том Ленинграде, из которого мы уехали в июле...

А в Санкт-Петербурге, в нынешней жизни, нынешней осенью?

Этого не знаем мы, это еще предстоит узнать нам.

17 сентября 1991 года, Санкт-Петербург

* Первая книга «Застигнутые ночью, Дневники человека времен перестройки» Н. Коняева публиковалась в журнале «Север» № 11-12 за 2011 г. и № 1-2 за 2012г.

ПИСЬМО ИЗ ТОЙ СТРАНЫ

Странно читать сейчас приходящие письма...

«Дорогой Николай Михайлович! Несколько раз перечитал вашу прекрасную работу в «Русском вестнике». Размышления о сказовой форме повествовательной манеры Валентина Пикуля мне представляются чрезвычайно глубокими, убедительными и верными. Это ключ к пониманию эстетической сущности Пикуля-стилиста. Ваши наблюдения я активно использую в своей докторской диссертации, активно советую читать статью студентам...

Разговор о Пикуле нужно начинать не путем вдабливания читателю, что Пикуль – патриот, русский гражданин и пр. и пр., а с того, что Пикуль – художник, творец, мастер слова... А уж из этого «вырастают» патриотические пристрастия Пикуля.

В статье Вы назвали мои статьи (в числе других) «серьезными». Спасибо! Но Вы (пишу не из-за личной скромности) пишете серьезнее...

Спасибо за великолепный материал. Он свидетельствует о том, что Вы не только тонкий писатель-стилист, имеющий собственный творческий почерк, но и наблюдательный исследователь, теоретик литературы. Владимир Юдин. Тверь».

Такое приятное, такое умное письмо...

Но как далеки сейчас после августовских событий и статья в «Русском вестнике», и сам Валентин Пикуль, и литературоведение, и студенты...

Все это осталось в той стране, которую мы потеряли, и письмо, кажется, из той страны в нынешнюю и написано.

Просто шло оно слишком долго.

22 сентября 1991 года, Санкт-Петербург

ЧАСЫ МЭРА

Ходил на редколлегия «Литературного вестника».

Планы и разговоры. Слов много, но самый главный разговор о том, как поскорее растратить на жалованья 25 000 рублей, которые выделил нашему «Литературному вестнику» СП РСФСР.

Ведь деньги так стремительно дешевеют!

Отсюда и проблемы – на жалованья много не успеть растратить...

На бумагу потратить? Но бумагу еще купить надо, да и где ее хранить потом. Тоже забота.

Вечером смотрел «Час мэра».

Тут заботы, конечно, другие, но тоже нелегкие...

Анатолий Александрович Собчак, который еще вчера клеймил со всех трибун власти, нынче, как и положено власть имущим, говорит о единении, о мире. И только когда рассказывает, что колхозники не хотят сдавать продукцию за деньги, а требуют товары, такая злоба проступает на лице, что как-то не по себе становится.

Ну прямо комиссар из продотряда, хотя, конечно, и демократ...

Такие вот часы мэра у нас в Питере идут.

30 сентября 1991 года, Санкт-Петербург

РАССТРЕЛ ИГОРЯ ТАЛЬКОВА

В концертном зале «Октябрьский» убит перед выступлением Игорь Тальков¹.

*Листая старую тетрадь
Расстрелянного генерала,
Я тщетно силился понять,
Как ты смогла себя отдать
На растерзание вандалам...*

– пел он про Россию, и песню эту слышали не только в Москве и Петербурге, но и по всей России.

Песня эта и памятник Талькову, и его завещание... В самом деле, вставляя в магнитофон кассету с песнями Талькова, словно бы раскрываешь старую тетрадь расстрелянного поэта:

*Пусть ответят за все Чернышевский и Герцен,
И мечтатель Белинский, и мудрец Карла Маркс;
Пусть ответят и те, что пришли вслед за вами
Вышибать из народа и радость, и грусть,
И свободных славян обратили рабами,
И в тюрьму превратили Великую Русь!*

Слушая песни Игоря Талькова, понимаешь, что предназначение, выполнить которое призван поэт, это не просто слова, а смысл самой его жизни. И именно за исполнение этого предназначения и был расстрелян, подобно герою своей песни, Тальков...

Но что вздыхать? Сам Тальков и говорил, что, когда поэта «отзывают высшие миры», «в лесах их песни птицы допевают»...

6 октября 1991 года, Санкт-Петербург

В ПРОКУРАТУРУ ПРИШЕЛ РЫНОК

Разразился скандал, связанный с публикацией в немецком еженедельнике «Шпигель» стенограмм допросов членов ГКЧП.

Оказывается, стенограммы «Шпигелю» продали работники прокуратуры...

Впрочем, чему же удивляться тут?

Как это пел Игорь Тальков?

*– Послушай, Геш, а как тебе путч:
Подставили дебилов и – в тень,
а Горбачёв-то чист...*

¹ Как потом выяснилось, застрелил Игоря Талькова его администратор Игорь Шляфман, который после убийства эмигрировал в Израиль.

И снова пытаешься понять, что думал В.А. Крючков, инсценируя по указанию М.С. Горбачева переворот? На что при этом надеялся он, председатель Комитета государственной безопасности?

Может, рассчитывал, что его партийные начальники все же не посмеют допустить гибели страны?

Может, и рассчитывал.

Только партийные начальники предпочли собственное спасение – спасению страны... А кое-кому и хотелось разрушить страну, чтобы скрыть следы своих преступлений.

Это ведь не так уж и трудно сделать, когда и в прокуратуру пришел рынок.

8 октября 1991 года, Санкт-Петербург

ВСЕМ СЕСТРАМ ПО СЕРЬГАМ

Вчера были установлены дипломатические отношения СССР с Литвой и Эстонией.

Это, так сказать, для наших демократов...

Вчера же перешедшая на хозрасчет прокуратура Тушинского района города Москвы возбудила уголовное преследование против патриотической газеты «Пульс Тушино».

Это уже для нас, для русских людей.

9 октября 1991 года, Санкт-Петербург

КРЕМЛЁВСКИЕ ЦЫГАНЕ

Поразительно, как нынешнее правительство подозрительно смахивает на цыганок, толпившихся в прежние времена на вокзалах.

– Иди, дарагой, сюда! Покажи руку! Дай рубль, драгоценный! Все расскажу тебе! Ай, какая рука интересная! У тебя крупные деньги, красивый, есть? Не беспокойся, бриллиантовый, я только в руке твои сто рублей подержу! Зачем не веришь мне, яхонтовый?

Минута-две, и уже без денег остался простак, и цыганок нет, растворились в вокзальной толчее.

Опытные люди, разумеется, обходили цыганок, но нынешних мошенников не обойти. Тем более не на вокзале пристают они, а прямо с экрана телевизора лезут в твою квартиру.

– Слушай, дорогой, цены освободим, тебе же лучше будет. Ты, главное, деньги отдай – все товары тогда появятся!

И ведь уже отдали все деньги этим ненасытным мошенникам, нет денег, но не исчезают никуда новые кремлевские цыгане.

По-прежнему сидят в экранах и с перекошенными от вранья лицами уверяют, что они только еще приватизацию сделают и тогда – неужели не веришь, яхонтовый? – тогда совсем хорошо будет!

10 октября 1991 года, Санкт-Петербург

СРУБ

Ровно год назад, когда я приехал в Вознесенье, всю ночь ревели вдалеке судовые сирены. Это искали пропавшего вознесенского кооператора Леденёва.

Тогда нашли его запутавшуюся в кустах моторку, а самого Леденёва, вмерзшего в лед, разыскали только весной.

И вот вчера позвонил вознесенский сосед шофер Олег и сказал, что нашел нам сруб для дачи. Сруб как раз такой, какой мы искали. Надо только поднять на два венца и прорезать окна.

Сегодня поехали с Андреем в Вознесенье покупать сруб...

Приехали рано утром.

Всё ещё было закрыто, но возле переправы уже бродили в разные стороны непохмелённые мужики...

Кое-как натопили дом, и я разложил в боковой комнате бумаги, хотел поработать, но тут пришел Олег.

Я спросил у него, у кого мы сруб покупать будем? – У Леденевой...

– Это того кооператора, который в прошлом году потонул, сруб?

– Ага! – кивнул Олег, подозрительно посмотрев на меня. – Только все разговоры с нею я веду...

– Да я не против! – сказал я. – Просто странно как-то...

Я имел в виду, что ровно год назад, просыпаясь ночью от резких криков сирен, окликавших пропавшего Леденева, я и подумать не мог, что буду приобретать сруб, который Леденев начал строить для себя.

– Ничего странного... – сказал Олег. – Мы же договаривались! Я же тоже должен что-то заработать на этом!

11 октября 1991 года, Вознесенье

ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА

Погода в Вознесенье, какую Бог только, наверное, в конце света даёт.

Тепло, сухо, а листья уже облетели и сквозь разросшиеся деревья видно и соседские дома, и даль реки.

И не знаешь, за что нам такая благодать.

И мысли, словно перед концом света.

Торопливо-суетливые, лихорадочные, но порою ясные, насквозь через всю жизнь.

Нужно написать какую-то самую главную книгу.

О детстве, когда ты был растворен в мире и не ощущал ни боли, ни страха, не напоминал себя, а только весь божий мир, каким он был тогда.

А потом – это где-то в седьмом классе – произошло медленное, неотвратимое осознание самого се-

бя. Тогда и появились и страх, и боль. И главное – постоянное ощущение своей ненужности для других. Неудержимое влечение к женщинам и при этом погружение в одиночество, полное незнание: кто ты такой и зачем, нащупывание себя и пробуждение какого-то бешеного честолюбия.

И еще постоянное ожидание, пока не открылось, что так, в ожидании юности, и прошла юность, так, в ожидании жизни, и проходит жизнь.

Потом как-то смирился, пожертвовал чем-то в себе и всего вроде бы достиг, кроме того, что жизнь уже прошла и ты как бы и не жил.

Вот об этом и надо написать.

Только как написать это, чтобы не превратить всё в унылое повествование, которым несть числа? Не знаю. Может быть, попробовать реализовать это в вознесенской книге: дневник, короткие рассказы-записи, и все время отступления, размышления о себе.

Не знаю.

Знаю только, что уже время – писать эту книгу.

12 октября 1991 года, Вознесенье

ПОСЕЛКОВОЕ УТРО

За минувшие дни мы с Андреем, благо и местные товарищи подсобляли, все выпили, что я привез, все съели. Сегодня ходил на переправу к автобусу встречать коробку, отправленную Мариной.

Холодное утро.

Инеем выбелена трава, выбелены, как мелом, и доски заборов...

Все еще закрыто, но по-прежнему возле переправы уже бродят, как инопланетяне, в разные стороны, непохмеленные мужики.

16 октября 1991 года, Вознесенье

ЛЕСПРОМХОЗОВСКАЯ ЖИЗНЬ

Все это время – разборка леденевского сруба. Заготовка и складирование – штабель за штабелем – бруса и досок для дачи.

Настоящая – водка и кубометры! – лесозаготовительная крутизна, да еще сосед шофер Олег с его – «следующая неделя решающая!» – посулами машины...

Потом в наше леспромхозовское одичание приехала Марина, пьянка пошла на убыль, и наконец отправили первую машину со срубом и брусом.

С машиной поехал Андрей, мы с Мариной весь день прибирали в доме, рассчитались с Олегом и только вечером сели в автобус.

И только в «Икарусе» и сообразил я, что кроме очерка про Николая I для «Игрушек русских императоров», написанного сразу по приезду, ничего больше не написал за эти две недели.

23 октября 1991 года, Санкт-Петербург

ПЕРЕМНЫ ПОСЛЕ ЛЕСПРОМХОЗА

Соседка Наташа, у которой в прошлом году убили сына, решила выступить в суде в качестве обвинителя и уже второй день составляет с Мариной обвинительную речь.

Я эти дни сокращал повесть «Путник на краю поля» про Рубцова для «Севера». После леспромхоза, который мы устроили себе в Вознесенье, литературная работа радостна уже сама по себе.

Вечером завез Евгению Васильевичу Кутузову рукопись для сборника, который он надумал составлять.

У Кутузова сидел Борис Морозов и все рассказывал, что собирается развестись с женой.

– Вам же в обкоме нельзя разводиться...

– Теперь можно... – мутновато посмотрев на меня, сказал Морозов и, подперев рукой щеку, запел: – На недельку до второго я уеду в Комарово...

– Ничего себе, как порядки изменились... Совсем я в своем леспромхозе от обкомовской жизни отстал.

– Борис уже не в обкоме работает! – сказал, посмотрев на меня, Кутузов. – Он теперь директором крутой фирмы стал...

На это мне и сказать было нечего.

Похоже, что в леспромхозе своем я не только от обкомовской жизни отстал, а вообще от жизни...

25 октября 1991 года, Санкт-Петербург

ВЫБОР

Развал страны уже давно ощущался не на уровне географической метафизики – СССР – а в каждой организации, в каждой семье.

А теперь – и на уровне собственной судьбы, собственной жизни...

Раньше мы знали, что если станешь высокопрофессиональным специалистом, то не пропадешь – и на жизнь заработаешь, и жильё будет. Теперь эта уверенность исчезла, и сразу холодком потянуло во все семьи, и такое ощущение, будто стены квартиры еще стоят, а пол уже поплыл под ногами...

Это почти как у Алексея Максимовича Горького, где: «вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень...»

Мы, конечно, не дикие и не глупые, но ежели вымирать, то какая разница?

И всё это под визгливые разговоры о нравственности, о покаянии.

Такие разговоры сейчас могут вести только сокрушительно-безнравственные люди, но оказывается, что их не перечесать и среди собственных знакомых!

– А почему тогда мы выбрали этих? – спросил у меня приятель, когда я закончил свой монолог.

Мы – это, разумеется, риторика. Но вопрос остается. Действительно, ведь эти победили на выборах!

Правда, можно задать и контрвопрос...

Почему юные, чистые девушки почти всегда и почти безошибочно останавливают свой выбор на самых пустых и безнравственных негодях? И можно рассуждать дальше, что это общий закон. Чем чище, а значит, и неискушенной человек или общество, тем легче обмануть его.

Но, с другой стороны, именно в силу своей чистоты и неискушенности юные девушки выбирают то, чего больше всего как раз у самых пустых и безнравственных негодяев.

Это и нужно им...

А что нужно нашей стране?

26 октября 1991 года, Санкт-Петербург

СНЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Когда сильно устаешь, снятся жутковатые сны.

Впрочем, не снятся. Просто закрываешь глаза – и сразу начинаешь видеть.

И вроде ничего страшного. Люди как люди!

Вот женщина...

Но странно просачивается она сквозь стены, словно нет никаких стен. И становится страшно, когда понимаешь это.

А как только понимаешь, внимание всей нежити сразу обращается на тебя, и тут же понимаешь, что этого-то и нельзя понимать.

Но уже поздно. Пытаешься вырваться из кошмара, а они хватают тебя...

И корчишься, мучительно выбираясь из полусна. И страшно, так страшно, что когда-нибудь не сможешь вырваться, не хватит сил, чтобы вырваться.

Бесы не могут простить тем, кто видел и узнал их, пусть и отшатнувшись, пусть и задрожав от ужаса...

27 октября 1991 года, Санкт-Петербург

СОБЧАКОВЩИНА

Вечером перебирал материалы для очерка об игрушках Александра II и между делом прислушивался к голосам из большой комнаты. Там жена включила телевизор – вместе с соседкой Наташей они пытались узнать, что будет с неотоваренными за сентябрь талонами на сахар.

Вначале долго и совершенно непонятно о чем говорил Собчак.

Нынешние правители захватили власть, ничего не вложив в свою победу, кроме безостановочной ругани КПСС, из которой многие из них и вышли, и, наверное, поэтому и пользуются они властью, как всякой халявой, торопясь насытиться и не задумываясь о будущем.

Вот и Собчак говорил, кажется, и не для того, чтобы объяснить что-то, а просто наслаждаясь звучанием собственного голоса.

О карточках и талонах на сахар он не сказал ни слова.

Зато председатель Ленсовета Александр Николаевич Беляев сразу пообещал, что сентябрьский талон будут отоваривать весь октябрь.

– Ну, слава богу! – обрадовалась соседка Наташа. – Прямо на душе отлегло...

Наташа хоть и работает врачом скорой помощи, но сама человек простой.

Только тут дело не в ней, а в этой гнусной собачковщине, которая до того довела людей, что достаточно объявить об отоваривании талона – и уже счастливы они.

Ну разве в брежневские времена могли наши правители мечтать о таком?

29 октября 1991 года, Санкт-Петербург

ПОЕЗДКА В ПЕТРОЗАВОДСК

Ездил с Мариной в Петрозаводск сокращать «Путника на краю поля» в «Севере».

Очень правильно сделал, что приехал!

Общежития, пьянки, развалины – всё, что составляло пространство жизни Николая Рубцова – оказались подчищенными. Я, конечно, начал восстанавливать это.

– Зачем это? – пытались уговорить меня.

Как это зачем?!

Общежитская неустроенность и развалины церкви в Никольском это и есть та тайная горечь судьбы, что неотделима от поэзии Рубцова.

Восстановили – слава богу! – все, что надо, без ругани, без скандалов...

В редакции меня спрашивали о новостях, но я в последнее время сидел в Вознесенье, занимался срубом и сейчас сам с интересом слушал, что происходит.

События невеселые.

И такое ощущение, что от этих новостей так холодно и темно в Петрозаводске, такой стужей тянет от погрузившегося в неоглядную ночь Онежского озера.

В этот же день вечером сели с Мариной на поезд и поехали назад.

31 октября 1991 года, Санкт-Петербург

НАШ ХЭЛЛОУИН

В Соединенных Штатах Америки вчера праздновали Хэллоуин.

У нас тоже праздник – Верховный Совет РСФСР утвердил новый государственный флаг, триколор, состоящий из белой, синей и красной полос.

– Это, – сказал знакомый, – тоже, так сказать, хэллоуин.

Наш хэллоуин...

1 ноября 1991 года, Санкт-Петербург

ВИДАЛЬ-САССУН

Что ни вечер, по телевизору неперменная реклама: симпатичная девушка в халатике со словами: «Зачем мне брать два флакона, я просто беру ВИДАЛЬ-САССУН, мою голову и иду!» А следом – уже без девушки! – «ВИДАЛЬ-САССУН – салон-шампунь и кондиционер в одном флаконе».

И так каждый вечер между программой «Время» – как она теперь, кстати, называется? – и выпуском новостей «600 секунд». И куда не спрячешься от этой рекламы, не выключишь телевизор, в каждой петербургской квартире гремит по вечерам: «САЛОН-ШАМПУНЬ И КОНДИЦИОНЕР В ОДНОМ ФЛАКОНЕ!»

Правда, противоядие сыскалось-таки...

Уже гуляет по городу анекдот: «Зачем мне шампунь и кондиционер в одном флаконе? Я просто беру шампунь, пью его и иду!»

Это к нашей убогой действительности ближе получается...

2 ноября 1991 года, Санкт-Петербург

В НОВОЙ МОСКВЕ

Первая после ельцинского переворота поездка в Москву...

Когда уезжал из Питера, по дороге достал из ящика номер журнала «Слово» – там напечатана рецензия на наш с Сергеем Носовым так и не вышедший пока «Хронограф».

В Москве, устроившись в Переделкино, поехал в Союз писателей РСФСР.

Улаживал дела с издательством «Дума». Заодно записался – вернее это Сергей Лыкошин меня записал! – в правление какой-то биржи.

Потом поехал в «Наш современник».

Там, в кабинете Станислава Юрьевича Куняева, новый хозяин – Вадим Валерианович Кожин.

Меня это порадовало. Порадовал меня и Вадим Валерианович. Он сказал, что моя повесть «Гавдаря» отмечена премией – за лучшую публикацию года.

Из «Нашего современника» перебрался в журнал «Культурно-просветительная работа», а оттуда – в Центральный дом литератора...

Прочитал напечатанный в «Московском литераторе» свой рассказ «Переворот»...

Не помню, как и добирался до Переделкино из новой Москвы.

4 ноября 1991 года, Москва

НЕУДАВШИЙСЯ ПОБЕГ

Леонид Жуховицкий прочитал мои «Игрушки русских императоров» и предложил напечатать в каком-то своём журнале.

Условие одно – поправить очерки о Петре I и Николае I.

– Не поймут... – сказал Леонид Аронович. – У нас очень определенное отношение к этим императорам.

Потом снова долго хвалил очерки, и я согласился на купюры в очерках.

А вот работа над романом «Неудавшийся побег» опять застопорилась. Начал править третью главу романа, и снова опустили руки – всё надо начинать заново.

Кое-как заснул, но часа через два проснулся от голоса: «Как ты допишешь этот роман, если мир разваливается?» – и все, только затихающие шаги в коридоре.

Выглянул в тускло освещенный коридор – там никого нет.

Только сердце – как будто уходит кто! – колотится.

6 ноября 1991 года, Переделкино

ЕЩЕ ОДИН ПАМЯТНИК ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Указ № 169 от 6 ноября 1991 года «О деятельности КПСС и КП РСФСР» достоин стать памятником нашей демократической мысли.

«Именно на руководящих структурах КПСС, фактически поглотивших государство и распорядившихся им как собственным инструментом, лежит ответственность за исторический тупик, в который загнаны народы Советского Союза», – сказано в этом указе Б.Н. Ельцина.

Но ведь это значит, что ответственность за разруху, за развал экономики лежит и на самом Борисе Николаевиче, поскольку он, без сомнения, принадлежал к самым что ни на есть «руководящим структурам КПСС».

По сути дела, президент сам себя объявил преступником, но – вот оно, казуистическое торжество демократической мысли! – уходит со своей должности куда не собирается.

Впрочем, и наши депутаты тоже под стать Борису Николаевичу.

Кто из них в своих предвыборных выступлениях сулил народу то, за что они дружно голосуют сейчас? А голосуют они за развал страны, за реставрацию капитализма, за полное обнищание народа...

В какой тупик, приняв новое обличье, загонят они вместе с бывшим секретарем обкома КПСС нашу страну?

Страшно и думать об этом...

7 ноября 1991 года, Переделкино

НЕПОДВИЖНОЙ ПЕРЕДЕЛКИНСКОЙ НОЧЬЮ

Сегодня перед сном прочитал в воспоминаниях Евгения Замятина слова Александра Блока: «Отчего нам платят за то, чтобы мы не делали того, что должны делать?»²

Блок произносит эти слова, как пишет Замятин, «глядя мимо, в окно...».

А за окном – «опустошенное ветром, румяное, холодное небо»...

Если соберусь писать обещанную В.В. Кожиную заметку, эти слова и должны стать камертоном, и начать заметку можно так: «Даже в самых фантастических снах ни цензорам, ни сотрудникам КГБ, курирующим литературу, не могло привидеться, что наступят времена, когда писатели, спрятав в столы недописанные романы, начнут клепать детективы и прочую развлекательную литературу».

Не могло... Но именно так и случилось...

Еще как-то безнадежно подумалось, что революции неотвратимы, потому что их невозможно остановить, когда они начинаются.

Тем более в такой стране, как Россия.

Ночью проснулся от внезапно возникшего страха – мир разваливался.

Встал. Подошел к окну. Но не было никакого «опустошенного ветром, румяного, холодного неба».

Тёмной и неподвижной была ноябрьская переделкинская ночь.

8 ноября 1991 года, Переделкино

ВСТРЕЧИ С ОДНОКУРСНИКАМИ

С утра писал роман, а после обеда поехал в Москву.

Встретился со своим однокурсником Володей Козаченко. Он завел меня в церковный магазин и заставил на все деньги купить книг.

Книги ужасно дорогие, хотя, правда, очень хорошие.

Уже в сумерках поехал на Юго-Запад к другому однокурснику – Славе Корде.

Станцию метро со всех сторон облепили кооперативные ларьки. За ларьками обыденно, не обращая внимания на прохожих, бегают гигантские крысы.

Пришел к Корде.

Детей у Корды много, и все похожи на самого Корду.

Так же трудно, как и детей, сосчитать свидетельства на различные зарегистрированные Славой издания.

Ничего, правда, не издается, но свидетельств много, и все они красивые.

Потом шел на станцию и всё расстраивался, как будут жить Корды при рынке.

Потом подумал, что и про себя не знаю, как я буду жить дальше, и как-то сразу успокоился...

9 ноября 1991 года, Переделкино

ПЕРЕМНЫ

Как стремительно нищает жизнь!

Ещё в первые дни заезда сахар в столовой Дома творчества насыпали в сахарницу, а теперь выдают по счету.

Приехал в Переделкино Евгений Чернов.

Он нынче главный редактор в кооперативном издательстве «Талицы».

Привёз первую книжечку из серии «Библиотека современного рассказа», которую выпустило издательство, показал мне и сказал, что издательство может и мою такую же книжку выпустить.

Договорились, что «Талицы» выпустят в этой серии мои «Рассказы старого большевика».

10 ноября 1991 года, Переделкино

В ГУБИТЕЛЬНЫХ СЕТЯХ

В «Литературной России» напечатана статья Татьяны Марченко «В губительных сетях»:

«Похоже, что и впрямь затевается нечто несусветное» – это смутное предчувствие неизбежных перемен становится лейтмотивом новой повести Н. Коняева «Гавдарея»... Эту повесть можно назвать социально-бытовой лишь отчасти, как лишь отчасти является она психологической и даже детективной. Хроника нарушенной в своем привычном укладе заберегской жизни, проходящей под мелодию расцвета и умирания северной русской природы, раскрывает философию существования российской провинции».

Статья хорошая и не придумывающая за автора то, что можно было бы написать, а очень точно подмечающая всё то, о чем я и писал в «Гавдарее».

Все хорошо, все правильно, и всё равно горечь осталась от этой статьи.

Вот если бы «Гавдарея» была напечатана раньше, если бы такие статьи появились раньше!

А сейчас что?

Совсем из другой эпохи звучит она...

12 ноября 1991 года, Переделкино

НОВЫЕ БОЛЬШЕВИКИ

Еще вчера в горле застряла рыбная кость...

Утром проснулся. Вроде бы – вышла кость.

Но нет...

Закурил и сразу почувствовал, что по-прежнему кость стоит в горле, где она и застряла.

² Смена, №4, 1990.

По телевизору сообщают новости: Б.Н. Ельцин утвердил пакет из десяти указов и правительственных постановлений о переходе России к рыночной экономике. Сформировано новое правительство, которое президент сам и возглавил.

В «кабинет реформ» вошли Г.Э. Бурбулис, Е.Т.Гайдар, А.Н. Шохин, А.В. Козырев, М.Н. Полторанин, А.Б. Чубайс, В.Н. Хлыстун, Э.А. Памфилова, В.Б. Булгак и С.К. Шойгу.

Вечером пошел в старый корпус. Там стоит Виктор Калугин, дожидается очереди звонить.

– Рассказы про старых большевиков, – говорит, – засылаем в номер...

Я поблагодарил, а сам подумал, что сейчас пора уже про новых большевиков, из «кабинета реформ», рассказы писать...

15 ноября 1991 года, Переделкино

ВЕЧЕР В ЦДЛ

С утра писал.

После обеда поехал к Володе Степанову в Москву.

Выпили водки, посмотрели его раритеты. Больше всего понравилась чугунная Богоматерь с верстового столба на дороге Москва – Тверь.

Послушал, как они с Фомичевым – молодцы какие! – выпускают свой «Пульс Тушино».

Потом пошли в ЦДЛ.

В ресторан нас пустили, но там мы были единственными литераторами. Вокруг – кавказцы с московскими женщинами, которых называют теперь «тёлками», на столах перед ними заросли коньяка по 170 рублей за бутылку.

Степанов все задирал официанта:

– Скажите, мы из Ленинграда приехали, а вот этот пошел, это, наверное, какой-нибудь великий поэт?

После ресторана расстались в темноте.

Потерялись где-то на улице.

17 ноября 1991 года, Переделкино

ДЕДУШКА, ПАПА И ПЛЕШИВЫЙ ВНУЧОК

Что-то мерзкое, с неприличным душком – в родословных нынешней демократической знати...

Дедушка премьера еще в несовершеннолетнем возрасте командовал полком, о его революционных подвигах до сих пор бродят в Хакасии кровавые легенды. Потом дедушка начал сочинять книги, написал знаменитого «Тимура и его команду».

Но интересно не это.

Прототип знаменитого Тимура, окружавшего тайной заботой семьи фронтовиков, – сын писателя, стал в зрелые годы завотделом газеты «Правда» и дослужился на этом посту до звания адмирала. Должно быть, за отвагу и удаль, с ко-

торыми вел идеологический корабль по безбрежному океану застоя...

И внучонок оказался резвым – в дедушку.

Прямо из редакции «Коммуниста» перебрался он в правительство демократов-рыночников – сделался там чуть ли не премьером.

Славную карьеру Егор Тимурович совершил!

Смотрю по телевизору, с каким азартом этот облысевший внучонок требует от парламента, чтобы цены отпустили, и вспоминаю и дедушку-писателя, водившего по хакасским степям лихую тимуровскую команду, и папу-адмирала из газеты «Правда», и думаю, как все-таки дружно в нашей стране тимуровцы живут.

О том, что они со страной и народом делают, думать совсем не хочется.

18 ноября 1991 года, Переделкино

ЗАВЕРШЕНИЕ РОМАНА

Роман «Неудавшийся побег» завершен, но я продолжаю возиться с ним. Вместо 10 глав по 10 подглавок получается 9 по 9.

Да это и лучше, а то «Стоглав» какой-то выходил.

Идея статьи «Взгляд на литературу, которой нет». Мысль о том, что Б.Н. Ельцина поддерживали не только агенты влияния и прочие ангажированные Западом элементы. Его поддерживала еще и выплеснувшаяся, подобно цунами, амбициозность деятелей культуры и искусства, которую они не имели возможности должным образом утолить в годы застоя.

Придумал книжку «Оборотни», пародию на журналистское расследование.

Она будет состоять из биографий Горбачева и Ельцина, перемешанных со сведениями из жизни оборотней и цитатами из газет.

Этакая страшилка с реальными персонажами.

21 ноября 1991 года, Переделкино

ЗАЩИТНИК

Ходил в Солнцево в магазин и там познакомился с «защитником Белого дома». Обычный пожилой работяга, в лице – никакого следа демократичности...

Звать Иван Степанович.

В «защитники» Иван Степанович попал, когда ребята на заводе рассказали, что у Белого дома спекулянты водкой торгуют не по сорок, а всего по двадцать рублей. Вот и рванул Иван Степанович к Белому дому...

Водку, правда, не купил, настоящие защитники ещё накануне весь алкоголь выпили, но зато записали Ивана Степановича в какой-то список, и теперь стал и он защитником Белого дома.

Отсюда и уважение в семье.

Как-никак демократию защищал, а не какой-то там Сталинград, как некоторые...

Даже зять, который шашлыками на окружной дороге торгует и который терпеть Ивана Степановича не мог, и тот проникся. Частенько, как только удастся жене Ивана Степановича отоварить водочные талоны, заезжает к тестю.

– Ты молоток, папаша! – говорит он Ивану Степановичу. – Я тебя уважать стал, что ты за моё право шашлыком торговать на баррикады ходил. Ты и дальше, папаша, жми в этом направлении!

Иван Степанович смотрит, как исчезает водка, за которой жена три дня в очереди стояла, и кивает зятю.

Но иногда тоска находит.

– А может, того? – говорит он, когда зять уходит. – Может, этого... Может, и не надо было защищать ходить? Чего я, в самом деле, попёрся?

И жена, хотя и нет никого в квартире, испуганно зажимает ему рот.

– Ты что?! – шипит она. – Ты чего языком-то, дурак, мелешь? Не знаешь, что ли, гласность у нас победила?! А ну, марш спать! Завтра надо по-раньше очередь в булочную занять...

И тогда Иван Степанович сразу успокаивается.

Вспоминает, что если не займёшь с утра очередь, то останешься без хлеба, и покорно идёт спать.

22 ноября 1991 года, Москва

САМОУБИЙСТВО ЮЛИИ ДРУНИНОЙ

Перед отъездом из Москвы новость – покончила жизнь самоубийством Юлия Владимировна Друнина.

*Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.*

*Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать...*

– писала она в восемнадцать лет.

Говорят, будто в предсмертной записке Юлия Владимировна написала, что невозможно оставаться такому несовершенному существу, как она, в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире.

26 ноября 1991 года, Переделкино

ПИТЕРСКИЕ ДЕЛА

Первый день в Питере.

Доделал с редакторшей в «Детгизе», превратившемся в «Лицей», свою книгу «Стефан Великопермский». Игорь Ганзенко нарисовал такие прекрасные – в духе древнерусских миниатюр – иллюстрации, что и мой текст как старинная летопись смотрится.

Потом зашел в «Советский писатель».

Как непривычно – когда я работал здесь, никому и в голову не могло прийти такое! – видеть в кабинете директора издательства Татьяну Харыкину.

Харыкина объяснила, что со сборником «Гений местности» издательство – оно теперь называется «Современный писатель» – решило расстаться. Гонорар авторам и мне, как составителю, разумеется, выплатят полностью, но издавать книгу не будут.

Ну, нет так нет...

Забрал рукопись и пошел на заседание бюро группы независимых писателей.

27 ноября 1991 года, Санкт-Петербург

АРИФМЕТИКА ПОБЕДИВШЕЙ ДЕМОКРАТИИ

Вечером вместо «600 секунд» – передача «10 минут».

Вроде бы одно и то же, ан нет – совсем другое.

Выступал в «10 минутах» бывший редактор газеты «Смена» Виктор Югин, назначенный после августовского переворота председателем Лентелерадио.

– Я хочу вас успокоить... – долго и нудно объяснял он. – Я не стремлюсь закрыть программу «600 секунд», пока не будут выяснены правовые отношения, пока эта программа не станет действительно оперативной, информационной, той, какой она была, когда начиналась. Политические игры сейчас очень сложны и опасны, и если ведущий «600 секунд» призывает к тому, чтобы собирать «наших», если он хвалит ГКЧП, извините меня, я не могу допустить этого не только как член Верховного Совета, но и как защитник «Белого дома»³.

Ну что ж? Всё откровенно и понятно.

«600 секунд» + ГКЧП = «10 минутам».

Такая вот демократия. Такая вот арифметика.

И действия в этой арифметике очень непростые.

Лиля Максимова поменяла с Мариной два талона – они с Виктором не курят! – на сигареты. Марина отдала за них две банки сгущенки и полтора килограмма колбасы, и соседка – она курит! – завидует Марине, считая, что та совершила весьма выгодную сделку.

³ Цитирую по публикации в «Вечернем Санкт-Петербурге» за 29 ноября 1991 года.

Еще в этой арифметике те три с половиной часа, которые провела сегодня Марина в магазинах и так ничего и не сумела купить...

28 ноября 1991 года, Санкт-Петербург

СОБЧАК

И ЗДРАВОМЫСЛИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ДВОРЯН

Заходил Николай Николаевич Браун.

Говорил о главе Императорского дома Владимира Кирилловиче, о его праве представлять Императорский дом и о его внучке Георгии.

Выражался Николай Николаевич примерно так:

– Владимир Кириллович имел смелость тайно обвенчаться с женщиной, имя которой вовсе не упоминается в православных календарях...

Особенно мне понравилось, что в ноябре, на второй день визита в нашу страну Владимира Кирилловича, мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак имел телефонный разговор с председателем дворянского собрания А.П. Гагариным и пообещал выправить десять приглашений для «самых здравомыслящих дворян».

Собчак в качестве распорядителя билетов на прием у Владимира Кирилловича – это, конечно, не слабо!

Впрочем, и насчет здравомыслия постсоветских дворян – тоже не слабо сказано.

Когда ушел Николай Николаевич, сел работать.

Написал рассказ «Микромодуль с хреновинкой».

29 ноября 1991 года, Санкт-Петербург

МЕЦЕНАТ

Случилось это на квартире у однокурсницы.

Зашел к ней и пожалел. Такая отчаянная нищета, что самому от тоски выть хочется! И сама однокурсница голодная, и ребенок с голодными глазами.

К тому же и поговорить толком не удалось.

Пришел пьяный брат однокурсницы и сразу принялся о своих кооперативных делах рассказывать, о том, какой он великий меценат. Я решил уйти, но брат-меценат увязался за мною и долго, пока ехали к гостинице, рассказывал, сколько у него денег теперь, и то и дело вытаскивал из карманов пачки сторублевки.

– Гляди! Я теперь всё могу купить!

– Ты бы лучше сестре помог... – сказал я.

– А что?! – обиделся меценат. – Что, я не помогаю, что ли? Да я, если хочешь знать, в прошлом месяце пятьдесят рублей ей подарил!

4 декабря 1991 года, Москва

НОВЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Впервые ехал из Москвы на поезде, который опоздал на целый час.

Днем дикое стояние в очереди за колбасой – двери в магазин, как в Госбанк, четыре милиционера прикрывают.

Вечером, вспоминая лица из очереди за колбасой, написал несколько рассказиков из цикла «Петр I и его птенцы».

Собрал ночью последние рассказы в подборку «Записи последних дней».

6 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

ЭТО ВСЁ О НЁМ...

В сегодняшней «Вечерке» помещена статья «Это всё о нём, о продовольствии».

Оказывается, еще вчера мэр города Анатолий Александрович Собчак провел в Смольном совещание, на котором поделился мыслями относительно того, как накормить петербуржцев.

Идеи необыкновенно глубокие.

«Американцы перестали нас бояться и решили разблокировать свои стратегические запасы продовольствия в Европе, которые хранились там на случай войны с Советским Союзом... – поведал Собчак и сообщил, что на будущей неделе он договорится с представителем президента США о том, сколько и чего мы получим из американских запасов.

Еще Собчак сообщил, что завтра все малоимущие могут получить бесплатно литр молока. Сухого молочного порошка для этого хватает, вот только никак не организовать саму раздачу.

Но замечательно не только это.

Отвлекаясь от хлеба «насущенного», как сказано в газетной заметке, Собчак рассказал народным депутатам, что «13 декабря наш город собирается посетить интересный коллектив: генерал А. Макашов, либерал-демократ В. Жириновский и сотрудники редакции «Нашего современника».

«Визит одиозной компании в наш город накануне либерализации цен, понятно, не случаен! – сказал Анатолий Собчак. – Некоторые силы сейчас вполне могут попытаться спровоцировать вспышку народного возмущения...»

7 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

КТО СПАСАЕТ

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ?

Оказывается, Евгений Васильевич Кутузов, будучи в Москве, пригласил выступить у нас в Доме писателя Станислава Юрьевича Куняева. Станислав Юрьевич, поскольку редакция всё равно собиралась ехать в Питер, согласился. Ну, а Евгений Васильевич свалил связанные с приездом москвичей заботы на меня.

– А с какой стати, Женя, я этим должен заниматься? – поинтересовался я.

– Ну а что я с больной ногой могу сделать?

Ну что тут скажешь, если у нас, оказывается, больше нет никого, а кто есть, так те сверхзвуковыми истребителями торгуют и у них от этого опять ноги разболелись.

И, в принципе, не особенно я и напрягался, только несколько звонков сделал, но все равно от этой мелкой организационной возни раздражение такое поднялось, что уже и работать расхотелось.

Включил телевизор, а там по ленинградскому каналу передают интервью с шефом питерского управления КГБ, которое теперь Агентством Федеральной безопасности называется, – Сергеем Вадимовичем Степашиним.

– Национал-патриотизм, – сказал Сергей Вадимович. – Вот наш главный враг!

Не американцы, не натовцы, не те негодяи, которые СССР развалили, а русские патриоты главными врагами в бывшем Комитете государственной безопасности стали, почти как во времена Феликса Эдмундовича Дзержинского...

И как-то утихла злость и на Евгения Васильевича Кутузова, и на приглашенных им гостей.

Пока такие заявления делаться будут, не повернется язык подальше послать наши патриотические затеи. Можно сказать, что подобные Степашину господа и являются движущей силой патриотизма.

9 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

ЗАБОТА

В восемь утра встречал гостей из «Нашего современника».

Приехали Станислав Куняев, Володя Бондаренко, Надя Мирошниченко...

Отвели их с Кутузовым в гостиницу.

Слава богу, гостиница хорошая, номера отдельные.

Посидели в номере у Куняева, потом Куняев уехал на выступление, а мы с Кутузовым пошли в Литфонд.

Вечером Куняев и Бондаренко пришли ко мне.

Из наших был только Сергей Носов.

Говорили о Некрасове, о его стихах, Станислав Юрьевич рассказывал, как ему дорога поэзия Некрасова.

Потом припёрся Гена Муриков, принёс мне гонорар за №1 «Литературного вестника», малость побузил, задирая Куняева, но скоро заснул на диване. Станислав Юрьевич заботливо прикрыл Мурикова №1 «Литературного вестника», который тот подарил ему.

Я прямо до слёз умилился заботе Станислава Юрьевича о своём коллеге-редакторе.

Вечер продолжался.

11 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

ВЕЧЕРА И НОЧИ «НАШЕГО СОВРЕМЕННОГО»

Опять сидели в номере Станислава Юрьевича, а потом пошли в Дом писателя.

Анатолий Александрович Собчак в «Вечерке» так перепугал народ приездом «Нашего современника», что мы едва протолкались через толпу перед Домом писателя.

И сразу – на сцену.

Блестяще выступал Володя Бондаренко. Хорошо – Глеб Горбовский и Станислав Куняев. Я читал рассказ «Переворот».

Вечер удался на славу, и мы пошли в гостиницу отмечать эту победу, так что вечер плавно перетек в ночь.

До четырех утра отмечали.

12 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

ЦЕНА ВОПРОСА

Появилось модное выражение «цена вопроса».

3 декабря Внешкомбанк СССР приступил к свободной продаже долларов по курсу 99 рублей за 1 доллар США.

Но на следующий день Президент РСФСР Б.Н.Ельцин заявил о признании независимости Украины, а 8 декабря в правительственной резиденции «Вискули» под Брестом Борис Николаевич Ельцин (Россия), Леонид Макарович Кравчук (Украина) и Станислав Станиславович Шушкевич (Белоруссия) подписали – это, пожалуй, почище взрыва Чернобыля получилось! – соглашение о создании Союза независимых государств (СНГ)⁴.

Курс рубля по итогам торгов валютной биржи Госбанка СССР на 10 декабря 1991 года сразу сократился к 170,1 рубля за 1 доллар США.

Это, видимо, и есть та цена вопроса, которую надобно нам платить за вискулевское эхо Чернобыля.

Только разве это вся цена вопроса?

13 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

В ПРЕДДВЕРИИ КАТАСТРОФЫ

Грустно, когда думаешь о том, как легко удаётся в нашей стране оболгать кого угодно и что угодно... Грустно, что народ и слушать не хочет, когда ему говорят правду. Одним эта правда невыгодна, другим – неинтересна, потому что у них своя правда, третьим вообще наплевать на всё, и на правду в том числе.

Разумеется, когда-нибудь и первые, и вторые, и третьи обязательно поймут, что нельзя из-за сегодняшних, сиюминутных выгод позволять лгать на свою страну, увидят, что своя правда

⁴ «Я почувствовал сердцем – большие решения надо принимать легко», – будет вспоминать в «Записках президента» Б.Н. Ельцин.

нисколько не мешает другой правде, поймут, что все, что происходит в стране – важно для всех, кто живет здесь.

Поймут...

Только ведь поздно будет, а главное, это понимание придет к каждому в разное время, и даже в минуту величайшей катастрофы так и не сможем объединиться мы...

14 декабря 1991 года, Санкт-Петербург
КТО СБЕЖИТ?

Заходил вчера к Георгию Семенову.

У него приятель сидит, и разговор, как и всюду теперь, о стране, о том, что через год, через десять лет, через двадцать, но наверняка Михаила Сергеевича Горбачева и его сподвижников отдадут под суд, если, конечно, они не успеют сбежать...

– Такова судьба всех наших правителей, – ви- тийствовал Гошин приятель. – Так не бывает ни в Америке, ни во Франции, ни в Германии, но ведь там никто и не правит так, как Михаил Сергеевич Горбачев или Борис Николаевич Ельцин. Что оста- ется делать после такого правления? Только бежать куда глаза глядят...

– Ага! – сказал Гоша. – Как бы нам самим от них бежать не пришлось.

– Ну, это мы, а народ-то не сбежит!

– А где ты видел народ? – спросил Гоша.

15 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Был в Доме писателей на заседании правления нашей новой организации неприсоединившихся писателей.

Какие-то нелепые амбиции, какая-то дележка несуществующих должностей. Тоскливо и совершенно непонятно, что мне здесь делать...

После заседания играл в бильярд с Геннадием Морозовым.

Он все говорил про народ, а я отмалчивался, думал о том, что позавчера спросил у своего при- ятеля Гоша. Он поинтересовался, где это он ви- дел народ?..

В чем-то, конечно, Гоша прав.

Мы ужасающе разъединены. Сейчас каждый из нас думает, как спастись самому.

И вроде бы похвальная самостоятельность, но без умения объединиться в трудную минуту, в пе- реломный для истории момент она оборачивает- ся трагедией.

Конечно, нет ничего зазорного, что весной, ког- да решалась на выборах судьба страны, мы зани- мались заготовкой мясных консервов, чтобы спас- ти стремительно дешевеющие деньги. И ничего это, разумеется, не определяло в судьбе страны...

Но ведь ровно так же думали, так же поступали и другие, каждый придумывал какой-то свой от- дельный от всех путь спасения, а в результате мы не сумели объединиться, не проявили себя как единый народ, и отчасти это и стало причиной развала нашей страны.

17 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

КРУТИЗНА

Хотя Борис Морозов и перешел из обкома в ка- кую-то крутую фирму, но партийные заботы по- прежнему одолевают его.

Сегодня он долго рассказывал про Бориса Ни- колаевича Ельцина, который сам признался, что КПСС была государственной структурой и, зна- чит, разрушение КПСС – это и было осознанным разрушением государства.

Мысль банальная, но Борис, возглавивший ка- кую-то крутую фирму, всё повторяет и повторяет ее, не умея в это поверить.

Вот уж действительно крутизна.

18 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

НЕЗАМУТНЕННАЯ ДУША

Сегодня рассказывали о пенсионерке, которая перед смертью хлопотала, даже в город ездила, что- бы пересчитали ей пенсию...

Но ничего не вышло.

– Не видишь, бабуся, не до тебя сейчас! – ответи- ли старухе в городе. – Демократию спасти надо.

Так и вернулась ни с чем, а недавно, как раз перед смертью, услышала из репродуктора, дескать, нако- нец-то победила у нас эта самая демократия.

– Ну и слава богу! – сказала старуха и, пе- рекрестившись, померла.

И такая невыносимая русская кротость в этом, что выть хочется.

Но за старушку все равно радостно. Чистой уш- ла она, с незамутненной душой...

19 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

УДАЧА

Вчера заходил режиссер Сергей Сельянов.

Похвастал, что повезло, купил в столовой для до- ма стакан сметаны.

22 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

ПРОВоды ГОРБАЧЕВА

Надо было ехать во Всеволожск за продуктами.

Во Всеволожске в магазине у Тани Тамби зас- теснялся, конечно, но там, в коридорах подсобки, народу оказалось больше, чем в торговом зале, а продукты отсюда уносили коробками. Я тоже загрузил свои сумки и ушел.

Вечером смотрел по телевизору последнее выступление Михаила Сергеевича Горбачева. Он сложил с себя полномочия Президента СССР и функции Верховного главнокомандующего и передал право на применение ядерного оружия Президенту России.

Дескать, молодец, Михаил Сергеевич, отдал-таки кнопку. Вот ведь радость – у нашего Ельцина теперь еще и «кнопка» появилась!

Без «кнопки» вид у Горбачева стал совершенно жалким, а речь просто омерзительной. Ни слова не сказал, что развалил такую огромную страну, ни слова покаяния перед народом, который он предал, не произнёс.

И вот уже на куполе Кремлевского дворца спускается Государственный флаг Союза Советских Социалистических Республик, а на смену ему поднимается трехцветный Российский флаг.

Дикторы с сочувствием обсуждают, что пенсия у Горбачева будет 4 000 рублей, охрана десять человек, хотя просил он сто. И вообще – награду нужно ему дать.

Насчет награды я согласен. Михаил Сергеевич Горбачев находился у власти в нашей стране меньше семи лет, но едва ли кто сумел нанести ей больше вреда. Горбачев сделал то, что не могли сделать ни Наполеон, ни Гитлер.

Совсем расстроился.

Но тут позвонил Саша Рыжко (сосед с Моховой улицы), сказал, что пришла телеграмма – 7-9 января вручение премий имени Василия Шукшина.

25 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

ДОСАДА

Утром ходил на киностудию смотреть фильм Василия Ермакова про Учредительное собрание.

На просмотре был и Виктор Правдюк.

Когда обсуждали фильм, он сказал, что несоместимы красный флаг и русскость, что коммунизм он отвергает.

Я не возразил, а просто так заметил, что, в принципе, спорить с этим трудно, только ведь коммунисты 17-го года и коммунисты 90-х – это незнакомые друг с другом люди. И, может быть, потому так яростно и нападали на КПСС наши демократы, что она наконец-то начала становиться русской.

Правдюк согласился со мною, но разговор на этом почему-то и иссяк.

Потом, уже дома, говорил по телефону с Орловым. Он позвонил, что очерк про Александра II ему не понравился. Может быть, предложил он, очерк надо строить на обыгрывании карт... На картах гадают цесаревичу цыганка. Карточные домики, которые любит он строить...

Можно, конечно, и карты обыграть, только при

чем тут игрушки вообще и русские императоры в частности?

Вечером задремал и сразу увидел эпилог книги: игрушки царевича Алексея.

Игрушки, которыми недоиграли...

Игрушки, которые потеряли своего хозяина...

И, как и бывает во сне, все это было очень ярко, очень глубоко, очень значимо. Но проснулся и понял сразу, что словами, пожалуй, все увиденное во сне и не удастся передать.

И так досадно стало.

27 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

ПОСЛЕДНИЙ ХРЯК

Вышли мои «Хряки» в газете «День».

Приятно, конечно, но запоздал Володя Бондаренко с публикацией этого рассказа. Смешно было про борзов, схожих с Горбачевым и Ельциным, писать, когда Горбачев президентом был, а сейчас уже вдогонку получается, а вдогонку какая сатира?

Приходил Сергей Носов.

Принес «Литератор» со статьей «Куняев как зеркало русской контрреволюции» о встрече с редакцией «Нашего современника».

Ходили в магазин с Мариной.

Здесь люди стоят с объявлениями в руках: «Куплю талон №2».

Такой вот, так сказать, реальный сюрреализм...

Вечером по телевизору выступал Борис Николаевич Ельцин. Он просил потерпеть и обещал, что скоро всё наладится.

И лицо такое было, как у «Хряка» в моем рассказе...

Спокойно можно в качестве иллюстрации поместить.

29 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ ГОДА

Вот и кончается девяносто первый, роковой в истории России год, объявленный ЮНЕСКО годом теософки и оккультистки Елены Блаватской.

Словно все темные силы слетелись в Россию, весь год толкались они, торопились всё успеть.

И успели.

22 ноября в Успенском соборе в Смоленске замироточила Казанская икона Божией Матери. Это в белорусской резиденции «Вискули» подписали Борис Николаевич Ельцин, Леонид Макарович Кравчук и Станислав Станиславович Шушкевич соглашение об уничтожении СССР.

26 декабря на последнем заседании Совета Республик Верховного Совета СССР было объявлено: «В связи с созданием Союза Независимых Государств Союз ССР как государство и субъект международного права прекращает свое существование».

По этому случаю, на радостях, что разрушен СССР, а значит, сделано то, чего и Гитлер сделать не смог, Михаилу Сергеевичу Горбачеву присвоили звание «почетного немца 1991 года».

И еще одна новость...

Впервые в этом году уровень смертности в России превысил уровень рождаемости...

30 декабря 1991 года, Санкт-Петербург

Глава вторая УПЫРИНОЕ ВРЕМЯ

ПАТРИОТ И В КРЕМЛЕ ПАТРИОТ

Вся жизнь стремительно превращается в карикатуру.

Наступивший 1992-й год ЮНЕСКО объявило годом Сергея Радонежского.

А рядом, в газете – сообщение о новогоднем банкете в Георгиевском зале Кремля. Заплатив пять тысяч долларов, любой бизнесмен мог провести новогоднюю ночь в обществе правителей новой России.

И вот и получается, что, с одной стороны, – преподобный Сергей, поднявший Русь, чтобы свергнуть татарское иго, Георгиевский зал, символизирующий победы России... А с другой – новые хозяева Кремля, готовые продать за доллары и старую, и новую Россию...

Однако Борис Николаевич Ельцин на банкет не пришёл.

Ходят слухи, что он напился еще до начала банкета.

Такие вот патриотичные поступки наш президент совершает.

– Хочу написать статью, – сказал я знакомому редактору. – Алкоголизм как последнее прибежище русского патриотизма.

– Да? – сказал редактор. – А кто тебе сказал, что Ельцин русский? Ты знаешь, кто у него жена?

– Так я же не про Нину Иосифовну собираюсь писать, а про Бориса Николаевича... А он уже столько водки выпил, что любому русскому патриоту может фору дать. И вот теперь алкоголизм перерождается в нем в новое качество. К патриотизму Борис Николаевич потянулся! Настоящие патриотические поступки под влиянием водки совершать стал...

– Ты думаешь... – недоверчиво протянул редактор. – Как-то странно слушать про патриотизм в нынешнем Кремле...

– Патриот и в Кремле патриот! – отрезал я. – Тут и думать нечего...

2 января 1992 года, Санкт-Петербург

ЭТО ПОКА НЕ У НАС

Как странно ощущать себя не только свидетелем, но и участником крушения цивилизации.

Новогодние праздники проходят под пальбу в Тбилиси.

Это пока не у нас. Вернее, теперь это не у нас... Или – это пока не у нас.

Но все равно... Еще недавно это было бы у нас.

Очень странное ощущение.

3 января 1992 года, Санкт-Петербург

ПОХМЕЛЬЕ

Закончились новогодние праздники...

В Грузии Новый год отметили Гражданской войной, а у нас – гигантская, как раньше за водкой, очередь в овощной магазин.

Здесь еще не поменяли ценники.

Зато в других магазинах – не ценники, а цифры из учебника по астрономии.

Лица продавщиц растерянные и отрешенные. Никто не беспокоит их. Покупатели разглядывают ценники и уходят, ничего не спрашивая.

И просторно, непривычно просторно повсюду...

В столовой – один-единешенек в огромном зале! – сидит какой-то мужик. Еще двое ребят нерешительно топчутся возле кассы.

Закончились праздники.

Наступило похмелье.

4 января 1992 года, Санкт-Петербург

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ

Либерализация цен, а вернее превращение здоровых, способных трудиться граждан России в сборище нищевродов, как-то сразу отодвинула далеко в сторону печали по поводу распада СССР.

Смешно ведь печалиться и лить слезы по поводу отпавших от нас республик, когда самим не на что купить еды.

Да и негуманно как-то печалиться...

– За что мы должны так Украину с Белоруссией ненавидеть, чтобы Гайдар у них такую же, как у нас, жизнь устроил? – услышал сегодня в магазине.

Ужасно тревожно на душе, но надо работать. Когда пишешь, злость уходит, растворяется в тексте, а не копится в тебе, отравляя душу.

И, конечно, надо самое главное делать...

Весь вечер просидел в библиотеке.

5 января 1992 года, Санкт-Петербург

МЫСЛИ В ТАМБУРЕ, ЗАНЕСЕННОМ СНЕГОМ

Сейчас на Новый год, на Рождество показывают множество старых фильмов.

Смотришь эти фильмы и изумленно понимаешь, что почти всё так и было в нашей жизни. Конечно же,

власть не шибко-то разрешалось ругать, конечно же, у евреев были какие-то проблемы с выездом из страны, но ведь народная жизнь не ограничивается еврейской проблематикой...

Главное, что спокойно жилось. Главное, что уверенность была в будущем. А сейчас этого не стало.

Думал об этом по дороге в Москву в занесенном снегом тамбуре.

То ли поезд такой попался, то ли это проводники свой вклад в шоковую терапию решили внести.

6 января 1992 года, Москва

ОСОБЕННОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Уже давно не читал «Литературную газету» и, приехав к Курчаткиным, полдня просидел над прошлогодними номерами.

Ощущение странное. Будто ничего и не изменилось за прошедший год.

Всё то же. И тон всё тот же. Те же – со ссылками на соответствующие статьи УК РСФСР! – требования посадить того-то и того-то.

Демократы у нас статьи Уголовного кодекса не хуже уголовников знают.

Разница только в том, что уголовники сами сидят, а демократы хотели бы посадить всех недемократов.

В этом особенность постсоветской демократии.

6 января 1992 года, Москва

КОМАНДИРОВОЧНЫЕ

Рождество Христово.

Ходили с Мариной в Союз писателей РСФСР получать премию имени Василия Шукшина за книгу «Пригород».

Премию, оказывается, переведут на книжку, а пока я получил командировочные – 192 рубля – от Товарищества русских художников.

Сумма эта – непонятно из какого времени...

Вроде они и больше, чем в прошлом году, но с другой стороны, учитывая, что один килограмм говядины стоит 36 рублей 20 копеек, а один десяток яиц – 19 рублей 20 копеек, то получается, что всего десять «нелиберализированных» рублей и дали в качестве командировочных.

7 января 1992 года, Москва

ИМПЕРСКАЯ ГРУСТЬ

Сейчас разрушен не только СССР.

Гибнет сама наша имперская цивилизация.

Несколько лет изо дня в день мы наблюдали, как Ашоты, Алики, Рубики, которых мы помнили своими приятелями-однокурсниками, превращаются в озверевших армян и азербайджанцев.

И всё это выглядело особенно страшно еще и потому, что мы не были сами очевидцами тех событий, а наблюдали за своими знакомыми как за насекомыми, увеличенными оптикой телеэкранов. У кого-то из нас это вызывало неловкость и недоумение, а у кого-то – злость и раздражение.

Карабах пробудил звериные инстинкты обществу, и, наверное, можно говорить, что СССР уничтожили не только Горбачев и Ельцин, не только ставшие депутатами сотрудники западных спецслужб, но и Карабах.

А вот пугающее московско-питерскую образованщину русское национальное возрождение никогда бы не проявилось так разрушительно.

Ведь объединение в нем осуществляется не по этническому и даже не по культурному признаку, а по имперскому. Территориальные предпочтения в российской православной среде всегда доминируют над предпочтениями родовыми.

И хотя многими сейчас православность не ощущается, не говоря уже о воцерковленности, но она существует в каждом как неясная грусть по утерянному, и грусть эта с течением времени нарастает.

Только эта имперская православность и может остановить гибель нашей цивилизации.

Но именно она пока оказывается не востребованной.

После крушения советской цивилизации имперская грусть так и не объединила нас, каждый живет сам по себе.

8 января 1992 года, Москва

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ В.В. ЖИРИНОВСКОГО

Ходил с редактором «Встречи» Николаем Ивановичем Горбачевым на пресс-конференцию Владимира Вольфовича Жириновского.

На сцене долго играли на балалайке, потом появился сам Владимир Вольфович. Он вёл за руку мальчика лет десяти – сына арестованного в Сургуте и посаженного в рижскую тюрьму заместителя командира рижского ОМОНа Сергея Парфёнова.

Отвечая на вопросы журналистов, Владимир Вольфович время от времени гладил мальчика по голове и приговаривал:

– Скоро твоего папу, Андриан, освободят. И ты будешь жить, Андриан, в Риге. И ты будешь, Андриан, ходить в русскую школу. И в Риге будет сидеть губернатор, и этот губернатор, Андриан, будет русским...

Сделать всё это, по мнению Жириновского, несложно, надо только, чтобы ЛДПР победила на выборах.

– Когда мы придем к власти, Андриан, – объяснял Владимир Вольфович, – Прибалтика не полу-

чит ни грамма нашей нефти и не нужно будет посылать армию. Народы сами свергнут свои правительства, чтобы вернуться в Россию.

Говорил Владимир Вольфович и на другие темы. И особенно много о необходимости союза России с Пруссией.

– Россия не может быть, Андриан, свободной без Пруссии. Пруссия – без России. Четыре государства – Россия, Пруссия, США и Китай – обеспечат мировой порядок!

Сюжет с мальчиком Андрианом привел меня в восторг, размышления о союзе с Пруссией – значительная часть Пруссии в качестве Калининградской области входит в состав нашей страны! – озадачили, а остальные тезисы показались больше похожими на выступление жонглера.

– Мы против демократов только в вопросе границ. Границы должны быть историческими!

– Мы за либерализацию, но позже!!

– Мы за приватизацию, но немедленно!!!

Безусловно, Владимир Вольфович в чем-то схож с Владимиром Ильичом Лениным. С таким же темпераментом выбрасывает он лозунги, рождающиеся конкретной политической ситуацией, и не обременяет себя увязкой этих лозунгов с партийной доктриной.

Но у Ленина всё было подчинено задаче захвата власти, обладания властью, а у Жириновского и лозунги и призывы – только способ привлечь внимание к себе и одновременно уйти от какой-либо ответственности.

Из-за этого в лозунгах Жириновского много крика, но очень мало действия. Критикуя кого-то, Владимир Вольфович никогда не останавливается на конкретном обвинении, а прибавляет к нему еще что-то и еще, не столько дополняя обвинение, сколько уводя разговор от конкретики.

– Собчак преподавал социалистическое право, которого не было. А сейчас он продает, Андриан, наши исторические документы на Запад!

– Буш упал в обморок... – завершая пресс-конференцию, сказал Владимир Вольфович. – Скажи, Андриан, почему Ельцин не может упасть и не встать! Мы сформируем беспартийное правительство. Алкснис будет губернатором Прибалтики. Хасбулатова отправим губернатором в Грозный.

Мальчик Андриан кивал.

Журналисты щелкали затворами фотокамер.

Пресс-конференция завершалась.

9 января 1992 года, Москва

ШТАБ-КВАРТИРА

Володя Бондаренко агитирует написать очерк о Владимире Вольфовиче Жириновском.

Насчет очерка я ничего не решил, но на экскурсию в штаб-квартиру В.В. Жириновского в Рыбниковом переулке мы с Мариной сходили.

Посидели здесь, просматривая папки с вырезками из газет, делали выписки.

Самого Жириновского, конечно, не было, с ним надо специально договариваться о встрече, а в штаб-квартире крутились молодые люди и какие-то разбитные девицы.

И хотя разговоры велись о серьезном: «Мы будем на митинге голодных очередей!», «Ельцин специально уехал!» – но чувствовалось, что эти разговоры возбуждают и заводят молодых людей, как соответствующие реплики на танцевально-музыкальных тусовках.

После штаб-квартиры зашли в магазин церковной книги, встретили там Володю Козаченко.

На фоне нынешних цен – цена на книги пока не увеличивается! – книги – еще вчера такие дорогие! – кажутся почти бесплатными, но Володя на этот раз почему-то не уговаривал меня покупать их...

10 января 1992 года, Москва

УБИЙЦА РУБЦОВА

В поезде не спал и, приехав домой, прилег отдохнуть.

И вот только заснул – звонок...

– Это Людмила Дербина! – сказала телефонная трубка.

– Да... – сказал я и замаялся, не умея спросонок сообразить, что же говорить дальше. Сказать: «Я слушаю вас. Что вам угодно?» – невежливо. Говорить: «Очень приятно...» – язык не поворачивался.

Но Дербина, видимо, к таким заминкам уже привыкла и не обиделась.

– Я с вами судиться буду! – деловито сообщила она.

– Вот как? – заинтересовался я. – А по какому поводу?

– Вы без разрешения использовали мои воспоминания! – сказала Дербина. – Вы нарушили мои авторские права! И вы оболгали меня. Все. Встретимся в суде.

– Ради бога! – сказал я. – Только прошу учесть, что я использовал ваши воспоминания как свидетельство преступника, совершившего преступление. Разумеется, если считаете нужным, подавайте в суд. Это даже любопытно, распространит ли суд авторское право на свидетельства убийцы... А вот насчет лжи я бы вас выслушал. По-моему, о вас, кроме того, что вы убили Рубцова, я ничего особенно плохого не говорю... Я пишу...

Ведь это надо же: говорить об авторских правах на свидетельства о совершенном тобою

убийстве! Можно как угодно относиться к Дантесу или Мартынову, но представить их в подобной роли невозможно...

12 января 1992 года, Санкт-Петербург

НАШ СЮЖЕТ

С утра работал, но в голове неотрывно крутился разговор с Людмилой Дербиной.

К четырём часам поехал на телевидение, чтобы отвезти посылку Александру Невзорову, которую ему в «Нашем современнике» передали.

Долго сидел в редакции НТК-600, ждал, когда – он монтировал передачу! – освободится Александр Глебович.

В редакции много женщин, которые все вместе как-то заторможено влюблены в своего шефа...

Но вот наконец явился и он.

Подошел ко мне, сияя улыбкой, такой великий, но вместе с тем благожелательный к простым людям человек.

Тем не менее я рассказал о разговоре с Дербиной, о том, что она грозит подать в суд за использование в повести о Рубцове ее воспоминаний об убийстве поэта.

Александр Глебович ситуацию просёк сразу.

– Это наш сюжет! – сказал он. – Вам надо молиться, чтобы она подала в суд...

Насчет молиться, чтобы на тебя в суд подали, это не слабее получается, чем авторское право на убийство Рубцова.

Впрочем, это, должно быть, уже мой сюжет.

И пока обдумывал его, напряжение, возникшее после звонка Дербиной, спало...

13 января 1992 года, Санкт-Петербург

ВСТРЕТИМ ЕЛЬЦИНА МОЛЧА

Вчера возле метро мне всунули отпечатанный на ризографе листок – «Обращение к жителям города и области в связи с предстоящим пребыванием Президента РСФСР Б.Н. Ельцина в Ленинграде».

«Товарищи! – было напечатано там. – Ожидается визит Президента РСФСР Б.Н. Ельцина в Ленинград. Точная дата визита намеренно скрывается от народа, чтобы не дать возможности осуществить акции протеста. Возможно, он состоится 14-15 января. Президент РСФСР посадил Ленинград в блокаду. Сегодня 5 млн жителей города имеют возможность испытать на себе и оценить все «достоинства» «нового порядка». Уровень жизни трудящихся Ленинграда упал более чем в 10 раз. Президент РСФСР не оправдал нашего доверия! Вместо расцвета – полный расвал!»

Все это правильно, тут и спорить не с чем.

Но вот дальше: «Жители города и области!

Встретим Ельцина молча! Он едет не к народу! Пусть Ельцин знает: трудовой Ленинград на подачки не разменивается! Зарубежными харчами нас не купишь! «ЛЕНИНГРАДЕЦ» – это звучит гордо!»

Ну что это за призывы и кто же такой смелый выступает с ними?

О! Подписана листовка от имени сразу трех коммунистических партий – Ленинградской организации РКРП, Ленинградской организации ВКПБ, Ленинградской организации РПК и еще от имени общественно-политического объединения «Коммунисты за права граждан».

Столько – право же, матюгнуться хочется! – коммунистических партий, и все для того, чтобы «встретить Ельцина молча!»

14 января 1992 года, Санкт-Петербург

ЦЕНА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Украина объявила Черноморский флот своей собственностью.

По телевидению показали выступление Б.Н. Ельцина на митинге в сборочном цеху Ульяновского авиационно-промышленного комплекса. Борис Николаевич, похоже, уже успел основательно загружаться, и патриотизм так и пёр из него.

– Никто у России Черноморского флота не отберет, в том числе и Кравчук! – твёрдо заявил он.

Но это 9 января было, а сейчас, видно, посадили Бориса Николаевича на диету и по радио передали, что он заключил договор, согласно которому часть кораблей Черноморского флота передаётся Украине, а другая часть пока останется в совместном ведении Украины и России...

Все-таки в трезвом виде защищать интересы страны у него не получается.

Центробанк установил новый курс – 110 рублей за доллар.

15 января 1992 года, Санкт-Петербург

ОХОТА В СТАРЫХ КВАРТАЛАХ

Несколько дней писал рассказ «Охота в старых кварталах».

Необычное состояние – ожидания. По три раза на день хожу смотреть почту. То и дело включаю телевизор, словно боюсь пропустить что-то самое главное...

Такое ощущение, что мы действительно проиграли войну... Такая оглушительная нищета вокруг. Даже Санкт-Петербург сделался вдруг похожим на руины.

И в этих руинах и идет страшная охота...

Но это не страна проиграла войну.

Это нашу страну предали...

20 января 1992 года, Санкт-Петербург

СТЫД

Позвонил художник Гоша Семенов, рассказал, что участвовал в опросе общественного мнения. Спрашивали об отношении к реформам, не испугали ли отпущенные цены, можно ли, по его мнению, выжить при них...

– И что ты ответил?

– А что отвечать? Стыдно же признаться, что я, здоровый мужик, а теперь и себя прокормить не смогу. Сказал, что ничего, выживем как-нибудь.

– Это не нам должно быть стыдно, а тем, кто устроил такое! – сказал я.

– А чего им стыдиться? – сказал Гоша. – У них, небось, и проблем таких нет, чтобы семью прокормить...

21 января 1992 года, Санкт-Петербург

В ТРАМВАЕ

Давно не ездил на общественном транспорте.

Сегодня поехал и удивился. Никто уже не ругает демократов, все ругаются между собой. За те шесть остановок, которые мне надо было проехать, долго кричали о чем-то женщины, потом – «Так и хочется тебе по морде дать!» – начали ругаться мужики.

Ночью смотрели с Мариной кино «Вдовы».

Какое-то ностальгическое ощущение от этого фильма.

Нас не сумели победить фашисты, а демократы всего за несколько месяцев не только разрушили могучую страну, но и народ непонятно во что превратили.

22 января 1992 года, Санкт-Петербург

ЛЮДОЕДЫ В РОЗОВЫХ ШТАНИШКАХ

Великий гуманист Горький очень надеялся, что «вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень»...

Похоже, сейчас мечта Алексея Максимовича сбывается – в газетах пишут о первых смертях от дистрофии в России. Это либерал-рыночник Егор Тимурович Гайдар проводит в жизнь мечту великого пролетарского писателя.

«Российскую экономику невозможно приватизировать за две недели, – сказал он в интервью французской газете «Эко». – И в то же время нельзя ждать еще десять лет, пока будут созданы рыночные механизмы».

Такая вот людоедская философия русофоба в розовых, как выражается Александр Владимирович Ручкой, штанишках...

23 января 1992 года, Санкт-Петербург

**СОКРУШИТЕЛЬНАЯ
БЕЗНАДЕЖНОСТЬ ВРЕМЕНИ**

Когда придет время умирать, умирать надо достойно...

Эта мысль всегда нравилась мне своей простотой и ясностью. Но так было, когда все мы были крепко уверены в будущем.

А сейчас? Былая простота и ясность размываются сейчас. Оказывается, не так-то и просто сохранять достоинство в том мире, где мы оказались. И прежде всего потому, что как-то не совсем ясно стало, что вообще такое достоинство человека.

Нормой жизни становятся предательство и воровство... Подлость теперь объявляет себя добродетелью.

От всего этого возникает ощущение какой-то сокрушительной безнадежности времени...

25 января 1992 года, Санкт-Петербург

ПОМОЩНИКИ

Жить почти невозможно...

Чтобы поспеть за ценами в магазинах – ещё три недели назад килограмм говядины стоил 36 рублей, а сейчас цена выросла уже до 60 рублей! – надо идти воровать. Иначе – погружение в какую-то оглушительную нищету, в которую мы и погружаемся все.

А на экранах – подловато-возбужденные лица политиков, окривевшие от вранья физиономии дикторов...

И вместе с тем такое разнообразие духовной литературы...

Какой журнал ни откроешь – везде про русских святых...

Что это? Разве это светлое шествие наших великих заступников в трудную для нашей страны годину не есть Божие чудо?

Вспомнилось, как минувшим летом я работал над детской книжкой о Стефане Великопермском, вышедшей в серии «Русские святые». Над серией работали тогда и другие профессиональные писатели. Один из них раньше писал исключительно про пламенных революционеров...

Недавно я встретил его в церкви...

Не знаю уж, какая получилась у него книжка, но святой, про которого он писал, явно подтолкнул его на путь спасения души...

Так неужели эти светильники земли Русской, которые засияли сейчас, не помогут нам, как этому писателю, найти правильный выход?

26 января 1992 года, Санкт-Петербург

СТРАХ И БЕССТРАШИЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Интеллигенция предала народ.

Ведь когда соблазняли богатыми западными прилавками, многие наверняка догадывались, что цель перестройки – не благосостояние народа, а личное обогащение. Но ввали, обманывали народ и обманули, привели к власти нынешних «демократов»...

И хотя и получили уже пинок от них, многие продолжают и сейчас вдохновенно восхвалять победившую «демократию». Одни по привычке, другие – от страха.

Ведь если правду сказать, то подумают, что за Россию ты, а это для нашей интеллигенции страшнее всего. В одном нынешний русский интеллигент бесстрашен – нисколько не боится он той жуткой цены, которую придется платить русскому народу за его вранье, за его робость...

1 февраля 1992 года, Санкт-Петербург

ОБОРОТНИ

Приснилось, что попал на какую-то выставку.
Там картина.

Занесенное снегом поле... Перелесок... Сквозящая сквозь черные деревья красноватая полоска заката...

На поле три волка.

Они стоят над обезглавленным человеческим телом. Отгрызенная голова откатилась в сторону, к зрителю.

Я смотрю на нее и просыпаюсь от ужаса.

Это моя голова...

5 февраля 1992 года, Санкт-Петербург

СОВЕТ

Был на редсовете «Думы».

Говорили об издании журнала «Раритет», об издании серии книг «Библиотека кавалергардского полка».

Уже в конце директор «Думы» поблагодарил за интересные предложения и сказал, что собирается выплачивать членам редсовета жалованье по 500 рублей в месяц.

– Я думаю, что 500 рублей это много, – сказал Евгений Васильевич Кутузов. – По-моему, нам хватит по триста рублей... – и он повернулся к нам. – Как вы считаете?

Какая-то пауза возникла. Я молчал. Ира Моисеева молчала. Наконец Глеб Александрович Горышин кашлянул.

– Я тебе совет хочу дать, Женя... – сказал он.

– Какой совет, Глеб?

– Не спорь, Женя, с директором!

6 февраля 1992 года, Санкт-Петербург

ВЫСОКОЕ МАСТЕРСТВО СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Закончил перепечатывать рассказ «Охота в старых кварталах».

Потом пошел на редколлегию «Литературного вестника».

№3, оказывается, напечатали за счет всего одного объявления.

Какого именно объявления, Гена Муриков не говорит, но на редколлегии все долго восхищались этим...

– Это класс!

– Да, это высокое мастерство!

– Да, это настоящая современная журналистика!

– Да, это наша победа!

Диссонансом в этом восторженном хоре прозвучал мой вопрос, есть ли у нас такое же объявление, чтобы напечатать четвертый номер?

– Будем работать! – ответил мне Гена Муриков.

– Всем нам надо работать!

7 февраля 1992 года, Санкт-Петербург

ЗАБЫВЧИВОСТЬ

Приехал в Переделкино.

Здесь уже второй срок живет Коля Шадрунов и уже больше недели рассказывает, что скоро придет Коняев, привезет денег, чтобы оплатить второй срок его переделкинской жизни.

Казалось бы, ничего страшного в этом нет, но когда тебя, едва переступаешь порог, закидывают вопросами: привёз ли ты деньги, чтобы заплатить за Колю Шадрунова, становится как-то не по себе, тем более, что никаких лишних денег я не привёз...

Я успел помыться в душе и распаковать вещи, когда у меня в номере появился Коля Шадрунов.

Только поздоровался и сразу спросил, привёз ли я ему деньги.

– Какие деньги, Коля? – спросил я.

– Ну как же... – Шадрунов даже растерялся, сообщив, что, рассказав всем в Переделкино, будто я ему привезу деньги, мне о своей просьбе он забыл даже и сообщить. – А что же мне теперь делать?

Я пожал плечами.

Коля Шадрунов ещё посидел немного, зачем-то рассказал, что хасиды и бейтаровцы напали на Ленинскую библиотеку, требуя вернуть им книги из фонда Шнеерсона, потом ушел куда-то.

Такой озабоченный, такой забывчивый, такой Шадрунов весь...

18 февраля 1992 года, Переделкино

ДЕМОКРАТИЯ СВОЛОЧЕЙ

Еще в начале этого года в Малом соборе Донского монастыря был совершен поджог. При восстановительных работах случайно обнаружили мощи святителя Тихона (Белавина), патриарха Всероссийского, похороненного здесь в 1925 году.

Торжество обретения мощей, совершившееся 19 февраля, живо напомнило о первых послереволюционных месяцах, когда в полную силу звучал голос святителя, пытающегося остановить большевистский произвол!

И вот прошло несколько дней, и в Москве заключилось что-то непонятное.

Сегодня, как рассказывали писатели, вернувшиеся из Москвы, народ собирался на демонстрацию, организованную «Трудовой Россией», но по приказу Юрия Михайловича Лужкова выходы на станциях метро были перекрыты. Демонстранты прорвали оцепление, начались столкновения с ОМОНОм, есть раненые, убитые.

Лица у побывавших в Москве писателей испуганные. Некоторые из них – откровенные демократы, но и у них сегодня в глазах не свойственная нашим демократам растерянность.

Вечером все собрались у телевизора, ожидая «Новостей».

«Новости» задерживались, долго – минут десять! – показывали, как красиво живут спортсмены на зимней Олимпиаде.

Потом начались «Новости», но весь выпуск оказался посвящен армии. Снова говорили про саперные лопатки, которыми забивали русские солдаты несчастных грузинских женщин, снова рассказывали про майора, который доблестно защищал Белый дом.

Промелькнул вроде бы правдивый сюжет про вертолетчиков, выведенных из ГДР и поселенных в каких-то бараках, но оказалось, что сюжет этот потребовался только для того, чтобы сказать о необходимости реформы армии.

Про события в Москве в «Новостях» не было сказано ни слова.

– Да... – сказал я. – Торжество демократии называется...

– Ага! – откликнулся пожилой писатель из Самары. – Демократии сволочей!

Ему никто не возразил.

23 февраля 1992 года, Переделкино

ИГРУШКИ РУССКИХ ИМПЕРАТОРОВ

Закончил «Игрушки русских императоров».

Книга небольшая получилась, но складная, симпатичная.

Вечером смотрел новости.

В Кремле свои игрушки, там свои книги пишут.

Указом «О поручениях и полномочиях вице-президента РФ» Борис Ельцин «перекинул» Александра Владимировича Руцкого на сельское хозяйство.

Ну, а Егор Тимурович Гайдар назначен министром экономики и финансов.

26 февраля 1992 года, Переделкино

ПОЕЗДКА В РЕДАКЦИЮ

Ездил сегодня в «День».

Ждал Володю Бондаренко и слушал разговоры о том, что Ельцин «перекинул» Руцкого на сельское хозяйство, потому что тот начал вмешиваться в деятельность концерна «Промэкология», созданного ближайшим окружением Бориса Николаевича.

Потом вышел в коридор и сразу столкнулся с Борисом Споровым.

– Ты не в «Литературную Россию»? – спросил он.

– Я никого сейчас там не знаю...

– Пошли, я с редактором тебя познакомлю...

Редактор «Литературной России» Владимир Еременко оказался молодым парнем, он прочитал мой рассказ «Охота в старых кварталах», сказал, что будет ставить его в номер, и попросил сфотографироваться.

Тем временем подошел и Бондаренко.

Сказал, что прочитал повесть «Пока не запел петух», повесть ему понравилась, но в «Дне» ее не напечатать из-за размера...

Возвращался в Переделкино на электричке.

Слушал, как в соседнем купе рассуждают выпившие мужики о назначении Егора Тимуровича Гайдара министром экономики и финансов, и думал, почему меня так остро задевают политические новости, если я понимаю, что гораздо важнее сбереечь сейчас покой и сосредоточенность.

Но с другой стороны, и новости сейчас не совсем о политике, а о народе. И не просто о народе, замутнённом страстями и обидами, что живёт сейчас, а о народе, который был, который есть, который будет...

27 февраля 1992 года, Переделкино

НОВЫЕ СВЕРШЕНИЯ

Позавчера целый день писал фельетоны для полосы «Юный гайдаровец» в «Московском литераторе», а сегодня Егор Тимурович уже назначен первым заместителем председателя правительства России.

То ли для того, чтобы отметить назначение Гайдара, то ли потому, что от вкладов населения из-за инфляции почти ничего не осталось, правительство России наконец-то приняло решение о размораживании их.

Еще отменили ордена Ленина и Красного Знамени.

Непонятные новости из Приднестровья...

Спровоцировав ложный вызов машин дубоссарской милиции, подчиняющейся Молдове, полицейские Молдовы начали обстрел их. Смертельно ранен начальник Дубоссарского отделения милиции майор Игорь Сипченко.

Ночью казаки окружили здание молдавской полиции, и полицейские согласились сложить оружие. Во время разоружения один казак убит, другой тяжело ранен.

А день сегодня теплый, насквозь из солнца день.

В парке, под окном, Саша Сегень со своей женой лепит из снега каких-то мужиков.

Серые, стоят они между черными стволами деревьев.

Куда их столько в нашем парке?

2 марта 1992 года, Переделкино

НИКОГО НЕ ТРОГАЯ

Ездил в Москву.

Полюбовался своей полосой в «Московском литераторе», кое-что поправил.

В ЦДЛ пообщался с Олегом Кочетковым, который всё пристраивает мою книгу про Николая Рубцова. Потом снял деньги в сберкассе.

Потом забрал в метро у Володи Степанова новый номер «Пульса Тушино» с «Записками старого большевика».

Приехал в Переделкино, а там Владимир Куницын с компанией. Толкаются возле бильярдной.

Мне выпало играть в бильярд с Михаилом Евдокимовым. Пока рассказывал ему, как моей жене нравится его номер про мужика, который идет из бани и никого не трогает, выиграл у него партию...

Еще больше мне после этого Евдокимов стал нравиться.

Вечером позвонил Владимир Бондаренко. Предложил выступить вместе с ними на вечере в Театре Советской армии.

3 марта 1992 года, Переделкино

СОН, РАССКАЗАННЫЙ ПО ТЕЛЕФОНУ

Звонила Марина.

Сказала, что ей приснилось, будто я где-то выступаю с Владимиром Бондаренко.

Слышно в телефоне было неважно, и про сон я не разобрал, подумал, что уже объявление какое-то было и Марина это объявление и услышала.

– Ну да, да... – сказал я. – В Центральном доме Советской армии...

– При чем тут Советская армия? – сказала Марина. – Я про сон рассказываю...

Не сразу и объяснились, а когда я рассказал про намеченное выступление, Марина объявила, что по такому случаю обязательно приедет в Москву.

Отговорить ее я не сумел.

То ли совсем плохо слышно стало, то ли не очень и отговаривал я жену...

4 марта 1992 года, Переделкино

ДОПРОС СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Еще когда только заселялся в номер, приехав в Переделкино, администраторша долго извинялась, что предыдущий жилец так и не забрал свои вещи и они – уж извините, пожалуйста! – сложены сейчас в шкафу.

Ну что ж делать.

В номерах в новом корпусе столько стальных шкафов, что и для моих вещей хватило места.

А так в номере убрано было, и только спустя какое-то время начал я обнаруживать следы своего предшественника.

Несколько пустых водочных бутылок на балконе...

Вырезанная из газеты статья о снежном человеке и роскошный билет-приглашение на инаугурацию президента Бориса Николаевича Ельцина в Кремль в ящике письменного стола...

А сегодня перед сном в папке с номерами телефонов Дома творчества нашел листок из школьной тетрадки. На нем – написанное детскими буквами послание.

Я не сразу сообразил, что это письмо моему загадочному предшественнику, оставившему мне пустые водочные бутылки на балконе и билет-приглашение на прошлогоднюю инаугурацию в ящике стола, а когда сообразил, письмо уже было прочитано, и как-то жалко стало забывать его.

Письмо такое:

«Дорогой папочка! Поздравляю тебя с юбилеем, желаю тебе удачи, исполнения всех замыслов, осуществления поставленных тобою задач. Будь решительным и хладнокровным. Хочу, чтобы тебя уважали твои друзья и знакомые, чтобы они почтительно предоставляли тебе слово и, склонив голову, внимали тебе».

Большие и нетвердые буквы не соответствовали серьезному, недетскому тону письма, но так откровенно была заявлена в письме система приоритетов и ценностей, что показалось, будто этот человек материализовался в уже обжитом мною пространстве номера, и хотя я и не вижу его, но он здесь, как снежный человек, которого тоже никто не видит, но присутствие которого – так утверждал автор вырезанной из газеты статьи! – ощущают многие.

Ночью приснился какой-то странный сон про снежного человека.

Дело происходило в 1939 году, во время боев Советской армии на реке Халхин-Гол, где я почему-то работал в особом отделе армии.

Во время наступления на горе Баин-Цаган наши солдаты захватили снежного человека и, приняв за шпиона, доставили в особый отдел.

Присутствовал на допросе и я.

Когда все средства были использованы, я решил показать хранящему молчание снежному человеку найденное мною в папке с телефонами письмо. И ведь прямо в точку попал! Я сразу почувствовал, что снежный человек дрогнул и готов сейчас рассказать всю правду про Бориса Николаевича Ельцина.

– А кто такой Ельцин? – спросил лейтенант, составлявший протокол допроса.

Этот вопрос так удивил меня самого, что я проснулся...

7 марта 1992 года, Переделкино

ВЕЧЕР ГАЗЕТЫ «ДЕНЬ»

Вчера был вечер газеты «День».

Выступающего народа за сценой Центрального дома Советской армии собралось столько, что и приткнуться негде было.

Генерал Макашов, Игорь Шафаревич, Геннадий Зюганов, Александр Проханов, Виктор Ампилов, Юрий Кузнецов, Сергей Кургинян, Александр Дугин...

Ораторы все блестящие. Даже выступление Юрия Кузнецова и то как-то поблекло на их фоне.

Насчет своего чтения не знаю. Особого восторга оно не вызвало. Ну да иначе и быть не могло. Хотя Александр Проханов и предварил мое выступление неумеренными похвалами, но за те минуты, которые мне были даны, просто невозможно оказалось ввести слушателей в атмосферу повести, трудно было настроить на необходимую для восприятия волну.

Особенно, когда это приходится делать посреди наполненных яростью и динамизмом предстоящей революции речей.

Вообще, такое ощущение поначалу было, что не на литературный вечер я попал, а на политический митинг.

Правда, чем дольше я слушал речи, тем очевиднее становилось, что и к политике эти речи тоже имеют относительное отношение. Они не предполагали никакого продолжения, никакого последующего действия и были замкнуты в себе и самодостаточны.

Сегодня мы уезжаем с Мариной в Питер.

После ужина собрали вещи и пошли на станцию.

Когда перешли через мостик, остановились покурить на тропинке напротив сияющего огнями

Солнцева. Такое странное ощущение световой громады, выбревшей в покрытое ночной темнотой пространство земли.

А здесь, в Переделкино, только ночь, только высокое звездное небо, да еще плывет по нему такой молодой месяц, что подмигнуть ему хочется.

11 марта 1992 года, Переделкино

МАТЬ-РОДИНА

Пошли с Сергеем Носовым к директору «Новой газеты» Александру Потехину получать гонорар за опубликованные рассказы и узнать, как движутся дела с нашим «Русским хронографом».

Дела с «Русским хронографом» застряли еще основательней, а гонорары, хотя в газете и опубликовали кучу моих рассказов, оказались такими ничтожными по отношению к нынешним ценам, что кроме возмущения никаких эмоций не оставляли.

Разговор по поводу «Хронографа» и гонораров в кабинете Александра Владиславовича Потехина и происходил.

Раньше он первым секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ был, и директорский кабинет от той работы остался вместе со множеством статуэток и всевозможных памятных сооружений, преподнесенных обкому ВЛКСМ различными делегациями. Как и улыбчивая невозмутимость Александра Владиславовича, превратившегося из комсомольского вождя в директора-капиталиста.

Весело похотывая, слушал он мои жалобы.

– Я вот что сделаю! – возмущенно сказал я. – Я эту статуэтку у вас унесу в счет гонорара!

Думалось мне, что тут-то и дрогнет комсомольское сердце Потехина, ан нет!

Похотывая, Потехин выскочил из-за стола и собственноручно снял со шкафа бронзовую статуэтку памятника «Мать-Родина».

– Бери! – сказал он.

Я взял. Прикрывая статуэтку полой пальто, вынес «Родину-Мать» из бывшего обкома ВЛКСМ.

12 марта 1992 года, Переделкино

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ ВЕЛИКОГО ПОСТА

На прошлой неделе на митинге оппозиции у памятника Пушкину в Москве пытались, как и положено на Масленицу, сжечь чучело Бориса Николаевича Ельцина, но милиция помешала этому, организаторы митинга вместе с чучелом были доставлены в отделение милиции.

А сейчас, после Прощеного воскресенья, первая неделя Великого поста и новости соответствующие.

Введены в оборот банковские билеты достоинством в 1 000 рублей.

В Чечне принята Конституция, согласно кото-

рой республика объявлена «самостоятельным суверенным государством».

14 марта 1992 года, Санкт-Петербург

«ГЛЯДЯ МИМО, В ОКНО...»

В прошлом году мне попались воспоминания Евгения Замятина, где приводятся слова Александра Блока: «Отчего нам платят за то, чтобы мы не делали того, что должны делать?»

Блок произносит эти слова, как пишет Замятин, «глядя мимо, в окно...».

А за окном – «опустошенное ветром, румяное, холодное небо»...

Сказанные в восемнадцатом году слова Блока, кажется, напрямую обращены к нам, живущим в России в марте девяносто второго.

Все повторилось.

Снова, как семьдесят с лишним лет назад, интеллигенция предала свою страну, помогла нечестным политикам одурачить народ и бросила его, чтобы самой же – это не ирония судьбы, а жестокая закономерность! – стать первой жертвой антинародного правления.

Еще не все из нас догадываются (а многие и не хотят догадываться), что 23 февраля уже провело между нами черту и по одну сторону оказались те, кто с искривившимися от лжи лицами продолжают с телеэкранов дурачить народ какими-то мифологическими социологическими опросами, те, кто воспевают на страницах вчера еще таких либеральных изданий палачей и садистов правительства «народного доверия», а по другую сторону те, про кого писала Анна Андреевна Ахматова: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был...»

В «Московском комсомольце» недавно напечатана заметка: «Любовь Семеновна (*фамилия ее почему-то не указана автором. – Н. К.*), жена батальонного замполита, «ласковая и взволнованная», сказала своему супругу, вернувшемуся после избития демонстрантов: «Эх, мало вы этому хулиганью врезали...»

Я цитирую эту заметку только потому, что именно в «Московском комсомольце» набирала ход несколько лет назад весьма шумная кампания так называемого «покаяния»... Так называемого – потому что к настоящему покаянию оно не имело никакого отношения, и публикация нынешнего отчета о разгоне демонстрации лучше всего доказывает это.

Нет нужды множить подобные примеры.

Ими сейчас – увы! – забиты страницы «демократических» изданий. И говорю я об этом, чтобы показать внутреннюю пустоту и лживость идеологии, позволившей захватить власть в стране нынешним правителям.

Сейчас уже совершенно ясно, что у нас украли не только уверенность в будущем, не только могучую и прекрасную страну, но и саму нравственность.

Нравственные категории, которые казались незыблемыми и непререкаемыми даже в самые страшные годы, за годы перестройки наполнились ложью...

Покаяние необходимо. И, может быть, прежде всего необходимо покаяться, что вольно или невольно, но мы тоже способствовали победе антинародных сил...

Сейчас почти не появляется заметных литературных произведений. Наверное, даже в счастливом, эйфорийном возбуждении идеологи застоя не мечтали, что наступит-таки время, когда писатели бросят заниматься своим делом и примутся за сочинение коммерческой литературы.

Но это произошло...

Эти немыслимые мечтания людей, стремившихся удушить литературу, начинают сбываться. И как тут снова не вспомнить слова Александра Блока: «нам платят за то, чтобы мы не делали того, что должны делать».

Но всё-таки, хотя да, именно за это и платят, причина кризиса, переживаемого литературой, еще и в другом... Жуткий, мучительный стыд переживают сейчас многие из нас, понимая, что и наш вклад есть в восторжествовавшей идеологии.

И, может быть, этот стыд и есть то истинное покаяние, о котором еще недавно так любили толковать «демократы». И, может быть, как раз из этого настоящего покаяния и родится новая, великая русская литература.

Конечно, как мы это видим сейчас, новые власти не особенно-то и церемонятся с интеллигенцией. И вполне возможно, что они просто не дадут времени поднять голову отечественной словесности. Но все равно хочется верить, что наша литература сможет вернуть утраченное ею уважение народа.

Сегодня никто не сможет назвать претендентов на вакантные места Шолоховых и Булгаковых. Но писателей, которые ясно осознали необходимость разоблачить и высмеять лживость и пустоту демократической демагогии, уже немало. И это, может быть, сейчас самое главное.

Напрасно демократические демагоги пытаются внушить, что якобы к власти пришли «не те» демократы, а вот ежели придут «те», то всё пойдёт хорошо. Нет, к власти пришли люди, которые не желают считаться с интересами народа, и пришли потому, что они были куплены и служат сейчас не своей стране, а абстрактной «мировой цивилизации».

И в этом они ничем не отличаются от демократов, оказавшихся сейчас почему-то не у власти.

Замена ничего не изменит. Народ будет бедствовать, а страна гибнуть, пока интересы ее не начнут представлять люди, для которых ее интересы и есть самое главное...

А демагогия о правах человека, когда у этого человека отнимают самое главное его право – жить в своей стране, быть сытым в своей стране, быть уверенным, что в этой же стране смогут жить его дети и внуки, – должна быть разоблачена. И разоблачить ее надо хотя бы во имя будущего, хотя бы во имя того, чтобы не смотреть потом в «опустошенное ветром, румяное, холодное небо»...

15 марта 1992 года, Санкт-Петербург

ИНТЕРВЬЮ БУРБУЛИСА

Вечером смотрел по телевизору интервью нашего «госсекретаря» Геннадия Эдуардовича Бурбулиса.

Журналист, который вел интервью, самого главного вопроса: «А кто вам дал право менять всё?» – так и не задал, хотя этот вопрос напрашивался.

– Кто бы ему разрешил интервьюировать Бурбулиса, если бы он такие вопросы задавал... – успокоила меня Марина.

Тоже правильно.

16 марта 1992 года, Санкт-Петербург

РАЗГОВОРЫ, ЗАБОТЫ И ПИСЬМА

Никто не шлет денег.

Где-то болтается тысяч десять, а где?

Неведомо.

Позвонил в «Север». Собирался поскандалить, но вместо этого какой-то неожиданно хороший разговор с Олегом Тихоновым получился.

Он сказал, что моя повесть о Рубцове «Путник на краю поля» получила самую высокую оценку на межобластной редколлегии, как по духу, так и по сути.

– Вы с Балашовым сделали наши первые номера. Спасибо. А сейчас над чем работаете? Что пошлете нам?

Я рассказал про «Семейную хронику».

И как-то так заинтересованно Тихонов меня слушал, что я сразу же, повесив трубку, и начал писать повесть.

И только потом вспомнил, что так и не спросил Тихонова о деньгах.

17 марта 1992 года, Санкт-Петербург

НАКАНУНЕ

Дети из Тотьмы прислали книжку, которую они склеили из вырезок опубликованной в тотемской районной газете повести «Путник на краю поля».

Доделывал цикл рассказов для «Континента»

«Накануне. Незабытые сны», в который собрал некоторые из своих снов.

Все эти дни болела Марина, а сегодня заболел и я.

Звонил Сергей Носов. Сказал, что говорил с Бондаренко.

В «Дне» напечатан отрывок из моей повести о Б.Н. Ельцине «Пока не запел петух» – «Упырь».

22 марта 1992 года, Санкт-Петербург

НЕКОММЕРЧЕСКАЯ «ГАВДАРЕЯ»

Получил письмо из «Молодой гвардии» по поводу моей «Гавдареи», которую год назад буквально вытребовали у меня в издательстве.

Сейчас от бывшего энтузиазма не осталось и следа...

«Прискорбно повторять, но тенденция гонения на русскую прозу усиливается, что подтверждают своими акциями книготорговые организации, отказывающиеся брать у нас некоммерческую литературу, а также «прочие» объективные факторы, поднявшие себестоимость средней по объему книги до 20 р. Естественно, наше акционерное общество вынуждено сейчас воздерживаться от выпуска текущей прозы и искать возможности для самосохранения в иных плоскостях – изданием популярной литературы».

Цифра 20 зачеркнута и внизу сделана приписка: «Николай, уже, увы, до 30 р.».

31 марта 1992 года, Санкт-Петербург

ПРОГНОЗ НА ОСЕНЬ

Пригласили выступить в школе, в Гатчине.

Когда позвонили, хотел сразу отказаться – ехать далеко, а деньги, какие теперь деньги в школах платят?

Но не успел отказаться...

– Только извините... – раздалось в трубке. – Только простите... Мы заплатить не сможем... У нас и учителям тоже почти не платят!

Ну как тут отказываться?

– А за электричку-то заплатить найдёте денег?

– Да-да! Обязательно соберём!

Приехал.

День чудесный, солнечный, но такая отчаянная нищета в школе!

Потом сидел в учительской, где меня угощали чаем, положив на блюдце передо мною две конфетки, и разговаривал с учителями.

– Скажите, – спросила пожилая учительница. – А Ельцина скоро снимут?

Я хотел отшутиться, но, встретившись с глазами учительницы, не стал шутить.

– Не знаю, – сказал. – Может, к осени изменится что-нибудь...

– К осени? – отчаянно переспросила учительница. – Но нам не дожить так до осени.

3 апреля 1992 года, Санкт-Петербург

ЧЕРВИ

Приехал в Переделкино.

Сыро.

На заасфальтированных дорожках – раздавленные черви.

Уже тепло, и они оживают в земле, но тепла еще недостаточно – попав на холодный асфальт, черви снова теряют подвижность, забывают уползти из-под ног проходящих людей.

7 апреля 1992 года, Переделкино

СОБОРНОЕ РЕШЕНИЕ

4 апреля завершился Архиерейский Собор Русской Православной Церкви.

Канонизированы родители преподобного Сергия Радонежского – преподобные Кирилл и Мария, преподобномученицы великая княгиня Елисавета и инокиня Варвара и петроградские новомученики – митрополит Петроградский и Ладожский Вениамин (Казанский) и иже с ним убиенные схимонах Сергей (Шеин), Юрий Новицкий и Иоанн Ковшаров.

Такой вот новый Собор святых просиял на Русской земле, как раз накануне начала работы VI съезда народных депутатов Российской Федерации.

Доклад Бориса Николаевича Ельцина о ходе экономической реформы в стране на этом съезде подвергли резкой критике. 13 апреля Ельцин вынужден был принять заявление об отставке вице-преьера Егора Тимуровича Гайдара.

Словно решение нового Собора святых, просиявших на Русской земле, исполнил.

15 апреля 1992 года, Переделкино

ГОРНОВСКИЕ ДНИ

В Переделкино уже третий месяц живет Виктор Горн.

Я вчера написал с утра рассказ «Сон репетитора».

Потом позвонил Алле Александровне. Она долго рассказывала, как ей понравилась моя напечатанная в «Севере» повесть про Николая Рубцова.

Потом Виктор Горн уговорил поехать в ЦДЛ.

Там Виктор Калугин и Володя Бондаренко. Там Николай Мишин и Валентин Устинов. Мы с Виктором пили и с Калугиным, и с Бондаренко, и с Устиновым, а потом и с Мишиным.

Мишин сам заговорил об издании книжки «Записки старого большевика» в «Палее». Я предложил издать «Упыря». Мишин согласился.

Закончилась встреча у Паши Могилына в общежитии ВГИКа, и только утром я вернулся в Переделки-

но, где уже поджидал меня Виктор Горн с немецкими задушевными разговорами.

16 апреля 1992 года, Переделкино

СИЛА КРЕСТА

Святой благоверный князь Александр Невский не раз спасал Русь при своей земной жизни, всегда приходил он на помощь нам в трудные минуты истории.

Так было и перед Куликовской битвой, так было и в 1922 году, когда готовился в Петрограде процесс над священномучеником митрополитом Вениамином и его сподвижниками, так было, когда немцы сжали блокадным кольцом наш город.

Так происходит и сейчас.

5 апреля возвели на берегу Чудского озера памятный крест в честь 750-летия Ледового побоища, и вот, пожалуйста, затрепетало гайдаровское правительство, обратилось к президенту с просьбой об отставке.

И какая разница, что случилось это после критики курса реформаторов на VI съезде народных депутатов Российской Федерации?

Правда, президент, приняв заявление Е.Т. Гайдара, попросил членов правительства продолжать работу и сказал, что к концу съезда примет решение.

А в Ростове идет суд над Андреем Чикатило, совершившем 53 убийства.

Получается, что одновременно с Гайдаром и судят его.

Вот ведь как проявилась сила креста, поставленного на берегу Чудского озера.

17 апреля 1992 года, Переделкино

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Так хорошо в Переделкино.

Березки стоят в нежно-зеленой дымке открывающихся почек. За березками задумчивые писатели бродят.

А сегодня пошел на завтрак – звонят, но колокольный звон почти и не слышен сквозь птичье пение.

Вербное воскресенье наступило.

19 апреля 1992 года, Переделкино

ПРИЧАСТИЕ

Вечером, после вечерни, дописал рассказ «Отлет назначен на восемь», а сегодня встал в семь часов и пошел на литургию – причастился перед Пасхой.

Когда вернулся, Марина рассказала, что видела с балкона странную птицу.

– Сама птичка маленькая, сидит, бездельничает, как воробей, а головка у нее, как яйцо пасхальное расписано...

– Перед Пасхой прилетела...

– Ты это шутишь или серьезно? – спросила Марина.

– Откуда я знаю... – сказал я. – Я же первый раз перед Пасхой причащаюсь...

25 апреля 1992 года, Переделкино

ПАСХА

Днем встретился в ЦДЛ с Евгением Черновым. Он принес авторские экземпляры моей книжки «Роковая ошибка Сталина».

Бар, конечно, был закрыт, но Чернов успокоил меня.

– Отметим! – твердо сказал он и повел меня в Большой союз, в кабинет, который когда-то Александр Фадеев занимал.

Я оробел было, но в фадеевском кабинете никакого великого начальства не обнаружилось. Только Евгений Васильевич Кутузов, приехавший из Петербурга постоять за русскую литературу, сидел здесь да еще несколько писателей из провинции.

К Курчаткиным я приехал, опоздав на два часа.

У Курчаткиных грустно.

Вера болеет, и сны ей снятся, будто она собственную печень грызет. Сын Егор уже всюду зашибает деньги на телевидении, а сам Анатолий – в полном унынии.

Уже поздно вечером приехали на вокзал и сели на электричку.

Вагон был почти пустой, но в Востряково набилось столько молодых девок, что тесно и жарко в вагоне стало от запаха духов и женских голосов...

Вышли девки вместе с нами, на платформе Переделкино.

Оказывается, все они на Крестный ход приехали.

А здесь у церкви уже не протолкнуться!

Встретили в этой толкотне Володю Бондаренко.

Разговлялись, хоть и не постились мы, вначале у нас, потом у него на даче.

Подарил ему «Роковую ошибку Сталина», попенял, что за «Упыря» заплатили мне в «Дне» всего 200 рублей.

Расстались уже под утро.

26 апреля 1992 года, Переделкино

ШАТУНЫ

Читаю «Шатуны» Юрия Мамлеева.

В предисловии написано, что эта книга – антихристианская.

Не знаю.

Может, в шестидесятые годы так и воспринималась она, но сейчас наоборот... Ощущение такое, будто это корчатся в муках души людей, как

раз оттого, что не могут эти люди узреть свет Христов.

Как и мы сейчас...

27 апреля 1992 года, Переделкино

В ЗАСАДНОМ ПОЛКУ

Целый день в бегах.

С утра завез Николаю Мишину в «Палею» повесть про упыря. Николай, матюгаясь, заставил своих девочек поить меня чаем, потом подарил кучку книг и назвал меня выдающимся русским сатириком.

Из «Палеи» поехал в «Литератор». Оставил Николаю Дорошенко новые рассказы из записок Н.С. Христоплясова.

Потом стоял в нашем засадном полку в скверике у дома Ростовых.

Там – много приятелей. Изредка подходили большие начальники и, озабоченно хмурия брови, говорили, что надо-таки постоять еще – шла пресс-конференция «Апреля».

Получил деньги в «Диалоге», в «Литературной России» (хорошо заплатили), в «Литераторе». Прочитал в редакции «Нашего современника» в №4 журнала «Север» статью про себя. Статья хорошая.

Потом с Александром Сегенем снова поехали в ЦДЛ.

Там засадный полк в полном составе расположился уже в ресторане.

Насилу сбежал из этой засады.

Все хвалят мою «Охоту в старых кварталах» в «Литературной России», все хвалят моего «Рубцова» в «Севере».

Даже жене и то перепало комплиментов.

28 апреля 1992 года, Переделкино

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ

Сегодня Саша Борисов привез в Переделкино Юрия Мамлеева, чтобы познакомить его со мною.

Мамлеев оказался неожиданно приятным. Очень мягкий и совершенно непохожий на своих «шатунов».

Впрочем, так, видимо, и должно быть. Чем жестче проза, тем мягче сам автор.

Фантастические разговоры Саши Борисова об издании нашего совместного сборника...

Самое смешное, что Саша, как выяснилось, только сегодня, по дороге в Переделкино, и познакомился с Мамлеевым.

Право же, он намного сильнее похож на героев Мамлеева, чем сам автор.

Вечером написал статейку для «Славян» «Господи, помилуй».

29 апреля 1992 года, Переделкино

ЗАЧЕМ НАС УЧАТ?

Россия таки вступила в Международный валютный фонд.

«Хорошо и должно учиться: но горе... народу, который будет всегдашним учеником...» – вспомнил я слова Н.М. Карамзина из его сочинения «О любви к Отечеству и народной гордости» и подумал, что ведь и в самом деле ни в какой другой стране нет такого обилия учителей, как у нас.

Я имею в виду не тех учителей, которые обучают детей и молодых людей, а различных деятелей, что поучают народ, призывая его жить так, как они считают нужным.

И при Петре I учили, и при Владимире Ильиче Ленине, и при Борисе Николаевиче Ельцине тоже учат.

Воистину, «народу, который будет всегдашним учеником», только горе достанется...

Или Международный валютный фонд.

Что, впрочем, наверное, одно и то же.

30 апреля 1992 года, Санкт-Петербург

МЕТАМОРФОЗА

Странно, но люди, которые еще год назад громче всех визжали на демократических митингах, требуя демонтажа советской системы, исполнились вдруг необыкновенного миролюбия и благодушия.

Особенно меня восхищает Анатолий Александрович Собчак.

Он искренне возмущается, что по телевизору показывают разные митинги и политические дискуссии.

– А почему бы не показывать то, что нравится зрителям? – говорит он. – Даже в шестидесятые годы наше телевидение славилось тем, что показывало спектакли... Куда исчезла с экранов театральная классика?

Закроешь глаза, и кажется, что и не было никаких путчей и переворотов.

Будто секретарь обкома партии из своих застойных лет вещает с экрана телевизора.

14 мая 1992 года, Санкт-Петербург

И СНОВА «ДЕНЬ»

В Питере снова «День».

Приезжали Владимир Бондаренко, Геннадий Зюганов, Виктор Алкснис.

Встреча проходила в нашем Доме офицеров, на Литейном проспекте, большой зал был полон, но после встречи, когда я предложил Володе Бондаренко посидеть немного, он почему-то решил, что я приглашаю всю команду, и все двинулись к нам.

Обеспокоенный таким обилием гостей, я, конечно, объяснил Володе, что вообще-то имел в виду только его, что дома у меня всего две бутылки вод-

ки, но было уже поздно, вернее, похоже, было, что никаких других приглашений московские гости не получили и поэтому менять планов не стали.

По дороге – прямо на улице! – подкупили выпивки.

Алксниса и Зюганова здесь, среди торговцев, многие узнавали. Узнавали, конечно, по телевизионной картинке, но сообразить это сразу не могли и просто кивали Геннадию Федоровичу и Виктору Имантовичу как своим давним покупателям...

Кое-как втиснулись в нашу квартиру.

Марина – вот уж настоящая умелица! – за несколько минут соорудила из двух банок тушенки, гречки, грибов и брусники вполне приличный стол и хотя и без затей, но сумела накормить столько мужиков.

Очень забавная сцена произошла за столом...

Марина сказала какую-то глупость, и на несколько мгновений – мне, во всяком случае, так показалось! – повисла пауза, но вот, как бы развивая поднятую тему, заговорил Геннадий Федорович Зюганов, ему откликнулся Виктор Имантович Алкснис, и вдруг оказалось, что всё сказанное Мариной чрезвычайно умно и тонко.

Класс общения, конечно, чрезвычайно высокий.

Запомнилось выражение Г.Ф. Зюганова, сказавшего, что Сталину потребовалось несколько лет для раскулачивания, а правительство Гайдара раскулачило всю страну за одну ночь.

Хотя и не шибко тонко, но очень точно.

15 мая 1992 года, Санкт-Петербург

Глава третья

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ

Ходили с Мариной в казачью церковь на Обводном канале.

Отнесли купленные для Приднестровья бинты.

Хорошенький мальчуган-казачок рассказывал в часовне про металлическую иконку, которую его отец носил в нагрудном кармане. Эта икона и спасла его от пули в Приднестровье.

Вечером смотрел телевизор, и снова сделалось как-то неуютно жить!

Потом вспомнил свою мысль, что и жить-то уже недолго осталось, и главное сейчас – не суетиться, главное – успеть сделать то, что ты должен сделать, и как-то спокойнее стало.

23 мая 1992 года, Санкт-Петербург

ЧТО САМОЕ ВАЖНОЕ

Марина рассказала, что сахар по 65 рублей продают уже по одному килограмму в руки, а это значит, что будет подорожание.

Написал рассказик «Дилеры» и поехал к Александру Потехину.

Спросил у него, прояснился ли вопрос с «Русским хронографом»?

Потехин долго задумчиво смотрел на меня, потом сказал, что ему важнее не выплатить «Хронограф», а выплатить деньги мне и Сергею Носову.

Впрочем, деньги он тоже не выплатил.

Зачем-то забрал у Потехина оставшееся с обкомовских времен сооружение, изображающее ракету, нависшую над СССР, у которого почему-то уже не было Крыма, и поехал играть в бильярд в Союз писателей.

25 мая 1992 года, Санкт-Петербург

В ПОЛУТЕМНЫХ ПОДВАЛАХ РУСОФОБИИ

Нет связи между событиями, но они идут друг за другом, сцепливаясь в какую-то дьявольскую логику нового времени...

По радио говорили, что в понедельник, 25 мая, в помещении Краснопресненского райсобеса, куда он пришел переоформлять пенсию, умер знаменитый деятель брежневских десятилетий Виктор Васильевич Гришин, возглавлявший Московский горком КПСС, пока в декабре 1985 года его не сменил Борис Николаевич Ельцин.

Ну а на следующий день в Конституционном суде начались слушания по «делу КПСС» – рассмотрение правовой основы указов Бориса Николаевича Ельцина о запрещении деятельности КПСС и ЦК РСФСР.

Никакой видимой взаимосвязи в этих событиях нет, но история нашей страны вершится сейчас не на свету, а в полутемных подвалах русофобского сознания, где уже просто невозможно различить причины и следствия, и поэтому кажется, что связь между смертью В.В. Гришина и рассмотрением указов Б.Н. Ельцина все-таки присутствует.

29 мая 1992 года, Санкт-Петербург

НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ СОВЕСТИ

Перепечатаваю, привожу в порядок дневники.

Вроде бы и не время заниматься этим, но сейчас, кажется, вообще последние времена наступают.

Совет безопасности ООН принял резолюцию об экономических санкциях к Югославии. По настоянию США Россия тоже присоединилась к этим санкциям.

Еще сегодня, как рассказывали в новостях, Россия передала Грузии военно-морские базы в Батуми, Поти и Очашчири с базирующимися там кораблями...

Потом показывали по телевизору моих знакомых Михаила Глинку и Виктора Максимова.

Выступали они в амплуа издателей.

Глинка долго рассказывал, что скоро уже начнут замахиваться рукава у его товарищей-писателей. Подразумевалось при этом, что с самими новыми предпринимателями такого не случится.

Ну а сразу после сюжета с писателями-предпринимателями рассказали, что 12 июня объявлено праздником – Днем независимости.

– От чего независимости? – спросила Марина, которая как раз на этом месте и вошла в комнату.

– Не знаю... – ответил я. – От совести, наверное.

И не сострил ведь.

Само так получилось после писательских откровений.

30 мая 1992 года, Санкт-Петербург

ОЛИГОФРЕН

Сегодня в «Итогах» выступал Гайдар.

Заплывшее лицо его в телевизионном экране кажется еще одутловатее, как у недоразвитого ребенка.

Ведущий расспрашивал, что будет дальше, а Егор Тимурович в ответ уверял, дескать, всё будет хорошо, поскольку правительство уже наладило выпуск пятидесятых купюр.

И главное, что бодро так уверял, даже с некоей олигофренической веселостью...

31 мая 1992 года, Санкт-Петербург

НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ

Сегодня Лена Алексеева принесла нарисованное ею поле настольной игры «Детские походы Петра I». Игру эту я придумал, но я и не ожидал, что так здорово получится.

Попробовали поиграть, проверяя уже на поле правила игры, и так увлеклись, что играли, пока нас звонок в дверь не прервал.

Это пришла женщина, приехавшая из Москвы, чтобы подписать разрешение на публикацию моего рассказа в американской антологии современной прозы.

– А зачем это разрешение нужно? – подписал бумажку, спросил я.

– У нас ведь университетское издание, мы гонорары не платим... Поэтому и требуется такое разрешение.

– И вы специально из Москвы для этого ехали?

– Нет-нет... – сказала женщина. – Мне еще у одного писателя в Петербурге надо подписать такое же соглашение.

Она ушла, но играть почему-то расхотелось.

А вообще, игра красивая получилась.

Я бы сам в детстве охотно в такую играл.

7 июня 1992 года, Санкт-Петербург

ЗАГОТОВКА САХАРА

Звонил Володя Пелехов из «Молодой гвардии».

Издательство готово подписать договор на «Игрушки русских императоров». К сожалению, получу я всего 6 000 рублей + индексацию. Негусто.

Новость. В Чечне принято решение о выдворении со своей территории офицеров российских войск. Дана, так сказать, официальная санкция на грабеж и уничтожение русского населения республики.

Впрочем, по телевизору говорят о другом. Александр Гурнов изрек сегодня в «Вестях»:

– Мы выбрали президента, президент сделал свой выбор, пусть Бог поможет ему.

Заготавливали с Мариной сахар.

Уже килограммов пятьдесят заготовили.

9 июня 1992 года, Санкт-Петербург

НЕПОНЯТНАЯ ИГРА

Катались с Верой Степановой на велосипедах.

Вечером прилег отдохнуть, и сразу приснилась сказка-игрушка, на манер тех, которые мы изготавливаем сейчас с художницей Леной Алексеевой для заработка.

Три диска – малый, средний и больший – скреплены на одной оси и разделены на большое количество секторов, в которых размещены фигуры персонажей игры. При повороте диска получают другие фигуры, но такие же возможные, как и начальные.

Сюжет образуется от того, что существует движение не только по кругу, но и по радиусу, правда, как организовывается это движение, во сне я так и не понял.

Даже проснулся от досады.

Включил телевизор, а там началось пикетирование телецентра «Останкино». Перед телецентром разбиты палатки.

Лозунги пикетчиков: «Дайте народу сказать правду!», «Русским – русское телевидение!», «Сионизм не пройдет!»

Тоже очень похоже на игру, которая приснилась мне.

11 июня 1992 года, Санкт-Петербург

ЭПОС И СОВРЕМЕННОСТЬ

С утра читал книгу Виктора Калугина «Герои русского эпоса» для своей «Русской мифологии». Книга очень хорошая.

Потом с Колей Федоровым катался на велосипедах по Елагину острову.

В парке, хотя сегодня и воскресенье, совершенно никого нет.

Очень красиво, и очень грустно...

Очень жалко страну, но еще больше жаль себя, оказавшегося в сорок три года нищим.

И еще грустнее становится, когда понимаешь,

что эта минорность и разрушает эпическое в современной действительности.

А без эпоса не может быть и истории.

13 июня 1992 года, Санкт-Петербург

ТРОИЦА

Троица. Ходили с Мариной в церковь.

Днем Лена Алексеева принесла нарисованное ею поле игры «Кто больше соберет грибов».

Поиграли. Придумали правила, и я написал текст к игре.

В телевизоре, когда включили его вечером, плачущая дикторша жаловалась, что пикетчики заплывали ее возле студии.

Само по себе, конечно, ужасно, когда красивой женщине в лицо плюют, но с другой стороны, усевшись в телевизионном экране, она ведь изо дня в день помоями русский народ обливала... А за такое не только хорошие деньги платят, но и плюнуть в лицо могут.

Так сказать, специфика профессии, что же тут плакать?

Еще показали Бориса Николаевича Ельцина в Троице-Сергиевой лавре. Он приехал помолиться перед отъездом в США.

– Потерпите, проявите смирение, дорогие россияне, до конца года, – говорил Борис Николаевич с патриаршего балкона и ухмылялся как-то вбок, словно хотел добавить, дескать, до конца года не так уж и много дорогих россиян в живых останется.

14 июня 1992 года, Санкт-Петербург

НОЧЬЮ, КОГДА СВЕТЛЕЕТ НА ДУШЕ

Занимаюсь «Русской мифологией».

Даже написал несколько страничек про крокодилов в Волхове, про богатырей...

Вроде получается.

Все в нашей мифологии глубоко и чрезвычайно интересно.

Но не проходит маета на душе, и ходишь, включаешь к каждому выпуску «Новостей» телевизор, словно боишься пропустить что-то самое главное.

Правда, новости у нас нынче тоже мифология, и такая потрясающая, что как-то даже и забывает мифологию стародавнюю.

А еще другая отравка – детективы.

И злишься, и чернота на душе, а все равно читаешь.

Но встаешь ночью, когда никаких новостей в телевизоре нет, начинаешь писать, и как-то светлеет на душе.

15 июня 1992 года, Санкт-Петербург

ГАЙДАР НА ХОЗЯЙСТВЕ

Вчера смотрел «600 секунд» об осаде телецентра. Александр Невзоров, конечно, замечательный репортер, но теперь он всё заслоняет собою, и репортаж не о пикетах получается, а о Невзорове возле телецентра.

Сегодня начался визит Б.Н. Ельцина в США.

В России на хозяйстве Егор Тимурович Гайдар остался. Указом президента на него возложены обязанности председателя правительства Российской Федерации.

Я пытался получить перевод на почте – нет денег.

Марина пыталась получить деньги в комиссии за проданные теннисные ракетки – тоже самое, нет денег.

Копошусь в книгах, словарях. Мысли хорошие, но начинаешь писать, и опускаются руки.

Только какие-то мелочи и получаются.

16 июня 1992 года, Санкт-Петербург

СМЕРТЬ ИСТОРИКА

Сегодня, выступая с отчетом в Конгрессе США, Борис Николаевич Ельцин доложил, что «коммунизм повержен». Американские конгрессмены поощрительно поаплодировали ему.

Ну, а накануне умер историк Лев Николаевич Гумилев...

В России, президент которой отчитывается перед американским конгрессом, его уже не было.

17 июня 1992 года, Санкт-Петербург

ВРЕМЯ АКЦИЙ ФОНДОВОЙ БИРЖИ

«Прошло время акций протеста, пришло время акций фондовой биржи!»

Этот рекламный слоган сконцентрировал в себе идеологию победивших демократов, всю их аморальность. Дескать, мы захватили власть и хватит перемен! Теперь мы воровать будем!

И это уже почти узаконено в общественном сознании.

Все чаще слышишь из телевизора, дескать, для экономики не важно, откуда деньги, дескать, все большие состояния начинались с преступлений.

Видимо, это и является сейчас главной акцией фондовой биржи.

Только вот прошло ли время акций протеста?

Может быть, оно только начинается?

19 июня 1992 года, Санкт-Петербург

НЕ НАШ ДОМ

Вчера ездил с Андреем к сестре Саше – переключать сваленные на ее участке бревна нашего сруба. Потом сидели, обедали в ее доме. Человек восемь нас было, и какое-то удивительное возникло

ощущение, будто все мы сидим в Вознесенском доме, когда еще живы были родители...

Саша сумела-таки возродить наш Вознесенский дом в сотнях километров от Вознесенья, на своей даче.

Впрочем, иначе и не могло быть, ведь она так хотела этого...

Жалко только, что это уже не наш Вознесенский дом...

21 июня 1992 года, Санкт-Петербург

ДУРМАН НОВОСТЕЙ

В ночь, когда в школах шли выпускные балы, молдаване разбомбили Бендеры.

Потом в город ворвались молдавские войска.

Десятки убитых. Город горит.

А чуть позже, в Москве, в 4 часа 30 минут, омоновцы, присланные новым мэром Юрием Лужковым, разогнали пикеты у телецентра «Останкино». Многих пикетчиков избивали, а пятерых человек убили.

Весь день провел как будто на дежурстве. Смотрел новости в 12.00, 14.00, 15.00, 18.00, 20.00, 21.00, потом «Секунды», а потом еще ночной выпуск «Новостей».

И вроде и понимаешь, что ничего нового уже не услышишь, только черноты больше скопится на душе, но оторваться от этого дурмана невозможно, как алкоголику невозможно оторваться от бутылки.

Еще рюмка, еще, еще...

Только усилием воли заставил себя взяться за составление текста игры «Лекарственные растения».

22 июня 1992 года, Санкт-Петербург

В ОЧЕРЕДИ

Ездил в Москву.

Пока стоял утром в очереди за обратными билетами, несколько раз подходили попрошайки.

Вначале пожилая женщина, которая старика похоронила...

Потом женщина с детьми, которой не на что домой ехать, потому как у дочки из-под головы сумочку вытащили...

И снова женщина, у которой мужа убили...

Кто отворачивался, кто ругался, а женщина в темном платке, стоящая впереди меня, всем совала в грязные ладони – трёшки, пятёрки, десятки...

– Это же профессиональные побирушки! – попытался объяснить ей мужчина. – Я тут часто билеты покупаю, и всё время они тут как на работе. Уже который месяц говорит, что мужа убили...

– Не знаю... – сказала женщина. – У меня самой взаправду мужа вчера в Бендерах убили. Хоронить еду.

23 июня 1992 года, Москва

НОВАЯ МОСКОВСКАЯ ПАСТОРАЛЬ

Второй день бегаю по Москве.

Улаживал дела с «Игрушками русских императоров» в «Молодой гвардии».

Все это время разговоры о событиях у Останкино и у Рижского вокзала.

– Предатели! – ругался в ЦДЛ поэт с забинтованной головой. – Свои же и остановили. А я не хочу помирать от голода под кроватью, лучше я умру на площади!

Был в «Роман-газете». Поговорил с Валерием Николаевичем Ганичевым. Он сказал, что моя повесть «Путник на краю поля» стоит в плане.

Потом рассказал, что в редакции недавно письмо получили от пастуха. Очень «Роман-газету» хвалит. И почитать можно, и если свернуть в трубку, удобно за коровами бегать, никакой хворостины не надо...

– Здорово! – сказал я. – Я уже и позабыл, что где-то еще коров пасут...

– Пасут! – успокоил меня Ганичев. – Вы не затягивайте с повестью. Присылайте скорее исправленный текст...

24 июня 1992 года, Москва

КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

Разобрался в «Молодой гвардии» с «Игрушками» и решил заехать перед отъездом на Комсомольский проспект.

В Союзе писателей на третьем этаже полетнему пустовато.

Хотел секретаршу найти, но неожиданно попал на Бориса Степановича Романова.

Он затащил к себе в кабинет, похвалил рассказы в «Литературной России», потом – повесть про Николая Рубцова...

Похвала «Путнику на краю поля» была особенно приятна, потому что один из лучших портретов поэта – «От знакомства с Николаем Рубцовым у меня сохранилось очень конкретное впечатление на манер того, которое бывает, когда в море, в сумерках или ночью, внезапно проходит возле тебя огромное, с немногими огнями судно» – в воспоминаниях самого Бориса Романова и создан.

Вообще, у меня от Бориса Степановича, хотя он даже бывал у меня на квартире в Петербурге, впечатление оставалось, как от описанного им проходящего в сумерках судна...

Борис Степанович пришел в Союз писателей с капитанской работы и поэтому не очень-то и дорожил

своей должностью литературного начальника.

И так и строил он свои отношения с писателями.

Не раз я слышал, что сама его самоотверженная честность отношения к литературе становилась той нравственной твердью, которая помогала писателю выбраться из засасывающей его трясины.

Ну а в том, что литература для него не просто средство заработка, а гораздо большее, что он оценивает писателя не потому, как это выгодно ему, а потому, что этот писатель дает читателю, я смог убедиться сам.

Когда разговор коснулся войны в Приднестровье, я сказал, что в редакции «Народной правды» собирались командировать меня в Тирасполь, но все пока не могут оформить командировку. Скоро и от войны там ничего не останется...

– А вы действительно хотите туда поехать? – спросил Романов.

– Конечно, хочу... По-моему, там что-то очень важное для всей нашей страны решается!

Тут же Романов снял телефонную трубку и, вызвав Юрия Лопусова, попросил его оформить мне командировку в Приднестровье от Союза писателей.

– Но... – сказал Лопусов.

– Надо... – сказал Романов. – Сделайте это... И аванс надо побольше выдать.

И вот не прошло и часа, как мне уже выдавали в бухгалтерии деньги.

Бухгалтерша Лариса, отсчитывая купюры, недовольно качала головой, и я думал, что она сердится на меня за те свои бухгалтерские планы, которые я нарушил, но все оказалось иначе.

– Зачем вы едете? – сказала Лариса, когда я уже убрал деньги. – Я бы своего мужа ни за что туда не пустила!

26 июня 1992 года, Москва

ОТЪЕЗД

Два дня отсыпался после Москвы, вычитывал рукопись «Игрушек» для «Молодой гвардии» и постепенно рассказывал Марине, куда поеду...

Взял командировку в Приднестровье и в редакции «Народной правды».

Перед поездом долго сидел у себя в кабинете, перебирал папки. Понимал, что не воевать еду, а в журналистскую командировку, но всё равно такое ощущение было, как будто уезжаю навсегда.

Зачем перебирал папки, непонятно. Ничего не выбрал. Сложил все бумажки назад, пошел на кухню.

Жена тоже провожала меня как на настоящую войну.

Присели перед дорогой, пошли на вокзал.

Вечер был теплый, светлый...

28 июня 1992 года, Санкт-Петербург

ЧТО СЕЙЧАС МОЖНО В РОССИИ?

Еще не отъехали от Киевского вокзала, а в вагоне уже чувствуется густой эсэнгэвский колорит. Продавец газет с негодованием отверг предложенные купоны.

– Зачем они мне?! Здесь все-таки пока еще Россия! – прошел по вагону, повернулся и добавил: – Почему-то Россия еще...

Пошутил. Но грустно прозвучала шутка. Никто даже и не улыбнулся. Действительно, Москва – пока еще почему-то Россия...

А в тамбуре, где курят, тоже эсэнгэвские разговоры.

– Вот ведь петрушка какая выходит... – рассказывает мужчина в военном кителе. – Родился я в Молдавии, мать с отцом в Одессе живут. Я – в Москве. Кто я получаюсь?

Обвел слушателей взглядом, как бы в ожидании ответа, и вздохнул тяжело.

– Нет... – сказал. – Никогда народ не поймет, что Ельцин с Кравчуком да Шушкевичем нас поделили так.

Убежденно сказал, но – странно! – как-то вопросительно прозвучала фраза...

В нашем купе – две женщины. Одна молодая, почти девчонка. Другая – постарше. Но обе замужем, у обеих – дети. И разговоры у попутчиц – про цены, про заработки мужей.

Муж молодой женщины – моряк. Корабль его приписан к Измаилу, туда и едет моя соседка. И – такой хороший, безостановочный разговор! – рассказывает молоденькая жена, что скучает без мужа, что была возможность устроиться на берегу, но она сама не согласилась...

– Почему?

– Ну я же не прокормлю его сейчас! Понимаете: не прокормлю!

И даже слезы на глазах...

– А тут еще гражданство это. Он в Измаиле прописан, а я – в Москве. Нам хотелось двойное гражданство взять, но, оказывается, нельзя. Вот гражданство Украины и гражданство Израиля можно брать, а русское и украинское – нельзя.

– Так что же вы размышляете... – улыбнулся сосед. – Зачем вам иметь разочарование в семейной жизни? Поезжайте в Израиль, и вы не будете иметь никаких проблем ни с украинским, ни с русским гражданством...

– А это можно?

Сосед только вздохнул в ответ.

Что он мог сказать? Наверно, можно. В России сейчас все можно...

29 июня 1992 года, поезд Москва – Одесса

ПРИДНЕСТРОВЬЕ

И чем дольше ехал, тем сильнее становилось ощущение, что действительно еду на войну. О разном в дороге говорили, но, чем ближе подъезжали, все больше об убитых, о раненых...

И в поезде. И в Раздельной, где – поезда дальше не шли – штурмом брали автобус на Тирасполь.

Среди пассажиров много женщин, моя соседка едет в Тирасполь из Рыбниц. Раньше дорога у нее занимала не больше часа, теперь она в дороге уже вторые сутки, как и я.

В автобусе шумно. Многие тут знакомы друг с другом. Здороваются, расспрашивают о последних новостях.

– Коля погиб... Настю убили... – прорываются сквозь гул голоса.

– Настю?! – и такая боль в этом вскрике, что смолкают все. Такая тишина наступает, наверное, после грохота разрыва...

И смотришь, как проносятся за окном поля с подсолнухами, поворачивающимися вслед за уходящим солнцем тяжелые головы, и как-то остро и тревожно понимаешь, что это и правда война.

А в Тирасполе после суматошной автобусной духоты неожиданно мирно.

Только вдалеке раздаются редкие разрывы да еще прячутся в тяжелой южной зелени пятнистые БТРы.

Идти за аккредитацией в пресс-центр поздно. Иду к поэту Анатолию Дрожжину, адресом которого снабдил меня в «Нашем современнике» Станислав Юрьевич Куняев. В записной книжке нарисован маршрут, и я иду, сверяясь с ним, почти ни у кого не спрашивая дороги.

Я на войне...

Прихожу. Звоню в дверь... Первая, кого увидел, Катя – дочка моего однокурсника Николая Поснова, секретаря брянской писательской организации.

– А что ты тут делаешь?!

Катя объясняет, что отец послал ее отдыхать.

– И отдыхаешь?!

– Ага... Мы на лиман каждый день ездим!

– Но тут же война...

– И война тоже... – говорит Анатолий. – И лиман... Приднестровье тут!

30 июня 1992 года, Тирасполь

ТИРАСПОЛЬСКОЕ УТРО

Утром в Тирасполе по-прежнему мирно. Только вдалеке раздаются редкие разрывы да еще необычно много людей с автоматами – на автостанции, на улицах, в магазинах... Изредка проносятся машины скорой помощи с флагами

Красного Креста на прогнувшихся от этой тяжести антеннах.

Поражает после Москвы необыкновенная чистота улиц.

Впрочем, этому секрету сразу находится объяснение.

– Блатные, ну и кооператоры тоже, как только в Бендерах началось, сразу свалили из города. Теперь на пляжах в Одессе отдыхают... – объясняет парень с автоматом за спиной.

Никто не торгует на улицах, не мусорит. Чисто стало в городе. И тихо, как в давние дореформенные времена. Только из-за реки доносится редкий грохот разрывов.

Там идет война...

1 июля 1992 года, Тирасполь

БОГОРОДИЦА В РАССТРЕЛЯННОМ ГОРОДЕ

Въезжаешь в город, и сразу, словно из фронтовой хроники – подбитые танки, остовы сгоревших машин и автобусов, руины зданий.

Здесь шла настоящая война...

Под ногами осколки стекол, гильзы. Улицы пусты, и странно и страшно в этом безлюдье выглядят гигантские клумбы с розами. Розы засохли и как будто обуглились.

Но они стоят – тысячи умерших роз в пустом, вымершем городе.

Строг и печален лик Спасителя. Он смотрит с церковной стены на пустые улицы города. А вокруг на белой извешке – оспины пуль и осколков...

За углом, в переулке, БТР, взятый в бою гвардейцами.

Теперь это их БТР.

Сами гвардейцы лежат рядом на раскладушках под деревьями. Отдыхают, обнимая во сне автоматы. Другие гвардейцы сидят вокруг трехлитровой банки с вином. Пьют вино и едят абрикосы.

Командир – красивый молдаванин Игорь. Фамилию назвать – «У меня мать в Кишиневе живет!» – отказался. Сам он из Бендер, хотя уже полтора месяца не был в своей квартире. Остальные гвардейцы – русские, украинцы, молдаване – тоже здешние.

– Что бы ни случилось, – говорят они, – мы отсюда никогда не уйдем!

Две недели назад, 22 июня, когда «румыны» рвались к центру города, эти ребята встретили их. Ярость того неравного и кровопролитного боя до сих пор горит в глазах.

– Они на БТРах, на танках пришли, а у нас даже «осы» или «мухи» не было, чтобы укусить в ответ!

– Как же выстояли?

– Жадность румын спасла нас... Вместо того

чтобы всем на исполком навалиться, они магазины грабить кинулись! А нас человек двадцать в исполкоме оставалось! Потом уже казаки прорвались. Помнишь, Петро?

Это Игорь адресуется к казаку, что сидит рядом и слушает наш разговор.

– Еще бы не помнить! – говорит он. – Мы им дали тогда! Эти суки румынские, как на парад, сюда приехали!

– Не страшно было?

– А чего бояться! – смеется Петро. – Смотри, что у меня есть.

И он вытягивает из ворота рубашки ладанку. На медной ладанке – Богородица. Но барельеф как-то смазан.

– Это пуля румынская в том бою прямо в ладанку ударила! – говорит Петро. – Понял?

И засовывает ладанку под рубашку.

– Срикошетила пуля... – говорит Игорь. – Петро контузило, конечно. Когда его в исполком затащили, мы думали, что убит. А он ничего... Оклемаля. Только синячище на груди – и все. Ладанка спасла.

– Богородица...

– Ну да... – соглашается Игорь. – Я и говорю, что Она...

Я смотрел на лица молодых ребят – самому старшему только еще исполнится (исполнится ли?) двадцать шесть лет – и пытался понять, как сумели они остановить до зубов вооруженную маршалом Шапошниковым румынско-молдавскую армию...

Уже третью неделю ребята в бою, потому что и сейчас еще рвутся на улицах Бендер мины, гремят выстрелы. И сейчас еще падают на улицах города, из которого им некуда уходить, гвардейцы, казаки, а еще чаще простые мирные жители... Падают, сраженные пулями румынских снайперов.

– В том переулке девочку четырехлетнюю вчера убили...

– Снайперы?

– Не... Румын автомат решил попробовать, вот и полоснул очередью.

– Неужели они убивают детей?!

– Еще как убивают... Вон неделю назад мальчишку десятилетнего расстреляли. Полицейский-румын спрашивает у него: «За кого ты?» – «За гвардейцев!» – мальчик отвечает. Ну, румын и застрелил мальчика...

– А почему такие жестокости?! У них ведь тоже дети! Ведь обычные люди...

– Обычные, конечно... Только Косташ им наши квартиры со всем имуществом пообещал отдать. Вот они и зверствуют, чтобы мы убежали.

2 июля 1992 года, Бендеры

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Тирасполь переполнен журналистами, но газеты приходят с опозданием или не доходят вообще, и большинство новостей жители узнают, читая надписи на броне проходящих по улицам БТРов.

Как тираспольчанка Надя, которая ждала жениха на свидание, но не дождалась и сердилась на него, пока через три дня – «За Лешу Шурыгина» – не прочитала его фамилию на обугленной броне.

Война ужасна всегда и всегда ожесточает людей.

Дико и нелепо, когда они убивают друг друга, потому что такой приказ отдали командиры... Но еще страшнее и нелепее, когда молодые парни, сами плохо говорящие по-румынски, идут убивать своих сверстников, а заодно женщин и стариков только за то, что те не хотят говорить на чужом языке.

И вот среди трагических известий – «За Колю Белана!», «За Валеру Берзая!», «За Колю Дедовича!» – читаешь и такое – «Хера Снегуру и Косташу!», «Румынский не выучу только за то, что на нем разговаривал Снегур!»

Об этом ли мечтали кишиневские писатели, создавая Народный фронт Молдавии? Действительно ли они готовы были давить гусеницами танков детей и стариков только за то, что те не желали читать их книжки?

Но получилось именно так...

Именно за это убивают сейчас приднестровцев в Бендерах и Дубоссарах, Григориополе и Цыбулевке.

Нелепо. Дико. Но... В начале было слово...

– Мы верили Горбачеву! – говорил во время нашей беседы президент Приднестровской республики Игорь Николаевич Смирнов. – Мы надеялись на Ельцина и Кравчука, но они отказались увидеть нашу беду. Власть имущие в Москве и Киеве предали нас – предали русских, украинцев, молдаван. И мы вынуждены были взять оружие. Нас нельзя победить!

И словно ответ на эти слова – «За погибших ребят!», «Смерть румынам!» – можно прочесть на бортах проносящихся мимо БТРов.

3 июля 1992 года, Тирасполь

БЕНДЕРЫ

Пусто и тихо на улицах Бендер.

Светит солнце, отцветают розы, на стене уголовного здания списки погибших и раненых... Тут же и телефон службы захоронения.

Список бесконечен – десятки листов! – и глаза выхватывают лишь немногие фамилии жителей Бендер, которые уже никогда не увидят солнца, никогда не услышат запаха цветущих роз.

А рядом, на искореженной тумбе, объявления, ос-

тавшиеся еще с того времени, когда не гремели на улицах Бендер выстрелы...

«Продолжается регистрация желающих пройти курс медиативных занятий. Адрес – Пушкинская, 33...», «Сниму комнату...»

Рядом эти еще не пожелтевшие под жарким солнцем объявления и бесконечные списки убитых, но, кажется, между ними вместились века.

И понимая всё, всё равно не понимаешь, как же могло случиться такое...

Не понимаешь, как расстреливали на этих улицах всего несколько дней назад стариков и женщин, здесь тогда – 22 июня был выпускной вечер в школах – погибли десятки школьников...

И глухо звучат слова: «Нацики – Народный фронт – они все знали, как будет... И уехали все... Двадцать первого ко мне сосед нацик приходил. Поедем, говорит, на рыбалку. Я отказался. Дела, говорю... А двадцать второго и началось...»

Глухо и страшно звучат в опустевшем притихшем городе эти слова, и в них, как и в листках с бесконечными столбцами фамилий погибших, – запах смерти. И когда слышишь это, понимаешь, что никогда не будут Бендеры прежним, беззаботным городом...

И странно, очень странно звучат в опустевшем городе объявления:

«Продается детская коляска...»

«Продолжается набор...»

На том месте у церкви, где вчера стоял казачий пикет, нынче – ополченцы. У церковной стены сидит молодой парень и набивает патронами рожок автомата...

– Перемирие заключили... – говорю я. – По радио объявляли.

– Это у них перемирие, – отвечает, не прерывая своего занятия, ополченец. – А мне пока рано мириться.

4 июля 1992 года, Бендеры

ГАЗЕТЫ С ТОГО БЕРЕГА

В Дубоссарах мне дали папку, в которую были подшиты вырезки из газет.

– Что это?

– Командир батальона советовал почитать.

Листаю подшивку. Вырезки – из молдавских газет, на русском языке.

Заголовки: «Освободим город Дубэсарь!», «Дьявольские когти России», «Новые злодеяния гвардейцев», «Румыния в борьбе с панславянизмом»...

Под статью заголовкам и тексты:

«Крымская краевая организация Украинской Республиканской партии резко осуждает вмешательство шовинистических имперских сил России во внутренние дела Молдовы. Искусственно созданная

прокоммунистическими силами Приднестровская республика является дестабилизирующим фактором на пути создания независимой Молдовы...»

«Не будет мира в этом уголке Европы, и не будет справедливости в мире, пока не наступит справедливость для румынского народа. Ион Антонеску».

«Румыны – коренные жители территории между Днестром и Бугом».

«Будьте вы прокляты, русские ироды! Подавитесь чужой землей, чтобы и похоронить вас негде было!»

6 июля 1992 года, Дубоссары

ПРЕЗИДЕНТ ЖДЕТ

Для «Народной правды», помимо военных зарисовок, я должен привезти беседу с президентом Приднестровья Игорем Николаевичем Смирновым.

Еще в первый день я сказал об этом в пресс-центре правительства, но меня никак не обнадежили.

– Ждите. Игорь Николаевич очень занят...

Ну, понятно, что занят. Все-таки президент... Все-таки война идет... Надо ждать...

Только вот обстоятельство такое... Командировочные нынешние плохо совместимы со стоимостью гостиничных номеров, и определенный ими срок моей командировки стремительно истекал.

Поэтому вчера, увидев Игоря Николаевича, спускающегося по лестнице, я, не обращая внимания на сопровождавших его автоматчиков из батальона «Днестр», подошел и, показав удостоверение газеты, представился.

– Читатели нашей газеты очень ждут беседы с Вами...

– Не знаю, – сказал Смирнов. – Не знаю, смогу ли...

И двинулся дальше.

Ну что ж...

Отправился в штаб гвардии. Уехал на простреленном пулями «газике» в Дубоссары. Вернулся вечером.

Только вошел в номер – звонок из пресс-центра правительства.

– Где вы были?!

Оказывается, меня разыскивал Игорь Николаевич Смирнов.

Только объяснился с пресс-центром, снова зазвонил телефон.

Теперь это уже Анатолий Дрожжин был.

И сразу ругаться начал, дескать, такой я, сякой, приехал, шляюсь неизвестно где, а меня президент разыскивает...

– Ну, вообще-то, Толя, – сказал я, – я в Дубоссарах был. Между прочим, сегодня орудийный обстрел Дубоссар был. Правда, всего пару раз и выстрелили из орудия, но один снаряд попал в гостиницу, а другой разорвался на крыльчке горисполкома. И как

раз в тот момент разорвался, когда был перерыв в совещании и директора местных предприятий вышли покурить. Пятерых положило насмерть, еще восемь человек ранены...

Все это я почти как былой фронтовик рассказал. Дескать, вот так, Толя... Война, конечно, небольшая у вас, но смерть здесь такая же, как и на большой войне.

Но Анатолий, видно, ничего не понял.

Только я умолк, как он снова начал мне выговаривать, что ему, Анатолию, звонили из правительства, сделали выговор из-за меня и вообще, хоть и просил за меня Станислав Юрьевич Куняев, но мы так не договаривались, ты уедешь, а мне еще жить здесь...

На этом и закончился разговор.

Сегодня с утра болтался как виноватый по Дому Советов.

Был в СТК.

Уже под вечер сидел в пресс-центре, вдруг звонок: «Президент ждет...»

7 июля 1992 года, Тирасполь

ПРЕЗИДЕНТ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

До сих пор Приднестровская Молдавская республика официально никем и не признана. Ни Кишиневом, ни Москвой, ни Киевом. И тем не менее она существует, потому что едут сюда русские, украинские и даже молдавские парни. Едут, чтобы сражаться за свободу Приднестровья...

– Это значит, – перебивая меня, сказал Игорь Николаевич Смирнов, – что наша республика признана народами России, Украины и Молдавии...

Это он точно сформулировал.

И в Москве, и в Санкт-Петербурге, и по всей России по-настоящему узнали о Приднестровье и полюбили его только сейчас, когда здесь началась война. И, наверное, в том, что Приднестровье стало таким, а не другим, немалая заслуга самого Игоря Николаевича Смирнова.

Сам он родился в 1941 году в Хабаровском крае. В пятнадцать лет окончил ремесленное училище в Златоусте. Работал, служил в армии, учился, дорос до заместителя генерального директора «Электромаша» в Новой Каховке на Украине. В ноябре 1987 года переехал в Тирасполь, возглавил здесь электромашиностроительный завод. Еще через четыре года он стал президентом Приднестровской, самой интернациональной, самой народной – отчасти и с этим тоже связано прохладное отношение к Приднестровью и в Москве, и в Киеве! – республикой на территории бывшего СССР...

Наша беседа с Игорем Николаевичем Смирновым продолжалась уже больше двух часов, и хотя

он и отвечал на все поставленные вопросы, ответы касательно личной биографии не выходили из круга сведений, приведенных в его биографиях, размещенных в избирательных листовках.

Даже про месяцы, проведенные в Кишиневском СИЗО, Игорь Николаевич рассказывал так, словно и не в тюрьме сидел, а просто по ошибке проехал несколько остановок в ненужную сторону.

– В Киеве арестовали... Перевезли в Кишинев. Я отказался давать показания... Нет, в камере я был не один. Разные люди сидели... Да, убийцы тоже в камере были... Как относились? Нормально. Там ведь все со своей бедой и никто соседям не интересуется...

Спасли своего президента из тюрьмы сами приднестровцы, перекрывшие железную дорогу на Кишинев.

Но об этом Игорь Николаевич ничего не стал говорить.

Зато о своей республике, о той военной беде, которая пришла на улицы городов и сел Приднестровья, он готов был говорить бесконечно.

– Нас нельзя победить, – говорил он. – Мы долго верили Горбачеву. Но он ничего не сделал для того, чтобы избавить жителей Приднестровья от угрозы иностранной оккупации. Мы надеялись с момента рождения СНГ на Ельцина и Кравчука, на их содействие в предотвращении насильственной румынизации Приднестровья. Но они отказались увидеть нашу беду. Власть имущие в Москве и Киеве предали нас, предали русских, украинцев, молдаван. И мы вынуждены были взять в руки оружие. Беда сплотила приднестровцев. Я не говорил, что мы будем жить лучше. Я говорил и продолжаю говорить, что мы должны сплотиться, чтобы не погибнуть. Мы сплотились, и теперь нас невозможно победить!

7 июля 1992 года, Тирасполь

ДВЕ ЦИФРЫ

Уже в гостиничном номере, перелистывая блокнот с записью беседы с Игорем Николаевичем, я поразился совпадению двух цифр. Спад производства в Приднестровье за 1991 год составил четыре процента, а в снегуровской Молдове – 25%. В нынешнем, 1992, году производство в Приднестровье даже выросло, и только в Дубоссарах и Григориуполе упало на двадцать один процент...

Не раз и в Бендерах, и в Дубоссарах, и в Григориуполе, стоя возле развалин зданий, я ловил себя на мысли, что происходящее не вмещается в сознание. Ведь в любой войне должен быть какой-

то, пусть и бесчеловечный, смысл, заключающийся в поражении сил противника, в уничтожении военно-промышленного потенциала... Но тут? В этих разрушенных домах не укрывались ни гвардейцы, ни казаки! Эти фабрики не производили ни пуль, ни снарядов! А непрерывный обстрел Дубоссарской ГЭС? Ведь уже сейчас возникла угроза затопления не только Приднестровской республики, но и самой Молдовы. Да и вообще, зачем же лишать электроэнергию свой Кишинев?

Эта бессмыслица поражала, казалась чрезмерной даже и для войны.

И теперь, перелистывая блокнот, я подумал, что в этом случайном – случайном ли? – совпадении цифр и кроется разгадка. Не потому ли и ведет правительство Снегура так свою войну, что, не уничтожив, не растоптав экономику Приднестровья, оно просто обречено на крах. Ведь если оставить Приднестровье в покое, очень скоро уровень жизни здесь будет настолько отличаться от уровня жизни в Молдове, что даже самые пламенные сторонники румынизации задумаются, а туда ли ведут их лидеры страну?

В это трудно поверить, но другого объяснения войне, на которой плохо говорящих по-румынски людей гонят в Приднестровье, чтобы они убивали там людей, не желающих говорить по-румынски, просто невозможно. В это трудно поверить, но только так и можно объяснить «стратегию» этой подлой войны. И «мировтворческую» дипломатию России и Украины тоже.

До сих пор правительства и в Москве, и в Киеве вину за собственные ошибки, за собственную некомпетентность и бездарность пытаются свалить на тяжкое наследство, доставшееся им еще с тех времен, когда все эти ельцины-снегуры-кравчуки сидели в обкомовских и цэковских кабинетах. И пока удастся – удастся ли? – морочить народ, что, дескать, да, хотя и очень трудно, но альтернативы экономической политике Гайдара-Бурбулиса-Ельцина все равно нет. А трудности неизбежны... Ведь мы снова идем неведомым путем, только теперь не в коммунизм, куда еще совсем недавно вели нас все эти ельцины-снегуры-кравчуки, а в капитализм. Но все равно по-прежнему неведомым. И почти поголовное обнищание народа на этом пути неизбежно. Посмотрите на Украину, и там так! Посмотрите на Белоруссию, и там не лучше. И вот в этом безальтернативном вакууме вдруг появляется Приднестровье... Да ведь уже само существование его – смертельный приговор режимам, установившимся на территории нынешнего СНГ.

И когда думаешь об этом, особый зловещий смысл приобретает улыбка маршала Шапошни-

кова, который 23 марта 1992 года передал Молдове вооружение четырнадцатой армии.

И вот тогда-то, 22 июня, и ворвалась в беззащитные Бендеры вооруженная маршалом Шапошниковым молдавская армия, а МИГи, переданные молдаванам им же, начали бомбить приднестровские города.

Дорогой, слишком дорогой ценой – сотни разрушенных зданий, тысячи убитых! – далась победа, но именно такую цену запросили сейчас в Кишиневе, Москве и Киеве.

Какую цену запросят там на следующий раз?

10 июля 1992 года, Тирасполь

АМЕРИКАНСКАЯ БЕЗДОМНАЯ

Всю дорогу из Одессы до Москвы правил повесть «Путник на краю поля» для «Роман-газеты».

В купе со мной ехала немолодая женщина.

Она так заинтересованно наблюдала за моей работой, что в результате мы разговорились и познакомились.

Женщина оказалась редактором московского издательства.

Но это в прошлом.

Сейчас она уезжает в Америку. Перед отъездом съездила попрощаться в Одессу, думала еще неделю побыть, но там хозяева тоже уезжают, решила вернуться в Москву, хоть и сдана уже жильцам московская квартира...

Придется эту неделю в Москве бездомной жить.

Она подумала и добавила:

– Как американской бездомной...

11 июля 1992 года, поезд Одесса–Москва

КИЕВСКИЙ ВОКЗАЛ

В Москву приехали ночью.

Пассажиры рассосались кто куда, куда-то исчезла со своими чемоданами и американская бездомная, и перрон опустел.

Ночь была теплая. Идти в помещение вокзала не хотелось, и я вышел на привокзальную площадь.

Днем здесь всегда людская сутолока. Сейчас – непривычно пусто, просторно. Площадь еще не убирала, и вся она была завалена бумажками, обертками, коробками. Порою со стороны реки набегал ветерок, и тогда мусор начинал переваливаться – казалось, что это копошится сам асфальт.

Еще неожиданней было увидеть среди мусора и вони заплыванной привокзальной площади засиженные мухами фигуры Горбачева и Ельцина.

Должно быть, их перетащил сюда незадачливый фотограф в надежде, что хоть кто-то из проезжих ротозеев захочет сфотографироваться с этими

разрушителями страны. Но, как видно, и в вокзальной толчее желающих запечатлеться в обнимку с вождями не нашлось. И тогда махнул хозяин рукой на манекены, бросил на произвол судьбы.

Они стояли сейчас посреди площади, настолько отвратительно ненужные никому, что собачонка, пробежавшая следом за своей хозяйкой, увидев их, остановилась и вначале залилась лаем, а потом завывала.

Я тоже побрел назад на вокзал, оставаться посреди заплыванной, замусоренной площади наедине с такими вождями не хотелось...

12 июля 1992 года, Москва

НЕЖДАННАЯ ПОЕЗДКА

Ездил на Комсомольский проспект отчитываться за командировку.

Взял у Николая Мишина в «Палее» 500 рублей аванса за книжку об Игоре Николаевиче Смирнове.

Когда подписывал бумаги, зашел Юра Бондарев, которого в Союзе писателей, в отличие от Юрия Васильевича Бондарева, зовут Юрой-маленьким.

– Хочешь поехать на Алтай? – спросил он, посмотрев на меня.

– Хочу! – не задумываясь, ответил я. – Я еще когда повесть про Рубцова писал, собирался туда поехать...

– Давай паспорт. Мы группу на Шукшинские чтения собираем.

Такая вот нежданная поездка образовалась.

Потом, еле-еле успел, прибежал на радио, где Станислав Золотцев записывал передачу о повести «Путник на краю поля».

13 июля 1992 года, Москва

ДОРОГА В БАРНАУЛ

Сдал московскому издателю игру «Детские походы Петра I». Получил 5 000 аванса. Издатель покупает и игру про растения.

Завез в «Роман-газету» – повесть уже заявлена в рекламном выпуске – своего Рубцова, потом поехал в ЦДЛ, съел бифштекс и отправился в аэропорт.

Там Николай Котенко и Юрий Лопусов устраиваются в ожидании задерживающегося рейса на Барнаул.

Евгений Чернов приехал после всех, увидел, что самолет задерживается, и сдал билет.

Ночь блужданий возле аэропорта. Под утро и Котенко вместе с Лопусовым сдали билеты, и в Барнаул мы с Галиной Георгиевной прилетели уже вдвоем...

Самое сильное впечатление в Барнауле в первый день – номер в гостинице. Ничего особенно-го, но цена – 500 рублей в сутки.

23 июля 1992 года, Москва

ШУКШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

В семидесятые годы критики изобрели слово «чудики» для обозначения того духовного феномена, который проявился в характерах русских людей, нарисованных в рассказах Василия Макаровича Шукшина.

Слово неточное и, пожалуй, даже нечестное...

В него не вмещается та русская боль, та несправедливая униженность, которую несут в себе герои Шукшина. Они страдают, их корезит от того, что не вмещаются они и не могут вместиться в пространство, отведенное им советским агитпропом для духовной жизни.

Словно, чтобы подтвердить эту мысль, мне отвели в бийской гостинице номер окнами как раз на собор святого благоверного князя Александра Невского.

Но это не собор был. Там, в бывшем соборе, как мне объяснили, заводской цех находился.

Я уговорил сводить меня на экскурсию.

Точно... В соборе – литейка, стоят электропечи, плавится металл, а с закопченных стен из крошечных сумерек проглядывают лики святых...

Завод этот возник, когда эвакуировали в Бийск оборудование Московского завода электротермического оборудования. Тогдашний директор завода Геннадий Иванович Соколов дал 20 ноября 1941 года телеграмму: «Прибыл в Бийск. Принимаю помещение завода», а уже в конце года рапортовал: «Удалось с божьей помощью в срок пустить литейное производство».

Впрочем, если первую телеграмму – вернее макет ее! – я видел на музейном стенде, то второй рапорт слышал только от своих экскурсоводов...

Может быть, и преувеличили они маленько с «божьей помощью»...

Но не это важно...

Я не знаю, знал ли Василий Макарович Шукшин про литейку в божьем храме, но поразительно, как схожи были с обликами шукшинских героев проступающие из крошечной, жутковатой копти на стенах лики святых ...

25 июля 1992 года, Бийск

ДОРОГА ИЗ СРОСТОК

Так бывает...

Еще в Сростках обратил внимание, когда ехали на лошади с горы Пикет в столовую, что вокруг одни только герои Шукшина.

И литературовед Виктор Горн, хоть и немец по происхождению, словно из какого-то рассказа Шукшина, и прозаик Саша Родионов, и сам я...

А что делать? Впитываешь в себя местный пейзаж, местную речь и сам становишься местным, и, подобно герою Шукшина, и начинаешь вести себя.

Еще когда выпивали, зачем-то в пух и прах разругался с телевизионщиком, как будто это он и виноват в том, что творится в Останкино. Потом уже пьяным полез купаться в Катунь, несколько раз взмахнул руками, оглянувшись, а Виктора Горна, который остался на берегу, возле одежды, совсем и не видно...

Ну, если бы скорость замеряли, наверняка можно было бы на какой-нибудь рекорд претендовать – такое течение у Катунь стремительное.

Кое-как выбрался из стремнины. Долго потом шел по берегу, пока до Виктора добрался.

Но шукшинский колорит и в Москве не кончился... Ехал на первой электричке из Домодедово – в вагоне девки шампанское пьют из горлышка...

– Чего гуляете с утра? – спросил у них.

– Ты что?! – ответила одна. – С Луны свалился? Олимпийские игры в Барселоне начались.

– Не... – сказала другая. – Я не за Олимпиаду пью... Не люблю спортсменов.

– А за что тогда пьешь?

– За этого, как его, Эриха Хонеккера... Чего его выдать требуют? Жалко дедуню...

Тут же мужики в карты играют на деньги... Тут же нищие ходят... Тут же дерутся – кого-то уже обокрали...

И так всё рядом, всё это самостоятельно, не смешиваясь...

Чистый Шукшин...

27 июля 1992 года, Москва

ДОРОГА В ВОЗНЕСЕНЫ

Наконец-то собрались в Вознесенье.

Долгими были сборы, далекой – дорога. Через Приднестровье, через Алтай пролегла она...

Но, наконец, мы в автобусе, и сразу так легко и свободно отделяются все городские заботы.

Сколько раз проезжал я по этой дороге?..

И все равно – каждый раз словно бы впервые...

До поселка автобус идет всю ночь.

К пяти рекам выезжает он... Вначале к Неве, даже и здесь, в верховьях, как бы ограненной и державной, потом к древнему Волхову, к простовато-задушевным Сяси и Паше и, наконец, к суровой Свири.

И вроде бы не так и далеко от Ленинграда, а на глазах меняется всё, становится чище и проще. И вот уже, вспыхивая белой гривкой бурунов на камнях, бежит вдоль дороги бесхитростная вода речушки...

Постоять на берегу пяти рек – разве этого мало за ночь?

И не жалко не спать в такую ночь...

Я и не спал, всю дорогу обдумывал разные сюжеты.

Надо написать – жаль, что не взял с собою эту папку! – рассказ «Свирские города и поселки», мешая в описании дороги время суток, времена года, чувства, владевшие мною в студенческие годы, и мои нынешние ощущения...

Даже начало рассказа придумалось.

«Мы приехали в Пашу ночью. Ярко в упор светила луна над рекой. У меня умерла мать. Я возвращался с похорон...»

9 августа 1992 года, Вознесенье

РУССКИЙ РАЗГОВОР

Ну, вот...

Добрался все-таки до Вознесенья. Сестра Ни на на работе, дома только ее муж – Виктор.

Поздоровались и – целый год не виделись! – сели на бревнышко, закурили.

Только странный получился разговор.

Заговорили, как обычно теперь говорят, что хреново и в поселке жить – пачка «Беломорканала» сорок рублей уже стоит – да ведь и в городе не лучше...

Но это сейчас хреново, а будет – не зря наш президент так ухмыляется – еще хреннее, может быть, совсем немоготу будет...

– Так что же делать-то? – спросил Виктор. – Что же это вы там?

Требовательно так спросил, осуждающе, словно я ему не за себя, а за всю питерскую, а заодно и московскую интеллигенцию ответить должен, чего это мы его одурачили.

– А вы тут чего? – спросил я и тоже как бы не у него спросил, а у всего, так сказать, народа в целом.

Очень по-русски это у нас получилось.

И все то, что сейчас происходит, тоже очень русское.

И народ понимает: кто им управляет, и интеллигенция разобралась, что нынешние правители не доведут до добра страну...

Но хотя и понимает народ все, а ничего не делает, надеется на что-то. А интеллигенция тоже, хотя и самой немоготу, ждет, пока народ совсем терпеть не сможет и поднимется, чтобы скинуть обманувших всех правителей.

Так вот и мучаемся, надеясь друг на друга.

А жить тем временем все страшней, все отчаянней...

– Что же вы так? – пряча окурки (дорого, доро-

го нынче курево!) в карман, спросил Виктор. – Нет, не дело это...

– А вы чего? – сказал я. – Чего вы голосовали за Ельцина? Видели ведь, кого выбирали. Я-то, например, вычеркнул его...

– Да болт я положил на эти выборы! – ответил Виктор. – Я вообще на голосование не ходил.

И ушел в дом...

Недовольный ушел.

Но не Ельциным, даже не теми, кто заморочил народ рассказами о западном рае, а мною...

И это очень по-русски у нас получилось. Потому что и я ведь смотрел вслед Виктору, и не столько на правителей наших злился, сколько на него, на Виктора, как будто он и виноват во всем. Очень русский разговор вышел.

И результат – тоже очень русский...

10 августа 1992 года, Вознесенье

ПОЗНАЙ

Обычный диалог в посёлке:

– Продаёшь, бабушка, картошку?

– Дак ведь и продавать нечего... Такая сушь стояла, совсем мало картошки убрали.

– А почём ведро отдадите? За сколько?

– А познай сколько...

Словечко «познай» – местное. Значение его размыто, всякий раз это слово употребляется с особым смыслом.

Иногда слово «познай» заменяет выражение: «кто его знает».

– Соседи-то дома? – спросишь.

– А познай, куды уехадчи...

Чаще же добавляют глагол и говорят, например, что «познай знает, чего у её губа надута!», и тогда проступают за словом смутные очертания некоего неведомого мифологического персонажа.

– Познай знает, которого лешего в президенты выбирали... – рассуждает старушка в ларьке. – Пенсии второй месяц не платят.

Мирно так говорят, без злобы, без раздражения. Смотрят на ценники и шевелят губами, что-то подсчитывая.

Что считают?

А познай знает чего...

11 августа 1992 года, Вознесенье

НЯНЬКА МИРОЗДАНИЯ

Утром, еще спали, приехал с зареки Веня Феррапентов, привёз картошку.

Еще он привез похмелить своего приятеля, кучерявого удмурта Гену.

Работает Гена на пилораме, но главной для себя считает мыслительную деятельность.

Мысли у этого заречного философа с пилорамы, которого, кажется, прямо из моей повести «Гавдарея» и привели, хотя и затуманены спиртом, но весьма масштабные.

– Люблю, – сказал Гена, протягивая мне руку, – с мирозданием понянчиться, когда работа на пилораме не отвлекает.

По затянувшемуся рукопожатию я понял, что своими собеседниками Гена дорожит. Он сам признался, что в поселке собеседников у него немного. Что, впрочем, и понятно – не всякий вынесет, когда при нем начинают нянчиться с мирозданием.

Я тоже не выдержал.

Вынес приятелям початую бутылку водки и потом, пытаясь сообразить, зачем я это сделал, сидел и слушал рассуждения о месте нашей поселковой местности в общей картине мироздания.

– Если больше нет суждений, я пойду... – сказал Гена, глядя на опустевшую бутылку, и – всего полтора часа и гостил! – в самом деле ушел.

То ли на пилораму, то ли дальше мироздание нянчить.

12 августа 1992 года, Вознесенье

КОГДА СОРВЕШЬ СПИНУ

Все эти дни занимался купленными еще зимой бревнами. Перетаскивал на свой участок, шурился и в результате сорвал спину.

Вечером с горя напился, а утром увидел в коридоре у Нины стопы старых учебников, которые она спустила с чердака, чтобы пустить на растопку, и загорелся мыслью собрать коллекцию послевоенных учебников.

К вечеру коллекция моя перевалила на третью сотню – целая библиотека получилась, а главное, за этой возней отпустило спину. Впрочем, к бревнам я не рискнул вернуться. Весь вечер разбирал старые стихи.

Тревожно.

Марина звонила в Питер.

Там в квартире у нас Курчаткины, приехали с какими-то англичанами...

15 августа 1992 года, Вознесенье

ОПУСТЕВШАЯ РЕКА

Тихо стало на Свири.

Посреди лета, в разгар навигации, эта тишина, эта пустота на реке пугает.

Раньше здесь шли самоходки, сновали катера, тархтели моторки, а теперь – редко-редко! – проползёт судно.

Топливо кусается, вот и невыгодно стало возить грузы, невыгодно да и нечего, наверное, возить.

И на моторках – бензин дорог – только за клюквой да на рыбалку и ездят.

И всё понимаешь, но невозможно привыкнуть к тишине, воцарившейся на судоходной реке.

В этом году закрылась пассажирская линия. Туристские суда идут почти пустые. Редкие пассажиры на них – иностранцы.

– После войны-то жили, тоже так было, редко ездили... – вздыхает тетушка.

После войны...

Ну а сейчас, после (почему после?) реформы Ельцина...

Впрочем, это ведь одно и то же. Особой разницы нет.

Только тогда, в войне, наша страна победила, выстояла... А теперь?

Опустела река за окнами нашего дома...

17 августа 1992 года, Вознесенье

У СОСЕДЕЙ

Тетушка живет в коммунальном доме.

Половину занимает она; половину – соседи.

Соседи – это две сестры.

Когда-то они учились у тетушки в школе. Я помню их совсем желторотыми пацанками, помню – повзрослевшими красавицами, но сейчас – жизнь не заладилась у обеих – они постарели и превратились в старух...

Обычно сестры или пьют дома, или гуляют где-то – тогда дверь на их половину подперта поленом.

И собака сестер, некормленная, уже не лает, а хрипло и непрерывно скулит на цепи у дровяного сарая, и такая нищета, такое отчаяние в не стихающем тихом вое, что щемит сердце от безысходности и какой-то глухой злобы и на спившихся сестер, и на себя самого тоже.

– Ни для кого живут, дак будет о собаке думать... – говорит тетушка и пытается трясущимися руками накапать себе корвалола.

18 августа 1992 года, Вознесенье

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Приснился сон, будто меня повезли на расстрел.

А вместе со мною еще какого-то мужика. И его расстреливают первым. Он долго дергался, отбивался, и расстрельщики с трудом управились с ним.

А они такие деликатные оказались...

– Снимите, – говорят мне, – рубашку, пожалуйста... И обувь, обувь тоже не забудьте снять...

Снимаю. Потом вспоминаю, что перед смертью помолиться надо.

– Господи! – говорю. – Помилуй мя!

И сразу просыпаюсь.

Ночь такая тихая, светлая, огоньки на воде...

Так и сидел, не зажигая света, смотрел в окно, думал.

То ли Господь меня уберет во сне от расстрела, то ли еще не готов я, чтобы он помиловал меня.

Но под утро помутнела река, зарядил дождь.

А в прошлом году этот день мы провели на болоте, собирали бруснику и слушали приемник, рассказывавший о перевороте в Москве.

19 августа 1992 года, Вознесенье

ВИВАТ, РОССИЯ!

Сегодня по телевизору праздник «Виват, Россия!».

«Август-91 избавил Запад от навязчивой мысли о советской угрозе», – говорят по радио... Еще говорят, что отменены льготы всем персональным пенсионерам.

Тётушка моя к персональным пенсионерам отношения не имеет, но решение, принятое новыми властями, ей не нравится.

– Погодите... – беседует она с репродуктором.

– И вам, сволочам, когда вы на пенсию выйдете, тоже, глядишь, отменят пенсии!

– Тетушка! – сказал я. – В древней истории существовал принцип, разрешающий человеку поступать с другими, как они поступали с ним. Христос сказал, что поступайте с другими так, как хотите, чтобы поступали с вами. Ну, а ты говоришь: пусть с вами поступят так, как вы поступили с нами. Тут ветхозаветные принципы совмещаются с принципами советского коллективизма.

– Ой, не ври ты, Миколя! – сказала тетушка. – Вот доживешь до моих лет, так сам узнаешь, какие принципы совмещать, когда у тебя пенсия такая игрушечная.

20 августа 1992 года, Вознесенье

ПОЛИГОН

Редко идут сейчас суда по Свири.

В диспетчерской у Виктора Мочалова, где я пережидал дождь, стоит телевизор. Дежурные смотрят... Времени – судов-то почти нет! – хватает теперь, чтобы и телевизор посмотреть на дежурстве.

Ну, а те суда, что идут мимо поселка, в основном загружены сырьем... Вывозят из страны лес, топливо, металл.

– Возле Хевроньино, слышал, сняли недавно двадцать километров телефонного кабеля, – говорит Виктор.

– Зачем? – спросил я.

– Свинец нужен был. Сдали, наверное...

– А деревня что?

– А что деревня? Начальство считает, что и без телефона можно прожить... Говорят, полигон у нас собираются сделать.

– Какой еще полигон?!

– Дак подчистую вывозят все, что только можно. Вроде как из дома, который на слом идет... Вот народ и думает, может, полигон какой ладят сделать? Я посмеялся шутке, но посмеялся невесело.

Кто его знает, чего еще надумал Ельцин в нашей стране устроить.

Вон он в экране телевизора сидит.

– Сейчас, – говорит, – приходится осваивать самое элементарное. Мы делаем лишь самые первые шаги к нормальной человеческой жизни... За прошедшие полгода Россия получила начальное рыночное образование...

– Дак что же? – спросил у телевизора сидевший рядом со мною капитан рейда. – Еще и среднее образование будет?!

– Ну а как же... – ответил Виктор. – С четырьмя классами не проживешь на полигоне!

23 августа 1992 года, Вознесенье

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Ходили сегодня к Королевым звонить в Питер.

Николай Федорович работал учителем математики в нашей школе, я учился у него, но когда сегодня он начал показывать семейные альбомы, я поразился, как мало знаю о нем...

Оказывается, Николай Федорович коренной здешний житель. Дед его работал судоподъемщиком.

Тогда течение у Карьешки было таким, что пройти своим ходом суда не могли, надо было тянуть их. Для этого и было создано цепное пароходство, которое поднимало суда встреч течения.

На фотографии дед Королева снят в кожанке, как у чекиста. Впрочем, фотография сделана задолго до революции, значит, правильной говорить, что чекисты ходили в кожанках, как у деда Королева.

Жили Королевы тогда в Березниках, сейчас уже окончательно исчезнувшем селе.

Поразила заполненная детскими мордашками фотография березницкой начальной школы. Столько детей потом и в Вознесенье у нас не было, не говоря уже об исчезнувших без следа Березниках...

25 августа 1992 года, Вознесенье

СЛАВА БОГУ

Прогорели, осыпались березки, из ивового куста вылетела сорока и улетела неведомо куда.

На реке пусто, только шныряет обстановочный катерок, проверяет бакены.

По пустой улице медленно идет женщина. В одной руке – вица, которой она гонит пятнистую корову, а другой рукой женщина катит коляску, из которой, кроме детского одеяльца, высовывается сетка с продуктами – буханка хлеба, какие-то кульки...

– Далеко ли ходила-то, Вера? – окликает женщину старушка, сидящая на скамеечке у своей калитки. – Не в ларьку ли была?

– В ларьку, бабушка... – отвечает женщина, отстраняясь. – Брала масла да хлеба буханку... А обратно шла – корову встретила. Дак завернула к дому!

– Сахару-то нет в ларьку?

– Нет, бабушка... Дуся говорила, может, на следующей неделе выкинут...

– Ну дак хорошо, и слава богу... Дочка-то здорова?

– Здорова... Всю дорогу спит.

– Молодец у тебя дочерь, Вера. Такая здоровая растет... А муж-то с командировки не вернулся, я не видела?

– Завтра должен вернуться... Ну я побегу, бабушка. Сейчас фильм начнется, хочу посмотреть.

– Дак иди-иди с богом. У меня-то телевизор сломанный, дак и не смотрю... Чего там у Луиса-то Альберта, всё ладно?

– Дак ведь этой стерве поворот дал, теперь хорошо живет.

– Ну и слава богу... Такой мужчина хороший, и слава богу, если наладилось всё. Иди, смотри...

И снова двинулась вперед процессия – впереди пятнистая корова, следом Вера с коляской...

Одна осталась старуха на улице.

Выцветшими глазами смотрела, как шныряет по реке обстановочный катерок, и думала о Вере, о ее дочери, о Луисе Альберте...

О том, что – слава богу – у них хорошо всё.

29 августа 1992 года, Вознесенье

ПЕРЕМНЫ

Странно, как изменились в «Матросской тишине» наши гэкачеписты.

И в Лукьянове, и в Янаеве, и в Крючкове, и в Язове, не говоря уже о Стародубцеве, Варенникове и Бакланове, появилось за прошедший год нечто интеллигентное, человеческое, вызывающее сочувствие.

Страдание всегда облагораживает человека, но тут дело не только в тех переменах, что происходят с узниками «Матросской тишины».

Важны и те перемены, что происходят в нас.

Мы уже ясно видим, что победило в августе 1991 года.

Увы... Интеллигенция в нашей стране всегда живет как бы и не в своей стране.

Нам внушали и продолжают внушать, что национализм еще ни один народ не довел до добра.

Но ведь и оголтелый интернационализм, который насаждался и продолжает насаждаться у нас, тоже еще ни один народ не довел до добра, и мы сами лучший пример этому.

30 августа 1992 года, Вознесенье

ПАМЯТЬ ДУШИ

Печка на кухне занимала весь угол, от двери из комнаты до двери в коридор.

Уже давно разобрали мы ее и сложили на этом месте аккуратную плиту со щитом, но проходишь в темноте по кухне и, чтобы определиться, вытягиваешь руку, и всегда удивляешься, не нащупав столбика печи, поддерживающего ее свод над плитой.

И только мгновение спустя вспоминаешь, что разобрана та печь, которую помнишь в этом доме не памятью даже, а самим своим телом...

Ничего не может измениться в пространстве, где ты вырос, и как бы ни переустраивали мы это пространство для большего комфорта, в памяти тела оно остается прежним. Память мускулов оказывается не подвластной переделкам, она помнит только то, что здесь было раньше...

А память души?

2 сентября 1992 года, Вознесенье

НЕКЛЮЖИЙ НАРОД

Возвращался из леса и встретился по дороге с бабусей, что попадала в поселок.

– За клюквой ходила, бабушка?

– За клюквой, милый, за клюквой! Немного и набрала, килограмма четыре, а всё – не зря день прожила. Клюкву-то сей год хорошо принимают.

– Уж так и хорошо... – усомнился я. – Восемьдесят рублей... А буханка хлеба восемь рублей. А в прошлом году десять рублей за килограмм клюквы давали. Сколько можно было хлеба купить?

– Это так... – вздохнув, согласилась старушка. – Не поймешь теперь, какая жизнь наступила. Раньше-то правители объясняли, что худо живем из-за буржуев. А теперешние наоборот говорят; буржуи хорошие, а коммунисты – плохие. Которой власти верить?

– Дак те же самые и сидят у власти, которые были!

– А я думаю, чего такие похожие... В телевизор-то не влезть скоро будет, морды уже от жира трескаются, показывают.

– Народ, бабушка, больно плохой правителям нашим достался, вот и мучаются с нами.

– Да-к это так, так! – согласилась старушка. – Неклюжий, конечно, народ. Были бы мужики хо-рошие, давно бы мордovorотов этих выгнали, чтобы над народом не сдювлились.

3 сентября 1992 года, Вознесенье

ДОЖЖИТ

Наконец-то погрузили на машину сруб, брусья и отправили в Питер. Сразу пустовато стало вокруг дома, даже разговоры стали слышной.

Во дворе у соседей разговаривают старушки...

– Севодня по радиву-то говорили, мужики в космос собравшись выходить...

– Полно врать-то, Шура... Куды они выйдут, ес-ли с утра дождит.

– Да-к по радиву говорили...

– А по радиву тоже не хуже тебя врут!

4 сентября 1992 года, Вознесенье

ВОВРЕМЯ БЫ...

Легко зайти в лес, выйти – трудно.

Эта житейская мудрость обретает материаль-ность, когда подходишь к поселку со стороны ле-са.

Поваленные деревья, гниющие ветки и штабе-ля бревен, земля разворочена, растерзана... Кое-где и не пройти даже! Бывает, застрянешь в буреломе, хотя уже ясно слышно и лай собак, и человеческие голоса.

– Капиталиста бы сюда... – сказал Виктор, ког-да мы продирались сквозь бурелом. – Уж он бы порядок навел!

Это присказка у него такая.

Тысячу раз ее слышал. Иногда – к месту, а чаще – невпопад...

Но раньше я и внимания не обращал на нее. А нынче, когда видим этих самых капиталистов не только на экранах телевизоров, но и наяву, живьем?

Виктор тоже почувствовал фальшь.

– А впрочем, кто его знает... – поправился он. – Вон за Шустручьем кооператоры лес рубили, да-к тоже всё загадили. Может, с капиталистами еще хуже будет? Если сами порядка не навели, чего на их надеяться?

Надеяться на новоявленных капиталистов действительно не приходится.

Это только Гайдар с Бурбулисом могут рассчи-тывать, что спекулянты способны поставить на ноги экономику. А народ потихоньку прозревает, что созданные ельцинскими реформами капита-листы – это не совсем то, что на Западе, вернее, это совсем не то! Так сказать, клевета на капита-лизм в чистом виде.

Я, правда, не видел, во что превратили коопе-

раторы лес в Шустручье, но не доверять Виктору оснований не было. Не только леса, но и души людей стремительно превращаются сейчас в бу-реломистые чащи.

Бывает, забредет человек куда-нибудь и не мо-жет выбраться, хотя и слышит, как в церкви поют.

– Ага! – согласился Виктор. – Совсем дремучие люди стали. А не вовремя это. Нет, не вовремя...

5 сентября 1992 года, Вознесенье

ЧЕРДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Все эти дни благоустроивал территорию вокруг дома. Развалил сгнившую баньку, покрыл шифе-ром крышу на сарае, закончил наконец-то забор.

Еще пишу рассказы. «Матерщинница», «Из дневника отлетающего».

Сегодня чердачный день. Разбирал книги сна-чала у себя на чердаке, потом у Нины. Забрал у нее много интересного.

Резали у тетушки боярышник. Настригли две корзины.

Вечером мастерил стеллаж под коллекцию школьных учебников.

6 сентября 1992 года, Вознесенье

РЫЖИКИ В ТУМАНЕ

Сентябрь...

Ночью на земле заморозки, а по утрам над ре-кой густые – не видно другого берега – долго, ча-сов до девяти утра, висят туманы.

– И хорошо... – говорит тетушка. – Рыжики-то в тумане хорошо растут.

У тетушки в этом году проблемы с заготовкой грибов, надо бы насолить дочерям по ведру, но грибов нет, никто не продает, а если и продают, то просят дорого – полторы сотни за корзинку. А са-ма тетушка в лес не может ходить, падает в лесу.

Вот и сидит у окна, думает о волнушках – представляет, как растут они.

И не только знание народных примет в этом – «Хорошо рыжики в тумане растут...» – но еще и сопереживание...

А волнушки действительно в тумане хорошо пошли...

И себе корзину набрал, и тетушке.

Еле-еле из леса вынес.

7 сентября 1992 года, Вознесенье

БОДЛИВЫЕ КОРОВЫ И КРЕМЛЕВСКИЙ НАРОД

Мы верим в то, во что нам хочется верить.

Это понятно.

Но бывает, что и не веришь, но если нравится что-то, то как бы начинаешь верить в это.

Лично мне, например, нравятся разные небывальщины.

Расскажет кто-нибудь, что на северах песцы на машины нападают или, дескать, у нас в округе коровы всех медведей забодали, и я хотя и не поверю, но обязательно перескажу такую историю, как будто я верю в нее.

Вот и демократы наши тоже так.

Нравится им думать, будто они о народе думают, они как бы и верят в это.

И не переубедишь их, что заботы их только кремлевского народа и касаются...

9 сентября 1992 года, Вознесенье

СОН ВПЕРЕМЕШКУ С КЛЮКВОЙ

Ходим с Витей за грибами, ездим с Ниной на обстановочном катере в Ивинский разлив на плавучие, красные от клюквы острова...

Сегодня приснился странный, вперемешку с клюквой сон.

Будто приехал в Томск поступать в литературный техникум.

Почти все абитуриенты молодые, гораздо моложе меня ребята. Но есть среди них один, постарше...

Фамилия Рубцов.

Зовут Николай.

Я говорю ему, что люблю стихи Николая Рубцова и читаю «Доброго Филю».

– Так это же мои стихи... – говорит он.

– Как?! – удивляюсь я. – Вы и есть тот самый Николай Рубцов?!

– Тот самый! – ответил Николай Рубцов. – Какой же еще...

Я не поверил, конечно, но спорить не стал, попросил почитать что-нибудь новое.

Рубцов усмехнулся и начал свистеть. Говорит что-то и свистит при этом, даже уши закладывает.

Я уехал тогда из Томска.

Уехал, так и не сказав Рубцову, что написал про него книгу.

16 сентября 1992 года, Вознесенье

ЗАВЕРШЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Закончил «Записки сумасшедшего» – повесть «Полет на Юпитер».

В Риге идет суд над заместителем командира отряда рижского ОМОНа Сергеем Парфеновым, обвиняемым в превышении служебных полномочий, а у нас такая чудесная погода...

К девяти часам утренний туман рассеивается и наступает ясный солнечный день.

С утра пишу, потом на лодке переправляюсь через реку, иду в лес. Собираю грибы, думаю.

Как-то очень хорошо одному в лесу.

По вечерам разбираю архив.

Отбираю записки для дневника, для романа, для «Семейной хроники»...

20 сентября 1992 года, Вознесенье

ПРИЧУДИНА

Принес заводской мужик трехлитровую банку.

– Краски не надо, хозяин?

Жена посмотрела, покачала головой.

– Дорого... Да и не очень нужно сейчас.

Не получилась торговля.

Мужичок долго смотрел на мои самовары, потом попросил продать один.

– Собираю все чайное...

Самовар мы не продали, подарили несколько коробочек из-под английского чая.

Во дворе мужичок увидел корягу.

– Это что?

– Стопить в плите надо... – ответила жена.

– Да вы что? – заволновался мужичок. – Такая причудина удивительная! Если ее обработать...

– Не выйдет ничего... – сказал я. – Эту корягу я приволок... Рассчитывал, получится что-нибудь... Нет! Ничего не разглядеть, чтобы похоже вышло...

– А зачем нужно, чтобы похоже? – удивился мужичок. – У меня дома стоит корень, все спрашивают: кто это? А я говорю: сами думайте. Причудина такая... Можно, я корягу, если не жалко, возьму?

– Берите...

Взял мужичок корягу и пошел.

В одной руке трехлитровая банка с краской, в другой коряга и пустые пакки из-под английского чая. Кто он – не знаю, но вид – весьма причудливый.

Через неделю мужик снова пришел.

Принес бумажку, которую обмакнул в краску.

– Такой колер чудесный получился, может, возьмете?

Но и этот колер не приглянулся жене.

Мы с мужиком покурили, снова поговорили о корнях.

Еще в школе, когда я собирал корни, меня занимала мысль, что одному закону подчиняется и мягкая плавность движений оленя, выбирающего мох, и стремительная краткость движений хищника, охотящегося на оленя. Этот же закон подчинял себе и стремительную краткость извивов корней, ищущих воду.

Поэтому и интересны так сделанные из корней фигурки животных... Помимо внешнего сходства сохраняется в них и живая, стремительная повадка.

Фигурки, которые я делал сам из корней, эту живую повадку передавали.

Но со сходством, увы, со сходством напряженной была.

Смотришь на фигурку и видишь – это животное, птица... Но какое животное? Какая птица? Причудина какая-то...

Иногда я даже фантазировал, что такие животные и птицы существуют в природе, просто еще не открыты, не описаны учеными.

Я не удержался и показал своему гостю одну такую фигурку, вырезанную мною из корня... Задрал хвост, застыло чудище с остренькой лисьей мордой.

Мужик долго смотрел на это чудище.

– А! – сказал он. – Давай менять на банку краски, а?

Краска нам была не нужна, но впервые за мое скульптурное произведение был предложен гонорар, и я не смог удержаться от сделки.

– Вот это да! – обрадовалась жена, когда я сообщил, что продал скульптуру за банку краски.

Ее восторг показался мне немного подозрительным.

– Ты же говорила, что нам не нужна краска...

– Почему не нужна?! Я же крылечко собиралась покрасить!

Жена отвечала не задумываясь, но у меня все равно осталось подозрение, что обрадовала ее не столько банка краски, сколько расставание с коряжиной, которую она давно уже примерялась выкинуть.

Вечером сидел у тетушки и рассказал всю эту историю.

– Это коряга такая, которая на лежанке в спальне стояла? – спросила тетушка.

– Ну да... Фигурка из коряги вырезанная...

– И где ты нашел эту причудину?

– Не помню уже, – ответил я. – Кажется, на озере. На Стеклянном...

– Да я про мужика спрашиваю! – сказала тетушка. – А не про корягу...

22 сентября 1992 года, Вознесенье

ПРОЩАНИЕ

Еще листья с берез не осыпались, но уже прозрачными сделались кроны. Выйдешь вечером на улицу, и сквозь березы ярко горят на небе сентябрьские звезды.

Сами листья тоже похожи на неяркие звездочки, чуть светятся в темноте, как далекие созвездия.

А на реке темно.

Редко-редко пройдет судно. Самого судна не видно – только проплывают в ночи разноцветные огни.

Вчера весь день лил дождь. Вечером поднялся ветер. А сегодня – солнце, и ночью – такая огромная и ясная луна...

Не шелохнутся в лунном свете деревья в саду...

3 октября 1992 года, Вознесенье

(Окончание следует)

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные кладь», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдаря», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

Артём КУЛЯБИН

г. Сокол,
Вологодская область

Сквозняки времени

От Спрута до Швецова

В одном из знаменитых программных стихотворений Николая Рубцова есть парадоксальная, на первый взгляд, фраза о поэзии:

*...И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё.*

Быть зависимым от поэзии, как, скажем, от наркотика (прошу прощения за такое сравнение) – участь избранных. Здесь имеется в виду, конечно, полная зависимость, которую иные критики называют «беззаветным служением». То есть человек живёт (речь, главным образом, идёт о духовном мире) одной поэзией, чью волю преодолеть не в силах. И заметнее это становится после его ухода из жизни.

Уходит человек, и начинается другой отсчёт: пять лет, десять... Пятнадцать лет нет с нами русского поэта Александра Швецова. Трудную биографию поэта восстановить несложно: остались многочисленные воспоминания, есть официальные документы, наконец. С поэтической биографией сложнее: можно, конечно, собрать книги, газетные и журнальные публикации, письма и т.д., но способны ли они отразить масштаб поэтической личности? В какой-то степени – да. А вот в полной мере – едва ли. И причин здесь множество: от конкретных до глобальных. Но, так или иначе, приступить к этой работе необходимо...

Чтобы Швецов стал Швецовым, потребовалось время. Пусть и не такое длительное, как некоторым другим авторам. Поэтому вряд ли можно согласиться с теми, кто утверждает, что Швецов «пропустил период скромного подбирания красок». Период ученичества, творческих исканий собственного пути был. Он растянулся на несколько лет. Об этом свидетельствуют стихи, опубликованные в местной периодике конца 60-х – начала 70-х годов. Первая публикация состоялась в далёком 1968 году: на страницах районной газеты «Сокольская правда» появилось стихотворение Швецова «За солнечным дождём» под псевдонимом А.Спрут. Спустя месяц за подписью «А.Спрут» вышло новое стихотворение, потом – другие, уже под настоящей фамилией. Что их объединяет? Оптимизм молодости: о чём бы ни писал юный автор (о любви, о родине, о стройотряде и т.д.), практически везде читатель находит яркие мажорные краски. Пожалуй, лишь стихи о войне («Хатынь», «Рассказ деда», «Мальчишки» и др.) несколько выбиваются из этого ряда.

Вряд ли первые стихи Швецова нуждаются в строгом художественном разборе. Даже невзыскательный критик легко обнаружит в них общие для многих начинающих авторов недостатки: и чрезмерную описательность, и неоригинальные рифмы типа «любовь – вновь», и декларативный пафос. Вероятно, всё это – издержки роста (первые стихи появились в печати, когда их автор ещё

учился в школе). Очевидно, автор методом проб и ошибок искал себя. Например, целый цикл стихов посвящён студенческому отряду «Альтаир 71». Стихи эти («Ну-ка, дед, принимай матрасы», «Мы студенты – народ бедовый» и др.) проникнуты духом комсомольской романтики, кое-где в них чувствуются эстрадные интонации. Это не случайно: на 70-е пришёлся «пик» комсомольских строек, со сцен, из репродукторов, с телеэкранов лились потоки жизнеутверждающей музыки. И всё же востребованная газетами производственная героика не стала темой Швецова. Он пошёл по другому пути.

Может быть, не стоило бы и вспоминать эти несколько десятков первых стихотворений поэта, увидевших свет в местной периодике. Но они интересны и важны прежде всего как этап творческого становления, формирования мировоззренческих установок. Уже тогда сквозь пафос юношеского максимализма угадывалась талантливая личность настоящего поэта, который спешит золотой тропой за солнечным дождём или идёт встречать красавицу весну. И ветер сладко зевает старой калиткой, и отчий дом стариковски сутулится – живое и образное восприятие окружающего мира свидетельствовало о неплохих перспективах.

Три книжки счастливых лет

Перспективы были удачно реализованы Швецовым в конце 70-х – начале 80-х годов. Пожалуй, этот период стал наиболее счастливым в творческой жизни поэта. Одна за другой выходят три книжки, их автора принимают в Союз писателей, что даёт возможность полностью посвятить себя литературной работе.

В статьях о Швецове многие вспоминают его судьбоносную встречу с поэтом-фронтовиком Николаем Старшиновым, сыгравшим роль своеобразного наставника молодого коллеги. В 1979 году Швецов становится участником VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. О поэте упоминает газета «Правда» – это, по понятиям того времени, было своего рода официальным признанием. В этом же году выходит первая книжка (точнее – тридцатистраничная брошюра) «Крылатый снег» в столичном издательстве «Молодая гвардия» огромным, по современным меркам, тиражом 30 тыс. экз. Не удивительно, что практически ни одно из первых стихотворений, о которых шла речь выше, не вошло в книжку. Кри-

тика встретила сборник довольно сдержанно, но в целом доброжелательно. Рецензенты Василий Оботуров и Василий Елесин сошлись во мнении, что шестнадцать представленных в сборнике стихотворений неравноценны. Тем не менее и тот, и другой критик обратили внимание на талантливые поиски автором своего слова. Василий Оботуров, высказавший целый ряд замечаний, отметил, что сборник воспринимается «свежо и неожиданно». Василий Елесин, сожалея о том, что в книгу не вошли многие интересные стихи (кстати, поэт Виктор Коротаяев в предисловии к сборнику также отметил, что он «не может дать полного представления о работе молодого поэта»), подчеркивает, что поэт «набирает творческую силу».

Действительно, эти стихи более высокого художественного уровня. Некоторые из них («Живём на родине добром», «Весеннее», «Нетужило», «Вставала мама рано», «Виташка» и др.) вошли и в последующие сборники, что свидетельствует об их высокой авторской оценке. В стихах сборника – попытка осмыслить противоречивый мир в целом и судьбы отдельных людей. Швецову удастся сжато, несколькими штрихами нарисовать характер. Вот, например, неприязнительный деревенский мужичок Нетужило (чем-то похожий на рубцовского доброго Филю), у которого «всё хозяйство – верстачок, всё добро – медали». И сказано о нём совсем немного, 12 строк, а человек представляется зримо, его характер и даже судьба. Это же можно сказать и о Виташке – героине одноимённого стихотворения.

Швецов как проникновенный лирик тонко чувствует музыку стиха, широко используя приёмы звукописи. Вот примеры характерных аллитераций:

*Над весёлой речкой
Домик наш парил...
Крылышко крылечка,
Пёрышки перил...*

«Вторые сутки в мире...»

Или:

*Не забывая о России,
Сгорая в танках на снегу,
Из боя песню выносили!
А я из дому не могу...*

«Фронтовым поэтам»

Пишущие о Швецове нередко обращают внимание на интересный оксюморон:

*Сошли сугробы, обнажая
канавы, рывины, поля...
До безобразия живая
прекрасно выглядит Земля.*
«Весеннее»

Приём этот не единичный у Швецова. Использование оксюморонов (и шире – контрастов) позволяет автору достичь эффекта неожиданности, что, безусловно, влияет на читательское восприятие текста.

В первую книжку вошли отрывки из поэмы «Северные заруби» (полностью она будет опубликована в иной редакции в следующем сборнике). Поэма указывает векторы творческих интересов автора: история Русского Севера, этнография, фольклор. Швецов уносит читателя в Петровскую эпоху, в небольшой и «удивительный, словно музейный» город Мезень. Композиционно поэма включает восемь глав («зарубей»), зачин и эпилог. Сюжет составляют несколько действий: проводы в Мезени, хождение на Грумант (поморское название Шпицбергена), встреча с воеводой в Архангельске, постройка новых кочев. Главный герой – деятельный корабельщик Васья Кочин. Любопытна временная организация поэмы: в эпилоге читатель возвращается в современность и встречается с однофамильцем главного героя, молодым помором. Очевидно, здесь указание на преемственность поморских традиций.

Швецов в поэме удачно переосмысливает легенду о корабеле, но фольклорный пласт у него представлен своеобразно: прибаутки и присказки служат «мостиком» для перехода от одного действия к другому. Особую роль играет пейзаж – природа несёт смысловую нагрузку, соответствующую тому или иному действию. Поэт знакомит читателя с колоритной народной речью – в «Северных зарубях» много диалогов. Такая диалогичность и эпизодичность действий приближают эту поэму (да и другие тоже) к драматургии.

Поэма дала «имя» следующему сборнику Швецова («Северные заруби», 1980). Новых стихов в нём немного. В них всё отчётливее начинается поступать трагичность интонаций («Баллада о Васе», «Приходит вновь утопший друг», «Не спеши уходить...») Еще недавно такой оптимистичный, автор, преодолеваемый сомнениями, уходит в скепсис:

*Может, завтра проснусь на рассвете седым
или, может, совсем не проснусь послезавтра.*
«Не спеши уходить...»

Читаешь это, и невольно наплывают есенинские строки:

*Может, завтра больничная койка
Успокоит меня навсегда.*
«Вечер чёрные брови насопил»

И Есенину, и Швецову не было и тридцати, когда из-под их пера появились такие схожие обыденно-трагичные строки. Что это: предчувствие собственной судьбы или нечто иное?..

Лирический герой Швецова всё чаще пребывает в состоянии глубокой задумчивости. Образ ветра и связанный с ним образ времени становится сквозным, переходит из одного стихотворения в другое («Зимние стихи», «Мороз и ветер. Ветер и мороз»). Одно из лучших стихотворений сборника – «Меня зовёшь, и я на полпути». Здесь поэтическое осмысление бытия удачно представлено как сопротивление человека ветрам судьбы. А человек этот у Швецова постоянно стремится куда-то уйти, убежать. Из своего поколения, времени – на огненный Арал или Ледовитый океан («Ворожба о Биармии»), «за море синее, в тайгу» («Мечты безжалостно расстроены»). Но, осознавая несбыточность мечтаний, горько констатирует:

*Вроде и крылья не связаны,
А улететь не могу...*
«Домик под старыми вязами»

Особняком в сборнике стоят стихотворение «Старики» и небольшая поэма «Молодо-зелено». В «Стариках» читатель найдёт юмор: диалог пожилой супружеской пары даёт повод для доброй улыбки. Поэма «Молодо-зелено» о студенческом стройотряде, может быть, менее удачна среди других произведений сборника из-за перенасыщения диалогами, какой-то торопливости, эскизности повествования.

Но, так или иначе, прав В.Пудожгорский, отмечавший в рецензии, что «три раздела книги Александра Швецова позволяют увидеть разные грани его таланта». «Будем ждать третьей книги А.Швецова», – отмечал В.Пудожгорский, словно зная, что это ожидание не станет долгим.

Уже спустя два года вышла следующая книга Швецова «Деревенский дневник». Тематически она заметно отличалась от двух предыдущих: в неё вошли преимущественно стихи о любви. К сожалению, во многих таких стихах – навязчивое однообразие, связанное с преобладающим мо-

тивом расставания. Вероятно, любовная лирика у Швецова не самая сильная, но, может быть, эти стихи были дороги автору по каким-то личным причинам. Где-то очевидно влияние Рубцова:

*Как будто прощаясь, гляжу на берёзы,
на чистые травы под сенью берёз.
И вот ощущаю невольные слёзы.
При виде таком невозможно без слёз.
«Как будто прощаясь...»*

Но, тем не менее, в сборнике немало поэтических удач. Многоцветная радуга выразительных средств подвластна поэту. Стилистическую экспрессию передаёт синтаксический параллелизм:

*Прослезилась утром –
Улыбнешься в полдень.
«Не грусти, сестрёнка!»*

*В крохотной баньке – и телу оттаивать,
В доме родительском – всякой душе.
«Деревенский дневник»*

*Родился я в большой семье!
А значит, выживу и в малой...
«Обед себе готовлю сам»*

*Уж много лет как нет войны,
хотя и мира нету.
«Всё шире шаг моей страны»*

Поэт емко сжимает мысль до размера формулы, афоризма. А это – верный признак поэтического мастерства.

Незамысловат сюжет поэмы «Деревенский дневник»: к матери в деревню из города приезжают погостить три взрослых сына, проходят знакомыми местами, встречаются с земляками, вспоминают далёкие годы детства, помогают совхозу на покосе, гуляют на празднике и уезжают домой. Вот, казалось бы, и всё. Но это только внешний, поверхностный пласт повествования. Есть и другой – внутренний, глубинный. В нём – трагедия вымирающей деревни:

*Деревня большая,
Дворов пятьдесят.
На многих замки
Вековые висят.*

Но память не закроешь на замок. Она живёт впечатлениями прошлого. В родной деревне всё

то и всё не то. И сами герои поэмы уже не те: в них ещё осталось крестьянское начало (с каким упоением сыновья работают на сенокосе!), но нет хозяйственной рачительности, они, по меткому замечанию соседа Олександра,

*...как-то смотрят на всё беспечно,
Как бабы в городе на дрова.*

Перед матерью (и деревней) сыновья испытывают чувство вины за то, что уехали из родного дома, выхолостили его. И начинаются рассуждения о вековых корнях, отцах и дедах, судьбе родины:

*Кто мы? Откуда? Из Нова ли града?
Чудь заволочская ли из лесов?
Где наши дедичи? Где их ограды?
А по Руси – до её полюсов!
Всюду они – земляки мои – всюду...*

И прошлое снова осеняет настоящее своим благородным величием – Швецов, кажется, мучительно ищет разгадку событий современности в глубине столетий...

От трагизма в жизни – к историзму в поэзии

Эти поиски будут продолжены после. Хотя в книге «Золотое крыльцо» (1993) драматизм 90-х почти не ощущается (рукопись несколько лет лежала в издательстве), поэт Александр Романов в предисловии к сборнику точно подметил: «Александр Швецов, пожалуй, вернее других вологодских поэтов чувствует, как трагизм в жизни вызывает к историзму в поэзии. Вот и книга эта – голоса, слышимые нами через века. И русская история в ней совершенно живая – она движется не от нас, а к нам и в нас. Мы видим не спины уходящих, а лица людей, спешащих будто бы на помощь, на выручку к нам и, возможно, на устыжение нас в нынешней духовной слабости и растерянности». Интересное наблюдение. Нечто подобное о движении судьбы человечества и судьбы отдельной личности можно найти в знаменитом бердяевском «Смысле истории». Великий философ отмечал, что «не может быть противоположения человека и истории, духовного мира человека и великого мира истории». Александр Швецов идёт от личного, частного и, выходя на обобщения, пытается по-своему осмыслить судьбу страны.

В лиро-эпике Швецов продолжает две темы: историческую и деревенскую. Поэмы «Новгородцы» и «Мам-пу» современному человеку, не имеющему специальной подготовки, читать непросто: необходимо обращаться к комментариям, а иногда даже – к историческим источникам. Дело в том, что автор ставит во главу угла не общеизвестные факты, а любопытные детали, которые по тем или иным причинам не получили широкого распространения. Например, об Александре Невском многие знают, в первую очередь, как о великом полководце, одержавшем принципиальные победы в Невской битве в 1240 году и в Ледовом побоище в 1242 году. Швецов открывает для читателя ещё одну важную грань деятельности полководца – дипломатическую.

В «Мам-пу» действие происходит в 1367 году. Понятие «мам-пу» в коми языке означает материнское дерево (ель). В основе сюжета – «мысленный бег» зырянского волхва Памы, который размышляет о русском народе и коми, сопоставляя их на основе образов ели (коми) и берёзы (русские). Автор подчёркивает своеобразие уклада жизни коми народа, его фольклора и культуры в целом.

Поэма «Держава» переключается с «Деревенским дневником». Здесь – та же боль о том, что для молодого поколения родная деревня становится чужой. В «Деревенском дневнике» детей пытаются вразумить мать, в «Державе» – отец:

*Нет, ребята – не лентяи,
зря хулу не наведу.
Только нет великой тяги –
чтобы с выдумкой! – к труду.*

*Нет у них той силы жадной,
безоглядной в чем-то пусть,
что я сам зову державой
и всю жизнь её держусь.*

Понятие державы по ходу развития сюжета трансформируется из узкого значения («жадной силы», за которую можно ухватиться) в более широкое (державы – страна, хранительница традиций). Сын, уезжая из деревни, теряет опору (державу), и при этом Родина (державы) сама остаётся без поддержки.

Поэма-сказка «Олух царя небесного», отличающаяся оригинальным сюжетом, проникнута завораживающим огнём язычества. Сказка динамична и заканчивается, по законам жанра, счастливо.

Слово о «Слове»

Александр Швецов с неиссякаемой исследовательской энергией работал над проблемой авторства «Слова». Удивительное дело: человек, не имеющий даже филологического или исторического образования (поэт окончил естественно-географический факультет ВГПИ), погружается в проблему, над которой не одно столетие ломают головы академики и профессора словесности. Итогом кропотливой работы стала монография «У истоков русской тайнописи», написанная в соавторстве с В.Маркеловым и Г.Черепанниковой и изданная в 1994 году.

В чём же новизна швецовского подхода? Вероятно, в рассмотрении выдающегося древнерусского произведения не как светского памятника, а как «русско-православного слова». Большое внимание авторы уделяют личности Климента Смолятича – русского книжника и мыслителя XII века. В швецовском комментарии «Слова» сойдутся многочисленные текстовые параллели с неоспоримыми трудами Климента Смолятича.

Научная деятельность Швецова – тема для отдельного разговора. Всё-таки поэт и учёный в одном лице – явление довольно редкое. Швецов в письме Владимиру Кудрявцеву признавался, что монография «хоть медленно, но всё-таки работает». Книга и сейчас востребована как «узкими» специалистами, так и всеми теми, кто проявляет интерес к древнерусской культуре.

На своём последнем рубеже

Последнее десятилетие XX века стало последним и в земной жизни Александра Швецова. Оно было непростым. На эти годы выпали страшные потрясения в стране и её распад – самая ужасная геополитическая (и культурная, конечно, тоже) катастрофа столетия. Поэт-патриот не мог оставаться равнодушным к происходящему. Трагедия страны и трагедия человека соединились.

На события августа 1991-го, провал путча, поэт отреагировал оперативно:

*Не замолишь своей вины,
«Народ безмолвствует...»
В итоге
нет ни Закона, ни страны,
а их защитники – в остроге.*

«Август»

Поэт каким-то особым внутренним чутьём осознаёт близость и своего ухода. Об этом свидетельствуют стихи 1991 г.: «Что оставлю – одну неустроенность? – сыну...», «Мне ещё продержаться бы только годок...», «Завещание» («Ты спасёшь меня от палачей...»), «Если умру – увезите в родное Поповское...»

Начало 90-х стало для Швецова своеобразным рубежом (это понятие все чаще используется по-этом). Причём, как это не раз уже бывало, понятие в рамках одного стихотворения двузначно (рубеж в собственной жизни и рубеж как граница страны). Поэт готов быть сторожевым, жертвовать личным благом, ждать «тыщу лет»,

*Лишь бы охранить без мандража
Неприкосновенность Рубежа...
«Рубеж»*

Характерна орфография: когда поэт пишет о своём рубеже, употребляет строчную букву, о Рубеже страны – заглавную. В первоначальном газетном варианте этого стихотворения первая строфа была длиннее на две строки:

*Старый тополь. Старая скамья –
Вся Россия, Родина моя.
И стоять мне до конца уже
На своём последнем рубеже
С кулаками, с кухонным ножом –
На аэроПЛАН над Рубежом.
«Рубеж»*

Поэт видел трагедию русского народа, растерзанного «перестройкой», когда миллионы русских в одночасье оказались в другой стране, видел страшный разрыв духовных связей, когда «новоэтнографы»

*Раскроили слово «этнос»,
как какой деликатес.
«Неоэтнографы»*

И вынес свой вердикт эпохе:

*Такое время – ложь и суета.
«Мы говорим, что жизнь не удалась...»*

Быть оболганными суетливыми руководителями страны – незавидная доля. Но именно она досталась русскому народу. Рубеж оказался роковым.

Тревога хорошо ощущается и в публицистике Швецова, представленной множеством статей,

зарисовок, очерков, заметок... О том, что эта грань творчества не была для него какой-то побочной, второстепенной, а имела большое значение, сам поэт говорит в письме Александру Цыганову: «Заметки вот закончил для газет <...> Для меня это тоже очень важно. Хорошо бы – коль прошли». Обычно писательская публицистика имеет эмоционально-образный характер, у Швецова, наоборот, – преобладает понятийно-логическое начало. Автор аргументированно доказывает тезис, опираясь на авторитетные мнения. В целом ряде статей прослеживается мысль о необходимости возвращения на родину русской философии, о своеобразии русской культуры, глубоко национальной по существу. Интересны (и главное – своевременны) рассуждения Швецова о патриотизме: «Радикально в сознание наше внедряется мысль о том, что патриотизм и прогресс несовместимы, что патриотизм – это косность, пережиток и консерватизм, мешающий радикальным переменам – демократии (по западному образцу, конечно)». Спеша семимильными шагами в «счастливое будущее», как это было не единожды в истории, страна растеряла свою самобытность. А выбор у страны был, по Швецову, «между сырьевым придатком западного капитала в новом разделе мира и традиционной государственностью». К сожалению, власть предпочла первый вариант. И последствия этого недалёковидного шага ощущаются по сей день.

...Последним прижизненным стихотворным сборником Швецова стала восьмистраничная брошюра с интригующим названием «Ворожба» (1994). Её костяк составили стихи 90-х годов. Многие из них войдут и в посмертный, но подготовленный самим Швецовым сборник «Холмы» (2002). Первое беглое знакомство с «Холмами» позволяет сделать такой вывод: поэт сознательно представил своё творчество в контексте творчества других близких Швецову авторов – почти каждое стихотворение имеет посвящение или эпиграф. Детальное знакомство со сборником ещё более усиливает это впечатление. Реминисценции можно обнаружить во многих стихотворениях. Пушкин, Блок, Есенин, Рубцов – все они незримые «собеседники» Швецова. Прошлое, настоящее и будущее, кажется, переплетается настолько, что теряются грани между ними. Кстати, литературовед Вячеслав Белков подметил интересную деталь: под стихотворением «Послесловие» стоит дата «19 октября 1999 года» (Александр Швецов погиб 7 октября). Что это: обычная опечатка или стремление заглянуть в будущее?

Сквозняки времени вольно гуляли по всему творчеству Швецова. Сам он считал себя несовременным, но, например, хорошо его знавший поэт Владимир Кудрявцев утверждал, что Швецов был «обострённо современным человеком». Затворническая жизнь не мешала ему тонко чувствовать своё время – время, в которое он существовал.

Швецов, конечно, понимал, что сборник – не просто совокупность текстов, а некое художественное единство, имеющее свою внутреннюю логику. И в этом смысле интересны первое и последнее стихотворения сборника. Они – о Швецове. Первое – «Досье»: краткая автобиография-характеристика. Заключительное – «Послесловие» с романтически-несбыточным желанием «уйти в Шервудский лес». Образ благородного средневекового разбойника оказался близким современному поэту...

«Холмы» справедливо рассматривать и как завещание (напутствие читателям, потомкам), и как итог творческой жизни. Что же в этой книге итогового? Швецов в «Холмах» представлен многопланово: есть здесь и исторические этюды («Клименть Смолятич», «Предтеча», «Воля», «Княгиня Евдокия»), и ранние иронические стихи («Нетужило»), и трагедия современности («Круговорот», «Неоэтнографы», «Журналисту Валерию Ляпину», «Декабрь-91», «России 90-х» и др.). И наряду с этим в поздней лирике Швецова начинает проступать какая-то философская отрешённость. Показательно в этом смысле стихотворение «Холмы»:

*...И бессилие вновь,
И всё то же безверие.
Вьётся пыль над холмом,
Да на холм не взойти.*

Распространённый у Швецова образ ветра сменяется безветрием, вера – безверием, деятельность – бессилием. Какое-то смирение перед неизбежностью.

Стихотворение – название сборника – по-своему программно: в жизни и творчестве Швецова было много преодолённых холмов, но всё в этом мире конечно, как движение крыльев мельницы, так и существование человека на земле. «Холмы» – взгляд зрелого поэта на вечные вопросы бытия. В стихотворении нет указаний на конкретные исторические события или лица, время...

А вот швецовский взгляд на жизнь из 80-х:

*Казалось бы, жизнь-то простая...
Но чувствую: зря говорю.
То грешником в землю врастаю,
То ангелом в небе парю.
И так до гибели с нами...
А после откроемся ей
Не этими – в глине – корнями, –
А звоном и шумом ветвей!*

«Казалось бы, жизнь-то простая...»

Стихотворение вошло в сборник «Холмы». В посмертной книжке смысл этих строк неизбежно проецируется на судьбу самого поэта, погибшего в 48 лет...

* * *

В официальных сообщениях о произошедшем говорилось: «Печальная весть пришла из Сокола: в ночь на 7 октября трагически погиб известный вологодский поэт Александр Швецов. Утром его обнаружили мертвым у дома № 69 по ул. Шатенево». Шёл 1999 год.

15 лет спустя мало что изменилось в этом окраинном микрорайоне города Сокола, который в народе по-прежнему называют «трубками». Кажется: не властны годы над такими провинциальными городками, где почти все друг друга знают в лицо.

Знают здесь и Швецова. Читают стихи, изучают на уроках внеклассного чтения, проводят вечера памяти. Со временем открывается масштаб этой удивительной творческой личности, без которой уже трудно сегодня представить литературный процесс Вологодчины (да и всей России) во второй половине прошлого столетия...

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М. – 1990.
2. Дмитриев И. Оборвалась верёвка... и жизнь // Вологодская неделя. – 1999. – 14-21 окт.
3. Елесин В [Рецензия] // Красный Север. – 1979. – 6 мая.
4. Есенин С.А. Собрание стихотворений (репринтное воспроизведение издания 1926 года). Т. 1. – М. – 1994.
5. Каменев В. Крылатая душа // Красный Север. – 1982. – 5 нояб.
6. Кудрявцев В. «И всё созидующий зодчий, И всё разрушающий гунн...» // Сокольская правда. – 2011. – 1 июля.
7. Оботуров В. Живые предания // Вологодский комсомолец. – 1979. – 20 мая.
8. Пудожгорский В. Своя дорога // Красный Север. – 1980. – 5 сент.
9. Рубцов Н.М. Избранное. – Смоленск. – 2002.
10. Спрут А. За солнечным дождём // Сокольская правда. – 1968. – 19 окт.
11. Старшинов Н. В пятидесятых рождены // Правда. – 1979. – 17 марта.
12. Швецов А.С. Август // Сокольская правда. – 1991. – 28 сент.
13. Швецов А.С. Ворожба. – М. – 1994.
14. Швецов А.С. Деревенский дневник. – Архангельск. – 1982.
15. Швецов А.С. Золотое крыльцо. – Вологда. – 1993.
16. Швецов А.С. Консерваторы и радикалы. Проблемы и суждения // Сокольская правда. – 1989. – 20 окт.
17. Швецов А.С. Крылатый снег. – М. – 1979.
18. Швецов А.С. На своём последнем рубеже: из новых стихов // Сокольская правда. – 1993. – 10 августа.
19. Швецов А.С. Направо пойти, налево пойти... // Сокольская правда. – 1991. – 15 марта.
20. Швецов А.С. Письмо Александру Цыганову от 11.03.1988 // Сокольский районный музей. НВФ 2638/1.
21. Швецов А.С. Северные заруби. – Архангельск. – 1980.
22. Швецов А.С., Маркелов В.С., Черепанникова Г.А. У истоков русской тайнописи. – Сыктывкар. – 1994.
23. Швецов А.С. Холмы. – Вологда. – 2002.

Артём Михайлович КУЛЯБИН

родился в 1983 году.

Окончил филологический факультет

Вологодского государственного педагогического университета,

аспирантуру при кафедре литературы ВГПУ.

Кандидат филологических наук.

В настоящее время работает журналистом

в газете «Сокольская правда».

*Сфера научных и творческих интересов –
литературный процесс и публицистика периода*

Великой Отечественной войны,

литературное краеведение.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Антон ШУРИН

г. Северодвинск,
Архангельская область

ТЕМНЕЕТ РАНО

рассказ

1

Скачков сидел за письменным столом и сочинял отчёт. Сдать документацию на подпись начальнику он должен был ещё два дня назад. Перечитав последнее предложение, старлей поморщился и, скомкав лист, отбросил в сторону. Взгляд потянулся за окно, зацепился за жилки колючей проволоки. Вот! Строчки в его отчёте выходили такие же неровные и колючие.

Скачкову вспомнился сон, который вымучил его под утро.

Ему снилась лечебница где-то в осенних горах, обнесённая высоким забором. Выбитые стёкла, облупившаяся краска на стенах, пожелтевшая потолочная плитка, узор на ней похож на копошащихся в молоке опарышей, и несколько десятков людей, поражённых неизвестной болезнью. Он, Скачков, в белом халате ходит меж рядами больничных кроватей, на которых лежат разлагающиеся люди. С них слоями слезает кожа, плоть отстаёт от костей и выглядит как вяленая рыба. Через распахнутые окна в палату ветер закидывает листья, они кружатся, опускаясь на больных. Люди почти не разговаривают, кто-то стонет, кто-то тихо бредит. Запах гниющей плоти не даёт дышать, его мутит, он быстрым шагом пересекает палату и распахивает дверь запасного выхода. Чистый горный воздух, свинцовое осеннее небо... Он прислушивается — кажется, до его слуха доносится шум прибоя, похожий на артиллерийскую канонаду. Откуда здесь-то? К нему на креселкаталке подъезжает один из больных — сморщенный человечек с голым черепом, весь покрытый гноящимися язвами.

— Здесь рано темнеет, — тихим голосом говорит он, как будто не обращаясь ни к кому.

Скачков молчит.

— У меня отняли обе ноги, — продолжает больной, у него выцветшие глаза. — Ты же начальник, сделай что-нибудь.

— Я не врач, — разводит руками Скачков.

— Тогда улетай, — всхлипывает больной.

Он скребёт язву на щеке. Под ногтями остаётся кожа, которую он принимается вычищать, потеряв интерес к собеседнику.

Скачков расправляет крылья и взлетает.

— Во, — доносится до него чей-то голос, — сапсан полетел.

— Прощайте! — кричит он, но не слышит собственного голоса.

Его крик заглушает нарастающий низкий гул. С треском падает дерево, вырванное с корнем. Гарь. В нос ударяет вонь взрывчатки, всё вокруг застилает дым. Скачков со всего маха налетает на витки колючей проволоки. Грудь пронзает холод, Скачков падает, крылья ломко обвисают. Оглушённый, он слепо шарит по земле. Под ладонями — россыпь ещё горячих стреляных гильз...

Лопатки свело дрожью, старлей поёжился, положил ручку и сунул правую ладонь под мышку. В кабинете было очень холодно. Он подошёл к окну, посмотрел наружу сквозь облещенное стекло и в который раз пожалел, что своевременно не дал команду дневальному утеплить раму. Из окна были видны часть изолированного участка и бараки соседних отрядов, здание дежурной части и лес за пределами колонии строгого режима, в которой он служил.

Скачков вернулся к столу, который располагался прямо напротив входной двери. Буквой «т» к нему был приставлен ещё один, за которым осуждённые писали объяснительные, заявления на условно-досрочное освобождение, на краткосрочное или длительное свидание с родственниками, на выдачу вещей, на... В общем, заявления осуждённые писать любили и делали это часто, отрывая начальника отряда от его работы, вынуждая бегать с этими заявлениями к руководству.

«Плыл по городу запах сирени-и-и...» — пело за дверью радио. Периодически песни прерывались и по коридору разносился грубый голос: «Внимание, колония! Осуждённому такому-сякому прибыть в дежурную часть!» или: «Внимание, колония! Начсоставу прибыть в столовую для проведения обеда жилой зоны!»

— Ничего не успеваю, — пробормотал Скачков, покосившись на пачку необработанных документов. Но... Нарочито медленно достал

сигарету, в задумчивости поднёс её к носу и вдохнул запах табака. Ему вспомнилось, как утром, проснувшись в поту, ничего не соображая, он бродил по комнате, переживая приснившийся кошмар, потом оделся, зажёл сигарету и стал тупо разглядывать складки на своих помятых брюках.

Старлей сел за стол. От воспоминаний во рту скопилась горечь. Курить расхотелось.

— Дневальный! — крикнул он.

В кабинет завалился невысокий худой ээк, одетый в чёрную хэбэшку. «Иванов С. Б. Отряд № 7» — было написано на бирке, пришитой на правой стороне груди.

— Меня зовут Сергей Борисович Иванов, меня пол-Европы знает. Все в курсе?

Вид лица Серёги Иванова, угрюмого, изборождённого глубокими морщинами, не соответствовал его забойной блатной речи и жиганским манерам. Он стоял на ставке дневального отряда, что подразумевало посильную помощь в организации работы с осуждёнными. Иванов отвечал за своевременный подъём ээков, выход на утреннюю зарядку, сопровождал рабочие бригады к месту развода на работу, давал указания уборщикам, наводящим чистоту в помещениях отряда... За работу он получал небольшое денежное вознаграждение плюс возможность получать дополнительные передачи, краткосрочные и длительные свидания с родственниками.

— Сергей, сделай кофе и возвращайся. Будем документы подбивать, — дал указание начальник отряда, оставив без внимания выходку дневального.

— Начинается, — скривился Иванов и с ходу поменял тон: — Но для вас, Владимир Николаевич, хоть мордой в грязь!

— Уймись, — осёк его Скачков. — Ставь чайник. Я совсем замёрз тут...

— Мёрзнешь, родной человек? А я тебе говорю, Николаич, давай окно утеплим. А ты мне чё? «Потом, потом», — дневальный подошёл ближе. — Ты плохо спал, что ли, Николаич? — шурясь, спросил он. — Я вот сегодня ужасно спал. Полнолуние...

— Серёга, кончай базлать. Не то настроение, — оборвал его Скачков.

Дневальный хмыкнул и пошёл к двери.

— Хоть бы котлет домашних принёс, гражданин начальник. Совсем я без мяса отошал. — Он обернулся, внимательно посмотрел пронзительными карими глазами на начальника отряда, усмехнулся и вышел.

— Ухо! — послышался крик из коридора. — Сделай кофе для начальника отряда!

Скачков проводил взглядом скрывающуюся за дверью спину: а ведь и впрямь тощей. Он подошёл к висящему на стене маленькому зеркалу и оглядел своё отражение. А сам-то лучше? Светлые короткие волосы, высокий лоб, нос с горбинкой, усталые серые глаза, широкие скулы. Всё же свежее. Оскалив отражению зубы, Скачков вернулся к столу, нехотя взял ручку и продолжил писать. Домой бы сейчас пойти, выспаться... Странно, что об одной и той же вещи утром мы думаем одно, а вечером — другое. Утром я ненавижу эту форму, эту работу. Зато, когда я выхожу за забор, мне нравится чувствовать на себе погоны. Где правда?

— Контрик в локалке! — заорал стоящий «на атасе» зэк. Это означало, что в барак пожаловал отдел безопасности. Скачков надел ушанку, бушлат, застегнулся и вышел в коридор отряда.

— Внимание, отряд! — крикнул сидевший около его двери зэк. Все осуждённые разом обернулись.

— Вольно, граждане, — пробурчал старлей. — Ты чего орёшь?

— Вы тут ходите, движуху тормозите, — заулыбался «атасник». Во рту блеснули золотые коронки передних зубов. — Присматриваем за вами.

— Ладно. В локальный участок кто зашёл?

— Оперативный дежурный.

— А-а-а, Саныч, — разочарованно протянул Скачков и вернулся в кабинет.

Оперативный дежурный делал формальный обход по отрядам, чтобы расписаться в журнале посещений. Никакого дела до начальника отряда ему не было.

В кабинет вернулся дневальный, неся в руках кружку кофе. По кабинету распространился терпкий аромат. Зэк Иванов пил только дорогой, хороший кофе, который ему присылали с воли.

— Где салфетка, которую я оставлял?

Начальник отряда, оглядев стол, развёл руками.

— Ну и для кого я салфетки ношу, чтобы он на столе пятна не оставял? — Иванов взял первый попавшийся листок и поставил на него кружку.

— Э-э-э! — Скачков торопливо переставил кружку. — Это же заявление. Ортман просит свидание.

— Ну и хорошо. Ты лучше порви его, — посоветовал Иванов. — Ортман слабак. Но при этом он никого не уважает, даже своего отца. Он подбивает мужиков на тебя жалобы писать. Давай его в банку закроем.

— Рано, — отозвался начальник отряда. — В ШИЗО заехать он всегда успеет. Пусть пока плавает, а мы понаблюдаем.

Старлей сел за стол, отпил обжигающе горячий крепкий кофе, держа кружку в ладонях, и глубоко вздохнул. Ему хотелось оказаться дома, скинуть берцы, походить по ковру босиком, поваляться с книжкой на диване.

И чтобы дома было светло. Он уже забыл, когда был дома днём, — уходил на службу рано утром и возвращался почти ночью.

— По дому загрустил, отец? — поинтересовался дневальный.

— С чего ты взял? — Скачков пожал плечами.

— Я такие вещи сразу подмечаю. Восьмой год сижу, — пояснил Иванов. — Эх, начальник, нашёл ты себе работу...

Отзываться на сочувствие старлею не хотелось. Он повёл рукой:

— Присаживайся давай, поработаем.

Дневальный, вздохнув, присел спиной к окну. Мысли Скачкова тянулись к дому, он медлил, сделал ещё несколько глотков из кружки, всё не решаясь отставить её.

— Ну, чего сидим вздыхаем, Николаич? — заторопился дневальный. — Давай работу мне, а то я пошёл тогда. Мне по отряду двигаться надо.

Скачков протянул ему пачку листов.

— Вот тебе список отряда и таблица. Видишь названия граф? Там я карандашом статьи пометил. Считаешь, сколько у нас человек сидит по каким статьям, и вписываешь цифру в пустую клетку. Всё понятно?

— Всё понятно, — эхом отозвался зэк Иванов. За дверью началось оживление.

— Отрядник тут? — спросил кто-то.

— Тут, — ответили ему.

— Сейчас я ему всё выдохну! Беспредельщики!

Дверь распахнулась.

— Николаич! — В кабинет ворвался всклокоченный осуждённый, очевидно, только забежавший с улицы. Его морщинистое вытянутое лицо покраснелось от мороза, очки запотели, и он смотрел на старлея поверх них. — Что за дела, Николаич! Что за беспредел! Я в прокуратуру писать буду! — он кричал, отчаянно жестикулируя. — Я вообще...

— Алексей, во-первых, я не разрешал тебе войти, а ты уже вошёл, — не поднимая головы, оборвал его начальник отряда. — Во-вторых, сними головной убор, в-третьих, надо представиться как положено. Да? В-четвертых...

— Да пошли вы все! — срывающимся голосом крикнул зэк и выскочил из кабинета. Скачков как ни в чём не бывало продолжал писать.

— Совсем сидельцы охренели, — не отрываясь от работы, резюмировал Иванов.

— Он по жизни кто? — поинтересовался Скачков.

— Мужик, — ухмыльнулся дневальный. — Пока что.

— Узнай, чего он хотел. Может, действительно проблема.

— Николаич, он провокатор. Не грузись. Смотри, сейчас он успокоится и извиняться придёт, бля буду. Хорошо ты его срезал. «Во-первых, во-вторых...»

Скачков глянул на дневального и достал из стола половинку листа.

— Начальнику ФКУ ИК ... — начал он сам себе диктовать. — Рапорт. Докладываю, что сего числа осуждённый...

В кабинет постучали.

— Да-да, — крикнул Скачков.

В кабинет зашёл «мужик» Алексей.

— Осуждённый Федотов А.П., отряд номер семь. Гражданин начальник, разрешите обратиться, — отчеканил он.

— Когда я наконец делом займусь! — вздохнул старлей, бросил ручку и поднял глаза на Федотова. — Алексей! Можешь ведь, когда захочешь. А я вот на тебя рапорт пишу, — Скачков ткнул пальцем в начатый рапорт. — Сам себе. Сейчас зарегистрирую, документы сос-

тавлю и на дисциплинарную комиссию пойду. Обнаглел ты, Алексей.

— Извини, Николаич. Криво въехал, признаю. Ходил в ларёк. Денег нет на карточке. А как же их нет, если мне жена перевод неделю назад отправила! Меня уже клинит от этой вашей бухгалтерии!

— Разберёмся, Федотов, — Скачков сделал себе пометку в блокноте. — Иди в отряд.

— Ты извини, Николаич, не хотел я пылить! Клинит, представляешь!

— Иди в отряд, тебе говорят! — приказал начальник.

— Вали отсюда, мышь! Сейчас по печени поучишь! — заорал дневальный. — Вишь, работаем!

Зэк Федотов, пятясь, улетучился.

— Вот видишь, Николаич, уважают тебя зэки. Извиняются, когда не правы, — усмеялся дневальный. — Кстати, я закончил. На вот, проверь.

— Молодец, Сергей! Пружина!

— Меня ж зэки не отвлекают через каждые две минуты, — отмахнулся Иванов.

Начальник отряда пробежался глазами по цифрам. На первый взгляд всё примерно сходится. Всё равно никто сверять данные не будет. С таким движением осуждённых по отрядам цифры всё равно ни у кого не совпадают.

— Ну что? Всё ровно?

— Да. Заметил, сколько у нас из-за порожняка сидит? Украл телефон, отнял сумку, набил рожу. За банку кофе сесть! И таких половина отряда. Ну что вы за народ!

— Зря ты так, Владимир Николаевич, — Иванов отложил бумаги и посмотрел на начальника отряда. — Зэк зэку рознь. Счастливы те, кто не сомневается. Любящий муж, ребёнок, блаженный какой-нибудь... А в зону попадают сомневающиеся. Потому и пьют на свободе, потому и воруют, потому и грабят, что сомневаются. Ищут что-то, без чего жить нет никакой возможности.

— Ну-ну, — отозвался начальник отряда. — Всю жизнь по тюрмам да по лагерям. Это вот поиск?

— Знаешь, в мире много хороших людей, которые совершают плохие поступки, а мы уголовники, какой с нас спрос, — ответил дневальный и, помолчав, добавил: — Тот, кто не убивает себя, должен молчать о жизни.

«Откуда он это берёт? Неужели сам придумывает?» — озадачился Скачков.

Зазвонил телефон. Начальник отряда поднял трубку, представился. Оператор поста видеонаблюдения попросил подойти в дежурную часть. Выходить на мороз не хотелось. Занят. А если на него настучат начальнику, он что-нибудь соврёт. Здесь так принято. Врёшь, а тебе верят. Это удобно. Так удобнее всем, потому что так проще.

Старлей захлопнул рабочий блокнот, собрал на краю стола бумаги и встал из-за стола.

— Ты куда? — озаботился дневальный.

— Курить хочу, — отозвался начальник отряда. — Зайди к Окуневу, скажи, пусть чайник ставит, а то я у него ещё с утра не был.

2

Скачков вышел из кабинета и прошёлся по отряду. Осмотрел подсобные помещения, пожелал приятного аппетита тем зэкам, которые гоняли чай в комнате для приёма пищи, проверил работу кабельного телевидения в помещении для воспитательной работы. Всё было в порядке, если бы не случайность... В сушилке для верхней одежды он поймал жулика, который разговаривал по мобильнику. Старлей отнял запрещённый предмет, сунул его в карман и велел осуждённому зайти к нему на беседу.

Завершив обход, Скачков зашёл в каптёрку, где располагался старший дневальный, «смотрящий на отряде». Он отвечал за дисциплину в отряде, за ремонт помещений, считался неоспоримым лидером и авторитетом среди зэков седьмого отряда. Окунев сидел за столом и мешал ложкой кофе, приготовленный для начальника отряда. Он встал, уступая место старлею, и поприветствовал его кивком головы.

— Здорово, Николаич.

— Привет. Дай пепельницу. Рассказывай, какие движения, какие новости, информашка оперативная какая есть? Что за ночь произошло, пока меня не было?

Обычно с самого утра Скачков первым делом заходил в каптёрку и разговаривал со старшим дневальным или завхозом, как его ещё называли неофициально сотрудники. Окунев рассказывал, что произошло в отряде

и в локальном участке барака за время отсутствия начальника отряда. Сегодня отчёты напрочь выбили из графика.

Окунев поставил на стол пепельницу, закрыл дверь на ключ и присел по другую сторону стола.

— Замполит вызывал вчера. За ремонт спрашивал.

— И как?

— Давайте быстрее, говорит. А где я денег возьму? Позвоню домой, скажу: мама, продавай квартиру, пацанам надо новые сортиры ставить, — завхоз глубоко затянулся и потушил сигарету.

Зэк Окунев был на голову ниже Скаčkова, но шире в плечах. Под серым свитером перекатывались мощные мышцы. Весь он походил на молодого, очень сильного зверя. Его глубоко посаженные голубые глаза, даже когда он смеялся, глядели жёстко. Даже голос Окунева был похож на рык. Он отсидел восемь лет за разбой. Ему осталось каких-то девять месяцев, и последнее время он заметно нервничал. Дмитрий, как и все, хотел домой. В Питере его ждала старенькая мама.

— Дим, я не помешаю? Начальник, день добрый, — в каптёрку зашёл один из приближённых к завхозу людей. Это был воистину амбал. Он повернулся боком, чтобы пройти в дверной проём. Помещение заметно уменьшилось, настолько много места занимал зэк. Игорь Акимов почти два метра ростом, и весу в нём килограммов сто тридцать. У него коротко остриженные тёмные волосы, голубые глаза навывкате, огромные кулаки и низкий, всегда хриплый голос.

Игорь «двигается» по отряду, поддерживает дисциплину, если необходимо, даёт денег на ремонт, поэтому Скачков разрешает ему некоторые вольности: подольше поспать, посмотреть телевизор после отбоя, покурить в каптёрке.

Осуждённые в колонии дезорганизованы. Каждый второй зэк бегаёт к операм и делится информацией: где прячут телефоны, кто напился, кто принял «пронос» или «переброс» и так далее. Здесь много врагов и нет друзей. Люди запуганы, озлоблены, здесь каждый сам за себя, и потому разрозненной массой управлять нетрудно, как, впрочем, и на воле.

— Николаич, ты спишь с открытыми глазами,

что ли? — Игорь присаживается на свободное место у стола. Табурет трещит под его весом.

— Встань! Сломаешь табурет! Я тебе говорил — не садись на него, — Окунев уступил своё место на устойчивом стуле, а сам пересел на табурет. — Такие все тупые! — Он искоса смотрит на накладки, покрывающие левую руку Акимова. У завхоза накладка только одна — «перстень» на среднем пальце свидетельствует о том, что он побывал в питерских Крестах.

— Николаич, когда в отпуск? — не обращая внимания на ворчание Окунева, интересуется Акимов.

— Через неделю.

— Ты вчера тоже говорил, что через неделю.

— Через неделю минус один день. Если замполит отпустит. — Скачков посмотрел на кусочек неба в маленькое слуховое окошко в стене напротив двери, потом взял шапку и стал приглаживать мех вокруг кокарды. «Девочка моя синегла-а-а-зая», — пело радио. В коридоре кто-то подпевал ему, коверкая мотив.

С улицы доносился стук железа — кто-то занимался на спортплощадке, несмотря на мороз. Идти в кабинет не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Не хотелось видеть жуликов, выслушивать нытьё про одежду, питание, свидания, передачи, работу, отдых... Не хотелось видеть начальство, выслушивать нотации, выполнять невыполнимые приказы.

Ему вспомнилось, как вчера замполит попросил его остаться после вечернего совещания на разговор.

— Посадишь завтра утром своего старшего дневального в изолятор, — закуривая, приказал он.

— Товарищ майор, за что? — изумился Скачков. — Меня мой завхоз устраивает, оперов тоже, с порученной работой справляется. Обстановкой на отряде владеет, люди его уважают. Мне новый завхоз не нужен.

— Ты чего понёс, Вова? — спокойно прервал его замполит. — Он мёртвый у тебя. Ремонты встали. Зэки курят в подъезде, униженные и оскорблённые головы поднимают. Каждая мышшь имеет что сказать. Такого быть не должно. Он давить должен. Режим должен быть!

— Садить не буду, — отрезал старлей, упрямо наклонив голову. — Я с ним поговорю. Ремонт

пойдёт. Дисциплину наладим. Всё нормализуется. Я обещаю.

— Ну смотри, Вова. Офицерское слово твоё, — замполит открыл окно и выкинул окурочок.

— Николаич, куда в отпуске поедешь? В Египет? — вывел его из задумчивости хозяин каптёрки. Окунев закурил третью сигарету и вопросительно посмотрел на начальника отряда. — Какой-то ты смурной сегодня.

— Никуда не поеду. Денег нет. Машину буду ремонтировать.

— Продай ты свою девятку! Давай пацаны с Питера тебе «ауди» подгонят. Я тебе сто раз говорил, — предложил Окунев.

Старлей покачал головой.

— Я за восемь лет так и не понял, зачем вы здесь работаете. Денег не получаете, зато геморроя до фига. Каждый день из-за всяких животных по сандалиям получаете. Угрожают вам постоянно. Наказывают за всё, — Акимов повертел в руках резиновое кольцо-эспандер, с которым не расставался. — Вот скажи, Николаич, тебе это зачем надо?

— Не знаю, — вздохнул начальник отряда и отхлебнул остывший кофе из кружки.

— Может, ещё кофе? — спросил завхоз.

— Давай.

— Голованов! — крикнул Окунев в коридор. — Три кофе!

— Уходи из этого болота, Николаич, — продолжил Акимов. — Здесь чтобы работать, нужно быть мерзавцем. А ты другой. Мы с тобой три года работаем. Я неглупый человек, вижу тебя. Все видят, что тебе тут нехорошо. Ищи другую работу, — закончил Акимов и откинулся на спинку стула. — От тебя я только добро видел и справедливость. И тебе добра желаю.

— Я ищу, — протянул Скачков. Завхоз и его помощник смотрели выжидательно. — Но пока безуспешно. Деньги нужны.

В каптёрку зашёл тотщий зэк и, поставив на стол три кружки кофе, молча вышел.

— Владимир Николаевич, мне с вами поговорить надо, — в каптёрку заглянул зэк, у которого начальник отряда забрал телефон.

— Дверь закрой, — зарычал Окунев, он встал и закрыл дверь на ключ. — Как они меня все долбали, — проворчал старший дневальный.

— У меня близкий в Питере — бандюга, — Акимов упёрся локтями в стол и придвинулся к своей кружке кофе. — Полтора миллиона в неделю поднимает. Ни разу не сидел! Он себе значок сделал какой-то. Под кирпич проезжаем как-то раз, нас патруль останавливает. Всё, думаю, или штраф, или заберут. Он им значок сунул, менты ему честь отдали и отошли. Я говорю корешу: мне срочно такой нужен. А он: у тебя фигура не той формальности!

— По твоей роже можно лекции читать о вреде алкогольного зачатия, — подтвердил Окунев и хлопнул Акимова по плечу. — Ты это к чему рассказал?

— Так. Начальника развеселить, — Акимов залпом опрокинул содержимое своей кружки, встал и направился к выходу. — Николаич, я к тому, что деньги можно всегда заработать. А если душа не лежит — ничего хорошего не получится. Я это тебе сто раз говорил. — Он повернул ключ и вышел. Завхоз поднялся и снова закрыл дверь.

Акимов действительно на свободе сильно пил. Дело кончилось тем, что в пьяном угаре он насмерть забил жену. Дали ему восемь лет строгого режима. Отсидев пять лет, он обзавёлся новой семьёй, сыну скоро будет два года, и сроку осталось полтора. Уголовное дело и судьбу Игоря Скачков знал досконально. Он готовил материалы на его условно-досрочное освобождение. Втайне начальник отряда надеялся, что это его последний осуждённый, которого он подготовит на УДО. Со дня на день должен был прийти ответ от одной фирмы, где ему обещали хорошее место.

— Николаич, переведи из отряда Жездриса, — прервал молчание Окунев. — Я редко такие вещи прошу сделать. От него толку никакого. Уборщик он хреновый. Весь больной. Всё время ноет. Один, говорит, выход у меня — самоубийство, — завхоз усмехнулся. — На отряде он не нужен. Сними ответственность с себя. Чую я: криво въедем мы из-за него.

— Ладно, Дима, — Скачков поднялся из-за стола. — Решим в ближайшее время. Спасибо за угощение. Пойду работать.

— Да ладно тебе, Николаич. Всегда рады. С человеком поговорить. — Окунев открыл дверь и выпустил начальника отряда в коридор.

— Внимание, отряд! — крикнул «атасник». — Отрядник идёт!

Старлей быстрым шагом прошёл по коридору и открыл дверь своего кабинета. Не успел он сесть за стол, как к нему ворвался дневальный Сергей Иванов.

— Слышишь, Николаич, мне бумажка пришла из спецчасти, — вскричал он. — Скоро я гражданином Финляндии буду и уеду досиживать срок туда!

— М-м-м, — промывчал Скачков.

— Вот зачем ты так, отец? — с осуждением посмотрел на него Иванов.

Старлей никогда не мог понять, когда этот человек шутит, а когда говорит правду. Люди в колонии между собой считали, что Иванов «пересидел» и немного помешался. Однако работал он хорошо и на должности стоял ещё до того, как Скачкова перевели сюда начальником отряда.

— На, посмотри, — дневальный протянул бумагу, в которой говорилось, что при условии предоставления необходимых документов осуждённый Иванов имеет право быть признанным гражданином Финляндии.

— У меня мать русская, отец финн. Сейчас все родственники имеют финское гражданство. У меня два паспорта. Понял теперь?

— Теперь понял, — озадаченный, Скачков вернул листок.

— Ну и почему ты мне не поверил, Николаич? Разве я тебя обманывал когда-нибудь?

— А почему я должен тебе верить? У меня нет оснований тебе доверять, — отрезал старлей.

— Вот! — торжествующе поднял палец Иванов. — То есть если я в чёрном, а ты в синем, то мы разные. Жизненные обстоятельства, разные стороны баррикад, бла-бла-бла.

— Тебя чего понесло, Серый? — устало улыбнулся Скачков.

— Ты представь, что я работаю, что я просто здесь работаю. Согласись, зэк даёт работу сотруднику: не было бы нас — не было бы вас. Представь, что я такой же человек, что мы не разные. Просто я тут работаю.

— Ты умный и хитрый, Серый, — ответил начальник отряда, вертя в руках степлер, которым он играл всегда, когда размышлял. — Значит,

опасный. Мы же в тюрьме! Здесь никто никому не доверяет! Ты сам-то доверяешь кому-нибудь?

— Как же ты тут служишь?! — закатил глаза дневальный, и старлей опять не понял, шутит дневальный или всерьёз. — Отчуждение и одиночество.

— Одиночество — как стержневое чувство, — добавил начальник отряда.

— Хороший ты человек, Володя, — помолчал, признался Иванов. — Я бы тоже мог быть хорошим человеком, но меня посадили. Да, виноват. Каждый день думаю об этом. А с тобой мне приятно общаться, отец, — ээк снова пристально посмотрел в глаза начальнику отряда. — Ты бы знал, какие показания потерпевшая давала! Вот уж точно: чем больше счастья в жизни человека, тем трагичнее его свидетельские...

— Из-за разговоров работа встала. Теперь я уже точно выговор получу, — не дослушав, прервал его Скачков. — Сегодня весь день одни душеспасительные беседы.

— Вот ты думаешь: дурачок Иванов С. Б., отряд номер семь, да? — дневальный подался вперёд, продолжая пристально смотреть на начальника отряда. — А мог бы ты обаянием город взять?

— Как это?

— Вот тебе сколько лет, начальник?

— Двадцать восемь.

— А мне сорок четыре. Видел бы ты меня в двадцать восемь лет! Я тогда мог приехать на любой район и просто одним обаянием его взять. Я в Питере жил. Ну ты знаешь, читал дело.

— Нет, не знаю. В деле не всё пишут, — ответил начальник отряда.

— А-а-а, — возбуждённо протянул Иванов и продолжил: — Дак ты не знаешь ничего, родной! Ну ничего, я расскажу тебе. Я же учился в Институте международных отношений. Я лингвист. На пяти языках говорю. Говорил. Давно. Школу окончил в Финляндии, а в институте учился в России. Знаешь почему?

— Почему?

— Потому что мать моя — умная женщина. В СССР тогда бесплатное образование было, бесплатная медицина. Всё на халяву.

— Ну, — согласился Скачков.

— Я всегда себя финном считал, это мой родной язык, я на нём думаю. Хотя в России я про-

жил больше времени. — Тут в дверь поскреблись, кто-то начал открывать её. — Закрыв дверь с той стороны, грач! — крикнул Иванов, и дверь тут же захлопнулась. — Вот видишь, начальник. Сила в тюрьме — абсолютный бог. Если ты добрый, великодушный — значит беспонтовый. Страдание не даёт никаких прав. Только сила. Остальное — уход от реальности.

Скачков с интересом посмотрел на дневального. Впервые человек, который сидел в колонии, так раскрывался перед ним. Начальник отряда старался не потерять нить разговора и одновременно пытался понять, к чему клонит дневальный, где тут подвох.

— Я же первый раз сижу, Николаич, — продолжил дневальный.

— Не может быть. «Первоходы» у нас не сидят.

— Судимость вторая, — пояснил Иванов. — Мне условно давали, а потом я человека убил. Я плохой был человек. Я думал, что я самый лучший, самый умный. Мы тогда, если бы захотели, могли бы города брать. Представь, что у тебя друзей не пять, не десять, а десять тысяч! Конечно, я был плохим человеком.

— Что значит «плохим»?

— Я ногу гаишнику прострелил. Он меня остановил, я ему взятку дал, а он взял. Я ему ногу прострелил. Ты же должен меня оштрафовать, а ты деньги берёшь, говорю ему. А он: у меня семья, дети, не убивай. — Ээк вытащил из кармана пачку сигарет, достал сигарету, покрутил в руках и спрятал обратно. — А один раз я четыре часа битой бил троих коммерсов, а одному ухо отрезал, потому что они детям шоколадку не дали. А дети были бездомные, голодные.

Глаза у Серого блестели.

— А сколько у меня женщин было! — Он вскочил со стула и в волнении заходил по кабинету. — Тому, кто создан для игры, всегда хорошо в женском обществе. Женщины — благодарная публика. Они многое готовы терпеть, если ты умеешь зажигать огонь восхищения в их глазах.

— Ты с чего разоткровенничался? — прищурился Скачков.

— А не знаю, — наклонившись к нему, ответил дневальный и снова зашагал по кабинету. — Хочу так сегодня. Карты под стол, стволы на стол! Должен же я хоть с кем-то раз за срок начистоту поговорить! Без оглядки! Как с психо-

логом или с психиатром, в моём случае. Может, это из-за бумажки этой, — задумавшись, он медленно присел обратно к столу.

— Знаешь, в чём наша разница, Серый, — задумчиво сказал начальник отряда. — В том, что у меня есть идеалы, а ты свои давно потерял. Ещё тогда. Посмотри на себя. Ты же разочаровавшийся романтик. Циничный романтик. Хочешь, чтобы людям было хорошо, молодец. Но методы-то... — Теперь уже старлей устался в глаза дневальному. — Я верю в добро. Просто так верю. Мне для этого не нужно никому уши отрезать. Мне даже не нужно ненавидеть вас, осуждённых: бандитов, убийц, насильников, людоедов, воров... Добро есть. Для этого ничего не нужно делать. Нужно просто это знать. Знать и поступать по совести.

— Ты хороший человек, Володя, — вздохнул ээк Иванов. — Была бы моя воля, я прямо сейчас отпустил бы тебя домой. — Он махнул рукой, потёр лоб, вспоминая, что хотел сказать, и продолжил: — Цинизм — это искушение, преодолевающее все умы. Ты ещё не поддался, но уже вот-вот... Надеюсь, я не увижу, как ты превратишься в циника.

Он сел на стул, ссутулился, сложил руки перед собой в замок. Скачкову показалось, что дневальный постарел за время разговора. Теперь это был не жиган, не топотун, а уставший человек с морщинистым худым лицом, большими залысинами, узловатыми пальцами и печальными карими глазами.

— Два года досидеть осталось, — сказал сам себе Иванов. — Спасибо, начальник! Как-то легче, что ли, стало, — дневальный хлопнул себя по коленям и усмехнулся. В глазах его снова загорелся привычный огонёк. — А ты пока загадку отгадай, — он вытащил из кармана листок, положил перед начальником отряда на стол, поднялся и вышел.

Скачков развернул бумажку. «Что на свете милее всего? Что на свете слаще всего? Что с земли не поднимешь?» — прочитал он.

4

— Владимир Николаевич, разрешите? — В кабинет зашёл ээк, у которого начальник отряда забрал телефон.

— Ну чего ты ходишь, Киселёв? — раздражённо спросил Скачков, посмотрев на худенького лопухого мужчину с тонкой щёткой усов, стоящего по стойке «смирно». Киселёв никогда не имел никаких нареканий. Заходил редко, говорил по существу, не нарушал. Скачков был огорчён, что забрал у него телефон.

С точки зрения оперативной обстановки, это было бесполезное действие.

— Представляете, Владимир Николаевич, с женой разговаривал, — развёл руками ээк. — Помните, вы доверенность помогли мне оформить? Я звонил ей сказать, что отправил. Только жена-то бывшая.

— Ну, понятно, — начальник отряда посмотрел на листок с загадками. — Андрей, что на свете милее всего?

— Каждому своё. Семья, наверно, — и уточнил: — Для меня.

— Почему семья?

— Потому что у меня её нет, а она для меня очень дорога. Дочь, когда паспорт получала четыре года назад, взяла фамилию жены, а отчество деда. Ты мне, говорит, только биологический отец. Я тебя не знаю и знать не хочу. Я ведь двенадцать лет сижу. Она маленькая совсем была, когда меня посадили. Сын тоже фамилию деда взял. А с женой я ещё раньше развёлся. Владимир Николаевич, не наказывайте меня за телефон. Он у меня простой. Я никому не звоню. Только жене. Мне больше некому звонить, я столько лет сижу, да и возраст не тот, чтобы сексом по телефону заниматься, как некоторые.

— Иди, Андрей. Позови мне Сашу Жездриса.

— Жездриса? Уборщика? Позову. — Киселёв вышел из кабинета.

«А что тогда на свете всего слаще?»

В дверь постучали.

— Осуждённый Жездрис прибыл. — В кабинет, ссутулившись, бесшумно зашёл седой мужчина, subtilный, с большой головой, тихим голосом и удивительно чистыми, светлыми глазами.

«Какой из него насильник? — в который раз поразился Скачков. — Да ещё и детей! Он же рубаху в штаны нормально заправить не может. И подушка у него как лягушка, и одеяло убежало... Чего-то я не понимаю в этом мире».

Жездриса осудили за совершение развратных

действий без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Проще говоря, он показывал свои причиндалы детям.

— Присаживайся, Жездрис, — начальник отряда указал на стул. — Рассказывай, как здоровье твоё, как настроение?

— Сегодня получше. Вчера голова очень кружилась. Утром в санчасть хотел пойти. Не выпустил прапорщик из локального участка. «Иди сортир мой, животное», — сказал. Меня никто не любит здесь.

— Здесь люди не для любви собрались, если ты ещё не понял, — сухо отрезал Скачков. — За что тебя любить?

— Я знаю. Сам виноват, — Жездрис обхватил голову своими большими ладонями. — Я, Владимир Николаевич, думаю, это болезнь какая-то. Отец тоже страдал этим.

Скачков, заметив, что у осуждённого затряслись губы и на глазах выступили слёзы, встал и закрыл дверь на ключ. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь увидел, что Жездрис плачет. Тогда его точно сживут со свету. Один Серый чего стоит!

— Я боюсь, что эта болезнь сыну передастся, — дрожащим голосом прошептал зэк и, достав платок, вытер лицо.

— Эта болезнь эсгибиционизм называется, — старлей с трудом подавил зевоту. — Мне психиатр твой в санчасти сказал.

— Может, и так, я не знаю, — Жездрис высморкался. — У меня нервная система совсем расшатана. Сахарный диабет усугубляет состояние. Я добрый человек по натуре. Делаю, что говорят, всегда. А они ведь не понимают, издеваются. Специально мусор кидают на пол, унижают меня. Я думаю, что я тут умру. Срок у меня большой, здоровье слабое, возраст — мне на свободу уже не выйти.

— Вот таких разговоров мне не надо! Если есть у тебя трудности, ты сразу подходи и говори, будем решать.

— Хорошо. Спасибо, Владимир Николаевич, — осуждённый посмотрел на начальника отряда своими светлыми глазами. — Мне тут не спалось вчера. Я знаю, что вы ко мне положительно относитесь. А я говорить не умею. В общем, я вам письмо написал, — он положил на стол

конверт. — Вы сейчас не читайте, а читайте, когда я уйду, чтобы я не видел.

«Что сегодня за день? — Скачков со вздохом посмотрел на часы. — То загадки, то письма».

— Саша, — сказал он, — я тебя перевожу на другой отряд.

— Почему? — Жездрис растерянно посмотрел на начальника отряда. — Я что-то плохо сделал?

— Дело не в этом. Ты человек больной, вот я тебя и переведу к пенсионерам и инвалидам. Там условия лучше, контингент другой.

— Избавиться от меня хотите, — Жездрис был похож на побитую собаку, заискивающую перед пнувшим её хозяином. — Условия — это одно, а человеческие отношения — это другое. Мне ведь поговорить не с кем. Вот с вами разговариваю. А вы меня переводите, — зэк с упрёком посмотрел на начальника отряда.

— Саша, у нас не хватает спальных мест, сегодня будет распределение. Я тебя перевожу в другой отряд. Там тебе будет лучше. Я всё сказал, ты свободен, — Скачков указал Жездрису на дверь. Тот покорно встал, придвинул за собой стул.

«Старшему лейтенанту Скачкову просьба прибыть в дежурную часть!» — прервав поющее радио, отчеканил по громкой связи металлический голос.

— Ну вот, — старлей встал из-за стола. — Сейчас припашут куда-нибудь. Поработать сегодня не получилось. Зато поговорили.

— Поговорили, — эхом отозвался Жездрис. — Я пойду, Владимир Николаич. — Уже взявшись за ручку двери, он развернулся и сказал:

— Вся беда человека в том, что ему приходится плакать и молить о том, что его унижает. Знаете о чём?

— О чём? — спросил Скачков. Он торопился поскорее уйти.

— О помощи, — объяснил зэк.

— Саша, постой-ка! — начальник отряда вдруг вспомнил про загадку Иванова. — Что на свете слаще всего?

— Труд. Благородный. Тот, что приносит человеку удовлетворение и радость. Я любил свою работу. Печником был, — сказал Жездрис и вышел.

Скачков дошёл до дежурной части. Оказывается, его вызывал начальник пятого отряда капитан Темник. Не то чтобы они дружили, просто накануне Скачков уговорил Темника дать посмотреть ему свою документацию. Старлей хотел составить отчёты по подобию. Так легче и быстрее было...

Вдвоём они вышли за зону и отправились в столовую. Пообедав, покурили на улице, поделились последними новостями.

— Как отчёты? — спросил капитан, торопливо затягиваясь.

— Никак, — усмехнулся Скачков.

— Здесь так всегда, — добродушно хлопнул старлея по плечу Темник. — Синдром невыученного урока. Ну, давай, — капитан протянул руку Скачкову. — Не забудь, сдай вечером журналы, чтобы мне не возвращаться.

Темник пошёл домой, потому что у него сегодня был выходной и он приезжал доделать кое-какие бумаги, а Скачков, пообещав вечером сдать его журналы на проверку начальнику, отправился в свой отряд.

Зайдя в зону, он остановился выкурить в курилке ещё одну ленивую сигарету. Мимо пробежали два встревоженных сержанта.

— На сработку, что ли? Вводная «Побег»? — крикнул он им вслед, но те только рукой махнули.

Докурив, Скачков бросил сигарету и пошёл в дежурку. В дверях он столкнулся с дежурным, который вытеснил животом его обратно на улицу.

— Товарищ майор, с вами в узкостях уже не разминуться. Живот-то генеральский, — уступая дорогу, пошутил старлей.

— Ты чё ржёшь? У тебя на отряде зэк повесился, а ты ржёшь! У всей дежурной смены задница в мыле, а тебе смешно!

— Как повесился? Наглухо? Кто? — Скачков растерянно посмотрел на дежурного. — Ты так не шути, Саньч...

— Пошли, Володя, покурим, — дежурный придержал за рукав рванувшего было в отряд Скачкова. — Стултый, уборщик твой, повесился! — майор выругался и плюнул себе под ноги. — В сушилке. Когда успел? Полный отряд зэков...

— Жездрис?!

— Пошли, пошли. Там пока делать нечего. Ты не грузись. Ты же на обеде был. Тебя не прицепят. Вот я попал... — Саньч прикурил сигарету и глубоко затянулся. — Не поймёшь этих зэков. Тут толпа офицеров ходит, им сопли вытирает. С его статьёй его тут убить должны бы, а ему работу какую-никакую дали, психолог беседует с ним через день...

— Я ему сказал, что в другой отряд перевожу его, вот он... — Скачков недоговорил.

— А слышал это кто?

— Нет. У меня даже кабинет был на ключ закрыт.

— Тогда чего ты переживаешь? Отмажешься, — успокоил его Саньч.

— Саньч, человек повесился! Понимаешь? Тут дело в принципе! «Отмажешься...» — Старлей закрыл глаза и прислушался. Морозный день вдруг захлопал, стал мягким и влажным, словно болотная жижа. Ему стало жарко, он расстегнул бушлат, сдвинул шапку на затылок.

— Ну ладно, — хлопнув старлея по колену, Саньч поднялся, бросил сигарету в урну. — Это тюрьма, а не санаторий. Привыкай. Я тут двадцать лет отработал, навидался!

— К смерти я давно привык, ещё в армейке, когда на Кавказе служил, — Скачкову опять вспомнился вопрос дневального: — Ты мне скажи, Саньч, что на свете милее всего, что на свете слаще всего и что с земли не поднимешь?

— Володя, ты чудишь, по-моему, — усмехнулся дежурный. — На хрена тебе это?

— А всё-таки, — не унимался Скачков.

— Что милее всего? — майор поскрёб подбородок. — Отпуск, товарищ старший лейтенант! На охоту съездить, на даче покопаться, выпасться, газету почитать. Слаще всего мёд с пасеки моей тещи. А ещё?..

— Что с земли не поднимешь? — повторил Скачков.

— Это не знаю. Всё. Ушёл, — дежурный развернулся и скрылся в дверях.

Старлей закурил. Достал из кармана конверт с письмом Жездриса, развернул тетрадный лист и пробежался глазами по неровному почерку, где письменные буквы перемешались с печатными, а вина за совершённое — с обидой, усталостью и отчаянием.

«Начальнику отряда В. Н. Скачкову.

Информация по болезням: сахарный диабет, гипертензия. Что для этого нужно: постоянный контроль сахара крови в организме, правильное питание, т. е. через каждые 2 часа, понемногу, поддержка организма витаминами и инсулином. Постоянный контроль давления.

Гражданин начальник отряда, здесь нет возможности правильно всё делать; колоть инсулин, проверять давление, сахар, правильно питаться. В санчасти дают то, что есть, не всегда можно выйти из изолированного участка. При плохом самочувствии мне не к кому обратиться, идёт полное нарушение психики, вплоть до суицида. Хоть как болеешь, всё равно надо работать. При работе быстро снижается уровень сахара в крови. Когда расстраиваюсь — повышается давление. Никому нет дела до меня. Как хочешь выживай. Что мне делать? Родственников нет, средств, чтобы помочь, у жены нет. На воле региональный бюджет выделял лекарства бесплатно.

У меня постоянные головокружения. Боль в сердце. Боль в поджелудочной. Ноги болят. То изжога, то голова болит. Пропадает память, зрение. Постоянные простуды.

В столовой нет возможности брать с собой дополнительно что-нибудь, даже хлеба не дадут, хоть и лишнее остаётся, а при низком уровне сахара надо постоянно что-нибудь кушать. При плохом самочувствии не всегда можно прилечь. Некому помочь в трудную минуту. Поговорить не с кем. Надо мной все издеваются, оскорбляют, унижают. Лучшие сидеть в одиночке весь срок, как опасный преступник.

Я добрый, безотказный, стараюсь делать добро, потому что зло всегда бессмысленно в мире красоты и гармонии. А что ни делай, всё равно нет благодарности. Конечно, сам виноват. Никто меня сюда не тащил. Государство наказало жестоко, сам зашёл в систему, наказал себя. Придётся мучиться.

Можно много говорить. Я был и руководителем, очень много людей меня уважало, любило. И богатые, и бедные. Идёшь по улице, а с тобой здороваются, говорят: спасибо, печь наладил (приятно). До сих пор спрашивают, куда Саша делся, пропал. Здесь я никому не нужен. Некому меня выслушать, понять. Я не хотел никому

делать плохо. Болезнь у меня какая-то. Может быть, меня лечить надо было. Теперь уже ничего не изменить, не переделать. Рано или поздно я тут умру. Обидно. Люди будут говорить — извращенец, маньяк. Сын стыдиться будет. А потом забудут, как будто не было меня никогда на свете».

Сигарета давно истлела, а старлей всё сидел в курилке и смотрел на заходящее зимнее солнце. Рядом присел Иванов. Некоторое время они молча смотрели на закат.

— Николаич, я тебя везде бегаю ищу. Даже в дежурку прорвался. А ты тут куришь, — Серёга коснулся его плечом: — Это ты из-за Сутулого? Судьба у него такая, отец. У каждого своя. Значит, так надо было. Никто его в петлю не тащил. Сильные люди даже в неволе остаются свободными, потому что свобода, она внутри. А слабых ломают. Естественный отбор.

Скачков достал сигарету, удивляясь, как много он сегодня курит.

— Серёжа, в загадке какой ответ? — спросил старлей, щелчком выбил из мятой пачки ещё одну сигарету и протянул её дневальному.

Зэк Иванов глубоко затянулся, помолчал и усмехнулся:

— Нет правильного ответа, Николаич.

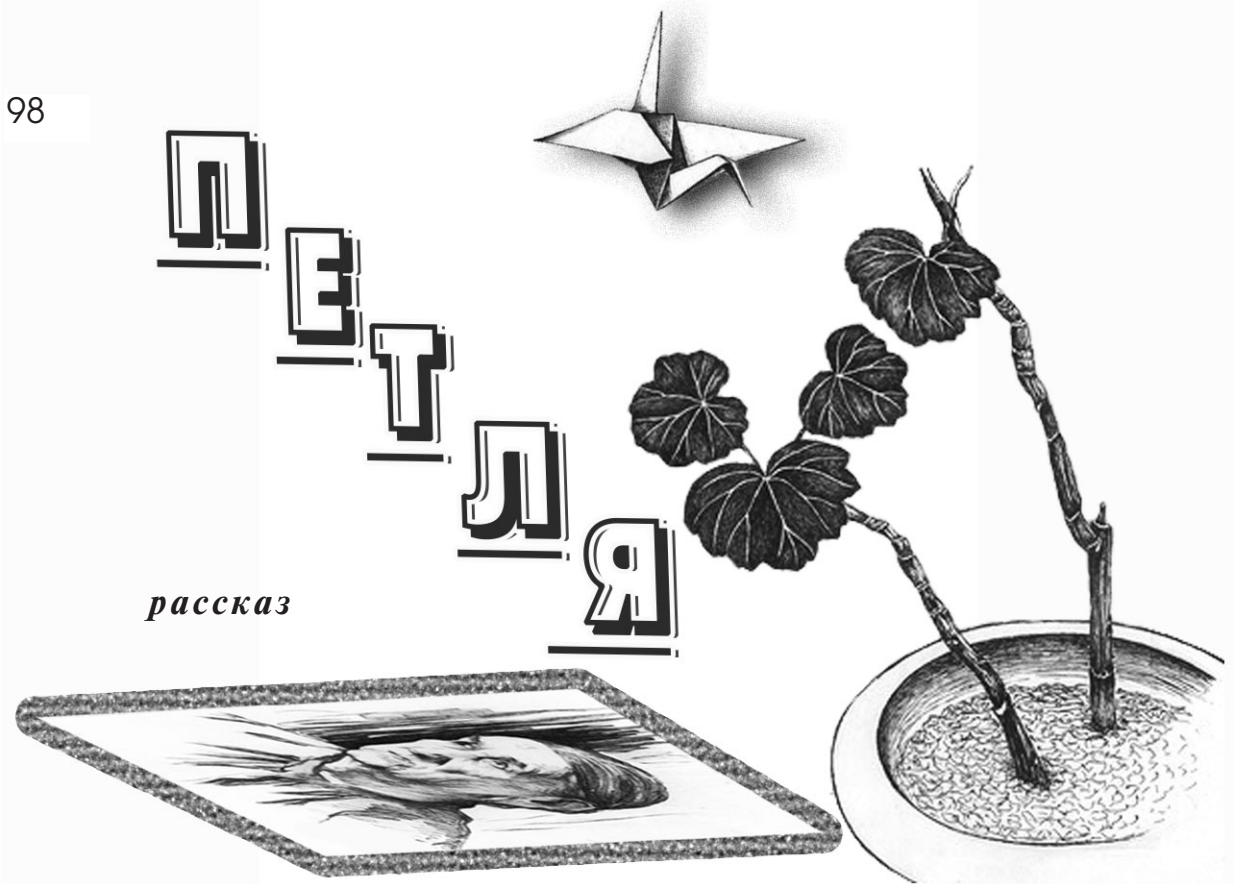
— В смысле?.. — не понял Скачков.

— А вот так. Что на свете милее всего? Для меня жизнь, потому что она одна и, когда я умру, больше ничего не будет. Что на свете слаще всего? Сон, потому что, когда я сплю, я свободен и ни ты, ни начальник-полковник мне не указ. Что с земли не поднимешь? Собственную тень. Тень своего прошлого, которая будет преследовать тебя всю жизнь. Думай, прежде чем что-то сделать, начальник, потому что тебе потом с этим жить.

Иванов докурил, бросил сигарету и посмотрел на горизонт. Солнце закатилось, и стремительно наступали ранние зимние сумерки, густые и тягучие.

— Темнеет рано, — дневальный плюнул на снег и пошёл обратно в отряд.

Скачков проводил его взглядом, поправил шапку и, сутулясь, вышел из курилки.

Старик проснулся. Дыхание с хрипом вырывалось из его груди. Этой ночью жена снова приходила к нему. Во сне она садилась на край кровати, нежно проводила ладонью по его седым волосам, по заросшим серебряной щетиной впалым щекам, ласково смотрела на него.

Аня не звала его с собой. Грустно улыбаясь, она смотрела на него и молчала. Он умолял её остаться, но жена только качала головой.

Ему снилось что-то ещё, но вспомнить он не мог. Старик проснулся. Значит, он будет жить ещё один день.

Светало. Старик перевернулся на бок и посмотрел на прямоугольник окна. Небрежно задернутые шторы позволяли увидеть угол соседнего дома и серебристо-свинцовое утреннее небо. Он подтянул колени к животу и закрыл глаза.

Не спалось.

Старик перевернулся на спину и уставился в потолок. Полежав так пару минут, прислушиваясь к своему телу, он осторожно сел, вздохнул и впотьмах принялся натягивать спортивки. Недавно сын подарил ему пижаму. «Больно на тебя смотреть», — заявил он. Коленки вытянутые, майка непонятного цвета, рубаха по

швам расползается. Конечно, сын хотел как лучше, просто старик давно перестал нуждаться в новых вещах. Старик жил воспоминаниями. Подарок нетронутым лежал в шкафу.

Каждое утро старик принимал лекарства, которые привозил сын, чтобы сердце работало исправно. А для чего? Вернее, для кого? Он не знал. Пока Аня болела, нужно было ухаживать за ней, это имело смысл, а теперь... Теперь ему было всё безразлично. Он просто переживал ещё один день. По привычке.

На кухне было темно, пахло молотым перцем и какими-то специями. Старик поскрёб пятернёй поросшую седым волосом грудь, налил полкружки воды из-под крана, вернулся в коридор и включил свет.

Первые полгода после смерти Ани он жил с сыном. Юра боялся, что отец от тоски наложит на себя руки, не сумев принять, осмыслить потерю жены, с которой они прожили почти полвека. Целыми днями старик молча сидел на стуле у окна, сложив руки на коленях, и смотрел то перед собой, то на улицу. Он был настолько потрясен, что не мог представить себе, как жить и что теперь делать. Наконец

ему стало невыносимо в квартире сына с его заботой, его сочувствием; он уговорил Юрия отпустить его домой. В тот год старик много читал, бодрился, с марта по октябрь жил на даче, даже собрал неплохой урожай кабачков, но без Ани всё это походило на игру, а он слишком любил настоящее, подлинное.

Старик вытащил из аптечки первую попавшуюся коробочку с таблетками, хотел было выпить, но заметил, что таблетки предназначены для жены. «Надо выкинуть», — подумал он и сунул коробочку в карман.

Приняв «свой» препарат, старик попил воды, отодвинул занавеску и выглянул в окно. Дождь шумел в начинавших желтеть листьях деревьев, замерших в безветрии под его балконом. «А так ли давно мы втроём сажали под окнами эти деревья...» — с грустью подумал он.

Старик попытался вспомнить, когда последний раз выходил на улицу, и не смог. Почти каждый день к нему приезжал сын, привозил продукты. Иногда они пили чай и разговаривали, но чаще сын забегал ненадолго, второпях. Раньше старик гордился тем, что сын выбился в люди, стал большим начальником на том заводе, где сам он всю жизнь отработал «точилой» — простым токарем. Раньше всё было по-другому. Когда была жива Аня, она наполняла своим присутствием весь дом. Теперь её нет. Сын давно вырос. Остались воспоминания и старость.

Включив газ, старик поставил на плиту чайник и присел к столу. В конце концов, на свете нет ничего вечного, он провёл ладонью по столу, сметая засохшие хлебные крошки, и это даже хорошо...

Чайник закипел. Старик заварил себе кружку чаю и сел на место. «Старость и одиночество побеждают любую тягу к жизни», — подумал он, возвращаясь к своим мыслям, и сделал маленький глоток.

В дверь позвонили. Старик взглянул на часы, висящие над столом, пожал плечами и, шаркая ногами, пошёл на зов. Он брёл медленно, на ходу надевая красную клетчатую рубаху на полинявшую и растянувшуюся майку, в которой он спал. А ещё мимоходом посмотрел в зеркало; оттуда на него глянула его собственная тень — всё, что осталось от былой телесности и стат-

ности. В прихожей взгляд наткнулся на старомодные белые туфли жены, он бережно отодвинул их в сторону и открыл дверь.

— Здравствуйте, — молодой человек в сером пиджаке шагнул в коридор и протянул набитый продуктами пакет. — Это вам.

— Здравствуйте, — равнодушно отозвался старик. — А где Юрка?

— Занят Юрий Михайлович. Велели передать, что вечером обязательно заедут в гости. Такой, мол, праздник не пропустит!

— А вы кто? — Старик снизу вверх посмотрел на рослого плечистого парня.

— Я Саша, новый водитель, — улыбнулся тот. — Водитель Юрия Михайловича. Вон и машина его под окном, — он махнул рукой в сторону кухонного окна.

Старик хотел спросить, где старый водитель, но промолчал. Какая разница?

— Продукты в кухню занеси, на столе оставь. Водитель в два шага пересёк коридор, поставил пакет на кухонный стол и, вернувшись, кивнул:

— Ну, мне пора.

Старик снова ничего не ответил. Парень попрощался и закрыл за собой дверь.

Старик вернулся на кухню, закатал рукава рубашки и заглянул в пакет. «Праздник, — разбирая продукты, пожал он плечами, — какой такой праздник?»

Закончив с продуктами, старик пошёл в комнату. Присев в кресло, он взял со стола пожелтевшую фотографию. Это была карточка его любимой. Аня сидела на венском стуле вполборота и, улыбаясь, смотрела в камеру. Фото чёрно-белое, но старик отлично помнил светло-голубое платье, стянутое поясом на тонкой талии, коричневую заколку на вьющихся каштановых волосах, рыжие босоножки на каблуке. Рядом на кованой жардиньерке цвета чёрной бронзы стоял цветок с большими бледно-розовыми бутонами.

Старик бережно отложил карточку, вернулся в кухню, открыл форточку и, закрыв глаза, глубоко вдохнул свежий прохладный воздух.

День медленно соскальзывал с покатых крыш, уступая место вечеру. Старик порезал глубокую тарелку салата, остудил в морозиль-

нике водку, припрятанную давным-давно, сделал бутерброды с привезённой водителем икрой и стал ждать сына, гадая, что же за праздник сегодня.

Суэта в кухне немного взбудрила его. Через открытую форточку в квартиру залетали звуки улицы, ударяясь в грязно-зелёные занавески, заставляли их раскачиваться в такт с порывами свежего ветерка.

Старик оторвал листик от цветка герани, стоящей на подоконнике, растёр его в руках, вдохнул запах. Фыркнул и встал, чтобы вымыть руки.

Аня любила эти цветы: красные, белые, розовые, фиолетовые... Все подоконники раньше были заставлены геранью. Жена говорила, что это растение отпугивает насекомых, очищает воздух, защищает от болезней, нормализует сон. «Пеларгония, — объясняла она, — цветок-оберег, хранящий своих хозяев и весь дом от ссор, обид и несчастий». Учительница ботаники, она знала многое из того, что было неизвестно ему, потому что всегда много читала, в отличие от него.

Старик посмотрел на единственную оставшуюся у него герань. Никогда он их не любил, но этот бледно-розовый, точь-в-точь как на старой фотографии, цветок был ему дорог. Последний.

«Пеларгония с греческого переводится как «журавль», — звучал в его памяти голос жены. — А он символ здоровья и долголетия, преданности и семейной гармонии».

— Журавль, — глядя на цветок, тихо произнёс старик, будто пробуя слово на язык.

Сын приезжал обычно около восьми часов вечера, но пробило девять, десять... Только без пятнадцати одиннадцать в дверь позвонили.

— Кто? — спросил старик, заглянув в глазок.

— Батя, это я, — отозвались из-за двери.

— А я никого не жду.

— Пап, перестань. Это Юра, открывай.

Старик открыл дверь и впустил-таки блудно-го сына.

— Заседание затянулось, — извиняясь, пояснил он. — Конец квартала...

С трудом нагнувшись из-за массивного живота, Юрий развязал шнурки, снял и аккуратно поставил лакированные ботинки; отдуваясь, прошёл в кухню. Покачав головой, старик потянулся следом.

Они сели за стол друг напротив друга. Юре уже перевалило за сорок. Три года назад он, к радости матери, женился на скромной заботливой девушке Лене, которая была намного моложе него. Старик с женой с нетерпением ждали внуков, но для сына на первом месте стояли карьера, успех, положение в обществе. О детях он задумался только после смерти матери.

Старик достал из холодильника водку.

— Ешь прямо из салатницы — чай свои.

— Где это ты бутылку раздобыл? — снимая пиджак и галстук, поинтересовался Юрий.

— С годовщины осталась, — пожал плечами старик.

— Я виски принёс. Шотландский, настоящий, — Юрий предложил было отцу, но тот прикрыл рюмку ладонью.

— Сам свой самогон пей.

Сын налил себе виски, водки — старику.

— Давай, что ли? За встречу. За тебя.

— И за тебя, сынок.

Они выпили, закусили бутербродами с икрой. Налили снова и снова выпили. Помолчали. Юрий принялся за салат. Располневший, краснощёкий, он из высокого черноглазого юноши превратился в сурового начальника с громким голосом и большим животом.

— Ну как ты? — немного поев, спросил он.

— Что «как?» — переспросил старик.

— Живёшь, — пожал плечами сын. — Как здоровье?

— Нормально, — уголки рта старика опустились. — Какая разница? Старый я, а не болит ничего. Слабость есть, но это ерунда. Даже злит меня это. Как будто и помирать не собираюсь. Хоть вешайся.

— Началось! — Юрий бросил вилку. — Пап, ну ты чего? Опять за старое? Сколько можно? Я просто заберу тебя обратно. Пусть Ленка за тобой ходит.

— Ну уж нет, — покачал головой старик. — Вы с женой живёте вдвоём, вот и живите. Мне у вас делать нечего. — И, помолчав, добавил: — Старость в доме как сорняк в горшке с цветком.

Заиграла мелодия мобильного. Юра взглянул на экран и отложил телефон в сторону.

— Я и не понял, что это телефон, — удивился старик. — Кто звонит?

— Ленка, — отозвался тот. — Третий раз, всё невпопад.

— А ты ответь.

— Потом перезвоню. Рассказывай, чем занимаешься? — сменил тему сын. — Какие новости? Я ж с неделю не был.

— Да хоть две. Какие могут быть новости? Телевизор не смотрю, книг не читаю — глаза устают. Радио раздражает. Брожу по квартире целыми днями да в окно смотрю. Думаю о том о сём...

— Может, на дачу? — предложил Юрий.

— Не хочу, — покачал головой старик. — Устаю быстро. Слабый стал. Не хочется уже ничего.

— Давай я тебя на дачу отвезу. Будешь гулять, — не сдавался Юрий. — В прошлом году всё лето прожил. А в этом сам не свой, вообще ничего не хочешь. Давай отвезу?

— Да не хочу я! — Старик раздосадованно хлопнул стопкой по столу перед сыном. — Лучше налей-ка!

Выпили.

— Когда один живешь, всё думается о разном. — Старик сделал неопределённый жест рукой с пустой рюмкой в кулаке. — Недавно вспомнилось, как мы с твоей мамой в общепитии жили. Мне тогда от завода дали комнатёнку. Трудные времена были...

Старик задумался, его взгляд потеплел, он поставил стопку и посмотрел на сына.

— А знаешь, какая мама у тебя была красивая. Росточка маленького совсем, стройная, голос звонкий... У нас всегда полный дом гостей был... Она нас с тобой очень любила. До конца. Замечательную жизнь мы прожили...

Они замолчали.

— Даст Бог, поживём.

— Что? — рассеянно спросил старик. — Что говоришь?

— Давай-ка выпьем, — предложил Юрий. — За годовщину вашей с мамой свадьбы.

Старик бросил быстрый взгляд на сына и прикусил губу. Они выпили, не чокаясь.

Как же это я забыл, осёкся старик, ах ты, едрить твою налево.

— Батя, ты давай не переживай, — сын положил руку ему на плечо. — Я тоже скучаю по маме. Мы ведь с тобой оба осиротели.

— Осиротели, — вздохнул старик, и голос его дрогнул.

Снова заиграла мелодия мобильного. Сын вышел в комнату поговорить, жестом изобразив, что вернётся через пять минут.

Старик посмотрел в окно и будто впервые увидел состарившиеся хрущёвки и современные здания торговых комплексов, неопрятные автобусные остановки и нарядные коммерческие ларьки, которые можно было разглядеть с пятого этажа его дома.

«Как изменился город... — удивился он. — Живу в нём много лет и помню его совсем другим». Вернулся сын.

— По работе звонили, — пояснил, усаживаясь. Отец с осуждением посмотрел на сына.

— А когда жена звонит, трубку не берёшь.

— То жена, а то коллеги, — пожал плечами Юрий. — Освобожусь — позвоню.

— А вдруг что-нибудь важное?

— Я тебя умоляю, — усмехнулся сын. — Ну что может случиться?

Они поговорили о политике, о бизнесе Юрия, о жене Леночке, о секретаршах и верности. Захмелевший сын громко рассуждал, махал руками, доказывая свою правоту так, как будто с ним кто-то спорил. Старик слушал, отмалчивался. Дважды он отлучался в туалет. Второй раз для того, чтобы стащить из кармана сыновьего пальто пачку сигарет. Старик сам не понимал, для чего это делает. Ему вдруг захотелось курить. Каково это будет — спустя двадцать лет снова затянуться? Он спрятал сигареты в ванной. Юрий ничего не заметил. Сын вообще мало что замечал. Было время, когда маленький Юрка и шагу не мог ступить без отца, но годы прошли, и сын отдался. Теперь старик терялся перед этим громкоголосым самоуверенным мужчиной. Старик не хотел выглядеть слабым, его ранила снисходительная улыбка Юрия. У него ещё осталась гордость. В сущности, это единственное, что ему удалось сохранить.

В очередной раз напомнил о себе мобильник. Водитель Саша доложил, что он подъехал и ждёт в машине у подъезда.

— Ну, мне пора. — Сын засобирился домой, они встали из-за стола. — Ленка зажалась...

— Сынок, — старик придержал Юрия за руку. — Забери герань. Это непростой цветок, он семью бережёт. Забери. У меня погибнет.

— Может, в другой раз? — Юрий посмотрел сверху вниз на отца. — Ну куда я с ним?

Старик отпустил руку. Они вышли в прихожую.

— Ты позвони, как доберёшься, — попросил старик. — Я ведь спать не лягу, пока не позвонишь!

— Обязательно позвоню, — заверил Юрий, приобнял отца и вышел. Старик проводил взглядом его широкую спину, закрыл дверь и вернулся на кухню. Он присел на краешек табурета, положил руки на колени и замер, прислушиваясь. В этом городе никогда не бывает тихо. Как будто живешь на берегу моря.

Старик посмотрел на герань. «Раз, два, три... — посчитал он бутоны. — И нас когда-то было трое, но в то же время мы были одним целым».

В голову полезли воспоминания. Лица и события сменяли друг друга в калейдоскопе прожитых лет. «Мы стареем только из-за памяти, — подумал старик, — мы слишком мало забываем».

В бутылке ещё оставалось немного водки. Он налил стопку, сунул пустую бутылку под стол, сходил в комнату за любимой фотографией жены, поставил её перед собой на стол и смотрел, смотрел, смотрел...

«Неудачный день», — подумал он. И сам же возразил: «День? А неделя? А месяц? А может, и жизнь?» Снова накатила сосущая нутро пустота... Что же делать? И опять как эхо: «Выход есть». Он обхватил голову руками. Выход есть. Выход есть всегда, даже если этот выход...

Старик медленно перевёл взгляд за окно. Мир вокруг него растёт, ширится, набирает силу, а он, напротив, хилеет, скукоживается вокруг своего одиночества. Он уже в тягость даже самому себе.

«Когда человек остаётся совсем один, уйти из жизни легче. Не за кого больше беспокоиться. И ты никому не нужен», — старик опрокинул последнюю рюмку и понял, что изрядно пьян. Вдруг он вспомнил, что спрятал сигареты сына в ванной, и, отложив все размышления, пошёл курить.

«Курить нужно под музыку, — думал старик, набирая в легкие дым. — Однако такое чувство, что я только вчера курил последний раз. Как будто и не было столько лет без сигарет. Голова кружится».

Старик осилил полсигареты и бросил её в раковину. На лбу у него выступил холодный пот, гулко бухало сердце, отдаваясь звоном в ушах, подступила тошнота. Стены ванной вращались вокруг него. Он судорожно сглотнул, выбрался в коридор, лёг на пол и закрыл глаза. Тело налилось тяжестью, веки стали будто свинцовыми. Неясные образы, воспоминания кружились, сменяя друг друга. Казалось, старик слышит голос жены, зовущий его. «Неужели смерть?» — успел подумать он, прежде чем забыться.

На кухне, оставленный на столе, настойчиво звонил телефон. Старик открыл глаза.

— Сколько же я провалялся? — поднимаясь, прохрипел он и, подойдя к столу, ответил. — Алло!

— Пап, я звоню, как обещал. Добрался, отпустил водителя, открываю дверь в квартиру. Ты как? Я разбудил тебя?

— Нет, — старик откашлялся. — Не разбудил. Всё нормально.

— Точно? А что с голосом?

— Просто сон приснился.

— А говоришь, не разбудил! Давай рассказывай.

— Да ну, — неуверенно произнёс старик. — Не стоит.

— Значит, так! Пока не расскажешь, я в квартиру не войду. Буду сидеть под дверью, и пусть соседи смеются... Про что сон?

Старик глубоко вздохнул, присел к столу и, пригладив волосы свободной рукой, дрогнувшим голосом произнёс.

— Про твою маму...

Он сделал паузу, собираясь с мыслями, облизнул пересохшие губы и продолжил.

— ...Понимаешь... Всё случилось слишком быстро. Она таяла на глазах. Нос заострился, руки сделались совсем детскими, из-под кожи выперли рёбра. Потрескавшиеся губы... Коричневые подглазья, — старик откашлялся. — Ведь она так и не пришла в себя, сынок. Я смотрел на неё и ничего не мог поделать.

— Пап... Ты там... Хочешь, я приеду? — голос сына осип.

— Не стоит. Спокойной ночи, — старик сбросил вызов на телефоне, зажмурился, пытаясь проглотить подступивший к горлу ком, закрыл ладонью глаза.

«Ничего теперь не исправить», — подумал он, тяжело поднялся и пошёл в комнату. Заметив, что всё ещё сжимает в руке телефон, старик хотел было сунуть его в карман, но наткнулся на таблетки, которые закинул туда утром. На ладони он поднёс их к глазам. Как он надеялся, как мечтал — ещё один курс, и Аня пойдёт на поправку. Увы...

«Не было смысла в этих таблетках!» — старик сжал кулак и с ожесточением бросил бесполезные таблетки куда-то в угол. — А теперь нет смысла и в оставшемся!»

Он порывался в кладовку, достал веревку и решительно связал петлю. Потом вернулся в кухню, аккуратно уложил её кольцами на стол. Огляделся, прикинув, куда бы её приспособить, и решил, что газовая труба, огибавшая под потолком кухни, подойдёт. «Не так уж много я и вешу», — заключил старик.

Прежде чем приступить к задуманному, он вымыл руки и лицо. Вдруг вспомнил про герань. Старик взял цветок, вынес его на лестничную клетку, спустился на один пролёт и аккуратно поставил на бетон. Ночь заглядывала через прямоугольные окна в прохладный подъезд. В воздухе ещё витал особый запах, который поселяется в доме только летом. В лучах фонарей, падавших на лестничные пролёты, кружилась мелкая искристая пыль.

Вдруг в кармане зазвонил мобильник.

— Алло! — старик поднёс аппарат к уху.

— Пап! Слышишь?! — раздался голос сына, Юрий не говорил — кричал: — Ленка была сегодня у доктора! Представляешь, она беременна! Слышишь?! Ты скоро будешь дедом!

Старик молчал.

— Алло! Слышишь?! Алло!

— Слава богу, дождались, — проскрипел наконец старик и, пытаясь успокоить внезапно сбившееся дыхание, твёрдо наставил: — Если девочка, чтоб Анной назвали!

— Да, конечно, пап! А если мальчик — Михаилом! — Юрий счастливо засмеялся.

— Михаилом. Это в честь кого? В честь меня, что ли?

— Ну, конечно, пап! Всё! До завтра! Пока!

В подъезде стояла звонкая тишина. Гулко бухала кровь в висках. Старик покачнувшись, ухватился рукой за перила, провёл ладонью по лицу.

— «Дедом, — медленно повторил он. — Ты скоро станешь дедом».

Старик отдышался, постоял немного в нерешительности, поднял с бетонного пола герань и стал медленно и осторожно подниматься по лестнице.

□

Антон Алексеевич ШУШАРИН (псевд. Антон Шурин)

родился в 1987 году в дер. Косновская Холмогорского района
Архангельской области.

Окончил Санкт-Петербургский
государственный морской технический университет
по специальности «преподаватель социологии».

Пишет прозу.

Публиковался в журнале «Двина».

Лауреат литературной премии мэра Северодвинска
и Совета депутатов Северодвинска «Никольское устье» (2012),
обладатель Гран-при в области литературы
V Международного фестиваля «Дар-2013» (Екатеринбург).

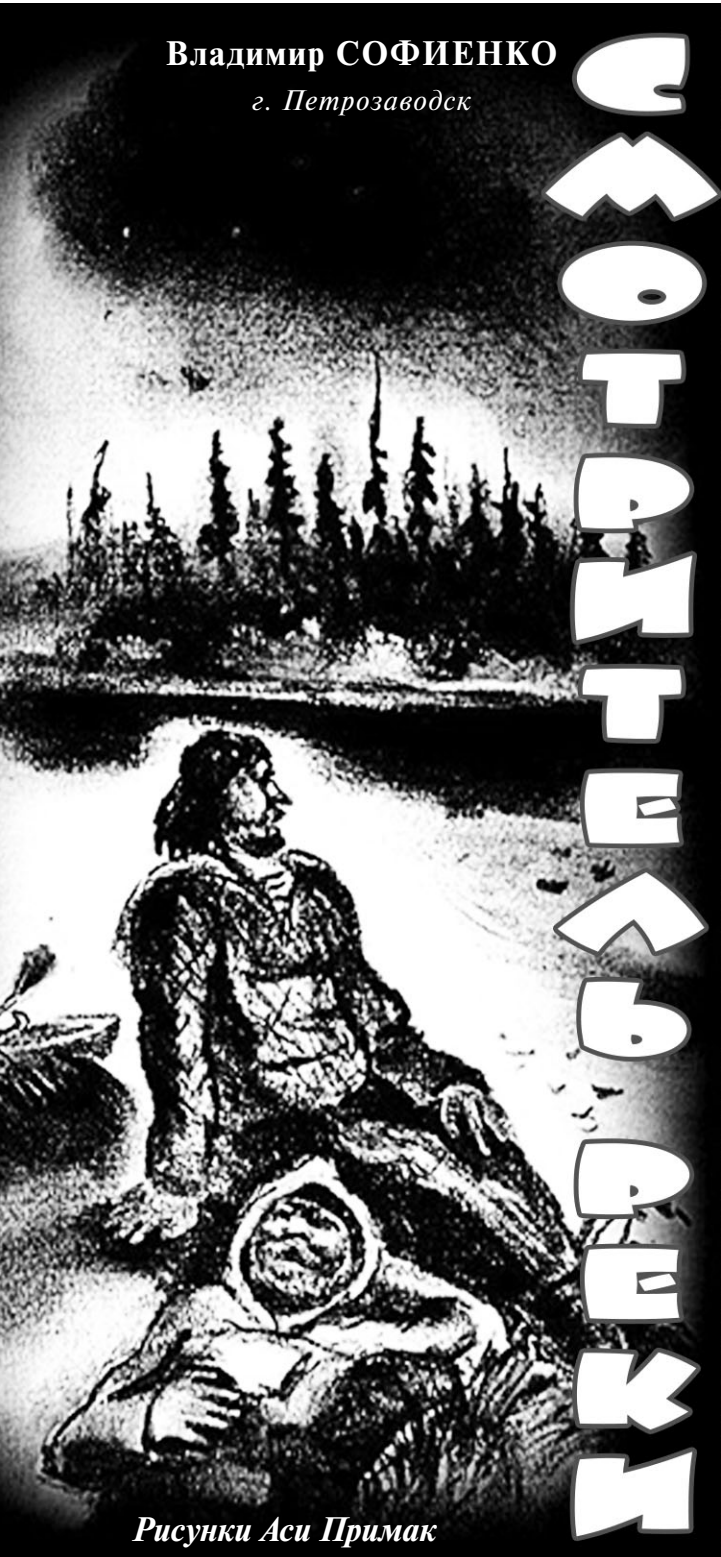
Живет в Северодвинске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Владимир СОФИЕНКО

г. Петрозаводск

Рисунки Аси Примак

УЮТНО У ВАС ЗДЕСЬ

1

Для разговора мы расположились в кухне за обеденным столиком перед пузатым электрическим самоваром, как раз напротив окна с уютными цветастыми занавесками. Моя жена Лена привычно занималась стряпнёй у плиты, мы со Славкой строили планы о предстоящем походе. Вернее, строил их Слава, а я кивал в ответ, соглашаясь с ним во всём. Славе почему-то нравилось бывать в нашей скромной кухне. Голубенькие обои в мелкий неброский рисунок, на стенах — старые шкафчики, обклеенные самоклеякой, всюду — фотографии в рамках, на полочках — фарфоровые статуэтки... Нам с Леной казалось, ничего особенного. Но, засиживаясь у нас в гостях, Славка непременно говорил: «Уютно у вас здесь». Сегодня дело другое. Славка, будто наэлектризованный своей идеей похода, не замечал ничего вокруг.

— Медведь — он не дурак. Ему тоже лишний раз с человеком встречаться неохота. Если в лесу вести себя громко, он никогда не подойдёт, — блистал своими знаниями Слава. — Я вычитал на одном форуме, что туристы в лес берут хлопушки или петарды, чтобы отпугивать зверя. Но об этом позже! — Славик вождественно потер руки, бросив взгляд на плошку с дымящейся горкой цельных отварных картофелин. Облизывая бугристые края, к ее подножию медленно сползал оплавленный кусок желтого деревенского масла. — Это хорошо, что ты уже вернулся. Вовремя. Пойдём по графику, в самый комар. — Он нетерпеливо заерзал на стуле. — Значит, ты точно едешь на Север?

— Точнее не бывает, — ответил я. Но прозвучало это не совсем убедительно, и Славик, утратив интерес к тарелке, впился в меня цепким взглядом.

— Да еду, еду! — поспешил я заверить его, отрезая себе путь к отступлению. Конечно, у меня были опасения: сплав на байдарке — дело нештучное, мне не знакомое. Оставалась одна загвоздка: — Вот только сессия...

— Перенесёшь сессию. Не дрейфь, прорвемся! — заверил Славка.

А я и не дрейфил. Наверное, потому мне не было страшно, что я гнал от себя мысли — как там, на Севере, как он примет меня...

— Ну да... Мы вернемся! Мы обязательно вернемся, — добавил Славик, решив, наверно, что именно это хочет сейчас услышать моя жена.

Лена рассеянно улыбалась своим мыслям, занимаясь закуской. В кухне запахло салом, малосольными огурцами с тархуном. Ее округлившийся животик забавно выпирал из-под цветастого фартука.

Славкины слова мне уж точно оптимизма не прибавили. Но на попятный идти было поздно: уговор есть уговор.

— Возьми побольше теплых вещей: носков шерстяных, тельник, дождевик какой-нибудь, — наставлял меня Слава. — Помню, как-то пару лет назад мы поехали с Гориним...

Он рассказывал о Белом море, удивительных встречах с поморами, их непростых рыбацких судьбах, диких лагерях, разбросанных по песчаному берегу реки Варзуги, и, конечно, о царь-рыбе сёмге, которая, преодолевая стремнины, ходит на нерест.

Славка любит Север. Это знает всякий, кто знаком с его историями. И, наверно, во многом благодаря их магии я без особых раздумий согласился на его авантюру.

Дорога для меня — обычное дело. Еще с юных лет, когда я всерьез занимался спортом, дорога стала неотъемлемой частью моей жизни. А с перестройкой и развалом СССР я, да и вместе со мной половина огромной страны, брошенной на произвол судьбы, запылила «челноками» по дорогам СНГ на колесах Меркурия.

В аэропортах, на вокзалах я всегда с интересом наблюдал за туристами с огромными рюкзаками, к которым были привязаны коврики, покрытые копотью котелки и металлические кружки. Я не против активного отдыха. Сам люблю горные лыжи. Но пластиковые каяки и байдарки вызывали у меня чувство непонимания или даже горькую усмешку. «Нет, — всякий раз при встрече с байдарочниками говорил во мне бывший пловец, — это уж точно не мое. Наплавался».

— ...Конечно, поеду, — выпалил я, когда Слава предложил мне сплав на байдарке по реке Поной на Кольском полуострове. Моё согласие стало полной неожиданностью даже для меня самого. Было это месяц назад.

— Смотри, хорошо все взвесь, — предупредил

он, испытующе глядя на меня. — Дело серьезное. Если сомневаешься, лучше сразу откажись. Когда соберется команда, обратной дороги не будет.

— Я уже решил, Слав, можешь на меня рассчитывать! — заверил я и... уехал на Украину навесить родителей.

Лена тем временем, недолго похлопотав, соорудила закуску. На столе появилась глиняная миска, доверху наполненная дольками мясистых, сочных помидоров с колечками крепкого репчатого лука и тугих пупырчатых, чуть колких огурчиков. Салат оставалось только заправить. Я открыл бутылку с деревенским маслом. По кухне поплыл аромат свежесжатого подсолнечника.

— Так что там, на Украине? — любопытствовал Слава, намазывая на хлеб душистый, пропитанный ядреным чесноком смаец.

— Тепло, — ответил я, — а еще — вот! — Я достал из холодильника бутылку первача.

Славка, заметив мою хозяйственность, тут же предложил мне бластное место «каптерщика»:

— Ну что, будешь у нас в команде главным по продуктам?

— Легко, — согласился я. — А кто еще пойдет с нами?

— Разве я не говорил? — Слава удивленно поднял белёсые брови. — Горин, разумеется. Конечно, лучше бы пойти двумя командами, как я и планировал... Но ты же знаешь — у нас люди долго раскачиваются. А все, кто хотел идти раньше, вдруг нашли себе дела поважнее. Предатели, одним словом! — Слава всегда категоричен в выводах. — Ничего, справимся втроем, — заверил он. — Горин приезжает через неделю. За это время мы должны подготовить снаряжение, закупить продукты и уладить финансовые вопросы.

— И институт... — напомнил я, разливая горячительное по стопкам.

— И институт, конечно, — согласно кивнул Слава. — Теперь нужно выбрать маршрут.

Он извлек из кармана брюк сложенный вчетверо лист бумаги. Слава — талантливый администратор. За месяц с небольшим он познакомился в Интернете с уймой народа: туристами, лесниками, рыбнадзором. В активе его знакомых появился экипаж «Ми-8» и даже капитан небольшого судна «Клавдия Еланская». Помощь этих людей, незримых, но вполне осязаемых, должна была

поступать от каждого в свое время — по мере нашего продвижения по Кольскому полуострову.

— Даже не знаю, что и думать, — то ли в шутку, то ли всерьез сетовал Слава. — Все подозрительно удачно складывается. И не разобрать сразу: бесы ли тянут или силы светлые ведут.

— Ты серьезно?

— Приедем на Север — поймём, — не сразу ответил он глухим голосом. На мгновение его взгляд сделался жестким — он опять изучающе посмотрел на меня, затем опустил глаза в листочек.

«...На этом маршруте самая большая нагрузка приходится на начальный этап (подъем по Афанасии) и на последние дни (преодоление сложного порожистого низовья Поноя), — прочел мне Слава выдержку из отчета туристов. — Но лучше всего сразу добраться до верховья Поноя на вертолете: и продуктов меньше нести, и по времени будет выгоднее. Правда, увеличиваются расходы...»

Славка сложил лист и отодвинул квадратик в сторонку.

— Есть еще пеший маршрут, — толковал он, — но это для большой команды. В любом случае каждый маршрут берет начало в Ловозере. Меня познакомили с одним ловозерцем. Я договорился с ним о ночлеге, ну и в остальном он тоже обещал помочь. Может, лодка понадобится или вездеход...

Мы еще долго обсуждали список продуктов и допустимое количество личных вещей. И всё же что-то не давало покоя Славке. Он непрерывно ёрзал на стуле, будто ища удобное положение, изредка бросал взгляды на мою жену, пощипывал рыжеватую бородку. Он всегда так делает, когда нервничает.

Уже на пороге Слава как можно тише спросил:

— А Лена тебя точно отпустит? Она все-таки в положении...

— Отпустит, — послышался голос с кухни. — Вы только живыми и здоровыми возвращайтесь.

Моя жена Лена принадлежит к тому огромному женскому лагерю, что далеко отстоит от добровольных лишений походной жизни. И она туда же — уж подозрительно легко отпустила меня на Север. Как тут не вспомнить Славкиных бесов?..

В назначенный день Слава приехал ко мне рано утром. Горина с ним не было: накануне отъезда у него открылась язва.

— О легком маршруте придется забыть: денег маловато. Будем идти вверх по Афанасии, — сказал тогда Слава.

Подхватив рюкзаки с провизией, мы вышли на улицу. Утро встретило нас холодной морозью, неприятно и как-то сразу облепившей лицо и руки. Свинцовое покрывало облаков укутало низкое небо до самого горизонта. По унылому двору, подчиняясь порывам резкого ветра, одиноко катилась пустая коробка. Наскакивая на черные, отполированные временем валуны, она подпрыгивала, с шумом ударялась о землю и беспомощно хлопала картонными «крыльями».

Мы вернулись за оставшимися вещами. Уже в лифте, после моего короткого прощания с женой, Слава признался:

— А я ведь до последнего не верил, что Лена отпустит тебя. Остаться одной, в положении, да еще с пацаном на руках... Отчаянная она у тебя. Сколько уже Саше?

— Четыре.

Разговор не клеился. Каждый хотел говорить о главном, но с чего начать, не знал. Наконец Слава как-то неуверенно или даже с опаской, будто боясь оказаться одиноким в своих чувствах, спросил:

— Мандраж-то есть?

— Еще какой! — признался я.

Он удовлетворенно кивнул:

— Это Север зовет.

Во дворе не было ни души, коробка, подхваченная ветром, унеслась, и из-за этого двор показался еще пустыннее. Неожиданно громко хлопнула дверь подъезда. За нами выбежала Лена.

— Вышла посмотреть, как тут у вас... — будто извиняясь, сказала она, взглянув на Славкину машину.

Застигнутые врасплох, мы по-гагарински молодцевато улыбались. Лена крепко прижалась ко мне. Она чуть виновато улыбнулась, на прощание махнула нам рукой и скрылась за дверью.

Мотор пикапа завелся с полпинка. Обогнув двор, мы медленно покатали вдоль домов, ми-

мо редких прохожих, сутулящих плечи под порывами ветра. Вскочив из-под кустов, рядом с машиной забумкала та самая картонная коробка. Сердце защемила тоска. На меня вдруг накатило: «Куда я еду, а главное — зачем, почему мне не сидится дома, в тепле? Выйти, пока не поздно! Остаться!»

— Что-то, Слава, меня не по-детски прижало, — признался я. — Со мной такое впервые. Даже когда из Казахстана бежал... Ведь там все оставил... Всех...

— Обычное дело. На Север едем. Думаешь, мне просто?..

Мы притормозили у въезда на мурманскую трассу.

— Ну что, с Богом.

— С Богом, — сказал я.

2

Наш внедорожник уже довольно долго пылил по северным дорогам. Мы остановились заправиться на бензоколонке. Где-то в утробе железного короба перестал жужжать мотор. В узком окошке бензоколонки, шелкнув, замельтешили цифры. Наконец цифровая круговерть замерла. Слава стукнул пару раз о край горловины бензобака изогнутой трубой пистолета и вернул его в гнездо колонки.

Залив полный бак, отъехали в сторонку — передохнуть.

— Держи, Володя, — Славка протянул мне складной нож с изящно изогнутой деревянной колодкой. Широкое в основании, добротное лезвие с саблевидным острием и зубуринками на тыльной стороне приятно холодило мою ладонь.

— Щучий. Где он только со мной не побывал! — Слава любовно поглядел на потемневшее от времени дерево колодки.

— А как же ты?

Под пристальным взглядом сердобольного хозяина нож исчез в моем кармане.

— У меня — вот... — Слава задрал край энцефалитки. На ремне красовался финский нож. Друг еще раз выразительно посмотрел на край моего оттопыренного кармана. — Прошлый раз Горин чуть мое любимое ведро не утопил, гад. Мне тогда пришлось в ледяной воде искупаться...

Я предусмотрительно застегнул карман на молнию, хотя бы так выказав ножу своё почтение.

— Поехали! — скомандовал он, пристегивая ремень безопасности. — Остановок не будет до самого Ловозера.

— Интересно-о, — задумчиво протянул я, — оно от русского «ловить» или английского «любить»?

— Ты тоже обратил внимание? — Слава повернул ключ в замке зажигания, и машина, солидарная нашим тревогам, мелко задрожала. — Что еще это озеро Любви нам готовит?..

Я молча смотрел в окно. Мимо, набирая ход, проплывали развесистые ели. Самые высокие из них, склоняя верхушки под тугими порывами ветра, покачивали нам вслед пушистыми лапами.

Отчего-то мне пришла на ум однообразная пустошь казахской степи, злое солнце и пыльный бинт дороги. Движение там заметно лишь по стрелке спидометра да ухнувшему в яму колесу. Иногда вдоль дороги, словно стражи, вырастают и тут же исчезают столбики-суслики. Совсем скоро ты их не замечаешь вовсе — глаза заняты другим: всматриваясь в бесконечное грязно-желтое полотно, ты пытаешься хоть ненамного приблизить манящий расплывчатый маревом горизонт. Куда уж печальнее картина? Но ведь не было у меня тогда этого мандража, как не было его и в моей щедрой на перелеты и проезды прошлой жизни! Конечно, было страшно, когда под Тюменью мы, закидывая шаланду нашего грузовика, уходили от бандитов. Если бы не скинули их вишневую девятку в кювет... Но те страхи вполне понятны и объяснимы, а откуда пришла эта невидимая сила, державшая меня в напряжении с начала нашего похода? Мне было одновременно интересно и жутковато прислушиваться к своему новому состоянию.

Вопреки планам Славки, остановиться по пути в Ловозеро нам все-таки пришлось целых два раза. Как оказалось, гаишники в тех краях не дремлют. Мы проскочили мимо скрытой в кустах десятки с проблесковыми маячками.

— Им бы еще маскхалаты выдали! — бурчал Слава, запихивая в карман очередную квитанцию на штраф за превышение скорости.

Погода ухудшалась. Дворники, отбиваясь от облака тумана, смахивали с лобового стекла оседающую небесную влагу.

— Сколько раз проезжал здесь — всегда у Мончегорска такая погода. — Было заметно, что Славка тоже нервничает.

Мы ехали по Мурманскому краю. Могучие сосны остались где-то за шестидесятой параллелью, на их место пришли кустарники да низкие реденькие елочки, злыми одинокими палками воткнутые в каменистую почву.

— Сейчас не видно, но отсюда уже начинаются тундры. То, что справа, — отработанная порода. — Мимо нас проплывала черная гора террикона с отрезанной туманом верхушкой. — Правда, похоже на Мордор из «Властелина колец»?

Я кивнул. Вообще, Слава не любит фантастику, но сравнение было точным. Картина действительно удручала. Да к тому же градусник на панели приборов показывал, что за бортом для нас оставалось всего лишь пять градусов тепла.

— На вот, почитай отчет туристов про наш маршрут, — Славка вытащил из бардачка сложенный лист.

Я мотнул головой. Мои тайные чаяния не оправдались. Немного отступив, страх засел занозой где-то глубоко внутри меня, то и дело болезненно напоминая о себе.

— Спирту выпить, что ли? — Я вытер влажные ладони о штаны.

Слава понимающе молчал.

— А все потому, что здесь, на Севере, проходит последний рубеж борьбы добра со злом, — Слава рассказал, что где-то прочел, будто Север — это именно то место, где в последней битве сойдутся ангелы и бесы.

— Здесь человека хорошо видно. Проверено. Бесы так и прут из тебя. Помню, в первый раз мне уж очень туго было. Так что будь готов. Я многих возил на Север. И каждый раз человек менялся, — оторвавшись от дороги, Славка посмотрел на меня пронизывающим взглядом.

— Почему Север? — чуть стушевавшись, я был рад говорить о чем угодно, чтобы замаскировать свою неуверенность.

— Не знаю, — Слава пожал плечами. — Может, потому, что расселившиеся здесь русские саамы — последние язычники Европы? Много здесь всякого намешано. До прихода сюда православных это был край шаманов. Говорят, каждый из них владел искусством боевой магии. Кстати, в

отчетах, — он кинул мне на колени распечатанные листки, — есть много того, что не знал даже я.

Видя мое упорное нежелание вчитываться в бумажки, Слава стал рассказывать о Ловозерских тундрах. В самом их сердце находится озеро Сейдозеро, вдоль которого проходит пеший маршрут мимо культовых камней сейдов и гигантской фигуры великана Куйво. По протоку из Сейдозера можно попасть в Ловозеро и дальше, через Афанасию, — на Поной. Этот маршрут выглядел, конечно, привлекательней, и если бы нас не кинули вдвоем, как сказал Слава, «предатели»... Ну, ладно... Что сделано, то сделано. Байдарку будем тащить бечевой вверх по течению до устья реки Марьёк. Чуть выше начинается волок в бассейн Поной. Этой дорогой, говорят, в одиночку прошел польский карел, писатель Мариуш Вильк. И мы, значит, пройдем...

3

Ближе к Оленегорску туман рассеялся, но мы все же немного поплутали по туманным кольцам объездной дороги, лишённой всяких указателей.

— Бесы шалят. — После напряженной дороги в тысячу верст Слава выглядел усталым.

У водителя из проезжавшей мимо машины с местными номерами мы наконец выяснили нужное направление и свернули на финишную прямую к Ловозеру — озеру Любви. Дорога была пустынной и даже в белую ночь казалась темной. На въезде, будто предупреждая о чем-то, одиноко стояло кем-то забытое фанерное чучело блюстителя порядка. Справа и слева то и дело проплывали покосившиеся поржавевшие плакаты с изображением солдат: «Стой! Запретная зона!» В стороне, над верхушками деревьев, нацелившись в низкое серое небо, неподвижно висело чуткое ухо локатора.

— Где-то здесь. — Слава остановил машину около двухэтажной «хрущевки», казалось, вынырнувшей к нам из дантевской «Божественной комедии». Справа на доме была вывеска «Бар», слева — «Продуктовый магазин», по центру — «Суд». Слава с кем-то коротко переговорил по телефону. Вскоре от близлежащего дома отделилась тень. После дорожных рассказов мне всюду

мерещилась нечистая сила. Тень оказалась человеком. Spина его была согнута, будто он нес непомерную тяжесть, но шаг был легким и пружинистым, а голова иногда покачивалась в такт ходьбе на длинной худой шее.

— С приездом. Юра, — сказал он, протягивая руку.

Мы тоже представились.

— Я так и думал, что ты Слава, — сказал он, сразу определив начальника нашей экспедиции. — Поехали ко мне.

— Мы не сильно стесним? — Несмотря на договоренность о ночлеге, нам все же было неудобно.

— Нормально. Жена в отпуске, — сказал Юра, усаживаясь на штурманское место рядом с водителем. — Поехали. Дома ужин стынет.

Нам определенно было не по себе. Уже у подъезда дома Слава поинтересовался:

— Как тут у вас, не озорничают? Машину оставить можно?

— У нашего дома не тронут. Но если переживаешь, можно отогнать ко мне в гараж.

Мы решили взять с собой вещмешки и часть провизии. Слава достал пятилитровую канистру со спиртом.

— СМЭ, — сказал он, поймав взгляд Юры. — Спирт медицинский этиловый.

Юрина квартира была на последнем, четвертом, этаже. Дверь не была заперта.

— Володя, располагайся. Суп на плите, семга в холодильнике — режь, не стесняйся. Там же и морошка. Мы недолго. Гараж поблизости, — сказал Юра и повёл Славку перегнуть машину.

— Если что, Димка, родственник мой, отмантулит вас куда понадобится! — разгоряченный спиртом и беседой, говорил Юра.

Мы со Славиком переглянулись, дивясь местному богатырю, который способен «отмантулить» нас обоих — тоже немаленьких.

— Пусть мантулит, но не очень. Нам еще на Поной шагать, — на всякий случай согласился Слава.

— Отвезет, значит, — улыбнулся Юра нашей сговорчивости. — Это так лопари, саамы то есть, говорят: «отмантулить».

От Юры мы узнали, что родом он с острова Врандей, а здесь осел после службы в армии.

— Где служил-то? — поинтересовался Славик.

— А теперь молчи и бледней. — Юрино лицо стало серьезным. Опершись руками о край стола, он, чуть приподнявшись, навис коромыслом над столом. Выдержав паузу, выдал: — Я расторопный десантник-связист!

Слава и Юра слились в объятиях. Слава тоже служил в Морфлоте. В доказательство разнородного братства Юра показал нам фотографию, где он молодой и в тельняшке. И хотя на мне тоже был тельник, подаренный по случаю Славиком, пехоте в этот клуб по интересам до рога была заказана...

— Да спят тут у меня два бродяги-охламона...

Сквозь полудрему я слышал, как Юра разговаривает по телефону. Я открыл глаза. Удивительно, как вчера еще чужой дом становится своим. В голове шумело. Неуверенной походкой я пошёл побродить по уже знакомой трехкомнатной квартире — надо было раскочиваться и сообразить завтрак. Юра уже успел куда-то уйти.

Не успели мы со Славкой сесть за стол, как он вернулся.

— Все готово, — объявил он. — Димки нет дома, ушел в тундры оленей своих смотреть. Серега, кореш мой, отмантулит вас к устью Афанасии. В устье избушка стоит. Там у деда Андрея заночуете.

— Много у Димки оленей-то? — спрашиваем.

— Да как сказать... — Юра не спешил раскрывать все тайны. — По-всякому случается... В том году троих недосчитался.

— Волки?

— У нас похуже волков зверь имеется... — помрачнел Юра. — Прилетают сюда москвичи позабавиться. Управы на них нет. Погиб тут один в эту зиму — не справился со снегоходом.

Добродушные складки возле его улыбочивого рта сгладились, глаза сузились, губы плотно сжались. Что-то в его взгляде напомнило мне Славкины разговоры про бесов.

— Да вы не спешите, — сказал он, глядя, как мы торопливо улетаем бутерброды. — Серега только к обеду освободится. У нас даже есть время на осмотр местных достопримечательностей. Музей у нас краеведческий хороший.

— Говорят, перед смертью Пушкин моченой

морошки попросил, — невпопад вспомнил классика Слава, подцепляя ложкой сочную желтую ягоду из варенья.

4

— Юра, а как же дверь? — Я выходил из квартиры последним, а ключей у меня не было.

— Там палка стоит, притули ее к двери. Если кто и придет — будет знать, что дома никого нет, — беспечно махнул рукой хозяин.

Мы поспешили в краеведческий музей. Он оказался на другом берегу судоходной реки, разделяющей городок на две части. Музей встретил нас холодными темными стенами пустых залов. Из черного зева дверей, скрывающих за собой древности самобытной культуры, вышли две пожилые хранительницы наследия саамов.

— Вот, привел, — сказал Юра без лишних разговоров.

— Что ж, пройдемте. — Одна из смотрительниц указала нам на дверь.

Мы шагнули в полумрак и сразу же оказались в глубине веков — перед нами стоял огромный валун с петроглифами. Дальше шли экспозиции, знакомившие с суровыми условиями проживания на Крайнем Севере, предметами быта саамов, орудиями охоты... На каждом рубеже тысячелетий, представленном в другом зале, свет за нашими спинами потухал, освещая теперь грядущие, еще не исследованные нами века. В полном молчании, в окружении предметов глубокой старины, этот путеводный свет вполне мог сойти за мистическое, даже потустороннее явление, если бы за нашими спинами не слышался шелест платья безмолвной смотрительницы.

Спустя пару часов мы были уже на берегу. Как сговорились, нашли Юриного друга.

— Сергей, — коротко представился нам парень в костюме защитного цвета. — Когда выезжаем? — сразу перешел он к делу.

Его казанка уже чалилась у пирса возле гаража, вплотную подходившего к реке среди длинной череды таких же приземистых, крытых железом строений с рыбацкими лодками.

— О стоимости говорить буду я, — шепнул

мне Славка, пока Сергей зачем-то отошел на пару минут в гараж.

Когда тот вернулся, Слава обрушил на лодочника рассудительно-прижимистую логику карела.

Сойдясь в цене, мы погрузили вещи и сели сами. Сергей с лёгкостью оттолкнул казанку от берега. Запрыгнул сам. Мы не спеша поплыли вниз по реке. Вдоль берега, между гаражами, слева и справа, сохли лодки разных мастей. Некоторые уже стояли на воде, но рыбаков не было, лишь на выходе в озеро инспектор рыбнадзора проводил нас долгим изучающим взглядом.

«Озеро Любви» встретило нас непогодой. Взревел мотор. Задирая нос, лодка забиралась на высокую волну и, падая, тяжело шлёпалась о тёмную воду. Встречный ветер швырял в лицо водяную пыль. Вскоре к ней присоединился мелкий колкий дождь. Он неприятно бил, жалил холодом. Укутавшись в плащ, я вглядывался в толщу воды, накатывающую чёрной волной на нос лодки. Сергей, стараясь перекричать шум двигателя и бурчание воды, что-то говорил, указывая на неприветливо выползающие из серой хмари каменистые берега небольших островов. Я вежливо кивал ему, а сам, не слушая, с тревогой ждал высадки. Мне было уютно в нашей посудине, уже не замечал дующего ветра, дождя на лице, привык к глухим ударам волн в днище. Лодка оставалась единственной ниточкой, что ещё связывала меня с теплой Юриной квартирой, дорогой домой... Вот сейчас мы сойдем на берег и начнется... «Когда же мы наконец причалим? Потом на волоке некогда будет думать о чем-то другом», — злился я на себя. Иногда мы переглядывались со Славой, улыбались, мол, всё в порядке. Но на его лице угадывались те же сомнения, что мучили и меня.

— ...Там дед Андрей живет. Вообще-то, он один, но иногда у него жена гостит — баба Лена, — донеслись до моих ушей слова Сергея.

— Где? — не понял я.

Сергей указал рукой. Только теперь я заметил прямо по курсу быстро надвигающийся каменистый берег. Справа, из-за мыса, уставленного елями, выползала тёмная лысина сопки со следами редкой растительности и талого, глянцевого снега на покатом склоне — обычное явление на

севере, несмотря на июнь. Она походила на огромный уродливый горб, кое-где отмеченный седой шерстью.

— Не вздумайте разбивать палатку — дед обидится, — предупредил нас лодочник.

— Прибыли. Тундра, — Слава пристально, как мне показалось, даже с вызовом осмотрел земляной горб сопки. На берегу нас встречал внушительных размеров косматый кавказец, собака то есть. Рядом с ним звонким, веселым лаем заливались две лайки.

5

— Свои! Цыть! — послышалось из-за деревьев. Собаки умолкли. К нам вышел маленький старичок с сухими, но сильными руками и без лишних разговоров стал помогать нам высаживаться на берег — начал тягать из лодки вещи.

— Дед Андрей, — протянул он руку сразу, как только помог отчалить Сергею от пирса. Я пожал его крепкую, с дублёной кожей ладонь.

— Хлеба привезли? — шамкая беззубым ртом, он смотрел на нас, чуть наклонив голову влево. Его черное от загара, изрытое морщинами лицо светилось лукавой улыбкой.

— Только сухари, — я наивно кивнул на бесформенную кучу, только что выросшую на берегу, предусмотрительно накрытую тентом.

Видя, что я его не понимаю, дед Андрей махнул рукой:

— Пошли в дом, а

то промокнем. Это, — он указал на вещи, — можно оставить здесь. Дождь скоро кончится.

Выудив из-под тента вещи первой необходимости, мы зашагали по дощатой дорожке к бревенчатому домику, стоявшему тут же, недалеко от берега в глубине соснового бора. Кавказец уже сидел на цепи у будки. Во дворе, кроме прочих привычных для цивилизованного человека построек, стояла кувакса — переносное жилище саамов. Точно такое же мы видели в музее в Ловозере. Это конусообразный каркас из нескольких шестов и натянутым на них чехлом из оленьих шкур. Я вспомнил агитплакат на музейном стенде: на призыв «Выбирай в туземный совет трудящихся. Не пускай шамана и кулака» сознательные саамы спешат от своих кувакс к пунктам голосования.

На пороге нас встречала старуха.

— Проходите к столу. Проголодались, небось? Вещи — к печке поближе, пусть просохнут.

В сенях было не протолкнуться. Пригнув головы, мы наконец вошли в тепло. Комната была небольшой. Вдоль всей левой стены тянулись крытые оленьими шкурами нары, наполовину завешанные цветастой тряпкой, как занавеской. Справа немытым самоваром охала и потрескивала буржуйка. Рядом — газовая плита, в углу — шкафчик с нехитрым кухонным скарбом. У окна на столе уже дымились темным мясом тарелки. По комнате пополз сладковатый мясной аромат.

— Сёй, сёй, — приглашала к столу радушная хозяйка. Во главе стола стояла плетённая лыском миска с ломтями свежего ржаного хлеба. — Кушайте оленину. Я сегодня из города. Вот свежего хлеба привезла.

«Склероз, наверное, у деда, — подумал я, — вон сколько хлеба». На вбитом в стену гвозде в пакете висело несколько буханок.

— У нас вот тут... Может, за знакомство? — Слава вытащил из кучки «вещей первой необходимости» канистру. — СМЭ?

По хитрому прищурю деда Андрея было понятно, что ему эта аббревиатура знакома.

— Доставай рюмки, бабка, — зашевелился он. — А говорили, что хлеба не везут!..

Разговор за столом оживился. Старики много спрашивали, что да как. Откуда мы, чем дышим, чем живем, чего нам здесь надо.

— Да был тут у нас один... Поляк... — припомнил он. — Только, Вовка, он другой дорогой шёл, не по Афанаське. Здесь с наскака не пройти, — в качестве собеседника дед Андрей почему-то выбрал меня. Может, потому, что я сидел во главе стола и на меня было удобнее бросать свои насмешливые взгляды. Или я лучше понимал его торопливую «беззубую» речь, кто знает?

— Мариуш Вильк? — У Славы разговор не клеился, на все его вопросы дед отвечал скоро, будто отмахивался. Кинет на него острый взгляд, отметит Славкин вопрос, и снова — мне, быстро так, впалым ртом:

— Не помню, как звали. Может, и Вилкой. Знаю, что другой дорогой он ходил.

Слава не намеревался оставаться в тени. Так всегда: чуть на него меньше внимания — он непременно напомнит о себе — не отмолчится. Как рысь на спину. Как какой-нибудь факир, ловко доставал он из своего цилиндра выгаданное к моменту слово, иногда резкое, насмешливое, иногда топкое — с двойным дном. Вступишь в диалог — завязнешь.

— Дед Андрей, пойдём покурим, — сказал некурящий Слава, глядя на сморщенное, цвета варёной картошки, лицо старого саама.

— Сёй, сёй, — баба Лена подкладывала мне мясо. В свои семьдесят она была крепкой и расторопной хозяйкой.

С перекура вернулись быстро. Не знаю, что Слава сказал деду, но тот после их разговора слушал в основном его.

— Вовка, наливай по часовой, — только и шамкал он мне теперь, непременно улыбаясь, — по нашему древнему обычаю.

— ...А что после войны? — вернулся он к разговору. — Я здесь комсоргом работал. Взносы собирал.

— Угу, взносы, много ль насобирал? — зло буркнула баба Лена.

— Из мужиков-то я один считай остался. — Дед Андрей в упор не видел бабу Лену. — Вот и выполнял комсомольское поручение, — он довольно улыбнулся. По всему было видно, что воспоминания его были приятными, — помочь кому по хозяйству или ещё чего...

— А с рыбой как? Сёмгу поймаем? — вызывал Слава. Обо всех охотчих местах нам ещё вчера поведал «расторопный десантник-связист» Юра.

— Здесь — нет. Раньше много было. До коммунистов. Теперь только на Поное. Вот хариуса возьмёте. На Афанаське чуть выше по течению и возьмёте.

Будто охотничий трофей, Слава достал из кармана сувенирный брелок, приобретённый в лозерском музее. На фрагменте распиленной оленьей кости среди редких водорослей мастер выжег три рыбки.

— Вот, — сказал он, показывая его сааму, — специально приобрёл. Правда, сначала думал взять с изображением шамана...

— Поздравляю с уловом, — усмехнулся дед. — А что с шаманом не взял — правильно. Не надо лезть туда, в чём не смыслишь.

Слава проглотил нравоучение. Сунул брелок в карман. Достал карту.

— Сначала мы думали пойти вот здесь, — он ткнул в ламинированную бумагу, — хотели посмотреть на сейды, на Куйво...

Дед со знанием дела взглянул на карту.

— Правильно, что не пошли. Карел-то вернётся, а хохол нет, — то ли в шутку, то ли всерьёз сказал он, посмотрев на меня. Я с тоской вспомнил нашу уютную казанку.

— В прошлом году там палатку пустую наши. Все вещи на месте. В лагере порядок. Никто из зверей не озорничал. А люди сгинули.

Здесь человеку не дано хозяйничать. Не зная слова нужного, сюда идти не надо. Места эти глухие, под Масельгой. Масельга — «земляная спина», значит. Так называют снежного человека, — дед Андрей приосанился, стал говорить неспешно, будто подбирая слова. Выцветшие глаза засветились, неотрывно следили за каждым Славкиным движением. Даже баба Лена перестала хлопотать да приговаривать: «Сёй, сёй!» По всему было видно, что старому сааму не до шуток. Слава не ожидал такого поворота дела — стусевался. Опустил глаза, молчит.

— Ну, и чего ты хочешь? — поглядывая на Славу, дед прищурил глаза.

— Так что за слово такое? — спросил Слава.

— Наливай, Вовка, по часовой, — вместо ответа скомандовал дед.

Выпили. Славик посмелел:

— Дед Андрей, так скажешь слово или нет?

— Оленину ешь, Вовка, пока горячая, — снова попытался переменить тему дед.

— Дед Андрей, скажи — ты что, смотрящий за рекой? — не унимался захмелевший Славик.

Старый саам медленно повернул к нему своё напряжённое лицо. Ещё с секунду пристально смотрел в глаза.

— Ты так больше не говори! — вспыхнул он.

Мне стало не по себе.

— Сёй, сёй! — пришла на помощь баба Лена.

— И то верно, — саам расплылся в улыбке, собирая лицо гармошкой. — Вовка, ты послушай, как во время войны я своего брата и сестру в Кандалакше от людоедов спас, — теперь он говорил только со мной. — Когда нас эвакуировали, состав через Кандалакшу шёл. Голодно было. Много людей померло в то время. Моя мать за кипятком пошла на станцию. Я с ребятами из вагона вышел дохнуть свежего воздуха. В теплушках душно, людей битком, и больных и здоровых... Подходят две женщины. Взгляд у них такой оценивающий, мимо одежды там или обуви. Смотрят тебе в глаза, как в душу заглядывают. Страшно стало. Я ребят — в вагон и сам от греха подальше. А на следующей станции узнали — выкрали они из соседнего вагона девочку пяти лет. Сняли чем-то. — Голос дед стал тише, совсем он захмелел.

Дед Андрей «клюнул» носом. Переглянув-

шись, мы негласно решили укладываться спать. Слава, поблагодарив хозяев за ужин от нас обоих, полез на нары.

6

— Володя, — приветливая баба Лена — Всклонилась ко мне, — пойдём покажу, где у нас удобства. Заодно с собакой познакомлю. Пойдёшь ночью в туалет, она не тронет. — Будто в подтверждение злобного норова пса, на стул, где только что сидел Слава, запрыгнул большущий чёрный кот с покрытым струпами подранным боком.

Будка с кавказцем действительно стояла рядом с тропой. Косматое баскервильское чудовище, чуть ли не вровень со своей хозяйкой, при виде нас весело замотало хвостом.

— Не бойся, — снизу долетал до меня старушечий голосок, — погладь собачку.

Я был во хмелю, и мне, как говорится, было море по колено. Я наклонился. Протянул руку к косматой голове с глазами-блюдцами. Всё мог я предположить в эту минуту — половину своей руки в пасти дикой твари, истерзанные, окровавленные конечности... Но вместо кровавого кошмара, по-театральному раскинув руки, проявив небывалую прыть, его престарелая хозяйка чайкой кинулась ко мне на грудь. Не успел я и глазом моргнуть, как был заключён в её объятья, а секундой позже меня, оглушённого, наградили страстным поцелуем! Опрокинутый на землю, я, быстро работая руками и ногами под любопытным взглядом миролюбивого пса, позорно ретировался на четвереньках вперёд спиной.

Споткнувшись о поленицу у входа и громыхнув пустыми ведрами в сенях, я влетел в избу. Дед Андрей поднял с груди дремавшую голову. Строго посмотрел на меня.

— Это моя женщина! — сказал он.

А я не был против и с ходу завалился на нары рядом со спящим Славиком.

Ночь выдалась тревожная. Заслонив полнеба, на меня надвигалась земляная спина смотрителя этих мест, проплывали лица старушек с хищными улыбками. «Карел-то дойдёт», — беззубо шамкала одна. «Сёй, сёй», — говорила мне другая

голосом бабы Лены и жадно тянула ко мне скрюченные артритом пальцы... Разбудил меня дед Андрей.

— Слезай, — он резко ткнул меня кулаком в спину.

Я слез с нар. В залитой холодным светом белой ночи комнате было душно. На женской, занавешенной тряпицами стороне, ворочалась баба Лена, беспокойно охал дед Андрей. В красном углу по-богатырски дышало остальное мужское население. «Привиделось», — подумал я и вздохнул с облегчением.

На улице было зябко. С озера дул холодный ветерок. В сиреновом небе о чем-то шелестели кроны деревьев. Где-то вверху кулдыкала птица. Вспомнив сон, я невольно посмотрел в ту сторону, где за соснами вздымалась земляная спина тундры. В тот момент мне показалось, что оттуда за мной пристально наблюдают. Холодный ветер залез мне под тельняшку. Поёжившись, я пошёл в избу. Ещё на пороге услышал гомон: за занавеской говорили двое. У одного был неприятный низкий с хрипотцой голос, во втором я узнал деда Андрея.

— Зачем привечаешь чужих? Сколько раз тебе говорено было? — зло басили на нарах.

От этих слов у меня пошёл мороз по коже, будто обмотало меня с ног до головы колючей проволокой.

— Они только на одну ночь, — жалобно шамкали в ответ.

— Пусть идут туда, откуда пришли!

— Они хорошие, только посмотрят — и назад. Можно? — молил кого-то дед Андрей.

— Покажешь дорогу — пеняй на себя! — шипели за занавеской. — И чтобы в последний раз. Больше предупреждать не стану!

— Да, конечно, — облегченно вздохнули за занавеской.

— Что ты там бубнишь? — послышался голос бабы Лены. — Разбудишь всех.

Чтобы не выдать себя неосторожным звуком, я взобрался на оленье шкуры. Вскоре из-за занавески появился дед Андрей. Он сполз с нар, сел к столу, жадно осушил недопитую рюмку, а потом, как после ночного застолья, устало уронил на грудь голову.

Утром мы направились к маленькой дедовой

пристани, где вчера оставили вещи. Как-то сами собой рассеялись ночные кошмары. Забылся странный разговор на нарах.

Солнца не было видно. По-прежнему низко над нами висел свинцовый купол неба. По его тёмному донцу ветер гонял серую хмарь облаков. Вдруг что-то случилось. Часть неба чуть просветлела, и в следующее мгновение серебряным лучом, словно скальпелем, раскесарило небесную хмарь — свод лопнул напополам. Окрашенные в киноварь края всё дальше расползались в стороны, выпрастывая наружу ослепительный солнечный диск.

За каких-то полчаса мы собрали байдарку. Загрузили вещи, равномерно распределив груз по её дну. Узкой элегантной сигарой она покачивалась у берега.

— Ну как тебе «девочка»? — Слава ласкал взглядом обтянутый брезентом каркас.

— Похожа на индейскую пирогу, — легкомысленно отозвался я.

— Сам ты индеец! — Кажется, я задел Славу за живое.

— Садись вперёд на вещмешок, — злился он, — покачай байдарку. Найди равновесие.

Не успели мы порадоваться, как небо снова заволокло. Когда отчалили, на берегу остались дед Андрей и баба Лена. Рядом крутились звонкие лайки. Задрав хвост трубой, важно выхаживал кот с ободраным боком.

— Поветерь в спину! — хрипло пробасили с берега, и этот голос заставил меня вздрогнуть.

До устья Афанасии было недалеко. Я молодец. Быстро освоился в неведомом для меня деле — гребле на байдарке. Конечно, до совершенства было далеко, но главное — я чувствовал нашу лодку, работу веслом по-прежнему зло сопящего за спиной Славика, задававшего ритм нашему движению. Мы скользили по спокойной глади «озера Любви». Впереди широкое устье реки разделял маленький остров с заросшими камышом берегами. Держась правой излучины, мы вошли в реку. За островом она сужалась, тогда мы почти сразу почувствовали её упругое полноводное тело. Налегая на вёсла, мы всё больше теряли силы, отвоевывая у непокорной реки каждый метр пройденного пути. Делать было нечего. Не снижая темпа, повернули к берегу. Оказалось, мы не

первые, с кем так бесцеремонно обращалась Афанасия. В том месте, куда мы причалили, было сложено кострище.

— Здесь заночуем, — решил Славка. — Кто его знает, сколько ещё до следующей удобной стоянки топтать...

В пятистах метрах выше по течению река ушла влево, и, кроме обрывистого берега, покрытого зарослью карликовых берёз, было трудно что-либо разобрать.

— Завтра нагоним. — Слава огляделся вокруг в поисках возвышенного места для палатки — небо сулило дождливую погоду. Я разжёг костёр и принялся за стряпню. Горячая еда и обжигающий чай — что ещё надо, когда на тебя непрерывно льётся с неба? Забыл — ещё СМЭ. Уже в палатке я рассказал Славе о ночной «закулисной» перебранке. Он насупился. Задумался о чём-то.

— Володя, вот ты любишь фантастику... — начал он язвительно.

— Не ты ли мне всю дорогу рассказывал про бегов и боевую магию шаманов? — я повернулся на другой бок.

Той ночью мне приснились надгробия...

7

Сверху не переставая лил по-осеннему холодный дождь. В моих болотниках противно чавкали намокшие шерстяные носки. Впереди маячила коренастая спина Славика: с нажимом бульдозера он проминал тропку в карликовых берёзках. Мы шли вдоль русла порожистой реки. Слава тянул бечевой байдарку вверх по течению, я отталкивал её веслом от берега. «Интересно, — думал я, — кому сейчас тяжелее: Славику или мне?» Этот вопрос мучил меня с тех пор, как я в очередной раз соскользнул с крутого глинистого бережка в быструю реку. Спасая лёгкое дюралюминиевое весло, пришлось пожертвовать сухостью ног.

— Воду из сапог не выливай, — посоветовал тогда Славик, — ноги замёрзнут.

Можно подумать, моим ногам в промокших сапогах было тепло. Время тянулось нескончаемо долго. Будто отупевшие от усталости, мы молча передвигались вдоль прибрежных

зарослей по течению реки. Иногда после очередного всплеска воды за спиной Славка безразлично кидал через плечо: «Жив?» Я мрачно отвечал: «Жив!» и вновь выходил на берег, поднимал ненавистное отяжелевшее весло. Мы шли дальше. Когда терпеть холод и сырость становилось невозможно, мы, устроившись на камнях или прямо на земле, пили разбавленный спирт. Говорили мало. В основном про маршрут. Каждый раз Слава доставал из кармана карту, подолгу всматривался в извилистую синюю змейку реки. Щипал ржавчину бороды. Затем сворачивал карту. И это означало, что нам пора идти дальше. «А чего ради, собственно, идти? — зло думал я. — Вот во время войны партизаны — это понятно. А мы что?..» Я пропыхтел в спину Славе про партизан. Он обернулся, лягнул меня взглядом. Это я нарочно. Он вообще не любит, когда про партизан...

Небольшой каменистый уступ с острыми, словно бритва, краями грозил распороть брезент байдарки ниже ватерлинии — я отчетливо увидел эти каменные лезвия в прозрачной воде. И опять я подошёл слишком близко к предательски заросшему берегу. На сей раз Славка даже не обернулся. «Черт меня дёрнул идти в этот поход! — про себя ругался я. — Хотя черт здесь ни при чем. Это всё Славка!» Мы шли и шли вперёд, минуя крутые повороты Афанасии, изматывающие пороги, доводящие до бешенства заросли корявых упругих стволов. На Славе был спасательный жилет. Лямки, обхватывающие ноги, впились в ягодицы так, что со спины Славка был похож на борца сумо. Да и спереди тоже — так мысленно отомстил я ему за свою усталость. А с другой стороны... С другой стороны, всё-таки это было здорово! Мы делали тяжёлую мужскую работу. Делали её вместе. Знали — каждый готов прийти другому на помощь. Ныли мышцы, невыносимо ломило поясницу... Но всё же я ловил себя на мысли, что нам обоим это нравится. Я точно знал, что Слава чувствует сейчас то же, что и я, и от этого становилось легче. От навалившейся усталости я даже не заметил, как оборвалась полоса зарослей. Вязкая заболота берега тянулась ещё метров сто, а дальше издёвкой возвы-

шалась чашоба выше нашего роста. Рядом с берегом была небольшая полянка с поваленным сухим деревом. Мы вытянули байдарку на каменистый пляж.

— Чего ты там плещешься? Не наплавался, что ли, в своём бассейне? — ехидно ухмыльнулся Слава.

— Да ну тебя! — отмахнулся я. У меня не было ни сил, ни желания отвечать на его колкости.

— Ладно. Ты пока отдохни, а я разведу, что там выше по течению. Посмотрю место для ночлега. Здесь как-то неудобно. — Слава протянул мне пластиковую бутылку: — По глотку?

— Тебе не кажется, что за нами всё время кто-то наблюдает? — спросил я его, отхлебнув добрый глоток.

— Да нет здесь никого! — попытался беспечно отмахнуться он.

Однако по тому, как Славик огляделся по сторонам, я понял — он сам не верит в то, что сказал.

Обходя прибрежные кусты, Славка поднялся на гребень и ушел в лес. Из-за сосен до моих ушей долетела мелодия какого-то марша. «Медведей, значит, отпугивает», — вспомнил я наставления Славы.

Я завалился на спину. Спасательный жилет уберегал меня от холода, которым тянуло от земли. Глоток спирта обволок меня теплом, тело обмякло, мысли вяло текли вместе с шумом реки прочь отсюда — домой. Я закрыл глаза, чтобы не видеть серой тяжести неба, гневно нависшего надо мной...

8

Мне показалось, что кто-то толкнул меня в бок. Я открыл глаза. Сверху — всё то же свинцовое низкое небо. Сколько же я проспал? Сел, огляделся по сторонам. Славы нигде не было. Я размял ноги на маленьком, усеянном валежником пятачке поляны. Снова позвал Славку — тишина. Только эхо, оттолкнувшись от левого берега, вернуло мне бумерангом мой тревожный голос. Солнце клонилось за макушки сосен, на пляж легли длинные тени. Славика всё не было. Может, что случилось? Может, где ногу подвернул? Воображение рисовало тело, неестественно лежащее

среди поваленных, изъеденных трухой стволов. Я почти видел искаженное гримасой боли лицо моего друга — он молил о помощи.

«Медведь?» — подумал я и не на шутку испугался. Вообще, я никогда не боялся медведей и даже при случае кидал через клеть в зоопарке какое-нибудь лакомство. Мишка вставал на задние лапы, разевал пасть, демонстрируя клыки, кружил, выпрашивая гостинцы. Однако перспектива встретить его здесь, где-то у чёрта на куличках, в богом забытом краю, без оградительной стены из металлических прутьев представлялась мне крайне нежелательной. И это еще мягко сказано. На этот случай у меня в кармане лежала Ф-1. Я выудил небольшую ручную гранату — этакая ёлочная хлопушка. Ф-1 утопала в моей ладони — жалкая маленькая пугалка. Почему-то в супермаркете она выглядела солиднее. Слава взял их аж четыре штуки.

«Что ж, теперь я во всеоружии», — вслух вырвалось у меня с нервным хохотком.

Идти вдоль берега искать истерзанные останки Славика? Наверняка что-то случилось. Не мог он так надолго уйти. Сколько же я спал? Надо развести огонь — дым отгонит зверьё, пока меня не будет. Потом на волокушах притащить Славку сюда. Мы не так далеко отошли от избушки деда Андрея. Ночь переждём здесь, а утром сплавимся вниз по реке. Я посмотрел на байдарку, прикидывая, как ловчей расположить между вещей останки Славика. Почти что элегантная, низкая, длинная лодка среди стеблей тростника действительно напоминала индейскую пирогу. Зря Слава тогда обиделся на меня за это сравнение. В голове звучал минор реквиема, а перед глазами печально проплывала байдарка, унося к низовьям Афанасии тело Славки, будто индейского вождя из книги Фенимора Купера. Вообще, Слава не любит, когда про индейцев. То есть не любил...

Я спустился к байдарке. Достал топор, заткнул за пояс.

«Ойса да ойса, ты меня не бойся,

Я тебя не трону, ты не беспокойся», — затыкнул я плясовую шуточную песню казаков. Под ногами трещал сушняк. «Медведь не дурак, —

вспомнил я. — Если в лесу вести себя громко, он никогда не подойдёт», и ноги сами стали пританцовывать. «Что ж, шуму с лихвой, — успокаивал себя, — тем более что Славкин мишка уже, наверное, сыт».

Хорошо, никто не видел, как я выделял в этой глуши казачьи коленца.

«Ойса-са-а!..» — эхом подбодрили меня с противоположного берега, когда я зашёл на гребень, где канул в неизвестность Славка.

*«Дайте в руки мне кинжал,
дайте ножик-финку,*

Я поеду на Кавказ танцевать лезгинку!» — так ответил я левому берегу.

Неожиданно навстречу вышел Слава, живой и невредимый. Я даже немного разочаровался: уж слишком красиво в моем воображении уносили пирогу с ним волны вечности...

— Ты уже один нож профукал. Щучий. Мой любимый, — мрачно хмыкнул Слава. — Здесь недалеко хорошая стоянка. Сейчас чая хлебнём и тронем дальше...

9

«Что-то напутал Славик. Не мог здесь пройти в одиночку с лодкой Мариуш Вильк, — думал я, сливая из сапог воду. — Пешим ходом — поверю. Но чтобы вот так, одному, с лодкой, да по порогам и корягам! Дед Андрей прав: Мариуш другой дорогой шёл». Ещё час мы продирались сквозь кусты к месту будущей стоянки. Разбили палатку. Я приступил к готовке ужина, а Слава, наконец расчехлив мудрёные рыбацкие снасти, молча пошёл удить рыбу. Он злился на меня. Сегодня утром выяснилось, что я профукал тот драгоценный Славкин нож, который он мне вручил, и где-то забыл его новый садок. И это в самом начале пути! Насчёт ножа, допустим, я согласен. Но при чем тут садок — я, ей-богу, не пойму! Я чувствовал свою вину, и Славка, пользуясь этим, де-факто назначил меня ответственным за свои вещи.

Дождь совсем перестал, и я наконец смог развесить у костра свои носки. Вытянув ноги к огню, я наслаждался покоем и теплом. Рыжее пламя весело охаживало закоптелые бока ко-

телка. Вода внутри сердито шумела, вот-вот готовая взорваться пузырями. «Чего я сюда попёрся?» — в очередной раз задал себе вопрос и вдруг опять поймал себя на мысли, что всё-таки мне эта затея чем-то нравится. Я вспомнил, что вот так же думал на тренировках. И не мысли это вовсе, а скорее хлёсткие щелчки плетью. Рассуждать было некогда. Ничего лишнего — только о том, как не выйти из жесткого режима задания, перетерпеть вязкую, ноющую боль в грудной клетке. Не отстать от других. Дотянуть! И ещё не слышать, как орёт тренер, потрясая секундомером (чего проще — бегать вот так по бортику и орать!). И после всего этого вполне логично звучало: «Брось всё. Зачем тебе это надо?» Но за десять секунд положенного отдыха ты успеваешь сделать три долгих выдоха в воду, потом перепонки раздрает ненавистное «Ап!» — и снова борешься с усталостью, мыслями-изменниками, водой, секундами, что быстрее тебя... Для чего это было, почему нравилось — теперь не знаю. Раньше думал — для того, чтобы быть первым, слышать гимн в свою честь. Теперь, сидя у костра, понимал: не для этого. Наверное, есть вещи, о которых четко знать не надо — нужно лишь почувствовать, уловив одну идею, не пытаюсь словесно ее для себя сформулировать, чтобы не возвести в незыблемое правило.

На берегу что-то случилось. Орал Славка. Ещё немного, и я, чуть не опрокинув котелок с уже готовыми макаронами по-флотски, выскочил к реке.

— Моя родная!!! — Оказывается, Славик может быть ласковым.

Он держал в руках рыбу с красивым широким спинным плавником и зеленовато-перламутровым отливом чешуи. Держал так, словно она посулила ему чёрт знает чего. Глаза его светились радостью и нежностью. Он ещё что-то шептал слабо трепещущей в его ладонях рыбе, пока она не затихла. Это был первый улов в нашей экспедиции и первый Славкин хариус.

— Засолить сможешь? — Слава торжественно, с гордостью передал мне свою добычу, будто это была шкура убитого медведя — не меньше.

— А то! — Хариус помирил нас. — Дай нож — я разделаю.

Славик ещё раз проучил меня взглядом, припоминая дорогую потерю, а потом всё же протянул нож и, подхватив удочку, помчался к реке.

— Ужинать когда будем? — крикнул я ему вслед.

— Не сейчас. Может, ещё на уху наловлю.

10

Всю ночь вокруг нашей палатки ходил медведь. Я знал: это именно он. Я слышал его тяжёлую поступь, как шуршал, проминался под его огромными лапами настил из хвои. Иногда он останавливался и шумно втягивал воздух. Петь песни было уже поздно. Если медведь не побоялся Славкиного храпа, то последнее, что могло его испугать, были масштабные военные учения. «Ф-1» не в счёт. Иногда его шаги были особенно отчетливо слышны, и тогда мне казалось, что ещё чуть-чуть, и он сомнёт нас вместе с палаткой. Ещё до меня доносились его возня и тихое металлическое побрякивание. Я понял: миша доедает макароны по-флотски. Мне стало жаль, что мы оставили так мало себе на завтрак. Было ясно, что этим зверь не насытится. Славку разбудить я не мог из-за сковавшего тело ужаса. Да и чем бы он помог? Бросил бы в медведя связку своих хлопушек? Я вспомнил, что за ужином почувствовал на себе чей-то недобрый взгляд, как в ту ночь у избушки деда Андрея. Будто присматривает кто-то за нами из-за деревьев. Трудно передать, что именно я ощутил, но чувство это вселяло страх. «Да нет здесь никого», — неуверенно тогда сказал Слава, озираясь по сторонам.

Уже под утро, наплюхавшись в реке, медведь снова вернулся к палатке. Обошёл её. Постоял со стороны Славы, задержался у изголовья и замер возле меня. Я не дышал. Вдруг огромной силы лапа протиснулась под палатку, вздыбила мне поясницу, изогнула спину коромыслом. Открыв рот, я беззвучно кричал. Моё горло парализовало. Слова застряли, не желая выходить наружу. Тишину утреннего кошмара разрезал визг пилы. Так же неожиданно лапа исчезла, не причинив мне вреда. Я открыл глаза. В палатке, в спальнике было уютно и тепло. Снаружи накрапывал дождь. Там же, в шуме дождя, двое пилили дерево поперечной пилой. При слаженной работе звук был чистый: так зубья пилы рвут

древесину. Когда кто-то из вальщиков выбивался из ритма, пила звенела изогнутым полотном, её мелодия ещё летела некоторое время сквозь неторопливый дождь, пока вновь не приступали за работу труженики-зубья. Заворочался и вылез из спальника Слава.

— Ну, ты дал! Всю ночь мне спать мешал — храпел.

— Ты слышишь? Кто-то рядом лес валит! — Мне казалось странным, что Слава говорит о такой ерунде, когда в этой глуши кто-то пилит деревья.

— Ага. Твоя бригада, где ты всю ночь работал трелёвочником, — хохотнул Славик. — Это шур — птица такая. Северные жители называют ее сторожем ночи. Пойдём завтракать.

— Ночью, кажется, приходил медведь, — остановил я Славу.

Он замер спиной ко мне. Через секунду обернулся.

— Ты видел? — Слава нахмурился.

Я рассказал ему о своих ночных переживаниях.

— Если бы он приходил, то... И вообще, Володя, есть такое поверье: не хочешь с ним встретиться — не называй по имени. Приснилось тебе всё. Вчера — надгробия наши с открытыми датами, сегодня — вот это... — Махнув рукой, он вылез из палатки.

Теперь я уже и сам понял, что это был сон, но, выйдя под мелкий дождь, всё же прошёлся вдоль палатки, ища следы непрошеного гостя.

11

Третий день пути был днём открытий. Во-первых, до нас наконец дошло, что идти легче, не надевая спасательных жилетов. Во-вторых, если привязать к середине борта вторую бечеву, то байдаркой может управлять и один Слава — течение само выталкивало лодку к центру реки, оставалось лишь чуть притянуть к себе борт и отпустить нос. Мы уже привыкли к морозящему дождю и холоду. На коротких привалах, пережидая под тентом краткосрочные ливневые полосы, мы развлекали спирт бурлящей водой порожистой Афанасии, и тогда становилось ясно, что занесло нас в места небывалой красоты. Я доставал фотоаппарат. Мы принимали решительные,

полные мужества позы первопроходцев. В эти минуты забывалось о натопанной тропе, идущей выше зарослей кустов, о кострищах, оставленных кем-то до нас, о тех, кто, оставаясь невидимым, отмечал каждый наш шаг. Дождь утихал. Мы сворачивали тент и снова шли вперёд, погруженные каждый в свои мысли.

— Сегодня ужинать будем ухой! — решительно заявил Славик. Он размотал удочки и спустился к реке. — Я знаю имя одного беса, он-то и поможет с рыбкой. Пойдёшь удить?

— Не-а, я ещё не обзавёлся бесом-рыбаком, — отшутился я.

В котелке на углях аппетитно булькал плов. Тут же нагревались небольшие плоские камни. Я помешивал плов, переворачивал с боку на бок камни, будто пирожки. На тент падали редкие дождевые капли.

Сегодня днём во время переправы через приток Афанасии мы чуть не лишились байдарки и всего нашего скарба. Порвалась бечева, и лодку понесло на пороги. Я прыгнул в воду и успел схватить байдарку за корму. Это была последняя пара сухих носков.

Сунув в плов, как в грядку, головку чеснока, я плотно закрыл крышкой котелок. Плов должен был ещё немного потомиться. Тонкий аромат мешал сосредоточиться на главном — сушке носков. Из углей я выуживал горячие камни и, изловчившись, засовывал их в носок, затем помещал его между двумя такими же, нагретыми в костре. Как выяснилось, занятие это не из простых, требующее определённой сноровки. Мне казалось, что при высокой влажности и низкой температуре это был единственный способ просушить вещи.

Рыбалка не шла. У реки Слава выкрикивал имя «беса» и закидывал удочку. Наверное, он решил, что это единственный выход отведать ухи. Так и вышло. Спустя время Слава принёс двух хариусов, сам стал готовить добычу.

Славка в ухе знает толк. Это сразу видно. Уха — это его! Обжигаясь, в нетерпении мы глотали плоды его рыбацких и кулинарных трудов.

Солнце катилось по дуге белой ночи. Привычно шумела порогами река. Где-то «пилил» своё дерево «ночной сторож». Разомлев от вкусного

ужина, тепла костра и СМЭ, мы говорили обо всём, строили планы на следующий день. Вспоминали деда Андрея, бабу Лену, его странное то ли предупреждение, то ли предсказание: «Карел-то вернётся, а хохол нет». Вдруг стало совсем тихо у костра. Вокруг — ни звука. Не слышно даже шума воды.

— Такого странного похода у меня ещё не было, — признался Слава, нарушив зловещую, почти что потустороннюю тишину. — Не хотел тебе говорить, — он отвёл глаза в сторону, — мне тоже кажется, что за нами кто-то пристально наблюдает.

Я согласно кивнул.

Тишина стала невыносимой. Мы огляделись по сторонам...

12

Его приближение было похоже на треск трансформаторной будки, на шум в проводах ЛЭП во время сильного снегопада, на частые щелчки электроскопа. Сканируя пространство, он всё ближе катил к моему изголовью. Разминуться мы с ним уже не могли. Сердце бешено колотилось, но даже его стука я не слышал из-за нарастающего треска. С ужасом обречённого я ждал, когда он подойдёт слишком близко. А он без лишних сомнений как-то сразу, нагло вошёл в мою голову, наполнил её шумом своих «электронов», передал их волнение моему телу. Собрал свои щупальца, шар ещё мгновение пребывал во мне, затем как ни в чем не бывало, словно преодолев очередную помеху, продолжил свой путь дальше. Ещё некоторое время по затухающему следу я мог определить его направление...

Славик опять злился. Наверное, он ждал, когда из меня попрут бесы, а из меня по утрам выходили только рассказы о моих фантазмагоричных снах. Может, эти сны и есть бесы? Кто знает?..

— Выбрось все свои шары из головы, — говорил он, укладывая палатку, — а то в самом деле «карел-то вернётся, а хохол нет».

— С шарами или без? Куда я денусь? — улыбнулся я. — Меня баба Лена благословила в дологу.

Это решение давалось непросто. Двое суток мы отлёживались в палатке — восстанавливали силы. Трудно сказать, от чего мы устали сильнее за эти четыре дня пути: от дождя, холода, нескончаемых зарослей вдоль реки или преследующих глаз. В этом стоворе молчания, окружающем нас, даже деревья казались злыми стражами. Мы боялись показаться слабыми, но каждый из нас уже задал себе главный вопрос: идти ли дальше? Я читал его в глазах Славы, он — в моих. За готовкой и разговорами ни о чём мы ждали, кто об этом заговорит первым. Было трудно принять, что ты не справился, ещё труднее — сказать об этом. Сложнее всего было Славке. Он задумал этот поход. Жил им несколько месяцев. Не сговариваясь, всю ответственность взял на себя. Я был готов поддержать любое его решение, и он об этом тоже знал.

Слава всё больше молчал, уходил в себя. Он по минутно разворачивал карту, что-то в ней выматривал, щипал бороду, снова засовывал карту в карман. Потом уходил вверх по течению, а вернувшись, подолгу молчал у костра. Спускался к реке с неразмотанной удочкой и возвращался ни с чем. За деревьями тоже, кажется, прислушивались — ждали. Наконец за ужином, протянув мне пластиковый бутыл, он сказал:

— Как думаешь, мы готовы идти дальше? — Слова давались ему с трудом.

— Идти — готовы, но из графика уже выбились. На «Клавдию Евланскую» можем не успеть, — осторожно ответил я. Сдаваться — так вместе!

Выпили, помолчали.

— Как-то не очень возвращаться... — Слава ждал моей поддержки, я слышал это по его голосу.

— Хоть покажешь мне, что такое сплав...

Славик улыбнулся:

— К бабе Лене не терпится?

Мы рассмеялись. Наверное, от наступившей определённости нам стало легче. Наверное...

Ночью перестал лить дождь. Словно подтверждая правильность нашего выбора, выглянуло солнце. Небо впервые улыбнулось нам синевой, ветер лениво играл белоснежным руном облаков. Мы стали собираться в обратный путь. Только теперь мы заметили, как обмелела река Афанасия. Предательскими камнями, словно минами, ощетинилась она там, где ещё вчера их будто и не было. Я занял своё место на носу байдарки.

— Володя, не дай нам напороться на камни.

— Поветерь нам в спину, — сам себе сказал я и оттолкнулся веслом.

□

Владимир Геннадьевич СОФИЕНКО

родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан).

Окончил Карельскую государственную педагогическую академию.

Психолог-тренер.

Пишет прозу.

Автор книг «Ожидание в 2000 лет»

и «Под солнцем цвета киновари».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

**Александра
ПОЯРКОВА***г. Рим, Италия*

В городе, в котором я жила в детстве, был большой шинный завод. Некоторую часть бракованной продукции использовали для детских площадок — ставили в ряд ребром и где-то до середины закапывали в землю. Получалась такая шинная дорожка, по которой утром бегала и прыгала мелкотня вроде меня, а вечерами на ней пила пиво молодежь. Может быть, такое придумали делать не только у нас, но я потом была во дворах многих городов, но нигде больше такого не замечала.

Каждый город по-своему неповторим. И каждый меняется, гонится за модой, следит за новостями политики, растет или сохнет, разрушается, ремонтируется и украшается... Только если это город, где ты выросла, тебе не хочется видеть никаких изменений. Всего пару дней — и пусть все будет как тогда, как раньше. Поэтому, приехав, я не стала искать телефоны одноклассников или расспрашивать деда о знакомых, даже о соседях. Я и так уже вижу, что вместо волейбольной площадки сделали автостоянку, а на углу дома, где был магазин «Молоко», сделали салон красоты.

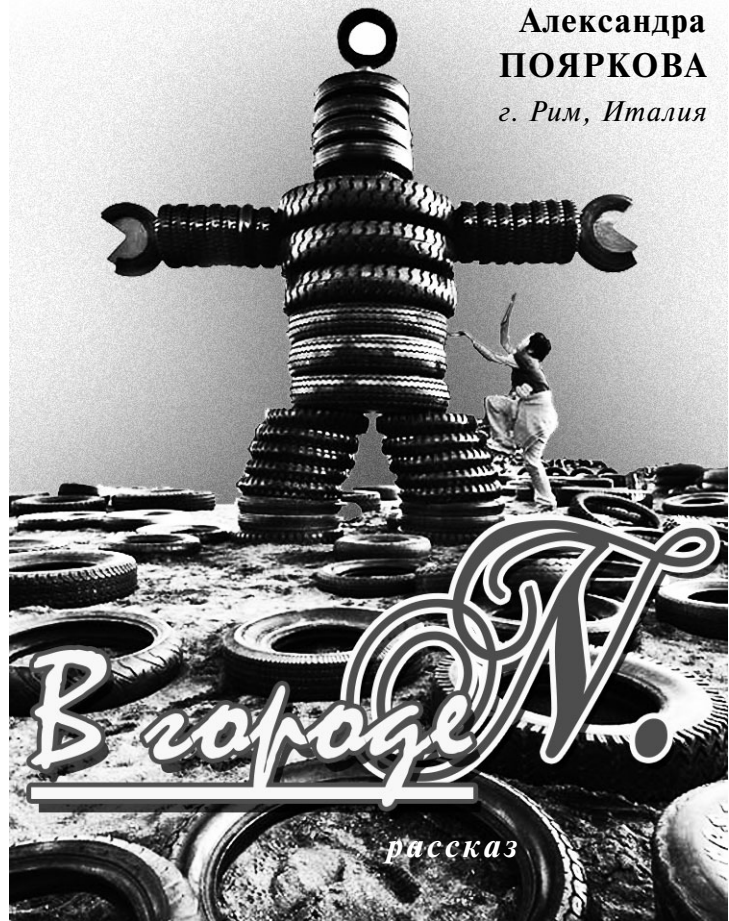
— Съездила бы погулять в центр...
Прошлась бы по набережной... — сказал дед перед обедом. — Там так причал красиво отделили ко Дню города...

— Сначала суп доварю. Сегодня куриный, — ответила я и поцеловала его в лысую голову.

А через полчаса оделась и пошла к автобусной остановке.

Всего лишь за три неполных десятка лет я успела пожить не в одном городе и даже не в одной стране. Везде у меня остались компании друзей, с которыми я стараюсь не поддерживать связь. Конечно, у меня есть все адреса и телефоны и, может, я даже приеду к ним как-нибудь в гости, если буду уверена, что в этот вечер все будет как раньше. Не то чтобы я боялась перемен, но и жить воспоминаниями не считаю интересным. Кто-то мудрый сказал, что в одну реку нельзя войти дважды. Я запомнила.

Города — как те же некогда любимые люди.

Несколько приятно оттого, что помнишь ближайший путь до аптеки, названия трех параллельных улиц и какая обычно погода в мае. И все, никаких больше чувств. И были ли?..

Я это и так знала, но мама сказала: «Придется мне брать отпуск за свой счет, ведь надо же ехать», а мне стало стыдно. Тогда я твердо заявила, что, пока мои документы готовятся, а работа меня не нашла, поеду я. Купила теплую куртку и билет на поезд.

Теперь, с настроением выполняемого долга, я доехала на желтой маршрутке до центра, вышла, закурила и в растерянности оглянулась. Что же делать дальше? Мне не на что смотреть, и нет ничего нового, что могло бы меня удивить. Может, «макияж» города и видоизменился, но все внутренности, его «мясо» остались прежними. В растерянности я побрела через парк. Под первой же лавочкой спал алкаш,

почти все остальные занимали его братья по разуму. На тех, что в начале парка, поближе к ларьку, пили взрослые мужики. На дальних, там, где уже открывался романтичный обзор набережной, веселился молодняк. Школьники крутились под деревьями, прятали бутылки пива в перчатки и оглядывались, закуривая.

Я дошла до реки, унылой, серистой, ещё кое-где заплыванной льдинами. Посмотрела на прогуливающих под руку старушек, редких бегунов с собаками, молодых барышень... Неожиданным пятном блеснула чересчур шикарная вывеска бара на втором этаже речного вокзала. И я пошла на этот свет.

Все было до противного свое. Прожив несколько лет в Греции и прознав «всю подноготную», я совершенно растеряла те чувства очарования и восхищения северного жителя, которые обычно они испытывают перед теплыми морскими городками, где, кажется, не прекращается жара, не кончаются фрукты с вином, песни, танцы и беспечные связи. Промучившись не одну зиму в доме без отопления, подхватив жуткую простуду от нескончаемых морских ветров, проведя не одну бессонную ночь из-за криков пьяных туристов, наконец пресытившись морем до кончиков волос, я уже была рада тому, что приходилось уезжать. Но и не знала, как вернуться на родину, казавшуюся уже рудиментом. Оказалось, это слишком легко и обыденно. Все черточки быта уже ввелись в тебя и хорошенько пропитали, все знакомо, вплоть до стаканов в баре, в который тебе наливают виски. Хотя, казалось бы, откуда я могу это знать? Много ли раз я была в барах до своего отъезда? Думаю, можно на сигаретах в пачке посчитать.

А ведь наверняка почти все мои некогда друзья так и продолжали все эти годы жить: по выходным ездить на «тринадцатом» прогуляться в центре, покупать одежду в тех же магазинах и молоко в том же гастрономе, собираться теми же компаниями... Только к обычным темам разговоров прибавились обсуждения грудного вскармливания и умственного развития начальника. Как можно не сойти с ума в этой клетке? Как не давит это маленькое пространство, по которому ты курсируешь десятилетиями, день за днем — одно и то же? Мама рассказывала, что, когда приезжала в последний раз, встретила двух моих одноклассниц — Ленку с Надькой. Прогу-

ливались под ручку, накрашившись одной помадой, — все как в старые времена, только пакета со сменкой не хватает. Одна вышла замуж за мальчика из нашего класса, другая — за своего соседа. У жителей этого города жизнь идет по трем этапам: воскресные спектакли во Дворце нефтяника сменяются ночными тусовками в клубе «Облака», потом все выходные — в винном отделе магазина «Юбилейный». Почти все лица, которые встречаются на улице, серые и злые. Разговаривать с тобой будут только сквозь зубы. Каждая лестница пахнет мочой, каждый газон завален покрывалом бутылок и целлюлозных оберток, каждое сиденье в транспорте надорвано или расписано. Это нормально, почти во всех городах так. Почти все так живут. Семь месяцев зимы, четыре месяца и две недели дождей.

Какое счастье, что ты когда-то увезла меня отсюда, мама! Уехать завтра и заклеить наклейкой от банана это место на карте Российской Федерации!

Бар на центральной набережной наверняка один из самых дорогих в городе. В будний вечер здесь тихо, шуршат несколько компаний и невнятная музыка. За овальной стойкой, прямо напротив меня, сидит клерк в костюме и лениво тербит свой бокал, опустив тусклый взгляд в инертную жидкость. Некуда спешить. Он поднимает на меня глаза и пальцами изображает просьбу о зажигалке. Может быть, конечно, я выгляжу так же уныло... Но я-то знаю, что давно уже никуда не спешу. Даже зажигалку кидаю лениво, гранью вперед, как плоский камень в воду, чтобы получился «блин» на поверхности. Он ловит, прикуривает и бросает её обратно, как подачу в волейболе — чуть подкинув вверх и ударив пальцами, задавая траекторию полета. Зажигалка падает в мой стакан.

Витя...

Его можно было, в принципе, опознать до того, как он поднял голову, до нелепых бросков, а всего-то по позе, очертаниям головы... Не знаю чего ещё... Ушей. Но я даже и не думала доверять таким своим ощущениям, что за глупость. Я так отвыкла, что можно встретить настолько старого знакомого случайно, просто по другую сторону стойки. Вру. Да просто я не хотела его узнавать.

Витя когда-то был капитаном волейбольной команды, баскетбольной команды, футбольного клуба школы, диджеем на субботних дис-

котеках, ведущим на праздниках... В общем, звездой. Каждый может вспомнить о таком «школьном герое» своего времени. Мы очень дружили, ходили под ручку, высиживали на сборах совета старшеклассников и хихикали, забившись в дальний угол, напивались иногда. Ну, целовались пару раз. В общем, было что-то невнятное, подростково-крикливое... Если сейчас составлять рейтинг десяти главных людей моей жизни, вряд ли бы он в него вошел. Хотя а кто вошел бы?..

Он лениво курит, вглядываясь в мое лицо. Возмужал, приоделся, отрезал юношескую гриву и бородку — повзрослел, но не постарел. Однажды классе в девятом мы развлекались — устроили подобие вечера встречи выпускников и размышляли о том, «как это будет все у нас через двадцать лет», разъехидничались на тему наших разжирневших когда-нибудь девочек, спившихся мальчиков и их карапузов. Он сказал: «Тебе, думаю, это не грозит. Ты с твоей-то энергией и успешностью и в пятьдесят будешь выглядеть как нимфетка». Потом летом я переехала и к нему в гости проведать так и не добралась, хотя и обещала много. Неисповедимы пути господни — вот и свиделись. Двадцати лет ещё, правда, не прошло, но сколько уже успело поменяться? Много ли?..

— Эльза, — говорит он вдруг громко, махая рукой.

Я вздрагиваю. Видимо, не многое изменилось, раз узнал. Как дела, Витя, что ты делал эти годы, чем жил? Что я могу тебе рассказать? Я, конечно, очень успешна, как ты и предсказывал. После нашего расставания поступила в один из лучших вузов страны, потом разочаровалась и бросила. Вышла замуж за бизнесмена, уехала жить в большой дом у моря. Потом развелась, вернулась обратно. Кстати, другой язык так нормально и не выучила. Нигде не работала, друзей всех где-то забыла. Что рассказать тебе, что же у меня нового? Пятнадцать килограммов. Тебе интересно?

Он не сводит с меня взгляд, видимо, ждет ответа. Потом берет свой бокал и идет ко мне. Имя мое редкое, ни с кем не спутаешь. В Греции меня с ним и моей внешностью принимали за немку.

— Что? Вы ошиблись, — и отпиваю из бокала большой глоток, выживая губами плавающую в нем зажигалку.

— Правда? — он садится рядом со мной и долго смотрит. — Тогда жаль. Вы очень похожи на мою старую знакомую. Я Виктор. Да выбросьте вы эту зажигалку, она уже отсырела вся, наверное. У меня есть.

Господи, ну какая же идиотка. Успокойся, засунь руки между коленок и спокойно посмотри на него. Здесь темно, почти ничего не видно, он не знал про тебя ничего целую вечность. Да если хочешь, можешь вообще с ним не разговаривать! Развернись и езжай к деду.

— Вы не против, если я составлю вам компанию? Раз уж я так глупо обознался... Выпьем вместе. Интересно, что сейчас делает Элка? Не удивлюсь, если она молодежный кумир где-нибудь в Канаде.

— Вы водку любите? Давайте возьмем.

Нам приносят шкалик «Парламента» и рюмки. В Греции пьют водку в стаканах — сто грамм водки, много-много льда и кусок лимона. Я, когда впервые увидела, чуть не подавилась ею же.

— За друзей, — поднял Витя рюмку и выпил хлопком.

— Бывшая любовь? — спросила я.

— Не то чтобы... Просто хорошая девчонка, талантливая очень. Егоза была страшная! Ну да ладно. Давайте какой-нибудь стандартный вопрос. Как вы здесь оказались?

Я испуганно смотрю на него.

— Я имею в виду... Не все же ходят пить в среду вечером. А у тех, кто ходит, должны быть на это причины. Ладно, наверное, бестактный вопрос... Извините. Давайте ещё по одной.

Ямос!¹ Теперь я рот боюсь раскрыть — боюсь, что он узнает мой голос. Сколько раз мы пели, орали, визжали дуэтом под гитару. Зачем я начала врать? Какая мне разница до того, что бы он подумал? Я не видела его десятилетие и, надеюсь, больше никогда не увижу. Теперь же признаваться во вранье совсем глупо. Он же никогда не был дураком, этот Витя. Сразу поймет все причины.

— Теперь за знакомство, — он звенит боком своей рюмки об стенку моей — и опрокидывает её в рот. — Я, знаете ли, правда считаю, что случайных встреч не бывает. Вот, например, знаете, как я со своей женой познакомился? Ехал ночью из Москвы домой на поезде, не спал несколько дней. Так заснул, что проснулся уже

¹ Ямос! — «Будь здоров!» по-гречески во время застолья.

в Череповце. И проводник меня забыл разбудить. Вышел, растерянный, на вокзал, пошел билет покупать. Подхожу к кассе, а за окошком девушка сидит, красивая — глаз не отвести! Я не удержался, сказал, мол, отмените билет, давайте лучше встретимся вечером. А уже через три дня её к себе увез... Молодо — горячо.

Давно ли он стал так пить, этот Витя. Ладони у него большие, загорелые, пальцы длинные, мелко подрагивают, барабают по рюмке. Кольцо тоненькое, серебряное. Значит, вокзальная красавица ещё в силе? Или какое оно может быть по счету?

— Жена моя сейчас в отъезде, — будто подслушав мои мысли, отвечает он. — Уехала с сыном в санаторий почки ему лечить. Да, — он делает большую паузу. — Но это ничего, ничего. Мне врач его сказал — это хорошо, что мы так рано это обнаружили. Сказал, что есть большой шанс все вылечить и больше никогда об этом не вспомнить. У вас дети есть? Нет? Знаете, я понял, что пока своих не сделаешь — никогда не поймешь, что это такое...

Он опять разливает водку. Надо бы сказать, чтобы снизил темп. Внутри, в грудной клетке, образовался как будто свищ — то ли тошнит от него, то ли, наоборот, хочется подпрыгнуть. Глазам горячо и беспокойно. Но дело не в алкоголе, а в каком-то внутреннем ощущении, которое я никак не могу понять и назвать как-либо.

— Женщинам, наверное, страшнее детей заводить. На них же больше ответственности ложится. Всё боятся, что что-то в жизни упустят, чего-то не успеют. А мне кажется, было бы желание — все успеешь. Встретил недавно свою одноклассницу Надьку. С выпускного её не встречал. Она за это время и звание младшего лейтенанта милиции получила, и двоих родила... Главное: глаза счастливые — смотреть приятно.

Витя все говорил, рюмки все плыли. Я уже плохо слушала его, все царапала ногтями барную стойку. Он, кажется, рассказывал про фирму, в которой занимает пост вице-президента, про походы в тайгу, про каких-то людей, про какие-то клубы по интересам... Речь его становилась более мягкой и невнятной. Внутри меня же росла уверенность в правильном выборе своей тактики — умолчания. Я не знала бы, как построить наш с ним диалог — как кричать друг другу, находясь в разных башнях.

Зазвонил телефон, я извинилась и вышла в вестибюль. В трубке дед спросил, скоро ли я приеду домой — он не знает, одному ли ему ужинать или подождать меня.

Я вошла обратно в бар и попросила бармена вызвать такси.

— Спасибо. С вами очень интересно говорить, — сказал Витя. — Знаете, я каждый день вижу сотни людей... Со многими я обсуждаю разные рабочие дела, городские, погоду, всякую муть... И очень редко встречаю тех людей, которым было бы интересно, как дела у меня. С друзьями видеться времени почти нет. Последние недели ещё живу один. Хоть вешайся... Скорее бы мои родные приехали. Простите, я даже не узнал, как вас зовут. Все было ощущение, будто с давним другом говорю.

Я махнула рукой и кинула в сумку сигареты и телефон.

— Я провожу вас.

Мы вышли на пустую набережную под морозящий мерзкий дождь. Колкие капли плевали в лицо, в глаза.

— За что я только люблю этот город? Уехать бы поближе к морю, купить лодку...

В Греции, в городе, где я жила, в это время года уже гуляют первые туристы, мелькая цветными юбками и яркими майками, начинают грохотать прибрежные бары и носятся радостные таксисты. Здесь же даже не работает половина фонарей. Мы стояли, засунув руки в карманы пальто, наконец-то молча, и потихоньку мокли. Подъехала черная «Волга» с шашечками. Я повернула к нему голову, тут он обнял меня и, покачиваясь, запел: «Безобразная Эльза, королева фли-ирта, с банкой чистого спирта я спешу к тебе...» Я уткнулась в его воротник и зажмурилась. Это был наш хит, исполнявшийся дуэтом в кульминации вечера, когда пьяное состояние достигало своего апогея. «Нам по двадцать семь лет, и все, что было, не смыть ни водкой, ни мылом с наших душ». Витя чуть наклонился, я на всякий случай отвернулась, и он поцеловал меня в лоб. Я отошла от него и села в такси. Сказала водителю адрес, потом посмотрела в окно, но уже никого не увидела.

Перед ужином дедпил свои таблетки. На ужин ели котлеты с картошкой. После пили чай с печеньем.

— Пенсию сегодня дали! Её всегда приносит одна девчушка — лет сорока. Очень я люблю, когда ко мне приходят. Хотя, кажется, она не очень умна, но зато хоть какой-никакой веду разговор немножко. Человек все-таки стадное существо, Элюша. Очень ему плохо без общения.

— Давай соберем твои вещи и поедем завтра домой, — сказала наконец-то я. — Знаешь, как тебя все ждут! Как мама будет рада.

— Переезжай-ка лучше ты ко мне. Очень мне с тобой хорошо. Найдешь себе здесь работу, друзей старых, я тебя обременять сильно не буду... Представляешь, все три дня, что ты здесь, у меня такое чудесное давление, как уже несколько лет не было, — смеялся дед.

Он, сгорбившись, медленно ходил по кухне, тяжело дышал и смачно затягивался папиросой. Подошел к подоконнику, затушил бычок в старой банке из-под кофе, заложил руки за спину и застыл.

— Ой, снег опять пошел, ты смотри! — воскликнул дед.

Я подошла к раковине и начала мыть посуду. Подбитые стертые тарелки, железные вилки... Из крана холодная вода текла тоненькой струйкой, зато труба плевалась. На полу опять лежали куски штукатурки. Первые два дня здесь я пыталась привести квартиру в приличный вид — несколько раз перемывала старыми майками вздутые полы, чистила стены, стирала пыль, собирала по всем углам паутину, выкидывала коробки и нескончаемые давно начатые банки с уже порченными маринованными огурцами...

Теперь можно было оглянуться и ощутить, какой сизифов труд это был, какой масштаб бедствия уже есть. С тех пор как три года назад умерла бабушка и дед живет один, дом моего детства превратился в хлев. Да и как по-другому, если у него уже почти нет ни сил, ни зрения?

— Что ты упрямишься, если тебе плохо здесь! — закричала я. — Если есть дом, где тебя любят и ждут, где чисто, где всегда тебя вкусно накормят, где ты нужен! Нельзя же быть все время одному. А если ты опять плохо себя почувствуешь? Если, не дай бог, не успеешь вызвать врачей?

Дед молча смотрел в окно и тихо покачивался. Как Витя недавно. Я выключила воду, вытерла руки о дырявое полотенце, подошла и обняла его за худые плечи.

— Знал я, что такой разговор будет. Не обижайся, хорошая моя. Это мой дом уже много лет, и я здесь хозяин. Я никуда отсюда не уеду.

За окном и правда шел снег и таял в лужах. Горел один фонарь, и под ним чернели скользкие шины. Где-то за стеной завывала собака. Дома меня ждет все то же самое. Купить, что ли, билет в Азию, например до Ташкента, уехать, найти себе там подработку, жилье? Я никогда ещё там не была. Там, наверное, все совсем по-другому. Может, там лучше?

Дед похлопывал меня по ладоням.

— Не грусти. Я приеду на недельку, как обычно. Всем большой привет передавай. Обязательно передавай привет всем.

□

Александра ПОЯРКОВА

родилась 19 мая 1988 года в Москве.

В 2009 году окончила Литературный институт им. А.М. Горького,

семинар прозы А.В. Королева,

в 2012-м — факультет туризма

Римского университета «Ла Сапиенца».

Продолжает учебу в магистратуре.

С 2009 года живет в Риме и работает в туристической сфере.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2014» в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

Владимир БОНДАРЕНКО

г. Москва

«Северный край,
украин...»

Жил я в Норенской, в избе Таисии Ивановны Пестеревой, в том самом доме, где остановился в самом начале своей ссылки в апреле 1964 года Иосиф Александрович Бродский.

«Иосифа Александровича привел ко мне в апреле 1964 года директор совхоза Русаков, – рассказывала позже Пестерева. Но, судя по всему, охотно и присочиняла: – Вот тебе постоялец. Ты его не обижай, из города всё же да стихами занимается. Может, и про нас книжку напишет». Благодаря ссылке Бродского деревня Норенская и впрямь стала одним из знаковых мест на Руси, но вряд ли поначалу кто-нибудь из местных считал его поэтом. Туняец и туняец. Да и работник плохой. Таисия Ивановна позже вспоминала о своем постояльце: «Послал его бригадир жердя для огорожи секти. Топор ему навострили. А он секти-то не умеет – задыхается, и все ладони в волдырях. Дак бригадир Лазарев Борис Игнатьевич стал Иосифа на легкую работу ставить. Вот зерно лопатил на гумне со старухами, телят пас, дак в малину усядется и пока не наестся, не вылезет из малины. А телята разбрелись. Он бегом за ними. Кричу ему: не бегай бегом, растрясешь малину-то, я сейчас

железиной поколочу, и телята вернутся все!» Явно не деревенский ей постоялец попался. Но обходительный и вежливый.

Сам Иосиф Бродский вспоминает свой приход в дом к Пестеревой совсем по-другому: «Был обеденный час, когда я поднялся по крутым ступенькам одной из стародавних норенских изб. В темных сенях едва нашупал приземистую дверь, постучал. Никто не ответил. Решил войти без приглашения. В дальней горнице за столом с вспотевшим самоваром и скромной деревенской снедью чаевничала хозяйка. Обернулась на неожиданно-го гостя, засуетилась, приглашая пообедать...»

Я сам убедился, местные жители, не избалованные вниманием прессы, охотно предложат удобную для вас версию. Позже так же охотно сменят её на совсем другую. И не по злобе, не из корысти, из простого желания угодить заезжим журналистам. Из вежливости, из деликатности они подтвердят столичным журналистам любую версию. Так что рассказам коношан особо доверять не стоит, только фактам, письмам, документам, приказам по совхозу, выпискам из платежной ведомости, да и вообще здравой логике.

К примеру, где-то с июня 1965 года Иосиф Бродский работал уже разъездным фотографом в Коношском доме быта. Здесь и ведомости есть по оплате. Но ездить почти каждый день от Норенской до Коноши он никак не мог. И машин почти не ходило, разве что почтовый грузовик, и расстояние было почти 30 километров, вряд ли Иосиф часто решался идти пешком, путь немалый. Значит, находил возможность ночевать в Коноше, но по правилам ссылки жить в Коноше поэт не имел права, он должен был делать это тайно. И потому и коношский друг его Владимир Черномордик, и работники дома быта эти ночевки отрицали. А сейчас их уже и в живых не осталось. Но любой, кто поедит по местам ссылки, от Норенской до Коноши, убедится: ночевал Бродский в Коноше частенько. Следователь Коношской прокуратуры 60-х годов Леонид Алексеевич Дербин считал: «Думаю, в милиции знали, что Бродский останавливался у кого-то в Коноше, чтобы не ездить каждый день в Норенскую. Но квартиры в Коноше у него не было...»

Как считает начальница норенской почты во времена ссылки Бродского Мария Ивановна Жданова: «Когда Иосифу надо было в Коношу с ночлегом, он останавливался у племянницы деревенских хозяев, Лидии Шумихиной – Константин Борисович Пестерев договорился с нею на этот счет». Ночевал частенько он и у Владимира Черномордика, одессита со сложной судьбой, застрявшего после лагерного срока в Коношах.

По одним воспоминаниям местных жителей, он в Норенской, в доме Таисии Ивановны, прожил три-четыре дня, по другим: две-три недели, но достаточно короткий срок. Только я жил в этом же доме в гораздо лучших условиях. Он-то жил как бы в малюсенькой прихожей, спал в своем спальнике на жесткой скамье, мимо него целый день носи-

лась и детвора, проходили другие жители дома, соседи. Да и печку уже не топили. Ясно, что после двух-трех недель такой жизни Иосиф стал активно искать себе новое, более подходящее жилище.

Уже после того как Иосиф Бродский подыскал себе новое жилье, к Таисии Ивановне всегда в гости заходил, под конец даже золотой крестик подарил. Таисия Ивановна завещала: «Как умру, крестик от Иосифа со мной положите». Впрочем, и у этой версии с крестиком есть три местных варианта. Одни утверждают, что крестик Таисии Ивановне привезла из Питера в один из своих визитов Марина Басманова. Другие рассказывают, что подарил сам поэт в конце ссылки. По третьим утверждениям, Бродский, уже вернувшись из ссылки, прислал ей золотой крестик. Всё может быть.

Иосиф подыскал не-подалеку отдельный зимник у Константина Борисовича Пестерева, вот у него и прожил всю ссылку. Но после конца ссылки, еще до перестройки (когда масса журналистов хлынула в Норенскую за сенсациями о Бродском, лауреате Нобелевской премии), и сам Константин Борисович, и его жена Афанасия Михайловна скончались в 1980 году. Дом их и вовсе развалился. Местные власти на этой развалюхе устанавливать мемориальную доску не пожелали, и вопреки всей правде ссылки, мемориальная доска уста-

новлена почему-то именно на доме Таисии Ивановны. Просто потому, что её дом и сейчас находится в более-менее приемлемом состоянии.

Продавщица норенского сельпо Зоя Полякова, сестра заведующей почтой Марии Ждановой, «тунеядца» не чуралась, общаясь с ним в магазине. Но откровенно возмущалась журналистскими небылицами:

– Уж сколько лет читаем в газетах, а теперь и по те-

Таисия Ивановна Пестерева

левизору слышим, что в Норенской Иосиф жил у Таисьи Пестеревой. А он и жил-то у нее, когда его определили на постой в этот дом, всего несколько дней и перебрался к Афанасии Пестеревой. У Афанасии и жил, пока был в ссылке. А мы только и слышим: Таисья да Таисья. Если приезжают в Норенскую фотографировать, прямиком идут к дому Таисьи. Беседовать про житье-бытье – опять же к Таисье.

– Да почему же не к Афанасии?

– А её уж нет давно, умерла в 1980 году.

– А другие очевидцы что же молчат?

– Им какая разница... Таисья-то жива еще, а Афанасии нет. Но жил Бродский у Афанасии...

Дом же Афанасии и Константина Пестеревых, где достаточно уютно жил поэт практически всю ссылку, восемнадцать месяцев, ныне находится в полностью разрушенном виде и, думаю, восстановлению не подлежит. Дом сейчас выкуплен у наследников Пестерева библиотекой имени Иосифа Бродского, они мечтают воссоздать его в прежнем виде, но вряд ли сумеют это сделать к надвигающемуся в 2015 году юбилею поэта.

Я пробрался внутрь, хотя все бревна опасно пошатывались, стена могла в любую минуту рухнуть, но увидел воочию, в каких условиях жил в ссылке Иосиф Бродский. У него получился как бы свой флигелечек, зимник с печкой и отдельным входом, как свой небольшой домик. А в большой летней избе жили хозяева даже зимой. Рядом с порушившимся домом Пестеревых находится дом Мальцевых, где сейчас открыт гостиничный домик, там же и банька небольшая, где мы с женой хорошо попарились, как говаривал Иосиф Бродский, «похвостались», и хозяйева, Лена и Толя, приветливые и гостеприимные.

Уже в американской эмиграции Иосиф Бродский, в 1976 году, в стихотворении, посвященном Марине Басмановой, вспоминает их счастливую совместную жизнь в избе у Пестеревых:

*Ты забыла деревню, затерянную в болотах
Залесённой губернии, где чучел на огородах
Отродясь не держат – не те там злаки,
И доро́гой тоже всё гати да буераки.*

*Баба Настя, поди, померла,
и Пестерев жив едва ли,
А как жив, то пьяный сидит в подвале
Либо ладит из спинки нашей кровати что-то,
Говорят, калитку, не то ворота.*

*А зимой там колют дрова и сидят на репе,
И звезда моргает от дыма в морозном небе.
И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли
Да пустое место, где мы любили.*

Как не побывать в том «пустом месте, где мы любили»? Хотя и с риском для жизни, но я облазил все развалины зимника, представил, где стоял стол с письменной машинкой, где была печь-лежанка, стоявшая посередине избы, отдельный вход в сени. Так что практически Иосиф Бродский жил в своем отдельном домике.

Платил Иосиф за аренду зимника по тем временам недорого, сто рублей (после денежной реформы это стало десять рублей, поэтому везде и пишут про десятку). Деньги уходили у хозяйина на водку. Часто и вперед просил, когда выпить хотелось. Бродский вспоминал: «Три рубля я тебе, Константин Борисович, дам, но где ты водку возьмешь? До ближайшего города 30 километров. На улице мороз и метель». А он мне отвечал замечательной русской поговоркой: «Не волнуйся, Иосиф Александрович, свинья грязи найдет». Наверняка шел к продавщице магазина домой, а та уже из опыта деревенского всегда держала дома заначку.

Жилье Иосифу Бродскому даже нравилось. По сравнению с закутком в «полтора комнатах» на Литейном, это было впервые в жизни его отдельное жилье, где он писал замечательные стихи, где на полу спали его друзья, регулярно приезжавшие к нему, где они наслаждались общением с Мариной Басмановой...

Он писал Насте Томашевской о своем зимнике: «Я живу один в деревянном домике, возле которого весь день гуляют куры и кричит петух. В домике шесть маленьких окон, и в них всегда можно увидеть коров, овец, козочек и лошадок. А за ними леса и леса. Днем я работаю где-нибудь в поле, а вечером зажигаю свечечку, сажусь и начинаю читать книжки». Между двух окон стоял прибитый к стене стол с письменной машинкой, с керосиновой лампой, чернильницей, подаренной Анной Ахматовой, и подсвечниками, привезенными Мариной Басмановой. Далее топчан с матрацем и лавка для посуды. Спартанский аскетизм. Но зато курил щедро «Честерфильд» и попил виски.

Нынешним молодым не понять, что это такое, в 1964 году в северной глуши спокойно курить «Честерфильд» и пить виски. Это всё равно что прилетать в ссылку на личном вертолёте. Привозили друзья, их снабжали зарубежные коллеги. Конечно, какое-то время пришлось Иосифу поработать и на поле, и навоз потаскать, но, насколько я понимаю, особо работой не загружали. Наряд на работу ему выписывал его же хозяин, бригадир Константин Борисович, когда приезжали друзья или родственники, с работы отпускал. За неполных восемнадцать месяцев ссылки, с апреля 1964

года по сентябрь 1965-го, к нему не раз приезжали отец с матерью, Марина Басманова, Евгений Греф и Виктор Гиндлис (привезли от Фриды Вигдоровой пишущую машинку), Михаил Мейлах, Юлия Живова, Александр Бабёнышев (привез собрание сочинений Джона Донна от Лидии Чуковской), Гарик Гинзбург, Анатолий Найман и Евгений Рейн, Игорь Ефимов и Яков Гордин, Константин Азадовский, трижды ему давали отпуск, и Иосиф Бродский приезжал в Ленинград.

Одни гости сменяли других. Иных он сам чуть ли не выгонял. Как минимум, раз в две недели кто-то приезжал. С продуктами, деньгами, сигаретами и спиртными напитками. Еще в те времена он стал достопримечательностью деревни. На его мнение «тунеядство» даже милиция не обращала внимания, тунеядцев в деревне хорошо знали, не подходил он ни по каким параметрам. Да еще и пишет что-то всё время. Не иначе как за веру сослала? Так и Таисия Ивановна Пестерева позже журналистам говорила: «Как ни загляну, он всё молится и молится...» Это Бродский стихи проформатывал вслух или книжки читал – молился!..

Как известно, сам Иосиф Бродский свой период северной ссылки называл лучшим временем в жизни. Многие считают, что поэт просто приукрашивал свое пребывание в деревне Норенской, не желая выглядеть в глазах мировой общественности политической жертвой. Он и о судебном процессе в Ленинграде не любил говорить. Ему важна была прежде всего его поэзия.

13 марта 1964 года Иосиф Бродский был приговорен к максимально возможному по указу о «тунеядстве» наказанию – пяти годам принудительного труда в отдаленной местности. Он был сослан в Коношский район Архангельской области и поселился в деревне Норенская. Выбрал деревню сам, понравилось название, схоже с фамилией первой жены Евгения Рейна. Да и, как я понимаю после поездки в Норенскую, оценил то, что деревня находится на Вельском тракте, хоть как-то, но можно будет добраться до районного центра Коноша. Из более глухой деревни, в стороне от тракта, совсем бы не выбраться было.

Бродский провел здесь 18 месяцев, с апреля 1964 по сентябрь 1965 года, назвав потом это время лучшим в своей жизни. Он сказал о своей работе в Норенской: «Когда я вставал с рассветом и рано утром, часов в шесть, шел за нарядом в правление, то понимал, что в этот же самый час по всей, что называется, великой земле русской происходит то же самое: народ идет на работу. И я по праву ощущал свою принадлежность к этому народу. И это было колоссальное ощущение!..»

Для того чтобы понять это его состояние, надо самому побывать на станции Коноша, добраться до деревни Норенская, пожить несколько дней в доме Таисии Пестеревой, поговорить с людьми, помнящими его. Я лишний раз убедился, что по-настоящему большим поэтом, по-настоящему русским поэтом Иосиф Бродский стал благодаря северной ссылке. Поэт Игорь Царев не случайно удивлялся:

Проем окошка узкого, чайк из мать-и-мачехи...

Откуда столько русского в еврейском этом мальчике?

Великого, дурацкого, духовного и плотского...

Откуда столько братского? Откуда столько Бродского?

И на самом деле, не попади он в ссылку, все равно стал бы поэтом, но – иным поэтом. Талантливым, интеллектуальным, но отнюдь не поэтическим мировым явлением.

Можно назвать это состояние «Норенским озарением», которое продолжалось лет пятнадцать, до первых американских лет, когда в США блестяще соединились в нем русская великая культура, чувство единения с народом и американская свобода самовыражения. Позже русскость стала понемногу уходить, да и среда была уже совсем другая, скептически-ироническая, усиливалось чувство одиночества, и поздняя поэзия стала переходить в меланхолично-мизантропическое состояние. Зато эти пятнадцать лет дали великого русского поэта, они же дали и лауреата Нобелевской премии...

Тем, кто хочет представить поэзию Иосифа Бродского вне «Норенского озарения», советую остановиться на его первой американской книге «Стихотворения и поэмы», выпущенной в Нью-Йорке эмигрантом второй волны Борисом Филипповым в издательстве с условным названием «Inter-Language Literary Associates» в 1965 году. Таким бы поэтом он и оставался в дальнейшем. Ни великолепной любовной лирики, ни северных глубинных стихов, ни погружения в мир английской поэзии. Всё происходило там, в Норенской...

В 1965 г. под давлением мировой общественности решением Верховного суда РСФСР срок высылки сокращен до фактически отбытого (1 год, 5 месяцев), в том же году в Нью-Йорке вышла без согласования с ним первая книга Иосифа Бродского на русском языке «Стихотворения и поэмы». Поэт в 1972 г. отзывался об этом событии так: «Я очень хорошо помню свои ощущения от моей первой книги, вышедшей по-русски в Нью-Йорке. У меня было ощущение какой-то смехотворности произошедшего. До меня никак не доходило, что же произошло и что это за книга».

Помню, когда в 1967 году Иосиф Бродский в своих полутора комнатах в доме Мурузи дарил мне эту книгу, он отозвался о ней крайне пренебрежительно, мол, составили будто бы её из отобранных при обыске стихов. (То есть выпустили в США под контролем КГБ. Иные, наоборот, считают, что выпустили книгу под контролем ЦРУ. К примеру, его друг Михаил Мейлах пишет: «Все знали, что оно (издательство. – В.Б.) финансируется ЦРУ, а чтобы «обезопасить» автора, на титульном листе обычно значилось, что издание выходит без его ведома и согласия».)

И тем не менее после выхода книги, после потока переводов стихов почти на все европейские языки его, как поэта, узнал весь мир. Но в этой книге еще не было лучших, северных стихов, написанных за время ссылки. Лучших любовных стихов. Стихов, возникших под влиянием английской поэзии. По сути, это книга ранней поэзии Иосифа Бродского. По ней можно понять, каким был бы поэт Иосиф Бродский, если бы не случилось ссылки...

И потому вернемся в Норенскую.

*Северный край, укрой.
И поглубже. В лесу.
Как смолу под корой,
Спрячь под веком слезу.
И оставь лишь зрачок,
Словно хвойный пучок,
На грядущие дни.
И страну заслони...*

Особенно поразило меня: «И страну заслони...» Ладно, сам под защиту Русского Севера просится, но что это он и о стране всей думать стал?

И не только в этом стихотворении. 14 августа 1965 года, уже в конце своего пребывания в деревне Норенская, поэт опубликовал в местной газете «Призыв» стихотворение «Тракторы на рассвете». Оставляю в покое оригинальное сравнение тракторов с утренними петухами, почти попрохановски. Но все тот же восторг перед утром трудового народа меня просто изумляет.

*И восходит солнце, и смотрит слепо,
И лучами сонными избы косит.
И тракторы возносятся как птицы в небо,
И плугами к солнцу поля возносятся.
Это рабочее утро. Утро народа!
Трудовое утро с улыбкой древней.
Как в великую реку, глядит на людей Природа.
И встает, отражаясь, от сна с деревней.*

Ладно бы это и на самом деле было какое-нибудь «паровозное» стихотворение. Хотя никаких «паровозов» Иосиф Бродский принципиально не писал. Об этом его восторге перед общим соборным трудовым утром народа он еще не в одном американском интервью скажет. До конца жизни помнить будет.

Приезжавший к нему в Норенскую друг Яков Гордин позже вспоминал: «Деревня находится километрах в тридцати от железной дороги, окружена болотистыми северными лесами. Иосиф делал там самую разную физическую работу. Когда мы с писателем Игорем Ефимовым приехали к нему в октябре шестьдесят четвертого года, он был приставлен к зернохранилищу – лопатить зерно, чтоб не грелось. Относились к нему в деревне хорошо, совершенно не подозревая, что этот вежливый и спокойный тунеядец возьмет их деревню с собой в историю мировой литературы».

Если честно, то особенно скучать Иосифу Бродскому не давали. Отец Александр Иванович приезжал три раза, что еще более важно, его возлюбленная Марина Басманова тоже приезжала три раза. Это были самые счастливые месяцы жизни у поэта.

*Да, сердце рвется все сильнее к тебе,
и оттого оно – все дальше.
И в голосе моем все больше фальши.
Но ты ее сочти за долг судьбе,
за долг судьбе, не требующей крови
и жалящей тупой иглой.
А если ты улыбку ждешь – стой!
Я улыбнусь. Улыбка над собой
могильной долговечней кровли
и легче дыма над печной трубой.*

«Новые стансы к Августе», 1964

Годы спустя в интервью Майклу Скаммелю на вопрос: «Как на Вашу работу повлияли суд и заключение?» Бродский ответил: «Вы знаете, я думаю, это даже пошло мне на пользу, потому что те два года, которые я провел в деревне, – самое лучшее время моей жизни. Я работал тогда больше, чем когда бы то ни было. Днем мне приходилось выполнять физическую работу, а поскольку это был труд в сельском хозяйстве, а не работа на заводе, существовало много периодов отдыха, когда делать нам было нечего».

Тогда, в 1964 году, в деревне Норенской было еще четырнадцать хозяйств. Сейчас осталось лишь несколько дачников. Лишь в одном доме, что стоит напротив избы Марии Ждановой, до последнего времени жили муж с женой – Валентина и

Афанасий Пестеревы. Афанасий умер, Валентина мне рассказывала, что она уже на зиму одна в деревне не останется, переедет к родственникам. Деревня совсем запустеет.

Приказом №15 по совхозу «Даниловскому» Архангельского треста «Скотооткорм» от 8 апреля 1964 года Иосиф Бродский был принят на работу в бригаду №3 в качестве рабочего с 10 апреля 1964 года. Худо-бедно, проработал до июня 1965 года, затем устроился фотографом в Коношский дом быта. Там числился до сентября. Осталось немало фотографий самых простых сельчан, коношан, сделанных разъездным фотографом Иосифом Бродским. В Коношском краеведческом музее называют этот цикл «Простые лица». Не пора ли организовать в Москве выставку фотографий этого простого сельского фотографа? Есть немало откровенных удач. Всё-таки пригодилась школа отца.

Сейчас уже мало осталось в Коноше людей, помнящих Иосифа Бродского. В деревне же сегодня нет ни одного постоянного жителя, последний сосед умер около года назад. Только несколько дачников. Да выходцы из этой деревни Лена и Толя Мальцевы привели в порядок дом, расположенный напротив дома Пестеревых, сделав его гостевым домиком, и выкупили дом Таисии Ивановны, тоже обновив его. Это их небольшой семейный бизнес, благодаря им держится до сих пор какая-то жизнь в деревне Норенская. Еще один дом Пашкова, прямо напротив дома Таисии Ивановны, сделали музеем сельского быта. Теперь главное – восстановить дом Пестеревых...

Поэт писал из Норенской И.Н.Томашевской: «И вот что я скажу Вам, Ирина Николаевна, напоследок: главное, не изменяться, я сообразил это. Я разогнался слишком далеко, и я уже никогда не остановлюсь до самой смерти. Все как-то мелькает по сторонам, но дело не в нем. Внутри какая-то неслыханная бесконечность и отрешенность, и я разгоняюсь все сильнее и сильнее. Единственное, о чем можно пожалеть, что мне помешают сказать об этом всем остальным, – не будет возможности написать эти главные стихи. Но даже тогда – в этом сожалении – я буду знать, что я чист перед Богом (и перед землею), потому что я поступал так, как это нужно было небу. В общем, я ни в чем на свете не виноват – ни духовно, ни нравственно. В первом я не сомневаюсь, а второе сумел искупить. И это во мне говорит не гордыня, а смирение, но смирение гор перед небом. Хватит с меня. Горе должно рождать не грусть, а ярость, и я яростен» (из письма И.Н.Томашевской, 19.1.65. Норенская).

Там, в Норенской, для него сошлось всё: и познание души народа, и познание любви (самые счастливые дни жизни), и познание мировой культуры. Надо было добраться в архангельскую глушь, чтобы понять важность для себя английской поэзии, Джона Донна, Одена, Хини и других.

В ссылке Иосиф Бродский вспоминал, как он пришел к своему открытию Джона Донна: «Самое интересное, как я достал эту книгу. Я рыскал по разным антологиям. В шестьдесят четвертом году я получил свои пять лет, был арестован, сослан в Архангельскую область, и в качестве подарка к моему дню рождения Лидия Корнеевна Чуковская прислала мне – видимо, взяла в библиотеке своего отца – издание Донна в «Модерн лайбрери».

Приехали мы с женой из Москвы в Коношу поздно вечером. Встречала нас заведующая отделом туризма районной библиотеки имени Иосифа Бродского Надежда Ильинична Гневашева. Переночевали в гостинице и рано утром вместе с Надеждой Ильиничной отправились по следам поэта. Прекрасный экскурсовод, любящая и поэзию Иосифа Бродского, и свое краеведение. Она знает все места, где в Коноше бывал или останавливался поэт: милиция, суд, некое подобие тюрьмы, где держали задержанных, в том числе и Иосифа Бродского, библиотека, аптека, Дом культуры, комбинат бытового обслуживания, где Бродский работал разъездным фотографом, редакция газеты, где были напечатаны два стихотворения Бродского: одно – 14 августа 1965 года, второе – 5 сентября 1965 года. Газета не решилась опубликовать третье, предложенное Бродским «В деревне Бог живет не по углам», но это и понятно, не до Бога тогда было начальству.

*В деревне Бог живет не по углам,
Как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
И честно двери делит пополам...*

*...
Возможность же всё это наблюдать,
К осеннему прислушиваясь свисту,
Единственная, в общем, благодать,
Доступная в деревне атеисту.*

Конечно, такое стихотворение непредставимо для раннего, питерского Бродского. И полтора года наблюдения за органической естественной религиозностью русского деревенского быта здорово изменили самого Бродского и его поэзию. Эта благодать стала пронизывать и самого поэта, уменьшая долю его атеизма. Тогда же было написано стихотворение «Народ», не знаю, почему его не предложил поэт коношской газете?

Там же возникло изумительное лирическое, утопическое, несостоявшееся «Пророчество» о будущей счастливой семейной жизни с Мариной:

*Мы будем жить с тобой на берегу,
Отгородившись высоченной дамбой
От континента, в небольшом кругу,
Сооруженном самодельной лампой...*

...

*Придет зима, безжалостно крутя
Осоку нашей кровли деревянной.
И если мы произведем дитя,
То назовем Андреем или Анной,
Чтоб к сморщенному личику привит,
Не позабыт был русский алфавит...*

Из этого «Пророчества» Иосифу удалось исполнить только часть, касающуюся детей, и то в ином варианте. Сына от Марины они так и назвали Андреем, а вот дочурку ему подарила уже жена Мария, но назвали её все-таки согласно «Пророчеству» Анной. И потому я не склонен считать, что это имя посвящено Анне Ахматовой, скорее дань «Пророчеству».

Надежда Ильинична почти все северные стихи Бродского знает наизусть, она и читала их нам, переходя от мемориальной комнаты Бродского к краеведческому музею и далее – к зданию милиции, к суду, даже к изолятору, где содержали какое-то время поэта. Побывали мы и в редакции газеты «Коношский курьер», бывшая газета «Призыв», где печатались первые стихи Бродского. Для меня весь районный городок Коноша был как музей Бродского под открытым северным небом.

Такую идею музея под небом на примере всей деревни Норенская впервые предложил известный бродсковед, знаток Русского Севера, ныне председатель правления Фонда создания музея Иосифа Бродского Михаил Исаевич Мильчик. Он же и старается осуществить идею восстановления дома Пестеревых, сделал все архитектурные замеры. Михаил Мильчик на примере Норенской надеется объединить музей быта и архитектуры Русского Севера и музей русского поэта Иосифа Бродского.

Купил я в Коноше и книги о Бродском, вышедшие в местном издательстве: сборник докладов Международной конференции в Коноше 2009 года «Ссылка в Норенскую в жизни и творчестве Иосифа Бродского», очень любопытную книгу местного коношского краеведа Сергея Конины «Коношане и Бродский» и книгу отчаянной провинциальной либералки Нины Бахтиной, напрочь отвер-

гающей северное влияние на поэзию Бродского. Нина Бахтина и меня в своей книге пытается оспорить, даже не понимая, что при этом унижает самого поэта. Сначала автор критикует заметки Солженицына о поэте, затем переходит ко мне: «И как умудрился интонационно и словесно переиначить сказанное Солженицыным москвич Владимир Бондаренко в своих заметках о Бродском: «Нет, прав и прав Солженицын, подольше бы ему пожить в деревне...» Иной вопрос: была бы лучше или нужнее для поэта «та составляющая в его развитии», так ли уж в его дальнейшей жизни были ему необходимы длительные деревенские восприятия. Вероятно, городские апартаменты вполне обойдутся без горшков с ванькой мокрым (бальзамино), вполне прилично смотрящимся в деревенской избе...»

Будто вся польза пребывания в северном краю заключалась в горшках с цветами или в тех или иных деталях этнографического деревенского быта. Сам Иосиф Бродский вроде как бы ответил Бахтиной: «... я был тогда городским парнем и, если бы не та деревенька, им бы и остался. Возможно, я был бы интеллектуалом, читающим книги – Кафку, Ницше и других. Эта деревня дала мне нечто, за что я всегда буду благодарить КГБ... Для меня это был огромный опыт, который в каком-то смысле спас меня от судьбы городского парня...»

Дальше Бахтина решила переспорить даже питерских скептиков, обрушившись на стихотворение Бродского «Народ». Бахтина пишет: «...требуется совсем иная интерпретация, которая не унизит Бродского... и не подаст поэту милостыню обманного величия. Да, написал Бродский стих «Народ», хотя такого народа в массе ни в одном царстве-государстве не прослеживается. Ну и что? За это поэт в ответе только перед собой и Богом. По какому праву хулители или восхвалители, что в данной ситуации практически равнозначно, по-прежнему приставляют нож к горлу светлой тени поэта. Именно таковы восхваления Владимира Бондаренко. И не хотелось бы думать, что Бродский... столь негениально пошутил. Однако и эта дорога в мире поэзии торная. Вспомним шутку Пушкина с Моцартом и Сальери...»

Вроде бы сначала остановилась Бахтина на версии неудачной шутки Бродского, написавшего «Народ». Но пошла дальше, решила, что поэт хитро задумал угодить властям. «Предположение, унижительно отвергнутое Бондаренко, что стих «Народ» воспринимают как «паровозик», написанный в надежде на снисхождение властей, – вполне вероятно. Ну и что? Интересно, кто из нас,

даже не пинанный и не оплеванный принародно, людей из слабой плоти и горячей крови, в данной ситуации отказался бы от подобного «паровозика»?.. «Паровозики» в России неистребимы. Они были, есть и будут бегать по рельсам нашего перевернутого с ног на голову быта (бытия)...»

Может быть, «паровозики» такие лакейские и будут вечно бегать, но не в головах таких поэтов, как Бродский, считавший это стихотворение крайне важным и совершенным. Константин Азатовский вспоминает о своей поездке в Норенскую к поэту: «И, наконец, с каким-то особенным чувством он прочитал стихотворение о русском народе («Мой народ, не склонивший своей головы...»). В этом пафосном стихотворении, потрясшем меня своей экспрессивностью, было несколько замечательных строк («Припадаю к народу, припадаю к великой реке... Пью великую речь, растворяюсь в её языке»), но в целом оно показалось мне чуждым поэтике самого Бродского, о чем я тут же и сказал ему. Но он прервал меня, заявив, что эти стихи для него очень важны, и я не стал с ним спорить... Оказавшись в деревне и приобщившись к её повседневности, Бродский увидел перед собой тот пласт русской жизни, который... всегда воспринимался в России как естественный, «органический». Бродскому казалось, что здесь он соприкоснулся с вековым и вечным: страной, её народом и языком. Сознание Бродского чутко реагировало на всё «изначальное», возникшее, как принято говорить, по Висшему замыслу...

...В ряду этих существенных явлений, образующих сердцевину бытия, и оказались для него «русский народ» и «русский язык. Он вдохновлялся ими, точно так же, как и другими ликами Вечности, пульсирующими в его лирике: бездонной синевой неба, гулом океанских волн и т.п...».

Ну а горе-исследователи, принижающие поэта до пошлых «шуток» или «паровозиков», даже не понимают, что оскорбляют такими высказываниями поэта и его память.

Даже минув это знаковое стихотворение «Народ», уже в эмигрантских интервью в разные годы – Свену Биркертсу в 1982 году, Джованни Буттафаве в 1987 году, Ларсу Клебергу и Сванте Вейлеру в 1988 году, и так далее, он постоянно говорит все о том же постижении смысла народной жизни, общности с народом, своей «принадлежности к этому народу», тут уж ни на какие «паровозики» эти интервью не спишешь.

Коношский краевед Сергей Конин дотошно и простодушно собрал воспоминания чуть ли не 50 коношан и норенчан, в свое время знавших Иоси-

фа Бродского, и написал свои провинциальные записки «Коношане и Бродский». Он показал отношение самих коношан к поэту, уточнил и некоторые детали его пребывания в ссылке. К примеру, рассказал, что, конечно же, публикация двух стихов Иосифа Бродского в местной газете «Призыв» стала возможной благодаря негласному добру первого секретаря райкома партии Зарубина. Тем более в райкоме уже знали о предполагаемом досрочном освобождении поэта из ссылки. Вот и дали добро, из тунеядца сделали вполне советского поэта...

Книжка еще полезна и тем, что перечисляет всех местных жителей, связанных с Бродским. В мемуарах заезжих питерских друзей говорится лишь об отношениях этих приятелей к самому Бродскому, про коношан ни слова. Как пишет Сергей Конин: «А если есть, то с таким высокомерием...» Своему коношанину местные жители не придумывали байки. Кто еще мог бы опросить шоферов, крутивших баранку, развозя по сельмагам товары, как Георгий Денисов, или возивших районное начальство. И те и другие не раз подвозили Бродского из Коноши до Норенской и наоборот. Помнят и его фразу: «Ужасная дорога, зато красота какая...» Начальник райотдела милиции Василий Кузнецов даже рассказал, как Иосиф Бродский, сидя в КПЗ за решеткой (по доносу совхозного начальства за несвоевременное прибытие из отпуска в Ленинград), сочинил большое стихотворение, посвященное коношской милиции, «с настроением и пафосом». Хранил это стихотворение милиционер в сейфе, вместе с личным делом сыльного Бродского, но потом затерялось. Может, и всплывет в архивах архангельской милиции. Нина Семенова, работник коношского фотоателье тех лет, разъяснила и вопрос с жильем в Коноше. «Переселиться на постой в Коношу Бродскому не разрешили бы, потому он и наведывался в контору не каждый день. Но наведывался довольно часто и явочным порядком ночевал у кого-нибудь из знакомых».

После всех бесед с людьми, знавшими Бродского, Сергей Конин даже удивлялся, как поэт за короткое время успел не только освоиться в Коноше и Норенской, но и завести обширный круг приятелей и знакомых. Краевед писал: «Поэт-гражданин Бродский серьезно интересовался историей нашего края и в этом смысле может быть назван одним из первых краеведов Коношского района... Приезжий Бродский <...> моих земляков знал лучше меня». Николай Матюшин, начальник сельпо, вспоминает, как впервые встретил Иосифа Бродского еще в первые дни проживания

у Таисии Пестеревой: «Я тогда подбирал жилье для бригады строителей – надо было строить новый магазин. Бродского не очень устраивало жилье у Таисии Ивановны, у неё всегда былолюдно, и он согласился переехать в отдельный домик Пестеревых... А бригада поселилась у Таисии Ивановны». Вот и поставлены все точки над «і» в отношении проживания поэта в ссылке. Еще одна деталь: тот же Матюшин рассказывает Сергею Кониному, как не раз возил поэта на машине в Лычное, где он работал ночным сторожем на ферме.

Жителям было интересно прочитать, что же пишет в эмиграции об их деревне знаменитый поэт, многое и оспаривали. Та же продавщица Зоя Полякова не скрывает обиды, прочитав, что, кроме водки и мыла, ничего в магазине не было. Сельмаг – не захудалый ларек на отшибе, тем более на большой дороге стоит, товара хватало, и свежая треска в бочке всегда стояла. Но Иосиф хоть и ходил часто в магазин, только за мелочью: соль, спички. Продукты ему привозили из Ленинграда. Интересная сценка, описанная Поляковой: «Посылали его огород городить, и он у нарядчика спрашивает: «Сколько заплатите за день?» Тот ответил: три рубля. Тогда Бродский говорит: «Давайте я вам три рубля заплачу, а вы наймите кого-нибудь, я городить не умею». Вот так и договаривались по-житейски. Думаю, эту книгу Конино хорошо бы и в Москве перепечатать хоть в сокращении, много верных бытовых подробностей.

Встречался коношский краевед и с трактористом Александром Буловым, тем самым, который стал героем стихотворения Бродского:

*А. Булов – тракторист – и я.
Сельскохозяйственный рабочий Бродский,
Мы сеяли озимые – шесть га.
Я созерцал лесистые края
И небо с реактивной полоской,
И мой сапог касался рычага...*

Думаю, букву в фамилии Булов Бродский изменил намеренно, вдруг стихотворение не понравится начальству. Сам Сергей Конино считает, что могли попросить и проверяющие из органов, регулярно навещавшие поэта, читавшие все стихи, отпечатанные на машинке, и подумавшие, что ни к чему поэту-тунеядцу вписывать в свои стихи местный народ. Вот так и стал в истории русской поэзии тракторист из деревни Лычное Булов – Буловым. Булов, конечно же, таким неумелым помощником был недоволен, мешал дневную выработку сделать, что видно и по стихотворению, где Бродский не столько сеет, сколько «созерцал ле-

систые края...», но видел, что его помощник приносит мало пользы не от лени или со зла, а от полной непригодности к такой работе. К тому же выходит на целый день в поле с парой каменных пряников. Поглядит Саня Булов на эти пряники и зовет поэта на обед к себе домой.

А эти запечатленные шесть га из стихотворения Бродского я исходил своими ножками, это известное поле, которое сейчас зовут Майданом, по дороге из Коноши в Тавреньгу. Прошел я и по лугам, где поэт пас деревенских телят. Попил воду из родника в Норенской, откуда Бродский таскал воду себе для питья. В краеведческом музее сохранились и две фотографии, сделанные Иосифом Бродским: Александр Булов у трактора, одна – зимой, другая – летом. Так что хоть и ворчал тракторист на своего неумелого помощника, но работал с ним целый год.

У Сергея Конино набралось более пятидесяти человек из местных жителей, знавших и помнивших поэта. Даже дочек завпочтой Марии Ждановой вспомнил, которым то ли сам поэт, то ли Марина Басманова привозили из Ленинграда ленты для косичек. По одним воспоминаниям – атласные, по другим – нейлоновые. Думаю, что – нейлоновые, атласных и на севере хватало, а в те шестидесятые годы всё нейлоновое – мужские рубашки, сорочки и трусики для девушек, бантики для девочек – было в большой чести. Это сейчас всю подобную липкую химию никто и носить не будет, даже в глухой деревне, тогда этот нейлон символизировал Запад, иной мир. Но Конино молодец, что подметил все эти детали, собрал все бытовые воспоминания очевидцев. Честь за это и хвала коношскому краеведу.

Благодаря его книге и благодаря походам по Коноше вместе с Надеждой Ильиничной уже через пару дней я знал все главные места пребывания Иосифа Бродского в ссылке, запечатлел на фотографиях. Судя по всему, люди кто с симпатией, кто с иронией, но в целом очень доброжелательно относились к поэту. Даже местные секретари райкома, начальники милиции, проверяющие из КГБ. Все – из местных же крестьян, все – свои, природные люди. Иосиф Бродский вспоминал: «Мне гораздо легче было общаться с населением этой деревни, нежели с большинством своих друзей и знакомых в городе... Люди там, в деревне, колоссально добрые и умные». «Еще тогда, когда до Нобелевской премии было далеко как до Царствия Небесного, а до срока четыре шага, я для себя цену Бродского определил. Таких поэтов, как Бродский, создает сам Бог». (В.Черномордик, коношский друг поэта)

«Хорошо запомнила. Стоит у меня на почте, опершись на стойку, смотрит в окно и говорит в таком духе, что о нем еще заговорят. Я тогда еще подумала грешным делом: кто же о тебе заговорит, о тунядце? Запомнились те слова от сомнения – кому ты, больной и ни к чему не гожий, нужен и где о тебе говорить-то будут». (Мария Жданова)

За день до отъезда встретились в Коноше с Тамарой и Александром Распоповыми, предпринимателями средней руки, увлекшимися и поэзией Иосифа Бродского, и историей его пребывания в их городке. Они создали свой частный музей поэта. Собирают все книги, написанные и изданные поэтом, все книги о его творчестве, сняли видеофильм – беседу с Таисией Пестеревой. Отец Александра Борисовича работал шофером в райкоме партии и не раз подвозил Бродского до деревни из Коноши. Вот так и узнал маленький Сая еще в детстве про ссыльного поэта. Есть в Коноше и две скамейки в память о Бродском. Одна – перед входом в библиотеку имени Иосифа Бродского, на ней цитаты из северных стихов, рядом металлический силуэт самого поэта. Другая, отлитая из чугуна, перед частным музеем Распоповых, на ней обложка книги – «Ниоткуда с любовью», и вместо спинки тоже из чугуна – уходящие ввысь небоскребы Нью-Йорка.

Здесь, в Коноше и Норенской, понял Иосиф Бродский, что важнее всех страданий интеллигента молча гибнущее крестьянство, которое не поддержит никакой Запад, никакие правозащитники. Интеллигенту ли стонать о своей трагич-

ности, когда, как писал Бродский: «существует огромное количество людей, которые оказываются в драматических ситуациях. Я имею в виду крестьян».

Вплоть до 1973 года в Норенской не было электричества, а водопровода и канализации нет и поныне. Впрочем, треть России вообще не газифицировано, хотя мы продаем газ всему миру. Может, пора из украинской трубы в русские деревни газ перекачивать? Вот и остались один дивный и чудный русский фольклор и фольклорный русский поэт Иосиф Бродский с его завораживающей песней:

*Пришел сон из семи сел.
Пришла лень из семи деревень.
Собрались лечь, да простыла печь.
Окна смотрят на север.
Сторожит у ручья скирда ничья,
И большак развезло, хоть бери весло.
Уронил подсолнух башку на стель.*

□

Владимир Григорьевич БОНДАРЕНКО

родился в 1946 году в Петрозаводске.

Начинал печататься в журнале «Север».

Работал в «Литературной России», в журналах «Слово»,

«Октябрь» и «Современная драматургия».

Автор 27 книг о литературе, искусстве, политике.

Один из ведущих критиков России,

публицист, редактор.

Живет в Москве.

Марина СТРУКОВА

г. Москва

Пушок, крошечный чёрный котёнок с ярко-зелёными глазами, сидел на перекрёстке и плакал, точнее — жалобно мяукал, дрожа от холода. Шелковистая шёрстка не спасала от пронизывающего осеннего ветра. Пять минут назад Пушка высадили из машины. Семья, которую он считал своей — двое взрослых и их шестилетняя дочка Наташа, — возвращалась с дачи. Мама Наташи велела мужу остановить машину и сказала:

— Котёнка мы оставим здесь.

Её дочь жалобно воскликнула:

— Но он же погибнет!

— Кто-нибудь подберёт, — невозмутимо отчеканила мама.

— Пушок хороший, он на даче всех мышей переловил! И он мой лучший друг! — канючила девочка.

— А в нашей московской квартире мыши не водятся, нечего там делать коту.

Наташа заплакала. Дверца захлопнулась, и машина укатила. Сначала Пушок растерялся, ему показалось, что сейчас хозяева вернуться. Вокруг шумел подмосковный лес. Пушок выбежал на перекрёсток. Мимо то и дело проносились машины. Асфальт был ледяным, таким непохожим на тёплый дачный пол. Вдруг над головой что-то засвистело, Пушок совсем припал к земле и зажмурил глаза, рядом гулко стукнуло. Жёсткие пальцы подняли его за шкурку, и скрипучий голос прошамкал:

— Чёрный кот — к счастью!

Пушок открыл глаза. Его держала рука древней старухи в залатан-

ной одежде и красном платке, замысловато закрученном на голове. Из-под платка торчали седые космы. Сидела она в ступе, в другой руке держала метлу.

— Баба Яга! — испуганно вскрикнул Пушок почему-то человеческим голосом.

Старуха ощерилась в клякастой улыбке:

— Смышлёный. Откуда знаешь?

— Мы с Наташей (это девочка) мультфильмы про тебя смотрели! — пискнул котенок.

Старуха сунула Пушка в карман передника и щёлкнула по ушам:

— Сиди смирно. Сейчас полетим.

— Куда? — пропищал Пушок. Яга взмахнула помелом, ступа затряслась и вдруг оторвалась от земли. Пушок свесил голову из кармана и поглядел вниз — в морозной вечерней дымке удалялась дорога, где мерцали фары машин. Ступа поднялась ещё выше, и взгляду котёнка открылось море лесных крон, среди которых порой мелькали крыши домов.

* * *

Ступа гулко стукнулась оземь. Яга выпрыгнула из неё и вытряхнула Пушка из кармана. Котёнок огляделся. Посреди поляны, поросшей пожелтевшей осенней травой, стояла избушка на двух высоких столбах. Вдруг столбы зашатались. Пушок разглядел в траве две большие когтистые лапы. Избушка на курьих ножках! И её котёнок видел по телевизору, когда смотрел мультики с хозяйкой Наташей.

— Повернись к лесу задом, ко мне передом, — пробормотал Пушок.

Избушка закрутилась на месте. Яга стукнула её метлой и огрызнулась на котёнка:

— Не хозяйничай! Ещё молоко на усах не обсохло.

Дверь распахнулась с многоголосым скрипом, словно хором заплакали несколько капризных детишек. Яга забросила котёнка в избушку и поднялась по лесенке. В единственной комнате было сумрачно. У маленького окна стояли стол и скамья. Напротив, у стены, — сундук. Справа большая печь и кровать

с пышными подушками и пёстрым одеялом. На печи кто-то сидел и тарачился жёлтыми круглыми глазами, не мигая.

Яга достала из печи чугунок и стала прямо из него хватать кашу обгрызенной деревянной ложкой.

— Бабушка, я тоже есть хочу! — выпалил котёнок. Яга щёлкнула пальцами, и на стол бухнулась картонная коробка с надписью «Простоквашино» — такие приносили из магазина Наташа и ее мама. Яга раскрыла её, налила в миску молока и поставила на пол перед котёнком.

— Заклинание знаю, — пояснила Яга. — Что хочу — из магазина перетащу. Жаль, что сила заклинания невелика — недалеко действует. Только на три версты.

— Что такое верста?

— Четверть поприща, — буркнула Яга. — Знать больше хочешь? Это хорошо. Ведь быть тебе Учёным Котом!

Она хлопнула в ладоши. Сундук распахнулся.

— Книжки, сюда! — крикнула бабка. И из сундука сами вылетели книжки в пёстрых обложках, помахивая страницами, окружили Пушка и наперебой зашелестели:

— Я про леса дремучие, — сказала первая.

— Я про поля широкие, — сказала вторая.

— Я про моря глубокие, — сказала третья.

— Я про небеса высокие, — сказала четвёртая.

Пушок насторожился.

— Запоминай, — сказала первая книжка. — Когда ищешь дорогу в лесу, мох на деревьях и муравейниках всегда с северной стороны. Бояться надо волка, медведя, змею, филина. Вот они, на картинках. А филин кричит: «Ух-ух!»

— Ух! — донеслось с печки. Котёнок распушился и зашипел.

— Это филин, — жалобно сказал он книжке.

— Да. Ты учись, учись.

— Но его же надо бояться. — Котёнок не знал, куда прятаться. Наверное, под кровать. Он туда и бросился. А под кроватью мусора полно — и старые сапоги, и облезлая шапка, и блюдец с яблоком, и коврик дырявый. Но книжки полезли следом и снова котёнка окружили.

Вторая говорит:

— О полях расскажу. Летом там хорошо. Можно выспаться, в хлебах спрятавшись, мышку поймать. Живёт там дед Полевик с бородой из колосьев, посевы охраняет.

Третья говорит:

— Я про моря, если не забыл. Правит морями царь Нептун. При нём свита — нимфы, тритоны. Живёт в море Рыба-Кит, у неё на спине целая деревня поместится. Есть там Золотая рыбка, которая желания исполняет. А на дне жемчуга таятся, янтари, но это тебе, коту, ни к чему. А если о речках и озёрах речь вести, то там тоже русалки есть, водяные и кикиморы.

— По небу можно летать на ковре, в чугуне, на метле... — начала рассказывать четвёртая книжка.

— А ещё в настоящем самолёте и на вертолётёте, — добавил котёнок.

— Не знаю таких, — книжка говорит. — На ковре надёжнее, главное — выучить созвездия, чтобы с пути не сбиться да с чужим ковром не столкнуться.

Много книжки котёнку рассказали: какие лечебные травы и где растут, как спрятаться от врагов, кого можно поймать, что нельзя есть, как не попасть в капкан, как перейти дорогу...

Яга в это время жевала сушёный гриб и вязала из серых ниток носок, такой широкий да длинный, что в нём и сама бабка поместилась бы.

— Это на зиму для курьих ножек, чтоб не мёрзли, — пояснила бабка. — Я ведь не злая. Ко мне как-то лет двести назад поэт забредал, так не съела я его, даже дорогу показала. Очень он моей ступе дивился. Так потом и сочинил:

*Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой...*

А направлялся поэт в Лукоморье за сказками. Потом Яга взяла корзинку и говорит:

— Сейчас за грибами пойдём, на зиму запас делать. Не люблю я грибы магазинные, да там и нет нужных мне.

И вылезла из избы, котёнок — следом, боялся рядом с филином оставаться. Яга зашаркала сапожищами по листве и хриплым голосом запела:

*— Эх, если бы да кабы
Найти вкусные грибы...
Красные, с горошками,
С тоненькими ножками.
Не нужны опята мне,
Не нужны маслята мне —
Только бело-красные,
Для людей опасные.*

А котёнок поточил коготки о ствол дерева, поиграл с листвой. Вернулись они домой. Поставила Яга корзинку у порога и ушла за водой к роднику, а котёнок решил поглядеть, что за грибы она собрала.

— Это ж мухоморы ядовитые! — испугался Пушок за бабу. Конечно, неласковая она, слова доброго не скажет, но заботится о нём. И чтобы жизнь ей спасти, он корзинку лапками в траву оттолкнул и листвой забросал. Вернулась Яга — а грибов и нет.

— Кто взял мои мухоморы? Какие воры?! — затопала Яга ногами и зубами заскрипела. — Разорву, растопчу, грибов с кашей хочу!

Тут избушка куриной своей лапой корзинку выгребла из травы и на котёнка когтистым пальцем указала. Схватила Яга Пушка за шиворот:

— Шутить вздумал?!

— Бабушка, ты ими отравишься! — пищит Пушок.

— Ладно, прощаю тебя, дитя неразумное. — Бабка посадила Пушка на порог. — Мухоморы мне не повредят. У меня всё не как у людей: и изба ходячая, и одежда наизнанку, и правый сапог на левой ноге. И чёрный кот мне дорогу переходит — к счастью. Так что переходи почаше...

И стала Яга ядовитую кашу варить да нахваливать. А котёнка снова книжки окружили. Но тут котёнок понял, что лень ему учиться, надоело. И решил улизнуть. Упёрся лапками в дверь, приоткрыл и на улицу выскользнул. Вдохнул свежего воздуха. Но книжки следом за ним бросились и снова окружили, своё тараторят. Котёнок юркнул в кусты, книги запутались в ветвях и отстали. Бежит Пушок по лесу, вспоминает свою прежнюю хозяйку — девочку Наташу. Как та

привязывала фантик на нитку и с Пушком играла, а он ловил. Было на даче свежо, не пахло дымом, как в избушке Яги, и страшный филин на печи не сидел.

Тут выскочили из-за дерева две зеленые девчонки — волосы длинные, как трава, и носы острые:

— Здравствуй, неведомая зверюшка! — говорят Пушку.

Тот обиделся:

— Я Учёный Кот.

— Фу ты, ну ты, какой важный! Хочешь с нами пойти на болото? Мы тебе трясины покажем.

— Про трясины я ещё не читал.

— Лучше один раз увидеть. — И зелёные девчонки стали показывать Пушку дорогу.

Пушок и не заметил, как забрёл в грязь — ни шагу вперёд, ни шагу назад. Увяз. Жалобно замыкал. А вредные девчонки смеются.

— Вот это и есть трясины. Кого хочешь затащит.

— Куда? — дрожит Пушок.

— Сами не знаем. Никто не возвращался. А увязнуть не можем, потому что кикиморы болотные.

Совсем было отчаялся Пушок, но тут над его головой что-то зашумело, котёнка подхватили сильные лапы и выдернули из трясины. Оглянулся Пушок, а это филин. Вынес котёнка на полянку и опустил возле избушки.

— Спасибо, — робко сказал Пушок. И пошёл свои книжки вырывать, которые в ветках запутались. Выручил все, устал. Сидит на пороге, умывается. Лапку полижет, щёчки оботрёт.

«Гостей намываю, — думает. — С гостями веселей будет. Только вот в мультиках к Яге порой и Змей Горыныч прилетает, и Леший приходит...»

Тут что-то в траве зашелестело и вылез оттуда безобидный зайка в белой шубке.

* * *

— Привет! — мякнул Пушок.

— Здравствуйте, — пропищал зайка. — А вы правда Учёный Кот?

Пушок вспомнил, как увяз в болоте, — рано умом хвастаться — и грустно сказал:

— Пока я только котёнок-недоучка.

— А скоро снег выпадет?

— Не знаю.

— Смотри, у меня шубка белая, а снега нет. И все зайцы побелели. Меня легко теперь заметить и волку, и лисе, и псу охотничьему. Видели мы, как подходят к лесу снеговые тучи, но они исчезли бесследно. И деревьям холодно — нечем укрыться-укутаться, и земле...

— Хорошо, постараюсь узнать, что происходит, — пообещал Пушок, хотя не знал, где искать пропажу.

Вот ночью забрался Пушок на печку. Филина уже не боится. Ждёт, когда Яга печь затопит и тепло станет. А та вдруг сама в печь полезла. Ну что за хозяйка! То мухоморы ест, то в печь лезет... Только сажа сверху посыпалась. Думает Пушок: «Если не днём, а ночью Яга это проделала, значит, хочет, чтобы не заметили».

Набрался смелости и вышел на улицу. Там уже мороз, трава в инее. В небе луна яркая-яркая, к ней тучка подплывает, кудрявится, клубится и тихо напевает:

*Будет всё бело в лесу,
Много снега я несу,
Мягкого и чистого,
Нежного, искристого.
Ведь в такие холода
Всем без снега никуда.
Им деревья греются.
На меня надеются.
Им укроется земля,
А растает — пьют поля
Воду снеговую,
Талую, живую...*

И вдруг Баба Яга схватила тучку корявыми ручищами и потащила за собой в трубу. Котёнок сразу в избу вбежал, следит за бабкой. А та тучку встряхнула, что-то пробормотала — и тучка превратилась в пышную перину. Яга тут же её на постель постелила. Тут котёнок увидел, что на постели уже несколько таких перин, синими снежинками вышитых.

Хорошо спится Яге на облаках. Наутро собралась бабка куда-то. Вышла, свистнула ступе, та подскочила. Яга влезла, метлой отмахнулась. Ступа взлетела и исчезла за верхушками деревьев. Не знает котёнок, что делать. Вышел и зовёт:

– Зайка! Зайка!

Прибежал зайчонок.

– Облака Яга крадёт, в перины превращает.

– А ты их обратно преврати. Ты же Учёный Кот!

Стал котёнок книги листать. Видит – нарисовано облако и написаны странные слова. Он и прочёл их. Тут перины распушились и стали облаками – избушку заполнили. Всё в тумане! Филин крыльями замахал, облака выгнал, радостно поднялись они вверх. А навстречу – Яга, хочет поймать. Но тут снег пошёл, да что там пошёл – хлопьями повалил, густой, Яга рукой махнула, ступа бухнулась на поляну.

– Кто мои перины загубил? Не дали старые косточки понежить! – Затопала ногами, расшумелась. А избушка опять когтистой лапой на Пушка показывает. Затолкала Яга котёнка под крыльцо метлой. – Неслух! Отдам Кошею на перевоспитание! На хлеб и воду!

Ушла в избу, а Пушка оставила на улице. Выпал снег, уплыли тучки. Сугробы намело огромные, все ёлки, берёзки, осинки стоят в искристых шубках, друг перед другом красой похваляются.

Пушок дрожит на крыльце. Но тут выбежали на поляну зайцы, кричат:

– Слава Учёному Коту! Пойдём с нами в прятки играть.

И все попрятались, вроде рядом где-то, а незаметно их, потому что белые на белом снегу. Пока Пушок бегал и разыскивал их, согрелся. Тут и Яга дверь открыла, кричит басом:

– Кыс! Кыс! Кыс!

Пушок даже сначала не понял, что его зовут, потому что Наташа звала нежным голоском: «Кис! Кис! Кис!»

Вернулся в дом, Яга перед ним миску с молоком поставила. Помирились.

* * *

Как-то полезла Яга под кровать и достала золотое блюдце с серебряным яблочком. Говорит:

– Покатись, золотое яблочко, по серебряному блюдецку, покажи мне хулигана Васю и умницу Настеньку.

– А кто это? – спрашивает котёнок.

– Это мои пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-правнуки, – отвечает Яга. – Даже в гости ко мне приходят...

Очень интересно стало котёнку, какие у Яги внуки? Должно быть, как она, клыкастые да сердитые.

– Что-то ничего мне блюдце не показывает. Надо разбить его! – Яга говорит.

Котёнок посмотрел на блюдце и спрашивает:

– А помыть не пробовала? Оно же пыльное.

Яга блюдце вытерла фартуком, и оно засветилось. Смотрят котёнок и Яга – а на дне блюда две симпатичные мордашки показались: мальчик и девочка, оба рыженькие, кудрявые.

– Ну, как у вас дела? – Яга спрашивает.

– Бабка Яга, а ты мне денег дашь на нетбук? – спрашивает мальчик. – За то, что я в школе окно разбил! И у одноклассника мобильный телефон украл! И маму с папой каждый день обманываю! Учителям грублю, двойки получаю и курить начал!

– Ах ты, сокровище, наследник мой ненаглядный! Всё для тебя сделаю. Очень мне нравятся такие детишки – злые и непослушные...

Яга даже прослезилась. А потом у девочки спрашивает:

– А ты как поживаешь, Настенька?

Девочка отвечает:

– Я на олимпиаде по математике первое место заняла. Маме помогаю готовить. В шахматы научилась играть. Наша собака лапу поранила, а я её вылечила – мазью «Линимент синтомицина».

– Фу! Фу! – сморщилась Яга. – Чересчур ты правильная. Не нравятся мне такие детишки – добрые и послушные. Сколько я ждала, что станешь ты, как братец твой Вася, хулиганкой, на меня, Ягу, похожей. Видеть тебя не желаю. А что касается слишком умных, так

мне моего Учёного Кота хватает. И того скоро в Лукоморье сбуду.

— А я тебя всё равно люблю, бабушка, — Настя вздохнула.

Яга блюдце спрятала и пошла на улицу за водой босиком по снегу.

— Валенки обуй! — котёнок кричит. Яга только зашипела в ответ. Вернулась и давай чихать и кашлять, да так громко, что даже избушка вздрагивает. Потом залезла на печь и говорит:

— Ох, что-то жарко мне, ох, тошнѐхонько! Простудилась я.

Котёнок говорит:

— А в книгах написано, что нужно чай с малиновым вареньем и мѐдом пить, а если сильно простудился, то и таблетки.

Яга в него рукавицей кинула и снова охает. Котёнок видит, что дело плохо — совсем Яга себя уморит. Вытащил он блюдце и говорит:

— Покатись, золотое яблочко, по серебряному блюдецку, покажи мне хулигана Васю и умницу Настеньку.

На дне блюдца показались две мордашки. Мальчик спрашивает:

— Ну чего тебе, котёнок?

— Ваша пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-прабабушка Яга заболела. Привезите ей таблеток из города.

Хулиган Вася говорит:

— А мне всё равно. Пусть болеет. Не поеду я в такой мороз на электричке за город да не буду по лесу избушку искать.

Яга с печи свесилась и говорит:

— Ах вот как! Я тебе всю пенсию на шоколадки отдаю, а тебе меня не жалко...

— Так ведь ты сама учила, чтобы я только о себе думал, — говорит внучок Вася. — И теперь я решил никому никогда не помогать. Моя хата с краю.

Яга захныкала и под тулуп залезла с головой. Обидно стало старушке.

Но тут на дне блюдца показалось изображение Настеньки. Девочка спрашивает:

— Котёнок, что с бабушкой Ягой случилось?

— Простудилась.

— Сейчас я приеду, — говорит Настенька.

— Я тебя у станции встречу! — помахал ей лапкой котенок. Выбежал из избушки и боль-

шими прыжками помчался по сугробам к станции. Он издалека слышал, где поезда гудят.

Вот выбежал на обледенелую платформу. Остановилась электричка. Вышли люди, и среди них девочка лет десяти, в красном костюме и красной шапочке, в руках — лыжи.

Котёнок замахал ей лапкой. Настенька пошла к нему. За спиной у неё был рюкзачок. Она посадила туда Пушка, спустилась с платформы, зашла в лес, встала на лыжи и быстро помчалась к избушке Бабы Яги. Котёнок только успевал командовать: «А теперь сверни налево! А теперь прямо — вон до той сосны!»

Настенька не смогла бы быстро найти избушку одна, потому что избушка на своих курьих ножках часто переходила с места на место. Но вместе они вскоре вышли к жилищу Бабы Яги. Дверь сама отворилась, и они вошли в избу. Настенька сразу затопила печку, разожгла самовар, заварила чай с лекарственными травами: шалфеем, липой, зверобоем, чабрецом. Достала из рюкзака банки с медом и малиной, таблетки аспирина, горчичники. А ещё печенье, конфеты, баранки. Яга с печи слезла, стала чай пить. И пока Настенька ей суп варила, Яга съела горчичники. Настенька с ужасом говорит:

— Бабушка, ты что натворила? Кто же горчичники ест? Их на спину прилепляют.

— Ничего! — Яга говорит. — Мне сразу легче стало! Не от лечения, а от доброты твоей, внученька. Вот тебе-то я и отдам деньги на нетбук. Не знаю, что это за игрушка, но порадовать тебя хочется.

— Не надо мне нетбука, — ласково улыбнулась Настенька. — Я и так о тебе заботиться буду.

На станцию Яга Настеньку уже в ступе отвезла — выздоровела бабка.

* * *

Ранним апрельским утром вышла Яга провозить котёнка.

— Ступай, Кот Учёный, в Лукоморье. Будешь там жить, сказки сказывать и песни петь, а они по миру разлетятся. Сказка — ложь, да в ней намёк — добрым молодцам урок.

– Бабушка, а как я Лукоморье найду? – с испугом спрашивает котёнок.

– А ты иди куда глаза глядят. Беда вымучит, беда и выучит.

– Мои глаза на избушку глядят, – говорит котёнок, оглядываясь. Очень не хотелось ему уходить – боязно.

Баба Яга улыбнулась, сверкнув зубом:

– У встречных путь спрашивай – за спрос не бьют в нос. Поспешай, да не торопись.

– До свиданья, бабушка, – грустно сказал Пушок и неохотно затрусил с полянки.

К полудню он вышел на дорогу, по которой проносились машины. На обочине стояло кафе. Возле него под тентом за столиками сидели шофёры. Их машины, огромные, с прицепами, стояли на площадке неподалёку. Котёнок робко подошёл к шофёрам. Ему очень хотелось спросить на человеческом языке: «А вы не знаете, далеко ли Лукоморье?»

Но он боялся.

– Брысь! – крикнул басом один из мужчин с синими татуировками на загорелых руках. Но другой примирительно произнёс:

– Не пугай его, Петрович. – И бросил котёнку кусок шашлыка. Пушок не сдержал довольного урчания, когда впился зубами в мясо. Потом он заметил ещё одно существо, это была белка, она грызла кусочек печенья неподалёку и весело прострекотала:

– Привет! – Белочка была очень милой, в рыжей, искрящейся на солнце шубке, с большими карими глазами и чуткими ушками, на которых были крохотные кисточки.

– А ты что здесь делаешь? – заинтересовался котёнок.

– Живу. Здесь весело и все меня кормят. Ты ведь тоже попрошайничаешь?

– Нет, – гордо сказал Пушок. – Меня угостили, и сейчас я пойду дальше, на работу.

– На работу? А зачем работать? Здесь всегда можно найти ломтик батона или огрызок рыбки...

– А что будет зимой? – серьёзно спросил Пушок. – Зимой столы уберут в кафе, и никто к тебе не выйдет. Ты же дикий зверь. Надо делать запасы, как все белки.

– Что такое зима? Что такое запасы?

– Разве ты не знаешь? – удивился Пушок. – Зимой с неба падает холодная белая крупа, мёрзнут лапки, нельзя найти еду.

– Меня зовут Золотко. И я родилась весной. Мои мама и папа тоже жили здесь. Но однажды их поймали и увезли. Сказали, что забирают в зоопарк. Может быть, скоро и меня заберут в зоопарк. Это будет замечательно!

Пушок усомнился в том, что это везенье – он видел по телевизору зоопарк, и девочка Наташа сказала, что зоопарк как тюрьма. Звери должны жить на свободе.

Пушок доел мясо, умылся и решил, что если уж некому воспитывать юную белочку, то это его долг. Золотко в это время подбирала рассыпанные кем-то в пыли чипсы, а потом облизала бутылочную пробку. Ей точно требовался воспитатель. Пушок приосанился и произнёс:

– Ты, наверное, не догадываешься, кто я?

– Какой-то котёнок. – Золотко обнюхивала сигаретный окурочек.

– Нет. Я Кот Учёный.

– Учёный? И чем ты отличаешься от обычных? – поинтересовалась белочка насмешливо.

– Я знаю будущее, – загадочно прищурил Пушок зелёные глаза. – И твоё будущее ужасно...

– Расскажи! – Белочка метнулась к нему и села напротив.

– Скоро настанет осень. С деревьев листья облетят, из-под навеса столы занесут в кафе. Больше не будет вокруг ни хрустящих чипсов, ни сухариков, ни прочих вкусностей, которые тебе бросают люди. Они перестанут есть на улице. Ты будешь голодать и дрожать, сидя на ветке, грызть горькую кору...

На глазах белочки выступили слёзы:

– Что же мне делать, Учёный Кот? – Золотко умоляюще прижала к груди лапки.

– Тебе нужно найти домик и собрать запасы.

– Домик? – удивленно вскинула лапки белочка.

– Дупло в каком-нибудь дереве, – пояснил котенок.

Пушок пошёл в лес, Золотко попрыгала за ним. Котёнок указал лапкой на высокий клён:

— Например, там.

Золотко поднялась вверх по стволу и заглянула в дупло:

— Там пыльно и жёстко.

— Собери листья и сухую траву, сделай гнездо, — учил котёнок.

Золотко стала таскать листву в своё новое жилище.

— А потом собери туда на зиму орехи, сушеные грибы и ягоды.

Золотко заметалась по полянке и вдруг нашла большой орех:

— Ура! — закричала она. — Это так интересно! Ты и правда Учёный Кот!

Пушок с облегчением вздохнул. Может быть, теперь Золотко хоть как-то подготовится к грядущим холодам.

Котёнок побежал дальше. Вскоре он увидел дачный посёлок. «Отдохну здесь», — решил он.

Присел на крыльцо какого-то дома, но тут же вздрогнул от лая. Не раздумывая, Пушок взлетел вверх по стволу ближайшей ёлки. Но, как оказалось, лаяли не на него. С колючей ветки котёнок увидел внизу двух псов, набрасывающихся друг на друга. Они были одинакового роста, но один — белый, другой — рыжий, довольно большие, с короткой шерстью.

— Я главный в посёлке! — лаял рыжий.

— Нет, я главный! Ступай откуда пришёл! — отзывался белый.

— А в чём дело? — робко спросил Пушок. Тут только псы заметили его.

— Я лабрадор Белячок, — отозвался один.

— А я стафф Рыжик, — ответил другой. — Дело вот в чём. Я здесь новый, и Белячок прогоняет меня. А ведь его самого подобрали!

— Терпеть не могу, когда хозяин гладит его и хвалит, — огрызнулся Белячок. — У нас с этим рыжим дураком один хозяин.

— Но я сторожу дом, а ты убегаешь гулять в лесу, — обиделся Рыжик.

Хотя стаффы — это бойцовская порода собак, Рыжик казался более миролюбивым.

— Ссориться глупо, — сказал Пушок. — Можно соревноваться и не в драке.

— Кто ты такой, чтобы мы слушались тебя? — буркнул Белячок.

Пушок прищурил глаза и строго произнёс:

— Я Кот Учёный.

— Ха! — сказали оба пса. — Малявка. Мы разберёмся без тебя. Что за соревнование без драки ты можешь предложить?

— Вы могли бы побегать наперегонки. И тот, кто добежит первым до финиша, будет считаться главным целый год. А через год соревнование можно повторить.

— Глупости! Мы разберёмся здесь и сейчас. Я просто покусая Рыжика! — угрожающе прорычал белый лабрадор.

— А я — Белячка! — не остался в долгу рыжий стаффордширский терьер.

И псы снова стали готовиться к драке.

— Но хозяин посадит нас на цепь, — заметил Рыжик.

— Хорошо, побежим наперегонки, — неохотно согласился Белячок. И псы затрусили по дороге. Пушок направился следом. Они вышли на лесную тропинку. В лесу было сумрачно.

— Думаю, вам нужно пробежаться во-он до той сосны, — сказал Пушок. — Раз! Два! Три! Мяу!

И псы бросились наперегонки.

Сначала отставал Рыжик, но потом он поднажал, и псы пришли к финишу одновременно. Такого Пушок не ожидал. Старые враги снова оскалились, собираясь выяснять, кто тут главный. В это время на поляну вышел волк. Он был гораздо больше Рыжика и Белячка. Матёрый, с широкой грудью и мощными лапами. Волк оскалил острые клыки и прорычал:

— Какие откормленные собачки. Сегодня я поужинаю вами.

Белячок быстро гавкнул:

— Съешь лучше вот этого рыжего задиру.

— Сам ты задира! — огрызнулся Рыжик. — Пусть волк съест тебя.

Волк ухмыльнулся:

— Я съем вас обоих. А закушу вот этим крошечным котёнком.

Как назло, Пушок взобрался на слишком тонкую ветку, на которой не мог даже шелохнуться, она и скрипела, и качалась, казалось,

что вот-вот переломится... И тогда он упадёт прямо на нос волку.

— Белячок, Рыжик, — крикнул котёнок. — Я вас спасу. Вы вместе сильнее этого волка.

— Вместе? Мы никогда ничего не делали вместе, — воскликнул Белячок.

— А теперь сделаем! — сказал Рыжик, подбежал к нему и встал рядом. — Эй, волчище, теперь мы вдвоём против тебя!

Белячок не стал протестовать. Он тоже громко залаял.

Волк оглядел их жёлтыми злыми глазами, неохотно повернулся и потрусил в лес.

— Вот это да! — удивился Белячок. — Оказывается, когда мы не ссоримся, мы сильнее.

— Я давно думал об этом, — сказал Рыжик. — Если хочешь, ты будешь главным в посёлке.

— Я уступаю тебе, — ответил Белячок дружелюбно.

— Может быть, просто не нужно это обсуждать? — тихо спросил котёнок и наконец свалился с дерева, но, к счастью, на мягкую траву, а не в волчью пасть.

— Ты и правда Учёный Кот! — воскликнули Белячок и Рыжик. — Пойдём в посёлок, мы дадим тебе мяса.

* * *

Пушок продолжал свой путь. Он ломал голову над тем, где находится Лукоморье. Ум хорошо, а два — лучше. Он решил спрашивать у встречных. Навстречу по тропинке трусил медвежонок, Пушок посторожил и крикнул:

— Не знаешь, где Лукоморье?

Медвежонок притормозил, глядя на Пушка блестящими чёрными глазками:

— Не знаю. Дальше не ходи! — Он махнул лапой на тёмную чащу. — Там что-то страшное!

— А какое оно? — насторожился Пушок.

— Не знаю, должно быть, огромное и зубастое. Так громко кричит. Пойду спрячусь в берлоге.

И медвежонок скрылся в кустах малины.

Тут же Пушку навстречу попался взъерошенный ёжик, который, пыхтя, спешил

пройти мимо. Но Пушок поинтересовался:

— Не знаешь, где Лукоморье?

— Не знаю, только вот дальше не суйся. Там что-то страшное!

И ещё кабан и волк попались Пушку навстречу, тоже ужасно напуганные. Пушок задумался, а не пойти ли ему обратно. Но решил, что как Учёный Кот должен непременно проверить, что такое скрывается в чаще. Он решил сойти с тропинки и пробираться в траве вдоль неё, тихо-тихо...

Он так и сделал. Через некоторое время заметил, как по тропинке идёт лось. И тут же откуда-то сверху послышался зловещий хохот: «Охо-хо-о! Ах-аха-а!»

Лось вздрогнул и бросился бежать. Пушок посмотрел вверх — на дубу кто-то сидел. Котёнок полез на дерево. Взобравшись, оказался за спиной таинственного существа и громко замыкал прямо над ухом. Существо вздрогнуло и свалилось вниз, в бурьян, забило под большой лопух, выкрикнуло хриплым баском:

— Эй, кто тут хулиганит? Ты зачем меня пугаешь?

— А разве ты не пугаешь тех, кто по тропинке проходит? — строго спросил Пушок.

— Я шучу! Это игра, — пояснил, выбираясь из-под лопуха, маленький мужичонка с рыжей бородой.

— Вот и я пошутил, — сказал Пушок. — Как аукнется, так и откликнется. Видишь, не так-то это приятно, когда тебя пугают.

— Мне и положено пугать! Я Леший! А то скучно ведь, — зевая, отвечал Леший, — сию, сию один. А все бегут, бегут мимо.

— Леший должен лес охранять. А шутки шутить, когда всё в порядке, — строго сказал начитанный Пушок. — Делу — время, потехе — час. Вот у тебя в лесу разве всё хорошо?

— А то нет? — беспечно бросил Леший и тут же превратился в большой гриб-моховик.

— А что за шум на поляне?

— Это туристы, — сообщил Леший и вдруг превратился в трухлявый пенёк.

— И ты не хочешь посмотреть, что они делают?

— Ох, надоел, приставала! — Леший снова стал рыжебородым мужичонкой. — Ну, пошли.

Пушок и Леший приблизились к поляне. Туристы уже убирали вещи в машину. Вся поляна была забросана пустыми стеклянными и пластиковыми бутылками, клочками бумаги, полиэтиленовыми пакетами и прочим пёстрым мусором, тлел костёр. Леший от возмущения всплеснул руками, от его беспечности и следа не осталось. Он вдруг начал расти и превратился в высокий клён.

И когда машина туристов стала выезжать с поляны, ломясь через кусты маличника, то её схватили могучие кленовые ветки. Машина забуксовала. А ветви стали поднимать её в воздух, немного подержав, отпустили. Машина встала на землю, туристы в панике выскочили, уставились на шевелящееся дерево. А клён указал на поляну.

— Живое дерево! — Туристы бросились врассыпную. Но тут и другие деревья зашевелились и стали загораживать им дорогу.

— Что им нужно? Что происходит? — наперебой кричали женщины и мужчины. Клён снова указал на поляну.

Пушок не выдержал и пискнул:

— Просто уберите мусор и погасите костёр.

Люди уставились на него.

— Говорящий кот!

Одна женщина упала в обморок. Пушок не думал, что его могут бояться. Но туристы наконец сообразили, чего хотят от них деревья и кот. Они стали поспешно собирать мусор в пакеты и складывать их в багажник. Женщина, которой стало дурно, очнулась. Тут Пушок узнал в ней Наташину маму — ту самую даму, которая оставила его на обочине. Она сидела на траве в синих джинсах и розовой куртке и тарасила глупые, кукольно накрашенные глаза. Её муж в это время заливал из пластиковой бутылки костёр.

Пушок подошёл к испуганной туристке и строго произнёс:

— А где Наташа?

Женщина долго смотрела на него, приоткрыв рот. Потом промямлила:

— Дома.

— Вы её одну оставили?

— Да! — ошарашенно выпалила женщина, хлопая от удивления ресницами.

Пушок не выдержал и зашипел:

— А если с ней что-то случилось? Она совсем маленькая! Немедленно в город!

Женщина вскочила и бросилась к машине.

Туристы уехали. Леший снова превратился в мужичка-лесовичка и радостно спросил:

— Ну, как я их напугал?

— Молодец! — одобрил Пушок. Леший колесом прошёлся по поляне и вдруг обернулся машинным колесом, покатился куда-то...

Пушок подошёл к воде и услышал плеск. Неподальёку в камыше билась щука, запутавшаяся в сети. Щука была старой. На её позеленевшей спине рос мох, а зубы в раскрытой пасти пожелтели, но были ещё острые. Она покосилась на котёнка оранжевым глазом.

— Вам помочь или не мешать? — вежливо мякнул Пушок. — Только не кусайтесь...

Он попробовал лапками распутать сеть, но не смог.

— Раньше я шама вшем помогала, — прошамкала щука.

— Как это? — удивился Пушок.

— Хорошо, пошлединый раш помогу ни за што ни про што. Шкажи: «По щучьему велению, по моему хотению» и назови швоё желание. Только одно. Оно тут же ишполнится.

Пушок задумался — только одно желание. А ведь ему хотелось бы вернуться к девочке Наташе и увидеть Лукоморье... Щука тяжело дышала, широко раскрывая пасть, и котёнка осенило:

— По щучьему велению, по моему хотению — пусть щука освободится из сетей!

Тут же сеть лопнула и щука, подпрыгнув, нырнула в воду. Через минуту она высунула голову из воды:

— Большое шпашибо! Шама я не могла шебе ничего пожелать!

Пушок без надежды спросил:

— А вы не знаете, где Лукоморье? — Ведь он помнил, что его единственное желание израсходовано. Но щука, к его удивлению, ответила:

— Тут.

— Но я вижу только озеро.

Пушок наклонился к воде и замер — на него смотрел не котёнок, а взрослый кот —

крупный, с круглой щекастой мордочкой. У кота были крепкие лапы и смелый взгляд. А уши, раньше казавшиеся слишком большими, теперь стали маленькими и аккуратными. Шубка была шелковистой и густой. «Неужели это я?» — изумился Пух. Только цвет шерсти остался прежним — чёрным.

Пух поплакал холодной воды и поднял голову. Всё вдруг изменилось — у озера исчез противоположный берег, листья на деревьях стали зелёными, тучи исчезли, ярко засветило солнце. В Лукоморье вечное лето — вспомнил Пух. И тут он увидел вдалеке огромный дуб. Ствол этого дерева можно было бы обойти разве что за полдня. Пух побежал по берегу.

Русалка, сидевшая на дубовой ветке, радостно захлопала в ладоши и крикнула:

— Учёный Кот идёт!

На берегу расположилось множество русалок, они расчёсывали длинные золотистые волосы и о чём-то шумно болтали.

Пушок даже остановился. Он никогда не видел людей с рыбьими хвостами.

— Не бойся, котик — пушистый животик! — Русалки тянулись к нему, но Пушок осторожно обходил их — всё-таки помнил — в книжках было написано: эти приветливые девицы могут защекотать.

И на дубу сидела русалка.

Дуб опоясывала толстенная золотая цепь. Та самая, по которой Пушок должен был ходить: «Идёт направо — песнь заводит, налево — сказку говорит».

Он осторожно взобрался на цепь, она была тёплой, уютной для его лапок. Все русалки обернулись к нему, словно чего-то ждали. Пушок направился по цепи. Дуб был большой, Пушок шёл-шёл, но никак не мог ничего придумать.

И вдруг наткнулся на другого кота — серого, в красивую полоску. Тот просто спал на золотой цепи, свернувшись в пышный узорчатый клубок.

— Два учёных кота?! А зачем же я шёл сюда? — возмутился Пушок. Шерсть его встала дыбом, он поднял распушившийся хвост и угрожающе завыл, как воют взрослые коты, вызывая соперника на бой. Дуб и золотая цепь

были его территорией — Пушок привык к этой мысли, к тому, что будет здесь жить-поживать и добра наживать. Серый узорчатый кот вскочил и распушился. Он был удивлён появлением незнакомца, но не оробел и завыл в ответ даже басовитее и громче, чем Пушок. Этот кот был явно сильнее и старше, но Пушок не думал уступать. Русалки на берегу смеялись и показывали на них пальцами, это разозлило Пушка ещё больше. Он с размаху ударил лапой серого незнакомца, выпуская когти. Удар пришелся по лбу, Пушок вырвал несколько шерстинок из замысловатых полосок врага. Тот тоже бросился на Пушка, они свалились с цепи и покатались по песку, яростно царапая друг друга. Наконец на миг отскочили друг от друга и остановились, шипя. Тут Пушку вспомнились два пса в дачном посёлке, которых он мирил, они так же набрасывались друг на друга. И вот он — Кот Учёный — поступает так же, как эти псы — то есть совершенно глупо. Пушок отряхнулся от песка и спросил у серого кота:

— Ты кто такой?

Серый перестал шипеть и прижимать уши, перевёл дыхание и мяукнул басом:

— Я Кот Баюн.

— Почему ты на моём дереве?

— А ты кто такой? — в свою очередь поинтересовался серый.

— Я Кот Учёный.

— Тогда нам делить нечего, — сказал Баюн, успокаиваясь. — Моё время — ночь, а твоё — день. Я сны сочиняю. А ты идёшь направо — песнь заводишь, налево — сказку говоришь.

— А какую сказку? — спросил Пушок и смутился, потому что ни одной сказки не знал.

— Каждый кот сочиняет сказки сам! — назидательно заметил Баюн. — А они разлетаются по свету. Ну, я пойду спать, вечером проснусь бодрым и отправлю детям много красивых снов.

И полосатый пошёл к дубу, чтобы улечься в тени на поляне.

Пушок уже боялся вспрыгнуть на цепь — ведь он должен был там сказки сказывать или песни петь. Русалки исчезли в воде. Солнце опускалось всё ниже.

Пух направился по цепи и начал рассказ:

– Пушок – крошечный чёрный котёнок с ярко-зелёными глазами, сидел на перекрёстке и плакал, точнее – жалобно мяукал, дрожа от холода. Шелковистая шёрстка не спасала от пронизывающего осеннего ветра. Пять минут назад люди высадили его из машины...

Кот решил рассказать историю своего печального детства. Но ведь в сказке всё должно закончиться хорошо. Поэтому Пух решил завершить её иначе... И в конце произнёс:

– Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец!

Тут спавший на песке Кот Баюн вскочил и закричал:

– Ты что натворил? Нельзя про себя сказки сказывать! Они сбываются!

Дуб зелёный зашумел, синее море заволновалось. Всё вдруг подёрнулось туманным маревом и исчезло, а Пушок очутился на обочине дороги. Холодный осенний ветер нёс пёструю листву по асфальту. Вдруг проезжавшая мимо легковая машина затормозила.

Водитель обернулся к сидящим на заднем сиденье женщине и девочке:

– Посмотрите – чёрный кот. И будто ждёт кого-то.

– Мама, здесь мы когда-то оставили Пушка! – жалобно произнесла девочка. – Может быть, это он?

– Боже мой, как я устала от твоих упреков! Бери этого кота, только успокойся.

Машина остановилась. Наш пушистый герой сразу узнал Наташу, хотя за год она выросла. Девочка быстрыми шагами направилась к нему и вопросительно произнесла:

– Пушок?

– Да, да, это я! – закричал Пух, но почему-то вместо слов у него вырвалось торжествующее: «Мяу!!!»

Он побежал навстречу своей маленькой хозяйке, только вот на руки не позволил себя взять – отвык от этого, чувствовал себя слишком самостоятельным и взрослым. Вместе с Наташей он пошел к машине и сам прыгнул на сиденье.

– Посмотрите, какой учёный! – заметил отец Наташи.

– Мурр! – важно ответил Пух.

Марина Васильевна СТРУКОВА

родилась в Саратовской области.

Окончила Университет искусств (факультет станковой живописи),

МЭГУ (факультет литературы и русского языка).

Работала учительницей, корреспондентом,

литературным редактором.

Выпустила три поэтических сборника: «Чертополох»,

«Солнце войны», «Серебряная пуля».

Публиковалась в изданиях: «Наш современник», «НГ-Exlibris»,

«Роман-журнал XXI век», «Аврора», «День литературы» и других.

Дважды лауреат журнала «Наш современник»,

лауреат конкурса «Прекрасные порывы-2010»,

дипломант конкурсов им. С. Есенина, «Эврика»,

«Нонконформизм-2010».

Член Союза писателей России.

Василий КОСТЕРИН

г. Будапешт, Венгрия

ЖИЛ, ЖИВ...

Маленькие рассказы о вожде

*Роберт Чандлер, английский поэт и переводчик
с русского, хорошо знает и любит Россию.*

*Однажды он решил познакомить
со страной свою семью и купил путёвку
на тур вдоль по матушке по Волге.*

*Сестра Роберта Каролина ради этой поездки
начала заниматься русским языком
и уже научилась читать.*

*И вот они проплывают мимо
очередного памятника Ленину на берегу.*

*Каролина медленно по слогам
читает надпись на постаменте:
«Ле-нин-жил-Ле-нин-жив...»*

*Корабль удаляется,
оставшиеся строки уже не разобрать.*

Роберт шуточно предлагает:

«Ну, сама догадайся, что там дальше написано».

*Ещё не читавшая Маяковского, Каролина
с уверенностью предположила: «...и Ленин умер».*

(История рассказана Р. Чандлером)

В ОГОРОДЕ БУЗИНА...

Мы идём по Московской – сквозной улице Древнего города. Названа она так потому, что ведёт из столицы в Нижний Новгород. Помните картину «Владимирка» Левитана? Так вот, продолжением Владимирки и стала Московская. Ближе к центру она вливается в обширную площадь. Здесь многоэтажные здания, гостиница, магазины, шум машин, троллейбусов, пешеходная суeta и толкотня. На задворках городской филармонии спускаемся по узкой, еле заметной тропочке вниз. Слева наверху вырастает белокаменный Успенский собор двенадцатого века. Если идти не останавливаясь, то выйдешь к Клязьме и мосту на Муром, к святым Петру и Февронии, а там и до Дивеева рукой подать. Как все европейские дороги ведут в Рим, так все пути на Руси ведут к святым местам или святым источникам.

По крутому обрыву, заросшему репейником и высокой, по самые плечи, крапивой, на полусогнутых скатываемся чуть ниже, и нас обступает тёплая душистая тишина. Исчезает шум, даже лязг жёстких троллейбусных усов еле слышен. Мы попадаем в царство огородов с маленькими деревянными домиками, которые приветливо кланяются то налево, то направо. Названий улиц не видно, да и самих улиц

нет. Скорее, это безымянные переулочки. Но на некоторых домах – квадратные ржавые таблички с едва различимым номером дома.

Мы разговариваем, приглушив голос. Как будто приближаемся к месту, возле которого подобает лишь молчать. И вот оно, это место!

Уткнувшийся носом в завалинку домик с покосившейся крышей, покрытой рубероидом. За ним большой огород, просто огромный. Пара грядок прижалась к задней пристройке, на них, судя по ботве, свёкла, морковь и ещё что-то. По углам огорода посажены кусты бузины, без симметрии – три красных и один чёрный. Вдоль забора – заросли густой и сочной зеленеющей травы. Но главное не это. Здесь есть такое, чего нет в других огородах. И это «такое» – большой, почти во всю ширину и длину участка пруд, смахивающий на миниатюрное озерцо. Но и это не всё: посредине пруда красуется островок. Видно, что когда-то он был почти квадратным, а теперь зарос и стал округлым. Густая длинная трава зелёной гривой свешивается в воду, как бы желая рассмотреть себя в мутноватом зеркале или пошептаться с нежно-зелёной ряской.

И вот на этом островке возвышается круглый, расписанный под мрамор постамент, скорее, столбик, метра в полтора высотой, а уже на нём самое главное – белый лобастенький Ленин.

Все друзья застывали у этого огорода потрясённые. Все чувствовали некую завораживающую тайну, которая заставляла безмолвно и подолгу стоять у серого покосившегося забора из штакетника и случайных нестроганных досок, заглядывая через них внутрь.

Кругом густой запах цветущей липы, жужжат пчёлы и шмели, сочная зелень самых разных оттенков раскинулась во все стороны, зеленовато-синяя гладь воды забылась в полусонной небесной тишине, и посреди этой сельской красоты и идиллии – маленький беленький остроплечий бюстик. Какое-то инородное тело, которое вопреки всему прижилось на одиноком островке. Улыбается со своей знаменитой хитрецей, как будто нечто тайное знает про себя и про других, но не скажет.

Приходили мы туда и зимой. Снегоуборочная там не прошла бы, и жители расчищали в переулочках узкие дорожки шириной с фанер-

ную лопату. Подходить к домику приходилось с противоположной стороны. И вот удивительно: впечатление оставалось то же. Значит, дело было не в контрасте цветущего лета и мертвенно-белого гипса, а в чём-то другом. Зимой на фоне чистейшего снега истуканчик выглядел сероватым, на закате — синевато-красным, но таким же таинственным, как будто он спустился сюда из другого мира.

Много раз представители органов навевались в невзрачный домик, с недоумением или раздражением разглядывали мистический огород. Хозяин — старый большевик — на все уговоры переехать отвечал отказом. Памятник он не хотел убирать и получать новую обкомовскую квартиру с высокими потолками категорически отказывался. А ведь о таком жилье грезил весь обком и облизполком. Делать было нечего, поскольку хозяин являлся гордостью городской и даже областной парторганизации, — коммунист с 1918 года. Такого партийного стажа не было ни у кого из тех, кто любой ценой хотел снести самодельный памятник. У них, наверное, и в складчину не набралось бы такой выслуги.

Однажды мы привели к заветному месту гостей из Москвы, чтобы удивить их тем, что не решится показать ни один экскурсовод по древнему городу из обоймы Золотого кольца. И вдруг видим, что внешность скромного монумента изменилась: вместо расписанного под мрамор столбика на крошечном островке красовалась голубая пирамидка. Такие ставили на могилах красноармейцев, только здесь на вершине вместо красной звезды скромно возвышался тот самый ярко-белый блестящий истуканчик. Новые знакомые раньше не видели тонконогий постамент, поэтому не удивились. Гипсовый вождь на красноармейской фанерной подставке производил не менее сильное впечатление. Казалось, ничего не изменилось. Чувство нереальности и смутной тайны оставалось.

Потом по слухам узналось, что ночью какие-то вандалы, надо думать, из одной вполне определённой организации, пробрались в огород, разбили столбик-пьедестал, но не догадались унести Ленина, а просто утопили его в пруду. На следующий день к хозяину опять пришла комиссия и ещё раз предложила переехать в

элитный дом с лифтом и всеми удобствами. Старый большевик вместо торжественного переезда разделся до чёрных семейных трусов и начал поиски Ленина в пруду; потом отмыл его, подсушил, покрасил белой масляной краской, сколотил из фанеры пирамидку и восстановил памятник вождю на островке.

Тогда был использован старый проверенный способ. Ночью домик загорелся. Как бы сам вспыхнул — от старости. Или из-за деревянных перекрытий, как ныне любят объяснять многочисленные московские пожары. Вызванные с опозданием машины не смогли добраться к домику, да и сгорел он в одночасье. Дотла. Даже забор и пьедестал сгорели, а гипсовая голова пропала, может быть, просто рассыпалась от непомерной жары.

Старого большевика спасли соседи, он поневоле принял ключи от квартиры в обкомовском доме напротив памятника Маяковскому, а жемчужина Золотого кольца навсегда потеряла одну из достопримечательностей — знаменитый огород с прудом и белым бюстиком самозванного вождя несуществующего мирового пролетариата...

СЕРИЙНОЕ ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО

Мастерская моего друга Павла Тика находилась около универсама на главной улице. Как не снесли этот двухэтажный домик, когда строили торговый центр, — уму непостижимо! Низ городской достопримечательности был кирпичный, а верх деревянный. Домишко был дряхлый, нахохлившийся, а окна первого этажа упирались пыльными глазницами прямо в асфальт. Но, конечно, любой местный художник был бы рад и такой мастерской, тем более в самом центре. И Паша был доволен. Скоро на второй этаж вселился приезжий скульптор — Ульянов Брыкин. По логике, второй этаж надо было бы отдать Паше, всё же он график, а скульптора с его тяжёлыми статуями следовало бы разместить на первом. Ну да ладно.

Брыкину было чуть за сорок, приехал он, кажется, из Новосибирска. Жену перевели на работу в горком партии, поближе к Москве, а скульптор остался при ней. Он был простой в

общении и обращении, но слишком навязчиво играл роль рубахи-парня. И не дай бог при встрече спросить у него: «Как дела?» Вопрошающий всегда слышал одно и то же: «На букву х-х-хэ. Хорошо, значит! А ты что подумал?» Видно, Ульянов считал такой ответ верхом остроумия. Он покровительственно улыбался и, остановившись, начинал «разговоры разговаривать», как мы называли это между собой. Правда, самодовольство и уверенность в своём умении жить, написанные на его покато лбу, мешали беседе. Да и кончалась она всегда вариантами одной темы: как заработать денегу, где найти выгодный заказ, каким манером при случае облапошить доверчивого заказчика. Эти его излюбленные откровения скоро многих оттолкнули от рубахи-парня. В среде художников ходил слух, что у Брыкина имеется специальное разрешение от обкома на изготовление памятников Ленину.

Однажды Брыкин почти насильно затащил нас с Павлом к себе в мастерскую на второй этаж. Не помню, по какому случаю, но, кажется, обмыть новый большой заказ, который он получил благодаря связям жены. Мастерская состояла из двух комнат. На двери второй висел замок. Мы долго сидели за пузатыми фужерами из тонкого стекла, не издававшего звона, и лениво переговаривались ни о чём. Нам с Пашей было неуютно. Мы-то с ним, оставшись вдвоём, не могли наговориться о высоких материях. В те годы в наших беседах то и дело мелькали имена Достоевского (только что вышел том «Неизданный Достоевский», ставший событием для нас) и Флоренского, Ахматовой и Солженицына. А тут само имя Солженицына нельзя упомянуть, ведь у него жена оттуда. И мы вынужденно заслушивали речи о заказах, которые Ульянов у кого-то перебил. Когда все трое уже разогрелись от выпитого вина, я не удержался и спросил, что там, за дверью, потому что в комнате, где мы безуспешно пытались стать компанией, стояло всего три-четыре ничего не значащих фигуры типа пионера, отдающего салют, девушки то ли с серпом, то ли с веслом и юноши с молотом.

В ответ на мой вопрос Ульянов начал испытующе профессионально всматриваться мне в лицо, будто собирался лепить мою голову. Но я тут же понял, что он решал другое: достоин

ли я некоего тайного знания. Мне показалось, что он даже протрезвел немного. Потом Брыкин быстро подошёл к двери, вынул из петли навесной замок и толкнул дверь, приглашая нас с Пашей пройти. Я переступил порог первым и остолбенел. На полу, на полках, на стеллажах, на двух подоконниках стояли... белые гипсовые Ленины. Много-много Ленинов. Мной опять овладело то самое состояние, в котором я не раз пребывал перед прудом с островком и белым бюстиком в середине.

Я начал осматриваться. Ленины были разные: изредка во весь рост, иногда по пояс, больше же всего было безруких бюстов всевозможных размеров. Я вдруг почувствовал себя в каком-то другом пространстве. Магия нереального, но очевидного входила в меня. Почему-то вспомнилась картина Сальвадора Дали: *Six apparitions de Lenine sur un pianoforte* — «Шесть явлений Ленина на фортепьяно». Тысяча девятьсот тридцать первый год. Пианист-визионер сидит почти спиной к зрителю, а перед ним на длиннющей клавиатуре рояля возникают всё уменьшающиеся в прямой перспективе головки Ленина в жёлтом ореоле.

Я боялся не то чтобы повернуться, я не мог шевельнуться и только безмолвно поводил глазами. Здесь хотелось молчать, в крайнем случае — осторожно шептать, как в музее или, скорее, в комнате с покойником. Особенно тягостное впечатление производили те бюсты, на которых пустые гипсовые глаза сочетались с хитровой улыбкой вождя. Но и улыбка оставалась застывшей — гипсовой. Было страшновато: длинный стеллаж, в несколько рядов заставленный лукавыми ленинскими улыбками, убежал в затемнённый угол мастерской. Мне показалось, что у меня кружится голова. Нет, не Ленины обступили меня тесной толпой, это были белые демоны: бесовские улыбочки выползали из-под гипсовых кепочек и постепенно затягивали в трясиину чертовщины. Гипсовые статуи насмешливо и уверенно грозили: «Не уйдёшь!»

Я не вышел, а вывалился из комнаты, споткнувшись о порожек. И вдохнул полной грудью, даже животом. Медленно-медленно, как будто только проснувшись, под властью невнятных дум и чувств я прошёл к столу, словно покинул потревоженное кладбище или бесовский шабаш.

Через открытую дверь было видно, как Ульянов суетился, заглядывал в глаза Павлу, деловито и с довольным видом, даже с какой-то гордостью поглядывал на своих Ленинов. Некоторых он покровительственно поглаживал по лысой головке, трогал снизу за бородку. И только тут я обратил внимание на два прижавшихся друг к другу маленьких бюста Маяковского. Один был с волнистыми поэтически непокорными волосами, которые так понравились в своё время Репину, а другой — стриженный под нулёвку. Своим хмурым и строгим видом Маяковский выбивался из ряда.

Не знаю, какой реакции ожидал от нас Ульянов.

Мы продолжили пирушку, и после пары фужеров скульптор разоткровенничался.

— Я знаю, как вести себя с заказчиком. Вот сейчас Ленины хорошо идут. В каждой школе, в каждом цехе завода или комбината, в каждом отделе НИИ должен быть Ленин, а то и несколько. Приходит ко мне заказчик, просит Ильича, я показываю разные эскизы. Он выбирает, я объясняю, как долго и с какой ответственностью приходится работать над образом бессмертного вождя. Договариваемся о цене, заполняем типовой договор. А потом я вдруг вспоминаю о простой вещи: насколько срочно надо изготовить? Обычно приходится набавить цену за скорость. Заказчик уходит довольный, полагая, что я тут же взялся за неотложную работу. А кормилец-то, родимый, стоит у меня в мастерской за дверью — готовенький! Ждёт своего часа. Потому и дверь всегда на замке. Не дай бог заказчик ненароком заглянет. Только уж вы никому ни-ни...

И Ульянов довольно хихикает, потирая рабочие руки. Дескать, вот как надо дела делать.

Застолье, и до этого протекавшее уныло, тут совсем разладилось. Скоро мы попрощались и спустились в мастерскую к Паше. Он, вздохнув, обронил: «Бедный Ленин! Вот такая судьба. Это вам не бедная Лиза».

Деловые качества Брыкина и его похвальба не произвели на меня особого впечатления. Такого рода художников я встречал не раз и до него. Как-то сразу забылся его ленин-бизнес под покровительством то ли горкома, то ли обкома. Но вот это чувство, когда ты оказываешься в маленькой тихой комнате, окруженный десятками, если не сотней, белых, откры-

венно бесовских, гипсовых фигур вождя, это чувство осталось на всю жизнь. Безглазые, как античные языческие скульптуры, они смотрели с безразличием в пустоту и не видели ни меня, ни друг друга. Никого. Впрочем, кажется, Ленин и при жизни не очень-то замечал живых людей. Скорее, он имел дело с «мировым пролетариатом», с «попами», с «кулаками», с «буржуазией», со «спецями», одним словом — с человеческим материалом. И вот в награду получил другой материал — гипсовый.

МИТИНГИ, ИЛИ ЖЁЛТЫЙ В ЖЁЛТОМ ДОМЕ

Как-то у нас на заводе я познакомился с социологом. В те времена заводской социолог был большой редкостью. Но подружился мы с Владиленом на почве шахмат, а не социологии. В перерыве на обед мы едва ли не каждый день сражались на картонной доске пластмассовыми фигурами, машинально щёлкая пуговками часов, не замечая шумных доминошников, лихо стучавших костяшками за соседним столом. Мы воображали себя если не полководцами, то, по меньшей мере, офицерами генштаба. При этом, не отрывая глаз от клетчатой доски, не чувствуя ни вкуса, ни запаха, поедали домашние бутерброды с любительской колбасой. Хотя, надо сказать, бутерброды сами по себе были безвкусными и шахматы тут ни при чём.

Мы оказались игроками примерно равной силы, а потому могли до бесконечности сражаться друг с другом, изучая манеру противника и совершенствуя свои дебютные построения. Незаконченную партию мы обычно продолжали либо у меня, либо у него дома. Так я попал в маленькую однокомнатную квартирку на втором этаже старинного дома, где он проживал с женой и двумя маленькими дочками. Жилище Владилена (ах, как он ненавидел своё имя!) находилось в проезде между знаменитым Централом с пересыльной тюрьмой и психиатрической лечебницей. Как получилось, что в зажатом с двух сторон доме оставили обычных жителей, — ума не приложу. Квартира была угловая, и единственная комната выходила окнами на тюрьму, а кухня — на жёлтый дом. Из гостиной, служившей од-

новременно и спальней и детской, наискосок была видна высокая стена с колючей проволокой поверху, а за ней ещё одна глухая стена какого-то здания. В общем, ничего интересного. Хотя и страшновато! Особенно если долго и напряжённо смотреть.

А вот из кухни, где мы обычно продолжали нашу заводскую баталию, был совсем другой вид. Взору открывалась зелёная аллея, подметённая асфальтовая дорожка, немногочисленный, по-деловому настроенный персонал в белых накидках и бродячие больные в казённых полосатых халатах. Тогда их выдавали бесплатно. Больница тоже была окружена высокими стенами с колючей проволокой, но не такими могучими, как неоднократно воспетый блатными советскими и постсоветскими бардами Централ. На почётное звание главной достопримечательности больничного заведения бесспорно претендовал стоявший спиной к нам вездесущий серебристо-серый Ленин. В зависимости от погоды, он иногда казался даже стального цвета, но, конечно, все знали, что внутри у него безжизненный и хрупкий гипс. Вождь опирался расставленными ногами на невысокий постамент, а протянутой рукой с раскрытой ладонью, как на каком-то съезде, показывал в сторону входа в жёлтый дом: дескать, пожал-те, не хотите ли войти в светлое будущее! А может, наоборот, выйти из него. Не знаю.

Мы по очереди разыгрывали на интерес принятый королевский гамбит, пили бывший тогда редкостью зелёный чай или крепкий чёрный кофе и изредка поглядывали в окно. Владилен знал уже наизусть распорядок дня в жёлтом доме и с удовольствием ждал, когда там начнётся. Конечно, ему было интересно и то, как я буду реагировать. А начиналось там иногда вот что. Больные собирались возле памятника и начинали жарко митинговать. Иногда кто-нибудь из них забирался на невысокий постамент и оттуда вешал, одной рукой держась за ногу вождя, чтоб не сорваться, и то и дело задирая голову вверх, как бы ожидая поддержки своим словам от лица окаменевшего вождя. А тот был, кстати, раза в два выше самого высокого человека.

Нередко оратора стаскивали с постамента, споры доходили до драки, и дородные мужики в

белых халатах с готовностью и даже удовольствием скручивали драчунов и уводили их. Известно куда. Когда обстановка у памятника совсем накалялась, персонал разгонял и остальных митингующих, однако через некоторое время они опять группировались перед статуей и открывали стихийное собрание. Им ведь, главное, дай поговорить, поспорить, доказать свою правоту, а там... хоть кукуруза не расти, то бишь трава. Желающих выступить было предостаточно. И никого не надо было принуждать, как на партсобраниях. Поэтому митинги зарождались снова и снова, иногда по нескольку раз за вечер. И так до бесконечности. До дурной бесконечности, — как сказал бы сам вождь.

И что удивительно: зрителей-участников в полосатых казённых халатах тоже всегда было много и они с большими улыбочками и безумными полупотсутствующими глазами довольно живо реагировали на выступления доморощенных цицеронов. Пару раз довелось увидеть, как они все единогласно проголосовали за что-то, дружно подняв руки. А предложение поступило, видимо, от оратора на постаменте. Если бы не халаты и эти глаза над улыбочками, — просто не древний русский город, а Лондон, и не охраняемая территория психушки, а Hyde Park и тамошний Уголок Ораторов.

— Как думаешь, что они обсуждают так рьяно? — не без хитрецы спрашивал Владилен. — Видишь, как они серьёзны? Всё по-настоящему!

— Не знаю, — отвечал я. — Мне тоже интересно. Неужели все эти спорщики — Ленины? То есть вообразившие себя таковым? Мания величия?.. Может, если бы там поставить, к примеру, памятник Маяковскому, то среди них появилось бы больше поэтов?

Мы открывали окно, но расслышать крики митингующих было невозможно. То есть крики-то долетали, а вот внятные слова — нет.

— И ты посмотри, — тоном экскурсовода говорил Владилен, — как жарко они что-то обсуждают. Ведь, судя по поведению, по жестам и позам, они заняты делами государственной важности. Тут, как минимум, всесоюзная партконференция, если не съезд! А если верить тебе, то они спорят о том, кто из них больший ленинец.

— Да нет, они не ленинцы, они — Ленины, я это имел в виду.

Жёлтый дом был действительно жёлтым. Золотая осень наложилась на бабье лето. Поблёкшая краска стен гармонично сочеталась с увядающим цветом листвы вдоль аллеи, которая вела в лечебницу. Но тут перед наступлением зимы дом решили подкрасить. Видно, именно тогда — в конце третьего квартала — деньги на эти цели выделили. Дом преобразился. Теперь своей тёплой шафрановой желтизной он мог поспорить с осенней листвой. У кого-то родилась блестящая идея покрасить и памятник вождю. Умная хозяйственная голова (а может, и две, не знаю) решила подновить его жёлтой масляной краской. Видно, просто, осталась после ремонта и некуда было девать. В общем, серебристо-серый наполовину облупившийся Ленин стал жёлтым.

Конечно, в вышестоящих организациях, когда увидели это головотяпство, сразу сообразили, что жёлтый Ленин в жёлтом доме выглядит не просто неприлично, но сомнительно с идеологической точки зрения, если не сказать — антисоветски и провокационно, и потребовали срочно перекрасить вождя всех племён и народов.

У жёлтого Ленина народу собиралось меньше. Мы даже чаще привставали из-за шахматной доски, чтобы проверить своё наблюдение.

В очередной раз вождя перекрасили в голубой цвет. Серебристо-серой краски, скорее всего, не нашли, а дело было срочное. По контрасту голубой Ленин на фоне то золотой, то лимонной, то янтарной, то палевой листвы и тёмно-серого мокрого асфальта дорожки смотрелся неплохо, во всяком случае со спины. Правда, немного сбивали впечатление потёки масляной краски на шее и на спине, но ораторы-то и участники этого не видели.

Митинги возле голубого памятника стали проходить ещё реже. А скоро и совсем прекратились. Но, может быть, потому, что похолодало. На город и на укромное заведение, окружённое высокими стенами, всю наступала зима. Хотя раньше, по свидетельству Владилена, краткосрочные дискуссии и митинги слушались и зимой.

— Как интересно, — рассуждал он. — Централ наш много лет служит изолятором для политических. Неужели они и психушку для политических специально рядом построили? Или у

них юмор такой? Отсидел — подлечился, полечился — посидел...

Между прочим, мой приятель-социолог ни разу слова плохого не сказал о родителях, которые наградили его таким именем.

В ПАЛЬТО И ПИДЖАКЕ

Горком и горисполком в складчину решили подарить городу новую площадь. И тот, и другой «-ком» стояли на широкой улице. Но ведь красоваться на площади — лучше. И солиднее, и авторитетнее. Напротив горкома снесли несколько частных домов, предоставив хозяевам новые квартиры в пятиэтажных хрущёвках на окраине, и получилась настоящая площадь. С трёх сторон она была окружена новостроем, а с одной — открывалась в дальнюю даль, поскольку земля дальше шла под уклон и уцелевших частных домов не было видно.

Посадили, как положено, ёлочки и голубые пихты. Всё как у людей. И почти как в Москве. Но этого показалось мало. Перед горкомом решили воздвигнуть монумент вождю-кормильцу. На статую Ленина выделили соответствующие средства, и подготовка началась. Неподдалёку стоял памятник Маяковскому, и его пришлось перенести к вокзалу, чтобы избежать соперничества.

Кстати сказать, в городе стоял один большой памятник Ленину. Высокий, добротный, на солидном пьедестале. Он возвышался в сквере перед техникумом. Но это только название — сквер, на самом деле это был густой парк. За долгие годы деревья разрослись, там всегда было сумеречно и прохладно, аллей и скамеек не было, даже около памятника вождю не удосужились поставить или соорудить скамью. Впрочем, тёмно-серую, крашенную масляной краской статую почти и не было видно ни с улицы, ни от входа в техникум. Помнится, Ленин был одет в длинное демисезонное пальто, спускавшееся чуть ниже колен. Правой рукой он держался за лацкан пальто. Смятая кепка была в левой руке.

И вот однажды городская газета мелким шрифтом объявила об открытии нового памятника Ленину на Центральной площади. По сравнению с майской демонстрацией народу собра-

лось немного, но, может быть, так казалось, потому что площадь получилась действительно огромной. Поговаривали, что самая большая в округе: даже в областном центре нет такой! После дежурных речей и жидких аплодисментов съёрнули белое как саван покрывало, и народ начал разглядывать произведение искусства.

Шум разговоров на площади постепенно стихал. Многие напряжённо всматривались в Ленина. Что-то уж слишком знакомое чудилось в каменном облике вождя. Молчание было долгим, а потом мой приятель-художник весёлым шутовским тоном довольно громко воскликнул:

— А король-то — голый!

Площадь услышала ни к кому не обращённые слова и заволновалась. Нестройный шум покатился волнами, кое-где начались споры.

— Да я тебе точно говорю, это тот, который в сквере у техникума стоял. Только подрубили снизу: из пальто сделали пиджак. И всё!

— Не может быть! Не могли они на такую аферу пойти. Тем более на глазах у всего честного народа!

— Но я-то знаю. Я ещё мальчишкой работал на его установке, вернее, при возведении постаментов. И ров под фундамент копал.

— Не, не верю. Кажется тебе...

— Да я тот памятник как облупленный знаю. Только он был серый, а его в чёрный перекрасили. Хочешь прямо сейчас пойдём к техникуму и посмотрим, что там теперь?

Они друг за другом начали пробиваться сквозь толпу.

С другой стороны я услышал ещё один разговор.

— Топорная работа. Подрубили снизу пальто, а швы, там, где оно кончалось, остались. Второпях не успели отшлифовать, чтобы было незаметно. Решили чёрной краской погуще закрасить. Болваны!

— Ты уверен?

— Ну, подойди поближе. Видишь у него на брюках с боков и сзади швы, как после плохого хирурга. Вот там до операции кончалось пальто. Присмотрись-ка! А свёрнутые в трубку листы бумаги в левой руке? Их же сделали из кепки. Наверно, имели в виду апрельские тезисы.

Сзади донёсся ещё один разговор.

— Спорим, что это тот самый!

— Да ты что?! Не могли они народу такую туфту впарить!

— Ну, спорим на бутылку, если ты так уверен. Только на пузырь, а не на чекушку! И сразу — к техникуму, удостовериться.

В общем, город заволновался, запахло скандалом. Говорят, в сквере возле техникума никогда не было так многолюдно, как в тот день.

Мне понадобилось срочно уехать, и лишь через пару недель, вернувшись, я узнал некоторые подробности. Оказывается, действительно, на техникумовской статуе укоротили пальто до размеров пиджака, из смятой кепки в кулаке сделали свёрнутые в рулончик тезисы, заплатили за эту нехитрую работу мастеру, а остальные, немалые кстати, деньги, выделенные на новый монумент, поделили между собой. На заводе нашли один большой бюст вождя, посчитали его лишним на том рабочем месте (план и так ежемесячно худо-бедно выполнялся) и перенесли в сквер перед техникумом — пусть вдохновляет на учёбу.

На что они надеялись, как думали скрыть откровенный обман, — как говорится, покрыто завесой тайны. Скандал, конечно, не без помощи обкома партии удалось замять, а то бы на весь Союз прогремели.

Не так давно мне пришлось снова побывать в этом городке. Памятник возле техникума убрали и сделали асфальтированную баскетбольную площадку. Места оказалось маловато, и щит там только один. Так что игра идёт в одни ворота, то бишь в одно кольцо.

Хотя у Ленина уже другое реноме, памятник на площади всё так же стоит на прежнем рабочем месте, поблёскивая глянцевиной чёрной краской. Голову и плечи вождя облюбовали ленивые надутые сизари, ну а последствия такой птичьей любви известны. За спиной же у него в здании бывшего горкома партии на постоянной основе заседает теперь городской суд, который судит всё так же, как и на старом месте.

А вот горизонтальные швы от сколотого пальто так и остались на штанах вождя. Со временем они стали ещё заметнее от набившейся туда серой пыли. Но, конечно, на это уже никто не обращает внимания. Да и Ганса-Христиана Андерсена сегодня мало кто читает...

СЕНЯ ИЗ ТЮМЕНЯ, ИЛИ ЗАПАСНОЙ

У нас сложилась тёплая компания. Днём мы учились, а по вечерам подрабатывали. Примерно раз в две-три недели Сеня приносил нам чистый медицинский спирт в разных количествах. Во времена всяких там ограничений в винно-водочном деле такая щедрость ценилась дорого. За глаза мы с некоторой иронией, как коренные москвичи провинциала, звали его — Сеня из Тюмени.

Мы не пьянствовали, мы отрывались после тяжёлой учебно-рабочей недели. Некоторые пили спирт чистым, сразу же запивая водой, другие разбавляли, соблюдая маленькую хитрость: не воду наливали в спирт, а спирт в воду. В первом случае напиток нагревался и от него воротило, хотя при воспоминании о желанных последствиях приёма огненной воды можно было и перетерпеть.

Итак, Сеня прибил к нашей компании с бутылкой спирта и каким-то зверьком в руках или на плече, да так в ней и остался. Однажды, кажется в сентябре, он принёс ужонка. Длинной, думаю, сантиметров двадцать. Ужонки хитрил: когда Сеня показывал его нам, он притворялся мертвым. Мы смеялись. Скорее от страха, чем от фокусов ужа, хотя желтые пятна за головой явно свидетельствовали, что змейка не ядовита. Оказалось, что летом Сеня собирал для какой-то лаборатории яйца ужей на реке Битюг в Воронежской области. В одном стогу нашёл большую кладку. А дальше делалось так. Сеня возил с собой фанерные посылочные ящики. Яйца перекладывал мокрой древесной стружкой и по почте отсылал в Москву двоюродному брату, а тот уже относил их по назначению. Видно, кладка оказалась ранняя, июльская. Брат посылку получил, а утром обнаружил, что уж вылупились и расползлись по квартире. То-то было забот: они умудрились заползти во все самые укромные и узкие щели, даже под плинтуса. В конце концов отловили, кажется, всех. Последнего нашёл Сеня, когда вернулся из поездки.

А то как-то раз он явился с цветастым, как хохломская роспись, попугаем Кешей. Тот садился Сене на плечо, брал у него с языка хлебные крошки и кричал «Христос воскрес!» А стоял как раз пасхальный период. «Воистину

воскресе, разумная птица!» — шептал Сеня и пожимал плечами. Потом извиняющимся тоном разъяснял: «Это не я научил».

Сеню полюбили сначала за спирт, потом за зверьков и птиц, особенно за попку Кешу, а позже и за всё остальное. Например, он прекрасно читал раннего Маяковского и был мастером рассказывать байки из своей жизни, поскольку успел поработать в самых разных местах.

Во время нашего знакомства Сеня подвизался, как он сам объяснил, в научно-исследовательской лаборатории при мавзолее, которая занималась сохранением мумифицированного тела вождя. Мы, конечно, удивились: как это тюменский парень попал в Москву, да ещё в такое ответственное заведение. И он рассказал.

— Вы, наверное, знаете, что тело Ленина уже в июле 1941 года отвезли в Тюмень.

Мы переглянулись. Мы не знали.

— Ну вот. Оно лежало в нашей Сельскохозяйственной академии, в главном корпусе, на втором этаже в аудитории номер пятнадцать.

— Постой-постой, откуда это ты знаешь такие точности, если ты тогда ещё не родился даже?

— Отец рассказывал. Когда Ленина привезли к нам в Тюмень, отца взяли туда на работу. Он почти четыре года этим делом занимался. А в конце Великой Отечественной ко дню рождения вождя его тело отвезли назад в мавзолей. Отца, как классного специалиста, взяли с собой, но меня угораздило родиться в Тюмени за месяц до отъезда. Потерпи я в мамкиной утробе ещё месяц-полтора, — был бы москвичом. Так что тюменский я только по паспорту. Ну, теперь понимаете, откуда я всё это знаю, — говорил Сеня спокойным, почти равнодушным тоном.

— Понимаем-понимаем. Понимаем и то, как ты оказался в лаборатории при мавзолее. Папочка пристроил?

— В общем-то, да. Отец был широко известный в узких кругах учёный. А у меня десятилетка за плечами и всё. Поэтому я простой лаборант, несмотря на знаменитого отца.

Наша компания всегда с нетерпением ждала Сеню: придёт — не придёт. Хотя здоровье своё в то время мы ещё не жалели и пили всякую гадость вплоть до «Солнцедара», но предпочитали напитки чистые и дорогие, даже дорогушие по тем временам. А тут спирт — чистейший медицинский. Конечно, сушит во рту, но зато чис-

тый! Мы всегда с нетерпением ждали и рассказов Сени, которому лишь случайно не удалось стать урождённым москвичом. Впрочем, было незаметно, чтобы он из-за этого переживал.

Однажды зашёл разговор о спирте. Всё же надо уметь доставать его в таких количествах. Оказалось, что летом Сеня всеми правдами и неправдами присоединял к своему отпуску ещё месяц-полтора за свой счёт и уезжал собирать фауну по лесам, полям и нивам бескрайней Руси. У него были договоры с разными научно-исследовательскими институтами, ему заказывали всякую редкую и нередкую живность, а он её отлавливал и заспиртовывал. Помнится, он сказал, что за лето зарабатывает больше, чем за весь оставшийся год. Спирт, естественно, ему выдавали вперёд.

Как-то в разговоре о Сенином увлечении (все сразу поверили, что он собирает живность не ради денег, а из спортивного интереса) был опять упомянут обитатель мавзолея. Не помню, в каком контексте, но Сеня вдруг употребил выражение: «запасной Ленин». Мы в недоумении посмотрели на него. Он прикусил язык или только сделал вид, чтобы нас заинтриговать, а мы, почувствовав какую-то тайну в его обмолвке, начали наседавать на него. И вот, взяв с нас слово о молчании, он приглушённым голосом поведал, что в тайных подвалах то ли Исторического музея, то ли музея Ленина, то ли самого мавзолея (сейчас уже не помню) покоятся... запасные Ленины.

Помню, мы сидели у меня в большой застеклённой лоджии, за огромными окнами сгущались сумерки, на воздушных волнах покачивалась тишина. И тяжёлое гробовое молчание зависло между нами. Самый нетерпеливый тихо спросил:

– В каком смысле «запасной»?

– Понимаете, если в мавзолее произойдёт взрыв и уничтожит тело Ленина, то можно будет тут же положить на его место запасного. Похожего. Двойника, уже забальзамированного.

Мы опешили. Большинство не хотело верить. Кто-то сказал: «Это кощунство». Другой проронил: «Не может быть», но сделал это очень неуверенно. Третий вспылил: «Врёшь ты всё. Это открытая антисоветчина». И сделал вид, что хочет подняться и уйти. Но не ушёл. И даже не поднялся.

Казалось, если б не спирт, который принёс Сеня, его бы сейчас прибили.

Сеня долго молчал. В тот раз он пришёл, держа в ладонях крупную ящерку с черепашьей головой. Она была совсем ручная, разрешала себя гладить, но настороженно зыркала глазками в разные стороны.

– Зря я вам это рассказал. У вас ещё нет ушей, чтоб слышать. Забудем!

Кто-то горячо заговорил:

– Ребята, вы представьте, вдруг взрыв. И нет Ленина! Что делать? Нет Ленина – нет мавзолея, а это ведь сердце нашей страны. Уж лучше пусть запасного туда положат.

– Да какой взрыв?! Вы что, с ума все посходили?! – вскричал обвинивший Сеню в антисоветчине. – Откуда там взрыв-то возьмётся? Кто на это осмелится? Это же Ленин!

– А не Сталин, – обронил кто-то, но на это замечание не обратили внимания.

Сеня не смотрел на нас, он только слушал. Кто-то разлил остатки спирта по гранёным стаканчикам. Все, кроме Сени, выпили.

– Ну, ты чего не пьёшь и молчишь?

– Не ожидал я.

– Чего не ожидал?

– Что вы такие промытые.

– В каком смысле?

– Ну, с промытыми мозгами.

– А ты совсем без мозгов! Взрыв какой-то придумал. В самом мавзолее! Откуда там взрывы-то?

– Да были они уже... – лениво проронил Сеня.

Мы ещё раз опешили, и опять тягостная тишина заполнила лоджию.

На этот раз мы быстрее пришли в себя и по-другому среагировали.

– Докажи, – заинтересованно воскликнул кто-то.

– Могу, но я под подпиской...

– О невыезде? – ехидно спросил кто-то.

– О неразглашении, – всё так же лениво отмахнулся Сеня. – У нас в лаборатории все в курсе. Было несколько попыток разрушить саркофаг с Лениным и даже взорвать его.

– Сеня, – сказал я, – ты сделаешь большое дело, если расскажешь нам всё. Ты видишь, что тебе уже почти верят. Просто это так неожиданно. Даже для меня.

– Ну, ладно. Через пару недель. Мне надо

поспрашивать старожилов на работе. Посмотрим, кто что вспомнит.

Мы с нетерпением ждали следующих посиделок, и даже в складчину купили хороший коньяк на тот случай, если Сеня не принесёт спирт, хотя такое случалось редко.

Мы собрались опять у меня в лоджии. Сеня на удивление всем вместо спирта достал тоже коньяк, и точно такой же — армянский КВ. Мы расселись, Сеня достал из кармана бумажку.

— Покажи, — протянул кто-то руку.

— Ты ничего не поймёшь. Это я для себя записал каракулями, чтоб не забыть. — И после первой рюмки, поглядывая в мятый листок, Сеня поведал то, что узнал у коллег.

— Ещё в 1934 году какой-то Митрофан Никитин пытался выстрелить в тело Ленина, но ему помешали, и он застрелился сам.

— В тридцать четвёр-о-о-ортм, — присвистнул кто-то. — Значит, уже через десять лет...

— В пятьдесят седьмом году некто Романов бросил в саркофаг бутылку с чернилами, в пятьдесят девятом — метнули молоток и стекло разбилось. Тогда там и Сталин лежал. Летом шестидесятого года какой-то Минибаев из Фрунзе вспрыгнул на барьер и ногой разбил стекло саркофага. Было много осколков, которые повредили Ленина. Может быть, помните, что тогда в самый наплыв туристов мавзоль вдруг закрыли с середины июля по середину августа. Это из-за него. Через год какая-то Смирнова сначала плюнула на саркофаг, а потом бросила камень, завернутый в носовой платок. Опять стекло саркофага раскололось. Ещё через год пенсионер из Павлово-Посада Лютиков тоже бросил камень в Ленина. Через пять лет, в шестьдесят седьмом году, житель Каунаса Крысанов привёл в действие пояс со взрывчаткой. Он сам и еще несколько человек погибли. В нынешнем году опять взорвали самодельное устройство. Погибли сам взрыватель и одна супружеская пара, несколько человек было ранено, и среди них дети. Но на этот раз саркофаг не пострадал, потому что в прошлом году его накрыли наконец-то пуленепробиваемым стеклом.

Мы сидели и слушали как замороженные. Особенно поражали точные даты и имена. Это было открытие. Мы привыкли к тому, что весь народ свято чтит вождя. Ведь какие огромные

многочасовые очереди выстаивают люди, лишь бы пройти мимо гроба! Их же никто не заставляет. А тут такое... И главное, не верить невозможно. Конечно, слухи доходили, но это была только неясная молва и речь шла о каком-нибудь одном отщепенце. И вдруг! Это же целая серия покушений.

Произошёл взрыв. Взрыв в наших головах. Мы сидели молча. Всё услышанное надо было переварить.

— Вот вам и Ленин, — задумчиво и хрипло сказал кто-то.

— Да там Лениным и не пахнет почти, — всё так же спокойно продолжил Сеня. — Что там осталось? Один наш академик говорит, что после всех бальзамирований и перебальзамирований, после ударов молотком, ногами и тем более после взрывов там осталось процентов десять от вождя. Что-то выпотрошено, другое заменено. Вот такие дела.

Это был третий удар. В каком-то смысле запрещённый, ниже пояса.

Рассказ Сени сильно подействовал на нас. После этого медленно-медленно мы начали привыкать к другому взгляду на лениниану, на теперешнюю жизнь, а позже и на всю нашу историю.

Сеня взял с нас слово никому не пересказывать его правдивые истории, но это не помогло. Кто-то настучал, и тюменского москвича уволили (между прочим, легко отделался). А ведь нас и было-то четыре человека. Сеня — пятый. Он потом приходил ко мне, но не жаловаться на судьбу или на стукачей, а просто посидеть.

Позже наш лаборант — не знаю уж, каким образом — уехал в Австралию. Там он акклиматизировался: так же ловит всякую австралийскую редкую живность и продаёт её научно-исследовательским лабораториям зелёного континента. Приобрёл и профессию змеелова. Недавно прислал фото: Сеня из Тюменя в Австралии. Наш приятель красуется с сачком на плече, а фоном служит очень русская на вид речка. Наряд его прост: бежевые широкие шорты, бежевая панاما и ярко-красная футболка, на которой огромными золотыми буквами написано СССР. Ниже он сам мелкими белыми буквами приписал: которого уже нет. Кстати, Сеню звали Сашей, Александром, но вот прилипла к нему кличка Сеня, будто он Семён.

Помнится, он заканчивает свой последний рассказ о подвально-подпольных Лениных, а у меня в голове прокручивается картинка: прохладный тайный подвал музея, полумрак и в стройной шеренге стыннут постаменты со стеклянными гробами. Внутри саркофагов слабая желтоватая подсветка, и в них – запасные мумифицированные Ленины. Много Ленинов. И этот ряд уходит в зябкую подвальную даль. Впрочем, много саркофагов не надо. Даже если б там лежала всего пара-тройка забальзамированных тел, похожих на вождя, и то было бы жутко.

Понятно, когда у живого политика есть двойники. Но у мёртвого...

СИДЕНЬ, ИЛИ ВЫХОД ИЗ НИРВАНЫ

Памятник поставили в сквере недалеко от школы. Кому-то пришла идея, наверное для разнообразия, сделать Ленина сидячим. Не представляю, как обком в те всепартийные времена мог одобрить такой проект, но факт остается фактом. Ленин, во-первых, был в зимней одежде: тяжёлое пальто, шапка-ушанка, не подшитые валенки (вероятно, имелось в виду Шушенское), а во-вторых, он сидел очень низко, почти вровень с землёй. Зимой постамент заносило снегом и валенки скрывались в сугробе. Но за статуей следили и снежные наносы с утра пораньше расчищали. Весной вокруг памятника пробивалась нежная зелёная травка и мраморные валенки вождя казались неуместными. Впрочем, так же, как зимнее пальто и ушанка. Однако это не мешало учителям и пионервожатым: здесь проходили пионерские линейки, первоклашек делали октябрятами, вручали им галстуки или значки.

А вождь сидел. И в жару, и в морозы, под снегопадами и дождями, днём и ночью, в праздники и будни. Ни тебе голову повернуть, ни в голубое небо взглянуть, ни поёжиться от холода. Сиди, смотри в одну точку – и баста! Вот такая награда – вечно сидеть. Впрочем, не в тюрьме же...

Прошло несколько лет. И вот однажды поутру на коленях у вождя обнаружили рулончик розовой туалетной бумаги. А ведь в то время это был такой дефицит! За ней часами в очереди стояли, как в своё время за хлебом. И

надо же! Кто-то не пожалел: воспользовался новой «Правдой» или старыми «Известиями», а нежную бумагу пожертвовал тому, кому она уже больше не нужна.

Разразился скандал, но отпечатков пальцев на рулоне не обнаружили. Кто-то шептался с друзьями, кто-то улыбался хитровато-мёртвой ленинской улыбкой, большинство же, естественно, возмущалось. Как так?! Осквернить святое для всех октябрят, пионеров и всего советского народа место и надругаться над самим Лениным!

Дальше – больше. Нет-нет да и найдут на коленях у мраморного вождя то кусок батона, то отгрызок яблока, то остатки колбасы, то недопитую бутылку жигулевского пива, то опять нежную туалетную бумагу, но уже голубую. Едешь, бывало, рано утром на работу, улица упирается в скверик, делаешь поворот направо и даже с дороги видишь из машины, что на коленях у застывшего Ленина что-то лежит.

В сознании народа происходили изменения.

Милицейский патруль на «газике» регулярно дефилировал вдоль скверика даже ночью. Но неуловимый мститель на то и неуловим. Серьёзное расследование начали после того, как какой-то остроумец на мраморной тумбе, поддерживавшей седалище фигуры, синей масляной краской нарисовал унитаза. Да так ловко: получалось, что вождь, не снимая пальто, присел по нужде. Это уж ни в какие ворота не лезло.

Краску легко содрали, остатки смыли растворителем, у памятника поставили ленивого милицейского сержанта, а потом начали опрашивать учеников школы и учителей. Это ничего не дало. Никто ничего никогда не видел. Посодействовать КГБ всюю, даже наперегонки, стремились помочь пионеры, комсомольцы, партийные и некоторые сознательные беспартийцы, но безуспешно. Милиционера скоро убрали, а его пост заняли сменявшие друг друга пары полузаметных человечков в штатском со свёрнутыми или расправленными «Комсомольскими правдами» в руках. Но все поиски и выслеживания остались безрезультатны. Мало того: во время массовых гуляний, когда в сквере и вокруг него собиралось много народа, на коленях у Ленина опять оказывалась какая-нибудь подачка. Долго ли, проходя мимо, незаметно подбросить что-ни-

будь на колени вождю. Конечно, предварительно протерев это «что-то» носовым платком. На всякий случай.

Стало понятно, что искать надо было бы многих. Начиная эту операцию, скорее всего, один человек, но — лиха беда начало, — и его активно поддержала несознательная часть населения. Ситуация выходила из-под контроля. Народ, может быть, впервые в жизни, голосовал «против», народ просыпался после длительного пребывания в нирване ленинианы, народ выражал своё мнение, он не хотел ни докладывать, ни рапортовать. И народ одержал победу.

Однажды ночью памятник увезли в неизвестном направлении, а днём в сквере поставили белый бюст Ленина на высоком постаменте, сдвинув его метров на тридцать поближе к школе. Теперь с дороги его не было видно — загораживали деревья, — но места для пионеров и их вожатых там тоже хватало.

А где теперь сидит тот Ленин, никому неизвестно.

ТРЕТЬЯ НЕВЕСТА

Мы гуляем по Красной площади. Спускаемся к Историческому музею. Там продают ужасные матрёшки с лицами Горбачёва, другую мелочь. И вдруг видим Ленина. Он такой же невысокий, с рыжеватыми бородкой и усами, одет в тройку, на груди красный бант, на голове знаменитая кепка. Тройка с красным бантом и кепкой, представляет сочетание?! Впрочем, головной убор давно стал для вождя отличительным знаком или, как сейчас говорят, брендом. Неподальку, выжидательно поглядывая в сторону прохожих, слоняется фотограф в жёлтой майке с портретом Маяковского на груди. Двойник вождя коротконого расхаживает и зазывно приглашает встать напротив человека с фотоаппаратом: мол, не желаете ли сфокусироваться рядышком или даже в обнимку? Народ настороженно присматривается к сбежавшему из мавзолея вождю. Пока ещё это в диковинку. Кто-то говорит: «Как же его не заарестуют? Надо вызвать милицию». Другие урезонивают ленинца (или антиленинца, даже не знаю, как тут сказать).

«Какая милиция! Не те времена! Хоть под Ленина рядись, хоть под Сталина», — авторитетно перекрывает нестройные нерешительные голоса хорошо поставленный баритон.

Не помню, сколько времени мы оставались на Манежной площади, издали наблюдая за сценой перед Историческим музеем. За это время к Ленину подошёл сфотографироваться подвыпивший рыжеватый мужичок, сам отдалённо походивший на прототип, и молодая парочка в джинсах и ярких футболках с рекламой то ли пива, то ли кока-колы. Две фотки. Много ли на них заработаешь! Мы даже не заинтересовались, сколько берёт этот двойник мужа Крупской. Ленин и его фотограф — а может быть, надо сказать фотограф и его Ленин — откровенно скучали. Пекло изо всех сил полуденное солнце, и в тройке было жарковато. Ленин расстегнул пиджак и жилетку. То и дело он доставал платок и вытирал лысину, обмахиваясь кепчонкой. И вот парадокс: это происходило перед Историческим музеем и невдалеке от мавзолея. Как символично!

Прошло несколько лет. На телевидении появилась натушно-весёлая и скучная, а попросту говоря, беспомощная передача «Давай пожениваемся». Руководит ею одна актриса, которая, следуя моде, переквалифицировалась в ведущую. Шоу было организовано так, чтобы по мере возможности стереть из памяти зрителя представления о традиционных русских обычаях знакомства, сватовства, обручения, женитьбы. В нём бесцеремонно и беспардонно выставляли напоказ не только личную, но и интимную жизнь потенциальных женихов и невест. Всё, что ранее считалось уделом и тайной двоих, теперь препарировалось астрологом и самозванными экспертами на глазах у миллионной телеаудитории. Передача была явно ориентирована на то, чтобы внести свой маленький незаметный вклад в разрушение семьи.

И вот в качестве жениха в этом шоу появился... Ленин. Тот самый кепконосец, промышленный в своё время у Исторического музея. Видно, понял, что приближаются преклонные лета, на двойничестве теперь много не заработаешь, и решил на глазах у всей страны обеспечить себе спокойную старость с верной подругой. А организаторам шоу только такого жениха и надо. Какая находка! Кажется, он назвал-

ся Эдиком, а может быть, Толиком. Эдик-Ленин восседал за столом рядом с ведущей и спецами по добрачным, брачным и постбрачным отношениям, невнятно рассказывая о себе: с детства он мечтал стать то ли Вождём, то ли Поэтом и прославиться на всю страну. Потом по очереди к нему выходили «невесты». Одна почти не запомнилась, но все отмечали, что у неё есть квартира в Москве. Вторая была совсем молодой заторможенной девицей, а Ленину-то — за пятьдесят. Третья подходила по возрасту, но у неё не было квартиры в столице. Вот такие у них проблемы при женитьбе! Всё остальное не важно.

По правилам шоу «невесты» должны были сделать подарок Ленину, то бишь жениху. Первая подарила ему избранные произведения Джека Лондона — любимого писателя вождя. Вторая станцевала с ним медленный танец под выбранную ею лирическую песню про вечную любовь. Третья невеста вытащила Ленина из-за стола на сцену. Там организаторами шоу уже были приготовлены пустые картонные коробки из-под печенья и конфет. Невеста назвалась любовницей вождя Инессой Арманд и предложила построить баррикады. На глазах у изумлённой публики они соорудили из кубических коробок некое подобие заграждения, Инесса подняла с пола приготов-

ленный заранее огромный красный флаг с жёлтыми серпом и молотом и, размахивая им, фальшиво запела: «Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем!» Оказалось, что Ленину тоже медведь на ухо наступил. Он пытался подпевать, но не в тон. Видно, не хватило времени порепетировать.

Как вы думаете, какую из трёх невест выбрал Ленин-жених? Конечно же, Инессу Арманд.

Фрейд, кажется, называл такое психологическое (или психиатрическое?) явление компенсацией.

Но, возможно, вся эта сцена была поставлена режиссёром.

А я, глядя на поющих, вспоминал почему-то восклицание моего покойного друга Павла Тика: «Бедный Ленин! Это вам не бедная Лиза!»

□

Василий КОСТЕРИН (род. в 1945 г.) —

литературовед, иконовед, прозаик.

В 2012 году вышла его повесть «Не опали меня, Купина. 1812».

Публиковал прозу и стихи в различных журналах в Будапеште, Владимире,

Донецке, Загребе, Москве, Новгороде, Петербурге.

В 2012 году вошел в краткий список

номинантов на Патриаршую литературную премию

им. св. равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Иван РОГОЩЕНКОВ

г. Петрозаводск

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

Справедливость, нравственность, дух народа, достоинство человека, святость законности могут осознаваться только в совокупности с сознанием вечных религиозных отношений человека.

Мир свободной воли имеет свою правду в мире вечной нравственности.

И.В. Киреевский

Хорошо известно, что обыкновенным людям трудно ужиться с гением. Однако же и гений страдает среди нас, обыкновенных человекoв.

«Федор Иванович Тютчев – поэт русской идеи и вселенского охвата. Его размеренная и одновременно страстная лирика, его глубокая философия, данная исподволь, через тонкую образность и дыхание стиха, положили начало совершенно новой традиции в отечественной поэзии, озвучили многое извечно существовавшее, но ранее не взысканное».¹

Сказано кратко и глубоко верно. Добавим только: и в историко-философских трудах (в незаконченном трактате «Россия и Европа», в статьях, примыкающих к нему) найдем вдохновенность лирика, всеобъемлющий ум и горячее сердце. Слышим ли его сейчас? Внимаем ли его предостережениям, пророчествам? Увы, нет, как и в прошлом.

По всему видно: Тютчев-человек наделен Богом гениально природой, он отзывается чутко на все происходящее в реальном мире, он лично переживает даже отдаленные по времени и месту драмы

неспокойного мира. Отсюда – неустанный поиск историко-духовного значения происходящего.

С полной самоотдачей он стремился внедрить в сознание современников свое учение об Окончательной Православной империи – о России. Поэзия создавалась как бы попутно, наряду с главным творческим делом, тем не менее несла в себе достоинства его духа. И так во всем, что делал Тютчев в жизни: в отношениях с властями пререкательными, в общении с родными, друзьями, единомышленниками, в любви к женщине. Стихотворение, обращенное к великой княжне Марии Николаевне, дочери государя Николая I:

*Живым сочувствием согрета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта,
Не искушай его мечты!
Всю жизнь в толпе затеряя,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суверен,
Но редко служит он властям.
Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,*

Статья продолжает и развивает тему, заявленную в публикации: Федор Тютчев. Вопрос об империи; Иван Рогощенок. Мысль изреченная – пророческая. Смотри «Север», № 1-2, 2005.

Или стоит он перед ними
 Смущен и гордо-боязлив.
 Но если вдруг живое слово
 С их уст, сорвавшись, упадет
 И сквозь величия земного
 Вся прелесть женщины мелькнет,
 И человеческим сознанием
 Их всемогущей красоты
 Вдруг озарятся, как сияньем,
 Изящно-дивные черты, –
 О, как в нем сердце пламенеет!
 Как он восторгом умилен!
 Пускай служить он не умеет, –
 Боготворить умеет он!

Существо поэта подвластно «непреодолимому влечению сердца, тому святому гласу, который почитаю я небесным явлением, – что мнится мне, имей я несчастье послушаться его в силу какого-либо малодушного расчета... я навлеку на себя заслуженную кару...»

В письме к дочери о том же: «тебе... я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви...»²

Стихотворение «Не верь, не верь поэту, дева...»:

Поэт всесилен, как стихия,
 Не властен лишь в себе самом;
 Невольно кудри молодые
 Он обожжет своим венцом.

.....

Твоей святыни не нарушит
 Поэта чистая рука,
 Но ненароком жизнь задушит
 Иль унесет за облака.

Воистину, святая любовь и живая вера, непосредственно изливающиеся из сердца, согревающие ум, – все это возвышает душу до пророческих прозрений; одновременно светло, радостно и одновременно трагически мучительно («Проблеск»):

О, как тогда с земного круга
 Душой к бессмертному летим!
 Минувшее, как призрак друга,
 Прижать к груди своей хотим.
 Как верим верою живою,
 Как сердцу радостно, светло!
 Как бы эфирною струею
 По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;
 Мы в небе скоро устаем, –
 И не дано ничтожной пыли
 Дышать божественным огнем.

Вся жизнь поэта, все его творчество полны радости, очарований – и вместе с тем неизбежно трагично. Неизбежно? Нет! Вознесясь на небо и падая долу, душа сохранила память о небе. Видит его отражение в природе («Как хорошо ты, о море ночное...»):

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
 Чей это праздник так празднуешь ты?
 Волны несутся, гремя и сверкая,
 Чуткие звезды глядят с высоты.
 В этом волнении, в этом сиянье
 Весь, как во сне, я потерян стою –
 О, как охотно бы в их обаянье
 Всю потопил бы я душу свою...

Но видит только отчасти: природа на время может облегчить тяжесть земных трудов и забот. У Пушкина встречаем определение «равнодушная природа». Михаил Пришвин возражает: природа не равнодушна, а беспристрастна. По Тютчеву, природа таит мировую драму:

Природа – сфинкс. И тем она верней
 Своим искусом губит человека,
 Что, может статься, никакой от века
 Загадки нет и не было у ней.

Космическая драма Вселенной, драма Истории человечества разрешаются и оправдываются в Боге.

«Последний катаклизм»:

Когда пробьет последний час природы,
 Состав частей разрушится земных:
 Все зримое опять покроют воды,
 И Божий лик изобразится в них!

Это упование Тютчев сохранил от молодости до исхода из земной жизни. Оно же определило его философию истории: незаконченный трактат «Россия и Европа», примыкающие к нему статьи, развивающие учение о России – Окончательной Православной империи. Об этом учении – обстоятельное и глубокое исследование Б.Н. Тарасова.³ Укажу еще издание в своем роде единственное: составленный Игорем Виноградовым сборник, представляющий поэта «как глубокого религиозного мыслителя, православного историка и публициста». Здесь в трактат

«Россия и Европа» включены стихи поэта, по содержанию соответствующие девяти главам задуманного труда. Вчитаемся в отрывок из него. Русская Империя – наследница Византии, а не насаждение Чингисхана, как стало модно думать сейчас.

«Что такое **Империя**? Учение об Империи. Империя не умирает. Она передается. Реальность этой передачи: 4 прошедших Империи, 5-я – окончательная.

Эта традиция, отрицаемая революционной школой, что и традиция в Церкви.

Это индивидуализм, отрицающий историю.

А между тем идея Империи была душой всей истории Запада.

Карл Великий. Карл V. Людовик XIV. Наполеон.

Революция убила эту идею, с чего началось разложение Запада. Но Империя на Западе всегда являлась не чем иным, как узурпацией.

Это добыча, которую Папа поделил с кесарями Германии (отсюда их распри).

Законная Империя осталась привязанной к наследию Константина. (...) Что касается турок, то они заняли православный Восток, чтобы заслонить его от западных народов, – пока создавалась законная Империя.

Империя едина.

Православная Церковь – душа, славянское племя – ее тело. Если бы Россия не пришла к Империи, то она зачахла бы.

Империя Востока: это Россия в окончательном виде».⁴

Историсофские идеи Тютчева находили живой отклик у его современников и в потомках. Не потому, что они заимствовали. Нет: Тютчев явился в начале становления и развития русской культуры девятнадцатого века, причем его творчество нашло свое место в главном потоке развития. Поэтому любой русский мыслитель, вступая в мир идей, родственных ему, вольно или невольно воспринимал то, с чего все начиналось.

Так, богословские труды Хомякова вызваны, в частности, статьей «Папство и Римский вопрос». Идеи Тютчева так или иначе отзывались в творчестве И. Киреевского, Н. Федорова, К. Победоносцева, Л. Тихомирова, К. Леонтьева, И. Ильина... Даже в поэзии и статьях М. Волошина. Тютчев в письме к дочери (10 октября 1861 г.): на юге России «арена predeterminedной ей великой будущности, что эта будущность, отвратить которую не смогут все наши усилия, возможна только там».

М. Волошин тоже предрекает особую судьбу для юга страны: стихотворение «Европа», статья «Россия распятая», о революции: «Мне представляется возможным образование Славии – сла-

вянской южной империи, в которую, вероятно, будут втянуты и балканские государства, и области южной России».⁵

Идеи Тютчева внесли в нашу культуру великий вклад, он не поддается разрушению в наше время низвержения прежних авторитетов и замены их новыми. Государственная власть не поняла и не приняла их.

Почему предвидения Тютчева о междоусобиях в Европе, приведших к двум мировым войнам, и выступление объединенной Европы против России, столь очевидное в 2014 году, оправдывается? А учение об Окончательной Православной империи – нет?

В письмах великого мыслителя и поэта даны объяснения. Приведу один отрывок о государственной власти и общественном настроении в России.

«Я говорю о самой власти во всей сокровенности ее убеждений, ее нравственного и религиозного *credo*, одним словом, во всей сокровенности ее совести. Отвечает ли власть в России всем этим требованиям? Какую веру она исповедует и какому праву следует? Только намеренно закрывая глаза на очевидность... можно не замечать того, что власть в России – такая, каково ее образовало ее собственное прошедшее своим полным разрывом со страной и ее историческим прошлым, что эта власть не признает и не допускает иного права, кроме своего, что право... исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти, и что эта сила узаконена в ее глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещенности. Переберите одного за другим всех наших государственных и правительственных деятелей, прислушайтесь к их словам, вникните в самую суть их убеждений, и вы найдете, за одним или двумя исключениями, что у всех, даже у лучших, по-видимому, нет иного *credo*, кроме того, о котором я только что сказал. Одним словом, власть в России на деле **безбожна**, ибо неминуемо становишься безбожным, если не признаешь существования живого непреложного закона, стоящего выше нашего мнимого права, которое по большей части есть не что иное, как скрытый произвол. В особенности грустно и безнадежно в настоящем положении то, что у нас все общество – я говорю об обществе привилегированном и официальном – благодаря направлению, усвоенному им в течение нескольких поколений, не имеет и не может иметь другого катехизиса, кроме катехизиса самой власти». (А.Д. Блудовой. 28 сентября 1857 г.)

Сказанное поможет и нам разобраться в реальных угрозах нашего времени. Для Тютчева самодержавие и самовластие – разные понятия. Самодержавие – власть над государством, наро-

дом, обществом, данная Богом; самовластие – присвоение власти, ему не принадлежащей (см. стихотворение «14-е декабря 1825»).

В высшем так называемом обществе он находил англофилов, франкофилов, германофилов, – не встречал лишь понимания русского исторического прошлого и видения современных путей развития России в национальном духе. Эти заблуждения вредили, по Тютчеву, художественной литературе (из письма П.А. Вяземскому, март 1848 г.): «Ваша книга, князь, доставила мне истинное наслаждение, ибо действительно испытываешь истинное наслаждение, читая европейскую книгу, написанную по-русски. Взятая ею точка зрения есть та колокольня, с которой открывается вид на город. Проходящий по улице не видит его. Для него город, как таковой, не существует. Вот чего не хотят понять эти господа, воображающие, что творят национальную литературу, утопая в мелочах». Имеются в виду пишущие в стиле «критического реализма» и поощряющие это направление, обедняющее или искажающее народную жизнь.

Основательность, ценность воззрений Тютчева устанавливает сама история. Семнадцатый век: разрыв с традицией, утрата духовного наследия... Результат – нарушено общественно-гражданское единство, государство разваливается. Смутное время. И.Е. Забелин, «историк старомосковской цивилизации», младший современник Тютчева, обнаруживает причину в самой власти.⁶

Высшее сословие страны, бояре, происходят от княжеских дружинников, которые не только служили удельным князьям, но часто влияли на их решения и действия. Господство великого князя, приобретаемое со временем едва ли не самодержавный характер, вызвало сильнейшее сопротивление. Отсюда междоусобные войны, разрывавшие целостность русской земли. Когда прочно установилась царская власть Ивана III, Ивана IV, боярство открыто выступить не могло, только исподволь расшатывало единство. Воспользовавшись пресечением династии, ослаблением государства, социальными противоречиями, оно выступило за новый порядок: призвать на русский трон королевича Владислава, ограничив его власть по польскому обычаю договором. Примером бояр и другие сословия захотели вольностей. Все рушилось.

По Забелину, в Нижегородском краю русская народность сохранила старые традиции и свежесть православной веры. Отсюда и пошло собиранье здоровых для борьбы с иноземным нашествием, за восстановление государства. Восстановили в прежнем строении, ничего не изменив. Время требовало перемен. Каких? Три лица той

поры оставили нам свои планы и вождедения. Царь Алексей Михайлович посматривал на Запад, там искал мудрости. Патриарх Никон боролся за византизм, столь любезный потом Константину Леонтьеву. На Западе римское христианство, признавшее пап непогрешимыми, усвоило аристократический характер, как и королевская власть – аристократизм римских кесарей. Императоры и духовные иерархи Византии – иконоборцы – отличались тем же. Протопоп Аввакум решительно восстал за основы старорусской государственности и за неколебимость древней веры, – простой, воспринятой простецами, не искусственными языческим суемудрием. Отметим, кстати, что и Аввакум и Никон – выходцы из Нижегородской земли.

Примирить непримиримые стремления оказалось невозможно, грозило новое смутное время. Провидение и послало нам царя Петра, при котором, – писал Пушкин, – «все состояния, окованные без разбора, были равны перед его дубинкою». Все дрожало, все безмолвно повинилось.⁷ Россия спасена от разброда, развала.

Семнадцатый век – ключ к разгадке истории России в прошлом, настоящем и будущем.

В конце десятого века Русь приняла христианство от Византии, вместе с ним – начальные основы империи (с востока, разумеется, но не от Чингисхана). Владимир Святой и Ярослав Мудрый в борьбе с языческой раздробленностью на уделы укрепили государственное единство земли. Сыновья и внуки Ярослава развязали такую междоусобную брань, что в тринадцатом веке Русь не могла противостоять татаро-монгольскому нашествию, получила владыку и объединителя чуждого – Чингисхана. Заслуженное наказание за смуты, братоубийственные брани.

Татаро-монголы принесли в быт славян много дурного, но от них научились ямской службе. Главное, сохранили под чужим игмом основу национального характера, чистоту веры, ставшей залогом будущего освобождения. Иначе Куликово поле, предвестье народного возрождения, не состоялось бы. Освобожденная Россия при Василии III осознала свое предназначение: Москва – третий Рим, четвертому не бывать. Осознала как духовную миссию. Претензии на мировое господство у нее не было. Эта претензия явно сказывается в делах современной Америки.

После Петра I наступило нечто похожее на смутное время: бироновщина, засилье иностранцев в государственной службе, в науке, неорганичность внешней и внутренней политики. С Екатерины II видим дальнейшее развитие государ-

ственной централизации и внешний рост империи. Военные и гражданские заслуги Григория Александровича Потемкина: заселение Новороссийского края, овладение Крымом без войны, основание Черноморского флота, улучшение в армии. Наконец, совместные с государыней планы освобождения Царьграда. Потом следуют некоторые заминки при Павле I. После победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года Россия становится миротворцем Европы. Крымская война, падение Севастополя – бунт Европы против главенства Империи русской. Миротворчество Александра III на новом уровне – не военной силой, а духовной. Нелишне отметить: Константин Петрович Победоносцев преподавал законоучение великим князьям, в том числе и будущему императору Александру III. В 1873 году передал ему от Достоевского роман «Бесы», на протяжении его царствования в письмах выражал свои суждения по острейшим общественно-государственным и нравственно-духовным проблемам России. Казалось бы, дело пошло на лад, однако непредвиденно разразилась катастрофа в начале двадцатого века.

Тютчев знал роковую болезнь русского самовластья. Оно боролось с западными революционными идеями, якобы освободительными, на деле только разрушительными. Боролось, но – как? Только государственной мощью; не противопоставило им политические и духовные учения, обогащенные современным опытом богословов и религиозных мыслителей. Русскую идею, полнее и полнее раскрывавшую свое содержание, толковало догматически, казенно.

Первыми занесли к нам революционные настроения герои Отечественной войны 1812 года романтики-декабристы. Дальше больше: романтики-анархисты, социалисты с разрушительными утопиями, претендующие на научность. Люди, ослепленные гордостью, толкали страну к пропасти, пока еще свои по рождению. Следствие – революция, гражданская война, диктатура пролетариата – застой духовный и материальный. Недаром сказано: воля доволкуется до неволи.

Застой умственный приводит практических деятелей к поразительной слепоте. После освобождения Западной Украины от немецкой оккупации там еще продолжалось «партизанское» сопротивление Красной армии. Военной силой его подавили. Вызвавший сопротивление польско-католический дух западных украинцев считали предрассудком, суеверием, невежеством, надеялись развеять передовым марксистско-ленинским учением. Не вышло. Этот дух, враждебный царской России, советской Рос-

сии, Российской Федерации, воспрянул в наши дни, подогреваемый Западом, в кровавой междоусобице на Украине.

Что день грядущий нам готовит? Ответ и на этот вопрос есть у Тютчева:

Олегов щит

1

*«Аллах! Прелей на нас свой свет!
Краса и сила правоверных!
Гроза Гяуров лицемерных!
Пророк твой Магомет!»*

2

*«О наша крепость и оплот!
Великий бог! веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..»*

*Глухая полночь! Все молчит!
Вдруг... из-за туч луна блеснула –
И над воротами Стамбула
Олегов озарила щит.*

Слово сказано: богоизбранный народ. Народы, исповедующие ислам, заимствовали смысл этого понятия у евреев. Евреи рассеяны по миру, но они могут соблазнить своей мечтой других. Ислам, в самом начале единый и воинственный, создал государство, сопоставимое с Римом. В наше время силы его ослаблены внутренними противоречиями. Россия должна внимательно вглядываться в происходящее, не забывая свой исторический опыт: претенденты на богоизбранность есть и другие.

В западной Европе все главные, так сказать, народы хотели быть ведущими, господствующими на континенте. Поэтому каждый, кто покушался на богоизбранность, встречал бешеное сопротивление иных: так начинались мировые войны – первая и вторая.

У американцев, уверовавших в свою богоизбранность, не было и нет соперников на их отдаленном от Европы континенте. Победа северян в Гражданской войне с югом, успехи в промышленности еще более уверили в праве на мировое господство. Две мировые войны ослабили Европу, зато обогатили и усилили Соединенные Штаты, сделавшиеся гегемоном и старого континента.

Ислам ослабленный не забыл свои претензии на богоизбранность, не хочет покориться американс-

кому проникновению на Восток, в арабский мир. Америка, уверенная в своей силе, наступает жестко и беспощадно. Сложность, пестрота, противоречивость влечений на Востоке определяют парадоксальность картины: интересы американцев и воинственных исламистов то совпадают, то резко расходятся. Вот смысл происходящего там. Примирение вряд ли возможно, но если бы оно состоялось, бывшие противники дружно поднялись бы на Россию. Тютчев в свое время говорил о миротворчестве России в Европе: примирившись, объединенная Европа выступит против миротворца.

Россия – особый мир. Древнейшая наша летопись свидетельствует: князь Владимир, крестившись и крестивший свой народ, непосредственно и, насколько возможно полно смертному, принял христианство, евангельскую Истину; он не велел казнить даже разбойников. Полнота и непосредственность восприятия евангельской Истины свойственна и его народу: «Будите убо совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть». (Мф. 6,48) Главный завет: *бесконечное совершенствование духовное, простота и скромность быта*. Крестьяне-христиане верны были завету, назвались Святая Русь. Она не преуспела в обогащении, в развитии промышленности для роскоши, хранила залог высшего бытия. При нужде усвоить извне практическую мудрость, ей нельзя было поступаться ничем из духовного наследия.

Богословие иудаизма, оставшегося с Ветхим заветом, утратило перспективу бесконечного возвышения, как бы достигло потолка в богопознании. Виделось только внешнее развитие: обогащение материальное, овладение земным миром. Ислам, принявший кое-что из закона Моисеева, тоже не продвинулся в совершенстве, ограничился расширением своих владений, обогащал быт, роскошествовал, поглощал чуждые учения. Так, от арабов европейцы узнали о существовании Аристотеля.

Римская церковь, отделившись от Православия, соблазнилась приобретением мирской власти, мирских благ и выгод. Западное общество занималось внешним устройством быта, бесконечным совершенствованием промышленности, чтобы не только удовлетворялись естественные потребности человека, но возникали все новые и новые, требующие насыщения. Так создалось «общество потребления» вещественных благ. В этом суть прогресса, общественный идеал, земля обетованная. До духовного бесконечного развития дела нет. Застой при внешнем блеске.

Христианство, – пишет Хомяков, – «заключает в себе всю божественную истину и все совершенство духовное и нравственное, так как ни человек, ни об-

щество, ни народ не могут ни воплотить его вполне в себе, ни даже достигнуть хотя бы приблизительно до пределов бесконечных требований его: оно заключало в себе причину бесконечного и неограниченного усовершенствования. Чем более усовершенствуется человек, тем дальше впереди видит он цель, поставленную христианством, тем яснее слышит голос христианства, зовущего его вперед и вперед по пути духовного совершенства. Что является в каждом человеке, то явилось и в народах. Приняв веру христову, они должны были подчиниться ее требованиям и стремиться к поглощению веры своей в своей частной и общественной жизни. (...) Такова причина, почему они должны совершенствоваться бесконечно, если не утратят веры, в которой заключается все их нравственное достоинство; такова, наконец, причина, почему первыми в ряду всех народов станет тот народ, который сохранил полнее и живее веру и который глубже и яснее соединяет ее святые требования».⁸

Так что же день грядущий нам готовит? Западная Европа вся, теперь во главе с Америкой, ополчилась на Россию. Оправдалось пророчество Тютчева. Все бы ничего – справились бы, да много соблазнов возникает, особенно для молодежи. «Невозможно есть не прейти соблазном, – сказано в Евангелии, – горе же, его же ради приходят». (Лука. 17,1) Главный соблазн: вскормленная Западом идейно и финансово наша «болотная» или иная оппозиция. Хотите понять нашу оппозицию? Читайте роман Достоевского «Бесы». Разрушит она единство и мощь – духовную и материальную – России, мы окажемся как бы вновь в тринадцатом веке: нами править будут «Иных времен татары и монголы» (Николай Рубцов. Видения на холме).

*Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.*

Как на угрозы времени отвечает наша современная литература?

В прошлом веке поколения, прошедшие Великую Отечественную войну, побывавшие – вдумайтесь, вчувствуйтесь в эти слова – «за чертой милосер-

дия» (Д.Я. Гусаров), – создали незабываемую литературу. Вернувшись к мирному труду, они подчинялись государственной и партийной дисциплине, но обрели внутреннюю свободу, имели право выступать и выступали от всей России, призывая к милосердию. Поколения, рожденные в тридцатых годах прошлого века, не воевали. На их долю выпало тяжелое военное детство и отрочество. Они оставили свою литературу – деревенскую, исполненную драматизма личного и общественного, поисками причин происшедшего, обращением к мудрости и урокам исторического прошлого. Их голос слышался по всей стране. Создания нынешних литераторов – в большинстве своем – камерного характера. Кажется, им нет надобности обращаться к прошлому: классической литературе, историческим исследованиям, философии, религии. Они сознают себя самодостаточными, их метод – самовыражение. Среди них не отыщешь писателей, говорящих от имени всей России, как было прежде.

Печально. Время наше тревожное. Пора писателям выйти из самозамкнутости, из областной местечковости, будь то Москва, Петрозаводск или любой другой город. Выйти на простор исторического бытия, в подлунный мир воинствующих неправд, занять каждому свое место в борьбе за историческую правду, за Отечество.

Россия

*Россия – лазурное слово,
Свечение Вести Благой,
Последняя пристань Христова,
И нет во вселенной другой.
Твой образ донныне унижен,
Но все отпадет пеленой:
Под пылью и копотью вижу*

*Таинственный лик неземной.
Какая беда б ни грозила –
Всегда посрамятся враги.
Россия! Россия! Россия!
Надежды молитвенный гимн.⁹*

Надежда не оставляет иеромонаха Романа. Утверждение надежды в нашей истории, в развитии философской и религиозной мысли, в живой вере, не покинувшей нас. Восстанем за Правду, а там как Бог даст. Святой праведный Иоанн Кронштадтский свидетельствует из опыта: без помощи не останемся. «Я – немощь, нищета; Бог – сила моя. Это убеждение есть высокая мудрость моя, делающая меня блаженным».¹⁰

¹ Федор Тютчев. Стихотворения. Москва, Эксмо, 2004, с. 4. Стихи Тютчева приводятся по этому изданию.

² Ф.И. Тютчев. Сочинения в двух томах. Издат. «Правда», 1980, с. 122, 198. Цитаты из писем приводятся по этому изданию.

³ Полное собрание сочинений Ф.И. Тютчева в шести томах. Издательский центр «Классика», Москва, 2003, том третий.

⁴ Ф.И. Тютчев. Россия и Запад: книга пророчеств. Православный Свято-Тихоновский богословский институт. Москва, 1999, с. 162-163.

⁵ Максимилиан Волошин. Жизнь – бесконечное познание. Москва, «Педагогика-Пресс», 1995, с. 95-97, 333.

⁶ Иван Забелин. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время. АГРАФ, Москва, 1999.

⁷ А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Изд. Академии наук СССР. Москва, 1958, том восьмой, с. 126.

⁸ А.С. Хомяков. Сочинения в двух томах. Москва, изд. «Медиум», 1994, том первый, с. 484-485.

⁹ Иеромонах Роман. Перед всеми душа виновата. Минск, Белорусский Экзархат. 2006, с. 20.

¹⁰ Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. Изд. Сретенского монастыря. Москва, 2009, с. 932.

Иван Константинович РОГОЩЕНКОВ

родился в 1933 году в Смоленской области.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

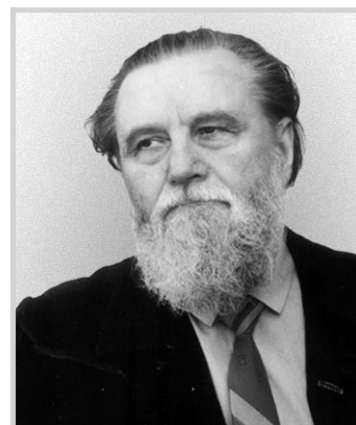
Несколько десятилетий заведовал отделом критики в журнале «Север».

Автор книг «Воля творить жизнь» (Петрозаводск, 1979 г.),

«Память и надежды» (Москва, 1988 г.).

Член Союза писателей России с 1980 г.

Живет в Петрозаводске.

Ирина Игоревна СМАГИНА (Светлова)

родилась и живет в Ставрополе.

Работает в Ставропольской краевой универсальной научной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова

библиотекарем инновационно-методического отдела.

Стихи печатались в сборниках «Решетория» и «Хохмодром-2005. Лучшее»,

в поэтическом альманахе «45-я параллель».

Автор книг стихов «Былое и думочки» (2006 г.),

«Позитивы сохраняются» (2010 г.).

Ирина СВЕТЛОВА

г. Ставрополь

*«Лишь бы в небе
радуга качалась...»*

* * *

А. И. Кругову

В новый год иголочка продета
С точным направлением к весне.
То, что сшилось рифмой у поэта,
То Христу привиделось во сне.
Не коснувшись божеского всуе,
До глубин науки не дойдешь:
Ни на небе круг не нарисуешь,
Ни гончарный здесь не заведешь.
Вызревают творчества начала, —
Горсть стихов невзрачна и мала —
Лишь бы в небе радуга качалась,
Лишь бы степь тюльпанами цвела.
Лишь бы снилась рифма-недотрога
Богу Духу, Сыну и Отцу.
Лишь бы лошадь, синяя немного,
Прискакала к Вашему крыльцу.

ЗА ТЕМ ХОЛМОМ

За тем холмом, что ослеплен зарницей,
За краем тем, что вымыли моря,
Лежит прекрасна, словно роженица,
Задумчивая Скифия моя.

О как легко ее пределом жили!
Как в сарафане верткая игла,
Она внутри костей и сухожилий
Крепчайшим минералом залегла.

Я чувствую ее стихий движенье,
И кажется, что близится обряд,
Когда меня с моим природным жерлом
Объединит приходом декабря.

Я обрету начала позолоту,
Когда хмельной от радости Атей
Найдет во мне призвание сколота*
Среди других, не призванных, людей...

* Сколоты — самоназвание скифов по Геродоту.

* * *

Тишина... Тишина... Тишина...
Тишиною и снегом полна
Эта улица, эти кварталы,
Тишина над землей пролетала.
Много думала, больше молчала,
Пригляделась ко мне для начала,
На плече посидела немножко
И опять улетела в окошко
Очень умной и вежливой птицей.
С тишиною я буду водиться...

* * *

Однажды на красивом корабле,
Вонзившем в небо мачты, словно спицы,
Я уплыву к неведомой земле,
Куда зимою улетают птицы.

Я не оставлю писем и долгов,
В долг не брала... А письма, те — в окошко
Я отпущу, как стаю мотыльков,
Смахнувших с крыльев буквенную крошку.

Не будет никого на берегу,
Кто помахал бы белою тряпичей,
Я не заплачу жалко, я смогу
До самого отплытия крепиться.

И — в добрый путь! Холодный ветерок
Надует флюс в дремавший мирно парус.
Ах, дайте только мне узнать свой срок,
Как долго по земле ходить осталось?

* * *

*Что стих! Ладонь на голове
Или на лбу разгоряченном...*

Г. Шпаликов

*Задержимся на цифре 37. Коварен Бог, —
.....*

На на этом рубеже легли и Байрон и Рембо...

В. Высоцкий

Прочтите поэту стих —
Откройте постылую клетку,
Пока он в петле не затих,
Ногой оттолкнув табуретку.

Ладонь положите на лоб,
Прохладную, чистую руку,
Уймите сердечный галоп,
Отчаянья вечную муку.

Он сильный, он будет жить,
Возможно, начнет смеяться
И даже людей смешить,
И даже в кино сниматься.

* * *

Скрестились вязальные спицы,
Их стук не назойлив, но част.
И хочется спать, и не спится,
И месяц над домом погас.

Сквозь тишь умирающей ночи
Чуть слышно смеется сверчок,
До срока растрепанный кочет
Рассвет подцепил на крючок.

Стремительно падает небо,
Стряхнув с себя родинки звезд.
Бормочет русалочью небыль
Разбуженный птицами плёс.

Стесняется речка востока,
Стыдливо румянит щеку,
Я в утро влюбилась настолько,
Что даже вздохнуть не могу!

Но это — потом, сейчас —
Стихи ему расскажите,
До стоны, до слёз из глаз,
Как будто он — бог, небожитель.

Он будет вам очень рад,
Расправит поникшие плечи,
Пойдет прогуляться в сад
И выживет в этот вечер

Назло предсказаниям всем...
Пусть 40, пусть 38,
Но больше, чем 37,
Он в жизни увидит вёсен!

Ирина ДЕГТЯРЕВА

г. Москва

Луч белого света неуверенно проник в ночную комнату, дрогнул и пополз по старой географической карте, которую Януш повесил здесь, еще учась в школе. Он скосил глаза на кончик сигареты, которую сжимал губами. Оранжевый огонек мерцал в темноте, и сигарета еле слышно шипела, тлея.

Сережка закашлял и заворочался на своей раскладушке. Януш торопливо загасил сигарету. Не хватало, чтобы брат проснулся и побежал жаловаться матери.

Ныло в боку, словно там все еще сидела пуля. Ее, сплюсненную, отмытую спиртом, в белом эмалированном лотке принес медбрат на следующий день после операции. Маленький кусочек металла, который задел легкое Януша и сделал трещину в ребре и ключице, куда от ricoштел от ребра, теперь лежал у Сережки под подушкой. Он выклянчил его в день приезда Януша.

Отчим тоже ее видел. Подержал пулю в руке, покачал головой, поцокал языком, покривил лицо с дряблыми в красных прожилках щеками и, как обычно, предложил обмыть выздоровление. В итоге наобмывался в одиночку на узкой кухне, вечером сидел там пьяненький, с мутными глазами и выслушивал нотации пришедшей с работы матери Януша. Под потолком на веревках колыхалось сушившееся белье, источавшее сладковатый тошнотворный запах стирального порошка. И отчим тоже слегка покачивался, пока не повалился набок, благо сидел на диванчике. Там он спал и сейчас. Доносился его храп, звучный, как из колодца.

Януша это особо не раздражало. Он и сам мог выпить, но без фанатизма. Да и привык к отчиму. Тот воспитывал Януша с пяти лет, когда мать бросил ее польский ухажер, оставивший сыну непривычное русскому уху имя и фамилию Скальба. Отчим гордился, что пасынок — офицер отряда спецназа, и в последнее время все чаще обращался к нему по имени-отчеству.

— Офицер, — пробормотал Януш, ворочаясь на старой продавленной тахте. — Теперь неизвестно...

У него перед глазами стояла окровавленная стена казармы, осколки бутылки и бурый от крови ремешок автомата Калашникова. До стрельбы, к счастью, дело не дошло, но драка

повесть

получилась жестокая, бессмысленная, как большинство драк. И принесла же нелегкая Януша в часть именно в этот день.

Он сбежал из госпиталя, не долежав там неделю, обрадованный словами врача, что ранение не скажется на его дальнейшей службе. Ему бы надо было ехать домой в положенный отпуск, но он решил отметить свое возвращение с сослуживцами, а отпуск перенести на лето. Приехал, и его сразу поставили дежурить.

Ночью он задремал в канцелярии разведгруппы на диване, когда его стал кто-то тормошить.

— Товарищ майор! Там драка около столовой, в коридоре, — тряс Януша за плечо дневальный и кричал испуганным голосом. — У них автомат!

Януш вскочил, даже не почувствовав привычной боли в боку, которая все еще не прошла после операции.

— Дежурный по КПП звонил, — на ходу объяснял дневальный. — Открыть оружейку, товарищ майор?

— Не вздумай и ключи спрячь! — на бегу крикнул Януш, и сразу сбилось дыхание, которое еще не восстановилось полностью.

Он не был дежурным по части, только по отряду, но, раз подняли его, значит, сами не разобрались. Если это в самом деле ЧП, необходимо доложить и командиру отряда, и командиру части. Но лучше бы замать...

Януш едва не упал около входа в столовую, поскользнувшись на схваченной ночным морозцем луже. Влетел в здание. Двери на тугих петлях оглушительно хлопнули за его спиной, как выстрел, заставив его внутренне напрячься. Он еще снизу услышал крики, мат, пьяные голоса и ясно понял, что замать не удастся.

Преодолея несколько ступеней одним прыжком, чувствуя уже здесь сильный запах водки, что еще больше добавило тревоги. Вбежал в коридор и едва устоял на ногах, запнувшись о чье-то тело. Изловчившись, перепрыгнул. Это был офицер с разбитой головой и без сознания. Януш, быстро взглянув на него, узнал капитана Половчого, замкомандира инженерно-технической роты. Чуть дальше по коридору металась тень дерущихся. Они кого-то пинали на полу. Слышались тошнотворные гулкие удары по ребрам.

Дрались солдаты автомобильной роты. Что

послужило началом, определить теперь было сложно, да Януш и не собирался выяснять. В любом случае водка стала одним из пусковых моментов. Пьяная драка и нарушение дисциплины переросло в преступление после нападения на офицеров. Лежавшего на полу под ногами озверевших солдат Януш опознал как майора Коврова, который как раз и дежурил по части. Тот закрывал голову руками, был сгруппирован, но держался из последних сил.

Януш не выглядел силачом из-за худощавого телосложения. Только широкие плечи и туго обтянутые камуфлированной курткой бицепсы выдавали его тренированность. Правда, операция и несколько недель госпиталя ослабили его. Но солдат, получивший кулаком в ухо и улетевший головой в стену, готов был поручиться, когда придет в себя после нокаута, что майор Скальба вполне восстановился после ранения. В ту же стену улетел и второй дебошир. Но разбушевавшихся парней было много, и они дружно навалились на Януша. О ранении командира разведгруппы они, конечно, слышали, и кто-то со спины ударил Януша по ребрам. Он вскрикнул от острой боли, ощутив, что вместе со сбившимся дыханием вот-вот нахлынет темнота и он потеряет сознание. Тогда забьют до смерти. Он успел увидеть их озверевшие лица, ошалевшие от водки и крови первых двух избитых ими офицеров, расширенные зрачки, потные красные рожи...

Но рожи вдруг разлетелись в разные стороны, как бильярдные шары от мощного удара. Прибежали на подмогу бойцы его группы, кто в чем был: в нижнем белье и в шлепках, кто-то успел натянуть штаны, кто-то свитер, некоторые — берцы, едва завязав шнурки. Это не помешало им размахивать ногами, как на тренировке по рукопашному бою. В противников полетели шлепанцы и ботинки, слетавшие с ног от резких выпадов, впечатывались в спины и головы крепкие пятки ребят. Чьи-то цепкие руки схватили Януша за куртку и выдернули из кучи малы. Он узнал сержанта Вавилова.

— Вы как? — пробасил Вавилов.

Едва дыша от боли, Януш только и смог что слабо кивнуть. Он какое-то время лежал, приходя в себя. А его бойцы в этот момент отметили пьяных солдат так, что в коридоре воцари-

лась тишина. Януш вдруг понял, что слышит лишь свое свистящее надсадное дыхание, и начал подниматься с холодного пола, чувствуя, как близко беда.

— Вы что?! Кто позволил? — захрипел он, увидев свалку из тел.

Сломанные носы, разбитые лица, окровавленная стена, у одного из солдат пробитый череп, и парень, кажется, не дышал. Януш велел привести врача из санчасти и вызвать скорую из госпиталя, а сам начал делать искусственное дыхание солдату с разбитой головой. Он кидался от солдата к капитану Половчому, который тоже был плох, хрипел и то и дело начинал биться в судорогах. Ему сильно повредили голову.

Ночь длилась бесконечно — с приездом скорой, с отмыванием крови в коридоре перед столовой, с экстренным вызовом в часть командира отряда, с криками и матом в адрес Януша, который проспал беспредел.

К шести утра он уже еле стоял на ногах и, дожидаясь прихода командира и предстоящего разноса, впервые после операции закурил, стрельнув сигарету у дневального. Приступ кашля едва не разорвал легкие, но Януш со злым упрямством докурил. Вскочил, увидев командира, входящего в приемную, и его закачало от головокружения.

— Так ты еще и пьян, майор?! — побагровел полковник Мишнев.

— Никак нет, товарищ полковник. Это после ранения.

— Не надо мне тут на жалость бить, — он зашел в кабинет, оставив дверь приоткрытой.

Януш нетвердой походкой вошел следом. Он вдруг почувствовал боль в животе, и лицо покрыла испарина.

— Кто тебе не давал уйти в отпуск? — полковник бросил фуражку на стол для совещаний. — А инициатива, как известно, наказуема. Отстраняю тебя до выяснения всех обстоятельств. Что ты глаза закатываешь? Ты что?!

Януш упал во весь рост.

— Помер, что ли? — опешил полковник, склонился над ним, похлопал по колючим от щетины щекам. — Януш! Эй, ты чего? Дежурный! — заорал он. — Врача, живо!

Нашатырь не сразу, но помог. Януш поморгал удивленно и начал подниматься. Его пошаты-

вало, он держался за бок, который дергало и пекло. Полковник с доктором, взяв его под руки, подвели к стулу и усадили.

— Ему в госпиталь, — шепнул доктор. — Его избили, когда он бросился спасать Половчего и Коврова. Половчий в реанимации, но врачи сказали, есть надежда. А вот тот солдат... Его парализовало. Скальба не дал ему умереть, но, боюсь, парень останется инвалидом.

Полковник отмахнулся.

— Спас! Его кто спасать будет? «Стрелочником» сделают. После ранения отправили представление на орден Мужества, а теперь его наверняка продинамят. Януш, ты как? — Он тронул его за плечо.

Януш сидел понурившись. Один орден Мужества у него был. Его уж не отнимут. А вот что будет с дальнейшей службой и будет ли она вообще?

— Формально — дежурил Ковров, но майора Скальбу принесла нелегкая разбираться. За ним подтянулись его бойцы. Поэтому никто не посмотрит на то, что он после тяжелого ранения. А разбор предстоит серьезный. Четверо в госпитале. Двое из них в реанимации. Половчего и Коврова он спас, но подставился сам.

Полковник подошел к столику, где стоял электрический чайник, нажал на кнопку. Кабинет наполнил нарастающий шум закипающего чайника. Мишнев не доверял заварку чая никому. Сразу после окончания училища он служил в Узбекистане, с тех пор процесс чаепития уважал особо.

Он протянул майору стакан с дымившимся чаем. Януш встретился взглядом с командиром и вдруг вспомнил, как они пили чай в другой обстановке, но в том же составе, с доктором, который еще к чаю доставил тогда флакон коричневого стекла со спиртом. Это было двенадцать лет назад. Януш уже два года как воевал разведчиком в звании старшего лейтенанта под началом Мишнева, который тогда командовал разведгруппой.

Палатки на снежной площадке, утопанные вокруг валенками и берцами, трубы буржеек, две струйки дыма от них, уходящие параллельно в бледно-голубое небо. Параллельные пересекаются в бесконечности, но пути спецназовцев с бандой, которую они преследовали

несколько дней, так и не пересекались. Только «удачливый» старлей Скальба провалился под лед озера. Вот командир с доком и отпаивали его кипятком и ледяным спиртом, и еще неизвестно, что было горячее. И то, и другое обожгло горло. Януш, не слишком привычный к такому градусу, быстро захмелел и веселил старших офицеров звонкой икотой и сам смущенно хихикал.

Командир разведгруппы смотрел на молодого старлея, голубоглазого, с высоким открытым лбом, пшеничными волосами и светлыми ресницами, смешливого и словно бы, несмотря на стройность, неуклюжего, и удивлялся, как он вообще попал в спецназ и тем более в разведку.

На следующий день, к вечеру, после длительного марша по снегу и скользким склонам, когда все плохо видели, ослепшие от снега, и плохо соображали от усталости, параллельные линии сошлись не в бесконечности, а на плешивой высоте, с которой ветер сдувал снег.

В тепловизор их было видно. Командир принял решение отправить группу налегке вперед, чтобы устроить на пути боевиков засады и погнать их, как волков, обратно, на основную группу. Иначе преследовать противника можно было до бесконечности. И так уже слишком затянули с погоней.

Но уже когда Януш с бойцами, сбросив рюкзаки, налегке, рискуя свернуть шею, начал спуск с высоты там, где склон был наиболее крут, боевики вдруг сами повернули обратно и вступили в бой. Они занимали более выгодную позицию — на возвышении.

Услышав выстрелы, Януш понял, что засада не понадобится и так как они работали в режиме радиомолчания. Он принял решение не возвращаться, а, воспользовавшись приближавшейся темнотой, напасть на противника с тыла.

Шедшие первыми бойцы основной группы налетели на кинжальный огонь и упали, будто задели невидимую нить — она их согнула пополам и лопнула, и от ее тонкого, неразличимого, словно ультразвук, звона полетел снег с деревьев, со склона. Все легли в сугробы, как скошенные этой неуловимой вибрацией смерти, подстергавшей бойцов на снегу, порозовевшем от закатного света и первой крови...

От Януша шел пар, но руки заledenели, пальцы отекали и не сгибались, после того как пришлось судорожно цепляться за обледенелые уступы, карабкаясь вверх. Еще на подходе к позициям боевиков он слышал, как чеченцы переругивались между собой и на чеченском, и на русском. И понимал, что сейчас будет их убивать, ведь он не хотел, чтобы убили его.

Спецназовцы вылезли молча из темноты и слились на какие-то мгновения с боевиками в таких же камуфляжах. Тех, которые были ближе к обрыву, удалось снять бесшумно с помощью ножа. Но когда один из боевиков вскрикнул, разведчики были обнаружены. Началась драка, слишком близкое расстояние не позволяло применить оружие, да и в крошечной темноте можно было попасть в своих.

Разведчики воспользовались этим преимуществом — десантные ножигодились. Вспышки взрывов и трассеры высвечивали тени противника, Януш преследовал их. Здесь, где он оказался со своими бойцами, был правый фланг боевиков, и разведчики тут активно поработали. Справа и слева раздавались вскрики и возня. Вдруг на Януша навалилось сразу трое. Они его все-таки заметили на фоне снега. Он успел подумать, что зря не надел перед выходом из лагеря маскхалат, хотя тот сковывает движения.

Януш резко вскинул руку с ножом направо и, судя по булькающему хрипу, попал боевику в горло. Насевшего на него сзади он перекинул через себя и воткнул нож ему в грудь. Третий бросился слева — Януш ощутил движение воздуха, запах табака и ударил ногой. Оттого что нападавший двигался навстречу, сила удара возросла вдвое.

В следующую секунду раздался взрыв, взметнулось пламя совсем близко от Януша. Он полетел от взрывной волны и тяжело плюхнулся спиной в снег. Рука у него закинулась под голову и изогнулась в кисти, он лежал, оглушенный, слышал отдаленную стрельбу, часто моргал и видел звезды перед собой. Януш попытался на них сфокусироваться, его затошнило и вырвало. Он едва смог повернуть голову, чтобы не захлебнуться.

Снег охлаждал разгоряченную шею. Подняться сил еще не было. Януш догадался, как произошел взрыв. Кто-то из его бойцов напал на бое-

вика, когда тот выдернул чеку и собирался бросить гранату. В темноте боец гранаты не увидел, и она, выпав из мертвой уже руки боевика, взорвалась. Рассчитывать на то, что разведчик выжил, не приходилось.

Он так и не смог встать. Его нашли через час, когда Януш совсем ослаб, пытаясь ползти к своим, и обморозил руки. Эвакуировали в госпиталь, и в вертолете он начал уверять, что с ним все в порядке и лучше его отпустить к своим.

— П-пойду в баньку. Отогреюсь, и все будет н-нормалёк, — слегка заикаясь, пытался убедить он доктора и даже сел на брезентовых носилках. Но, чуть повернув голову, увидел на рифленом металлическом полу вертолета трупы своих бойцов — трое из группы, с которой он выдвинулся делать засаду. Среди них — рядовой Ноговицин, изорванный в клочья — именно он подорвался на гранате, случайно оброненной боевиком.

Увидев тела погибших, Януш лег обратно на носилки и наконец позволил поставить себе капельницу. Он притих и лежал какое-то время спокойно. Потом потребовал листок бумаги, чтобы писать представление к награде для Ноговицина. Руки тряслись и от обморожения не слушались. Януш хотел было попросить доктора написать под диктовку, но все поплыло перед глазами — лицо доктора, трупы боевиков, накрытые брезентом так, что виднелись лишь ботинки, с которых стаявал снег, блистер иллюминатора с чернотой за ним... Он отключился и, придя в себя только в госпитале, узнал, что его представили к ордену Мужества, а бойцов к медалям «За отвагу», троих — посмертно.

...Сидя в кабинете полковника, после драки в казарме, Януш подумал, что никто у него не отнимет тот орден, как и воспоминания. Ему часто снились лужицы стаявшего снега на рифленном полу вертолета...

— Вали-ка ты в отпуск, подальше от начальственных глаз, — вздохнул полковник и громко отхлебнул горячего чая. — Попробуем выкрутиться. Где наша не пропадала. Езжай домой, долечивайся.

— Ну как же все-таки, товарищ полковник?..

— Чего ты ждешь? — вспыхнул он. — Что я могу тебе сейчас сказать? Молись, чтобы никто не

скончался в госпитале, иначе дело примет совсем уж скверный оборот. И так-то ничего хорошего. Наломали дров, нечего сказать! Я, конечно, понимаю, любят тебя твои орлы, но если их не останавливать... Машины для убийства.

— Нормальные парни, — нахмурился Януш. — Их только дразнить не стоит. Я такой же.

— В том-то и дело! Я это знаю как никто другой, — полковник бухнул чашку на стол так, что чай расплескался по полированной поверхности. — Поэтому и боюсь, чтобы ты еще не напортачил. Войдешь в раж — разнесешь полгорода. Ты смотри там, с этим поаккуратнее, — он щелкнул себя по горлу характерным жестом. — Пить не умеешь, так и не начинай.

Януш слегка покраснел и переглянулся с доктором. Тот был в курсе того, сколько тогда выпил старлей Скальба и почему. Ему просто, как всегда, не повезло, и он попался в этом состоянии на глаза командиру. Хоть Януш и был мертвецки пьян, он не забыл, какую оплеуху ему отвесил Мишнев. Кто-то шепнул командиру, что Януша так развезло с двух рюмок. Тогда Мишнев и заключил, что Скальба не умеет пить. Он и разбираться не стал, почему это произошло с в общем-то непьющим Янушем.

То письмо Януш до сих пор носил при себе, перекладывал из кителя в камуфляж и ни разу по рассеянности не постирал — он все время о нем помнил.

Письмо ждало его в Ханкале, когда он вернулся из госпиталя после контузии. Януш спешил и, не читая, сунул письмо в карман куртки. Ему нужно было добраться в горный лагерь спецназовцев. В вертолете он вскрыл конверт и с первых строк понял, что письмо от матери рядового Ноговицина. Она сообщила казенным тоном, что медаль ее сыну не дали, хотя родителям двух других погибших уже награды передали. «Наверное, мой сын не заслужил медаль даже собственной смертью?» — спрашивала она в конце короткого послания.

Если бы Януш не летел в вертолете, он в эту же секунду побежал выяснять, что произошло. Еле дождался, когда, закрутив метель лопастями, «вертушка» приземлилась. Сразу бросился к командиру, но тот лишь пожал плечами. Дескать, бывает, напутали что-то в представлении, кадровики исправят и снова пошлют бумаги в наг-

радной отдел. Януш при первой возможности поехал обратно в Ханкалу. Он тешил себя надеждой, что документы уже отправили по новой. Но в прокуренной палатке штаба вместе с дымом витало ощущение скуки и безысходности. Януш это почувствовал и тут же убедился в верности своих догадок.

— Чего тебе, старлей? — с напускной усталостью спросил майор-кадровик в накинутом на плечи бушлате. Под его ногами, обутыми в валенки с галошами, стоял ящик из-под патронов.

— Что с представлением на Ноговицина? — Януш остановился у входа, стряхивая снег с плеч и воротника.

— Ничего, — надул выбритые, с синеватым отливом щеки майор. — Ты бы здесь не трусил куртку...

Янушу хотелось сказать, что «трусить» он будет сейчас самого кадровика, но сдержался, все еще надеясь на положительный исход дела. Командир ведь сказал...

— Мало ли что сказал твой командир, — вздохнув, как ребенку, терпеливо втолковывал майор после объяснений Януша. — Я тебе говорю: вряд ли что выгорит. Нам дали понять, что и так слишком много наград для спецназовцев. Нас не поймут.

— Что за чепуха? Как может быть наград «слишком много»? Вы ошалели тут все, что ли? — громко, с волнением сказал Януш, ошарашенный услышанным.

— Ты тут не ори! — приподнялся за столом майор. — Говорю как есть. А ты что хотел? — Он, успокаиваясь, сел обратно. — Ты еще молодой, тебе простительно верить в мифическую справедливость. Чудик ты, старлей.

— А нельзя меня без награды оставить, а все-таки Ноговицину... его родителям дать?

— Что ты канючишь, офицер? — с ухмылкой он кивнул головой, и очки, которые сидели на лбу, плюхнулись на мясистый нос. Майор, не обращая больше внимания на старлея, углубился в чтение документов, лежащих на столе.

Януш смерил его таким взглядом... Майору повезло, что в этот момент он читал и не встретился глазами с рассвирепевшим разведчиком. Януш набычился и стремительно вышел из палатки, чтобы не кинуться в драку.

Он зашел сначала к своим. В Ханкале остава-

лась вторая группа, она должна была сменить через неделю первую в горах. Янушу обрадовались и налили... Первые две бутылки он еще помнил и понимал, что происходит. Дальше время для него шло обрывками, когда Януш на короткое время приходил в себя. Серый стол, обитый пластиком, с лужицей пролитого чая на поверхности и высосанной долькой лимона... Полки в бане и шуршащий березовый веник на разгоряченном лице... Синий выгоревший забор и пустая бутылка на снегу с желтыми пятнами... Хохочущие рожки, рифленый металлический пол вертолета, вибрирующий под щекой, и четкая мысль, что он погиб так же, как его бойцы...

Януша в шутку отвезли в горный лагерь почти в бессознательном состоянии. К счастью, «вертушку» встречал доктор. Он спрятал пьяного старлея в своей части палатки, оборудованной под медпункт.

Чуть протрезвев, Януш подлил в свой организм спирта, обнаруженного в ящике под раскладушкой доктора. Он плохо соображал, но ему хотелось напрочь забыться. Не умереть, нет, инстинкт самосохранения у него работал всегда исправно, без сбоев. Он просто сейчас не хотел ни слышать, ни видеть, ни чувствовать. Но спирт на него всего лишь подействовал расслабляюще и успокаивающе. Полежав, Януш вскочил, шатаясь, выбрался из палатки и сразу же наткнулся на командира...

* * *

Януш повернулся лицом к стене. От ветхого ковра пахло кошкой. Мать постоянно держала кошек. Нынешняя Муська была уже третьей на памяти Януша. На маленьком застекленном балконе всегда держали открытой небольшую форточку, через которую кошка выпрыгивала на улицу и возвращалась, благо квартира располагалась на первом этаже. Отчасти именно поэтому мать заводила кошек — из подвала в квартиру норовили пролезть крысы, а Муська, как и ее предшественницы, лихо их давила и складывала трофеи на трюмо в коридоре.

Сейчас Януш, погруженный в мысли по поводу дальнейшей службы, страдал от неизвест-

ности и невозможности действовать. Он чувствовал себя беспомощным, и боли в боку, возникающие то и дело, не добавляли оптимизма. Он был настолько напряжен, что, когда Муська вскочила к нему на кровать, вернувшись с ночной охоты, он чуть не закричал. Выматерился шепотом, хотел было вышвырнуть кошку, но Муська подхалимски и безошибочно пристроилась к нему на раненый бок. Особенное живое тепло стало растекаться по всему телу Януша. Он улыбнулся, прислушался к негромкому урчанию Муськи и прошептал:

— Ты тоже крыс давишь? Только мои с автоматами, гранатами и двуногие. Драка один на один — зубами и когтями? — Он на ощупь нашел кошачью морду и пощекотал шелковистый подбородок. Муська лизнула его палец и заурчала в другой тональности.

Он наконец уснул. Сон был недолгий. Его разбудило фальшивое тонкоголосое пение и сильный запах кошки. Муська переместилась с его бока и устроила свою морду на подушке перед лицом Януша. Отплевываясь от кошачьей шерсти, он метнул тапочек в поющего маленького брата.

Двенадцатилетний Сережка, мелкий, тощий и озорной, петь не умел, но любил. Он ловко увернулся от тапка и продолжил завывать какую-то популярную песенку. Януш потянулся с улыбкой:

— Мать на работе?

— Угу. Она сказала, чтобы ты поел бутерброды с сыром. И что тебе звонил Славка.

— Какой он тебе Славка? — сердито покосился на брата Януш.

— Мама его так назвала. Что ты цепляешься?

— Побольше уважения! — Януш на правах старшего брата напустил строгости. — Что Славка хотел?

— Чтобы ты позвонил, — неохотно ответил Сережка. Он выглядел так, словно собирался сказать гадость, но благоразумно сдержался и продолжил упражнения по вокалу, расставляя солдатиков на подоконнике между горшками с кактусами и столетником.

— Что там у тебя? Наступление? — смягчил тон Януш, заглядывая через плечо брата.

— Засада. Видишь? Зеленый отряд сидит за аспарагусом. А красный идет по тропе.

— Ты вот этого, — Януш взял зеленого солдатика с винтовкой, — посади за кактусом со снайперкой, а этого, — он переставил второго солдатика, — поставь тут, он должен устроить подрыв, тогда красные не смогут отступить, а снайпер их перешелкает по одному. — Януш одного за другим уложил красных солдатиков на спины.

— Тебе их не жалко? — Сережка повернул к нему лицо, курносое, скуластое, с большими зелеными глазами.

— Они же солдаты и враги.

— Мне больше нравится, когда они в честном бою, один на один. Я их подкидываю, и кто из них упадет лицом вниз, тот проиграл.

Сережка еще что-то говорил, но Януш думал о том, чья рука его самого подкидывала уже четырнадцать лет и он, падая, до сих пор ухитрялся, как Муська, приземляться на лапы. Удастся ли теперь выкрутиться?

— Ты меня не слушаешь, — обиженно засопел Сережка.

— Все нормально, Серёня, — Януш потрепал его по голове и пошел в кухню.

Там похрапывал отчим. Ему на работу в ночную смену. Алкоголь к тому времени выветрится... Януш поднял сползшее на пол синее тяжелое ватное одеяло и укрыл отчима.

— А, сынок... — он еле шевелил пересохшими губами. — Дай водички.

Януш подал ему стакан воды и посмеялся, глядя, как отчим жадно пьет.

— Тебе мать вечером задаст.

— А я пораньше на работу уйду. Завтра она остынет.

— Она завтра найдет новый повод, за что тебя повоспитывать, — Януш копался в ворохе рецептов и блистеров с таблетками на холодильнике. — Бать, где твои сигареты?

— Я-то думаю, кто у меня сигареты таскает. Хотел Сережку за воровство взгреть. А это ты по старой привычке. — Он потянулся к висевшему на стуле пиджаку и достал пачку сигарет. — Вообще-то тебе нельзя. Наверное...

— Наверное, можно, — улыбнулся Януш, забирая у него сигареты. — Там в холодильнике бутерброды с сыром и банка огурцов. Запей рассольчиком.

— Что бы я без тебя делал, сынок? — отчим

откинулся на подушку и вытер ладонью заслезились глаза.

Януш сунул сигарету в рот, влез в старенькую куртку и вышел на улицу. Дул студеный ветер, воздух чистый, с привкусом близкого снегопада. Дворник с тоской на смуглом узбекском лице шуршал метлой и опавшими листьями.

Поежившись, Януш попытался запихнуть обратно вылезший из прожженной на рукаве дырки белый клочок синтепона. Он пожалел, что из суверности не взял домой из комнаты в общежитии хорошую кожаную куртку. Ему казалось, если он оставит там вещи, его не выгонят.

Януш услышал стук по стеклу и обернулся. Сережка в окно строил ему смешные рожи, а солдатики, зеленые и красные, так и стояли на вытяжку между цветочными горшками в ожидании, когда полководец бросит их в бой.

В ближайшем ларьке Януш купил хотдог. В маленьком городке торговцы едой особо не мухлевали. Все на виду, все друг друга знают. Правда, Януш года два назад отравился и все-таки набил физиономию хозяйину ларька.

Он ел на ходу и облился кетчупом, что еще больше испортило настроение. Но Януш торопился. Если Славка объявился, значит, у него завелись деньги и надо спешить, чтобы он не успел их спустить. Славка Водопьянов пьян бывал часто, но вовсе не от воды, как общала его фамилия. Однако на работе он не злоупотреблял и ухитрялся так мастерски приводить себя в порядок после попойки, что у начальства числился добропорядочным человеком и ценным работником.

Здание цирка находилось в низине и возникло словно из-под земли. Круглое, с облупившимися бежевыми стенами, колоннами у входа и с афишами слева от колонн — яркими, свежими, зазывавшими на новую программу.

Площадь перед цирком была пустынная, рыжая от нападавших за ночь листьев. С трудом верилось, что это место оживает по вечерам, площадь заполняют люди с детьми, цирк освещают яркие огни, музыка, звучащая во время представления, слышна и снаружи. В детстве Януш любил ходить сюда вместе со Славкой. А потом Славка стал тут работать, провалив экзамены в эстрадно-цирковое училище. Он убирал за лошадьми, слонами и другой крупной рога-

той, копытной, двугорбой живностью и в свободное от работы время запивал водкой свои нереализованные амбиции. Он брал в долг, якобы планируя создавать свою программу, нанимать артистов и заказывать изготовление реквизита и костюмов. Вначале он и правда пытался вести переговоры с артистами, сыпал направо и налево идеями и готовыми сценариями будущих номеров. Но пыл его очень быстро угасал, и деньги спускались на выпивку. Януш его жалел по старой памяти о школьной дружбе, периодически бывая в городке в отпусках, давал ему деньги на его мифические проекты, а в следующий приезд «выбивал» долг.

У служебного входа стояла «газель», цельнометаллическая, то есть без окон в задней части, на ее белых бортах были наклеены афиши.

Коридор, в котором очутился Януш, оказался совсем темным после дневного света, и Януш тут же налетел на железный ящик. Бормоча ругательства, он выждал, когда глаза привыкнут к полумраку, и двинулся дальше. Первым, кого он увидел, был здоровенный парень в синем комбинезоне, поверх которого была накинута дубленка. Он стремительно шел к выходу.

— Послушай, где Водопьянова найти в ваших лабиринтах? — Януш придержал его за рукав.

Тот взглянул на Януша ошалело, словно увидел призрак. Взгляд его прояснился, в нем блеснула мысль.

— А-а, на конюшне поищи!

Он выбежал, хлопнув дверью. Януш оглянулся и пожал плечами. Коридор привел его к металлической лестнице. Года два назад Януш был в цирке у Славки, но плохо запомнил переходы и полутемные коридоры. Эту лестницу он точно не помнил, но поднялся по ней. В очередной коридор выходили двери. Из-за некоторых доносятся голоса, но из-за одной раздался возмущенный женский крик:

— Как он мог?! Срывать номер, контракт!

Далее голос виртуозно матерился.

Дверь приоткрылась от неожиданного удара, и в коридор вылетела женская туфля. Невольно Януш заглянул внутрь. Посредине небольшой комнаты стояла невысокая девушка, очень худенькая и почти обнаженная. Из одежды на ней были только ярко-синие лосины. Она разговаривала по мобильному телефо-

ну и стояла боком к двери. У Януша перехватило дыхание от неожиданности. Лица девушки он не видел — его прикрывали черные до плеч волосы. Зато все остальное удалось разглядеть детально. Спыхватившись, что она сейчас повернется и увидит его, Януш отшатнулся от двери и ускорил шаг. Он почти бегом достиг конца коридора, повернул за угол, остановился и отер вмиг вспотевший лоб. Снял куртку, оставшись в черной водолазке.

Девиц на своем веку он уже повидал, но в большинстве случаев Януш в отношениях с противоположным полом оставался пассивным потребителем женского внимания и женских ласк. Ему не приходилось ухаживать, тратить деньги и энергию. Из-за службы у него и времени особо на это не было, поэтому к нему в постель попадали поварихи, медсестры, связистки... Среди них встречались симпатичные, но в основном не Афродиты и не Венеры, озабоченные своими детьми, разводами и престарелыми родителями.

Периодически Януш осознавал, что он достоин лучшего. Обычно это происходило после того, как он видел красивую женщину. Но, поскольку такие дамы его не замечали, запала на поиск лучшей Янушу хватало ненадолго. Ему было лень охотиться за неведомым журавлем в небе, когда под боком, уже нахохлившись, сидела теплая, уютная синица с кастрюлей вкусного борща и без особых запросов, а за дверью стояла очередь из похожих синиц, терпеливо ожидавших, когда Януш обратит на них внимание, и тогда они делали все сами — и за него, и за себя.

Вид полюбленной красавицы в гримерной вызвал у него знакомую тоску о несбыточном. И он сорвал зло на Водопьянове, которого наконец нашел около выхода на арену.

Славка подметал пол, когда раздраженный Януш хлопнул его ладонью по спине.

— Деньги гони!

— А поздороваться? — засмеялся большеротый и лопухий Водопьянов.

— Ну, чисто клоун! — не сдержал улыбку Януш. — Давай присядем.

Они вышли в зал и сели в первом ряду. Манеж был плохо освещен и пуст. Сильно пахло лошадиной мочой и откуда-то жареной картошкой.

— Ты как? — Славка заглянул ему в лицо своими ясными голубыми глазами. Он так смотрел и в школе, когда жаждал списать контрольную по алгебре. — Слышал, ты был ранен.

— Нормально все... Зубы мне не заговаривай. Деньги гони.

— Ожесточился ты в своей армии, — вздохнул друг, полез в карман, но, когда вынул оттуда руку, она была пуста. — Тебе что, трудно подождать еще месячишко? Я только начал раскручиваться.

— Закрутись обратно, — безразлично посоветовал Януш, будто заскучав. Он понял, что денег у Славки уже нет и требовать их — дело безнадёжное.

Славка в подтверждение его догадки молчал и шумно сопел, то ли изображая обиду, то ли имитируя чувство вины.

Черная водолазка на Януше была старенькая, мать ее купила два года назад, и он из нее слегка вырос, раздавшись в плечах. Пользуясь тем, что мышцы рельефно проступают под черной тканью, Януш поднялся со своего места, поднатяг их и навис над сидящим Славкой, затем кулаком вдарил в деревянную спинку кресла со свирепым выражением лица. Любой другой испугался бы, но не Славка. Он засмеялся.

— Я всегда был здоровее и поколачивал тебя в школе, — он шуточно ткнул Януша кулаком, ожидая наткнуться на крепкий пресс.

Но Януш вдруг побледнел и, скривившись от боли, сел.

— Что? — Славка испуганно приобнял его. — Ну, я же не знал...

— Ты еще заплачь и скажи, что больше не будешь, — усмехнулся Януш. — Деньги лучше верни.

— Да верну, верну. Когда я не возвращал? Ну что ты на меня так смотришь? Один раз всего не вернул. Ты же тогда простил...

— Иди ты, — устало отмахнулся Януш. Он хотел что-то добавить, но замер, глядя на манеж.

Мягко ступая, туда вышла та самая девушка, только теперь на ней, кроме синих лосин, была и бледно-голубая футболка. Оглядываясь, девушка кого-то искала. Заметив Водопьянова и Януша, она подошла.

— Слав, ты не видел Стаса? Неужели этот гад в самом деле сбежал?

Она поставила ногу на бортик и облокотилась на колено. Девушка не кокетничала, вела себя свободно, да она слишком была расстроена, чтобы думать о том, как выглядит. И тем не менее поза выгодно подчеркивала ее гибкость и миниатюрность. Януш заметил, что у нее чуть раскосые глаза. «Нерусская вроде», — подумал он, чувствуя, как завораживает ее лицо, узкое, слегка загорелое, такого оттенка, как бывает старинная бумага. Учитывая ее монголоидный разрез глаз, на этом свитке могли быть начертаны только иероглифы. У Януша возникло желание поднапрячься, изучить и прочесть таинственные письмена. Может, они адресованы ему? Уголки губ у нее опустились. Она собиралась заплакать, во всяком случае так показалось Янушу. Ему хотелось видеть ее слабой и нежной.

— Тоня, да ты не заморачивайся! — подал голос Славка. — У тебя же есть воздушный номер. Найдешь партнера и восстановишь свой номер с вольтижной акробатикой.

— Шутишь? Одно дело — в номере с семьей Филипповых в качестве девочки на подхвате, другое — свой номер. Ты знаешь Филиппова-старшего. Кто скажет, что ему завтра в голову взбредет? Турнёт меня, и все. Директор сказал, что если через месяц моя программа не будет готова, то он не даст мне ее готовить. Он считает, если я жажду самостоятельности, то партнера из-под земли достану. Кому такое золото, как я, нужно?

— Мне! — вклинился в разговор Януш.

Она поняла это по-своему. Взглянула на его торс, обтянутый тесной водолазкой, затем на лицо с недоумением:

— Почему я тебя не знаю? Ты сегодня приехал? У тебя свой номер?

— Нет, — Януш незаметно толкнул Славку в бок, когда тот открыл было рот.

Тоня вскинула черную тонкую бровь, и у нее на лбу появилась морщинка, напоминавшая галочку, такую, как рисуют дети, изображая птиц в небе. При этом ее лицо приобрело задумчивое выражение.

— Выйди-ка сюда, — она изящным пальчиком указала на манеж рядом с собой.

Разговаривая, она много жестикулировала и все время левой рукой, из чего Януш сделал вывод, что она левша.

Он встал рядом. На его фоне она выглядела девочкой-подростком. Тоня его разглядывала бесцеремонно, а он с любопытством наблюдал за этими смотринами с высоты своего роста. Глядел на белокожий пробор на ее голове, и эта узкая полоска кожи между прядками волос вызвала в нем почему-то чувство жалости к ней. Он никогда не испытывал ничего похожего по отношению к женщинам, а теперь замер, боясь вспугнуть это щемящее чувство.

— Какой у тебя рост и вес? — будто прицениваясь, спросила она.

Ему не понравился такой примитивный подход к выбору мужчины, но он покладисто ответил:

— Рост — сто восемьдесят, вес — около восьмидесяти.

Она чему-то обрадовалась. И продолжила опрос:

— Как тебя зовут?

— Януш.

— Ты что, поляк? — Тоня снова приподняла бровь

— Наполовину.

— Правую или левую?.. Не обращай внимания, я так шучу. Повернись спиной.

Она с интересом изучала его позвоночник, пробегая по нему быстрыми ловкими пальцами.

— Что ты там ищешь? — не удержался Януш, чувствуя, как от ее пальцев по нему пошли мурашки.

— Изгиб позвоночника. Но у тебя его нет. Подними руки. А теперь разведи их в стороны. Затяжки плеч у тебя тоже нет, и локти хорошо выпрямляются.

— А зубы будешь смотреть? — с легкой обидой в голосе спросил он.

— Не смешно. Имей в виду. Я тебе удрать в чужой номер не дам. Хватит с меня Стаса. Акробатикой когда-нибудь занимался?

Януш быстро взглянул на Славку — тот сидел обалдевший от всего происходящего, но довольный, что друг отвлекся от разговоров о денежном долге.

— Акробатикой?.. Спортивной гимнастикой в юности немного.

— Немного? — она окинула взглядом его фигуру. — А чем ты тогда занимался?

— Стрелял, ножи метал.

— Стрелял? — переспросила Тоня. — Из арбалета? Ох уж эти робингудовские номера. У тебя небось ассистентка в кожаных обтягивающих штанах была?

— Это личное. Я же не спрашиваю, кто такой этот Стас.

Она улыбнулась и взглянула на него по-другому. Не как на объект, подходящий только для циркового номера.

— Шутник, да? Через час чтобы был здесь, в спортивной форме. Посмотрим, на что ты годишься.

Тоня быстрым легким шагом ушла с арены, не оглядываясь на него.

— Ян, ты спятил? Какие репетиции? — Славка вскочил с места. — Ты же не артист. Ты никогда не занимался акробатикой. Ты ее угробишь и сам травмируешься. Тем более ты после ранения.

— Вот ты меня и просветишь, что и как.

— Ты спятил, — теперь уверенно заявил Славка. — Я ей все скажу.

— Понравилась она мне. Можешь ты понять? Как ее зовут? Тоня?

— Антонина Ким.

— Корейнка, что ли?

Славка не ответил, сел на бортик и покачал головой.

— Как ты выкручиваться будешь? Она девича горячая. Когда узнает правду, в тебя полетят тяжелые предметы.

— Ничего, справлюсь. Кто этот Стас? Только партнер или...

— Или. Другую нашел — вот и свалил. У той связи в руководстве управления цирками.

— Какой невероятный блат!

— Зря иронизируешь, — с укором посмотрел на него Славка. — Это важно...

— Почему она меня лапала?

Славка засмеялся.

— Не выдавай желаемое за действительное. Она смотрела, подойдешь ли ты ей для нижнего... Давай только без похабных шуточек. Здесь это не оценят.

— Какой ты важный, — покачал головой Януш и добавил уничижительно, — когда трезвый...

— Я ведь и обидеться могу, — неуверенно напомнил Славка.

— Не стоит. Лучше расскажи, что она от меня хочет.

— Репетировать. Сделать номер и выступать. Интересно, как ты собираешься совмещать службу в спецназе с выступлениями в цирке? А еще говорят, кто в армии служил, тот в цирке не смеется... Отпуск у тебя скоро закончится.

Януш подумал, что может и вовсе остаться без работы. Как бы и под суд не попасть.

— Вяжемся в бой, а там посмотрим.

— Ты ее обманешь, выступать в итоге не захочешь. Она тебе этого не простит.

— Так что она мне предложила? Акробатику?

— Вольтижную. Это партерная акробатика, — ехидно уточнил Славка.

— Теперь намного понятнее, — кивнул Януш.

— Особенно — уточнение о партере.

— Имеется в виду — на земле. Скажи спасибо, что не воздушная акробатика. Она ведь еще участвует в номере Филипповых...

— Так что делать надо? Ты скажешь, в конце концов? — Януш достал сигареты.

— Тут нельзя курить, — Славка испуганно оглянулся и начал объяснять суть номера. — Ты должен будешь стоять на земле и, если можно так выразиться, жонглировать партнершей. Подкидывать ее, ловить после прыжков. Она будет стоять у тебя на плечах, руках, на коленях и на голове, при этом принимая красивые позы, а ты должен балансировать ее телом.

— Это мне нравится, — ухмыльнулся довольный Януш.

— Похотливый ты тип, Ян! — покачал головой Славка. — Только тебе будет не до того. При всей ее subtilности она весит килограммов пятьдесят. После прыжка она будет приходить тебе в руки будто в два раза тяжелее. Этакая живая гиря, которая двигается! А если баланс немного сместится, ты связки потянешь или порвешь. Так-то... Или кости переломашь, — почему-то с удовольствием добавил он.

— Очень заманчиво, что она будет «приходить ко мне в руки», — уточнил Януш, впечатленный такой перспективой.

— Это понятие такое, акробатическое, а не то, что ты подумал.

— Прощу тебе долг, если сможешь мне не сыпаться... Хотя бы пару-тройку дней, — деловито выдал Януш.

— Втюрился, — констатировал Славка. — У меня будут неприятности из-за тебя.

Но приятель его будто не услышал.

— Домой я не успею, — вслух прикинул Януш.

— У тебя есть во что переодеться?

— В этом ты похож на Никулина. Слава, подстрахуешь? — Тоня пристегнула к своему поясу лонжу — страховочный трос, другой конец которого взял в руки Водопьянов. — Мне еще вечером выступать. Ты размялся?

Януш кивнул, испытывая волнение. У него чуть дрожали руки. Он понимал, что начать ухаживать можно было и более безопасным способом.

— Что это от тебя табаком пахнет? — строго спросила Тоня, приняв хавшись. — Чтобы больше этого не было. Никаких сигарет. — Она показала ему кулак. — Начнем с простого. Надо, чтобы ты научился взаимодействовать с партнером, то бишь со мной. Ложись на спину. Давай живей. Нам манеж дали всего на час. Согни ноги в коленях, руки вытяни, упирайся мне в плечи.

Неуловимым движением она вдруг оказалась вниз головой. Януш упирался ей в плечи, а руками она придерживалась за его колени. Он не мог поверить, что держит ее, потому что веса Тони почти не ощущал. Она, оставаясь вниз головой, сделала шпагат и снова вытянула ноги в струнку.

— Сейчас отпущу руки, попробуй удержать меня.

И это с трудом, но удалось Янушу.

— Носки тяни, — велела она сверху.

— Я же не балерина, — пропыхтел он.

— Учись... Я сейчас спущусь через мостик. Держи меня, а потом слегка подтолкни.

Тоня изогнулась в спине и после его толчка оказалась на манеже. Тут же подбежала к ногам Януша и, крепко нажав на его ступни, заставила тянуть носки. Он едва сдержался, чтобы не вскрикнуть от боли и крепко выругаться.

— Теперь встань. Сделай выпад на одну ногу и согни ее в колене, другую держи прямо и упирайся ею в пол. Руки прямые — одну назад, другую вверх. И стой ровно. Я сделаю арабеск у тебя на бедре.

Она вскочила на его согнутую в колене ногу и,

стоя к нему спиной, подняла руки и одну ногу, чуть согнув ее в колене, затем так же, стоя на одной ноге, сделала боковой шпагат.

Януш качнулся, засмотревшись, да и ноге было больно. Тоня упала бы, если бы Славка не натянул лонжу.

— Я же сказала — ровно! Еще раз.

Она сделала арабеск и шпагат снова. Затем встала на руки с опорой на его колени, заставив его держать ее за талию и находиться в таком положении, словно он сидит, но под ним нет стула.

Через двадцать минут у него болели все мышцы и ноги слегка подрагивали. Не отвлекали даже другие артисты, которые репетировали рядом, — жонглер и трое гимнастов.

— Садись на пол, ноги раздвинь для устойчивости. — Энергия Тони не иссякала. — Поддерживай меня за икры руками. Спину прямо! — крикнула она, уже взобравшись к нему на плечи. — Голову не вытягивай! Расслабь плечи, опусти их, не зажимай! — Тоня вздохнула обреченно, и последовала ее очередная команда: — Опусти меня, ты синяки мне на икрах поставил. Неумеха!

Она прыгнула и дала Янушу крепкий подзатыльник. Он опешил.

— Что ты на меня уставился? Я же тебе говорила: «Держи спину ровно и расслабь плечи!» Еще раз.

Он хотел было ей сказать, что устал, но она снова вскочила ему на плечи и теперь не казалась такой легкой, как вначале. У него сбилось дыхание от напряжения в спине и животе. Заболел бок. Он хотел уже отказаться от задуманного, но, к счастью, их время вышло. Пришли артисты, которым для репетиции требовался весь манеж. На арену выбежали пудели. Они так носились, что сложно было сосчитать, сколько их прыгает и лаает вокруг девушки-дрессировщицы.

Януш добрался до первого ряда и сел. Ощущение, будто по нему только что проехал БТР, только усиливалось. К нему все такой же легкой походкой подошла Тоня, накинула ему на шею небольшое махровое полотенце и улыбнулась:

— Все не так плохо, как я ожидала. Ты крепенький. С гибкостью не очень, но в твоей мужиковатости и грубости есть даже некий

шарм. Меня волнует стойка ногами на твоих плечах. Мы в следующий раз это попробуем, потренируем выходы в плечи с разных позиций. Если и это осилишь — надежда есть. — Она шлепнула его ладошкой по спине. — Ты где остановился? В общежитии?

— Вообще-то, я местный.

— Да? — слегка удивилась она. — Завтра приходи в это же время, не опаздывай.

— А что мне за это будет?

— Я тебя не накажу, — почти серьезно ответила Тоня, забрала полотенце и упорхнула в темный коридор.

— Что происходит? — Славка был растерян. — Ты всерьез решил выступать в цирке? — в голове его прозвучали нотки ревности.

Януш пожал плечами и поморщился. С непривычки у него болело все, даже пальцы на ногах. Но он улыбался. Прихрамывая, брел домой, загребая опавшие листья ногами, и улыбался. Еще утром он уныло смотрел на предстоящий день, ожидая неприятностей. И вдруг — тонкая девичья фигурка в раме дверного проема в неверном освещении, ее касания, легкое тело и даже подзатыльник. Слово вихрь ворвался в долго оставшуюся закрытой комнату...

Под душем в маленькой ванной комнате, завешанной выстиранным бельем, Януш проторчал целый час, пытаясь реанимировать ноющие мышцы. Он еще плохо восстановился после госпиталя, да и от упражнений на гибкость его тело отвыкло.

Мать отличалась чистоплотностью. Все время что-то мыла и стирала, завесив бельем и ванную, и кухню. Януш сдвинул вещи на веревке в сторону. При этом ему на голову упали деревянные щипцы устрашающего вида, которыми мать ворочала в большой кастрюле кипятившееся белье. Недавно Януш купил матери современную стиральную машинку. Она накрыла ее кружевной салфеткой, включала по большим праздникам и продолжала кипятить белье по старинке, наполняя квартиру удушливым запахом вареных тряпок.

Перед выходом из цирка Славка сунул Янушу потрепанную книжку.

— Пока ты переодевался, я в нашу библиотеку сбегал, — пояснил он. — Завтра к вашим репети-

циям Степан Иванович подключится. Его вокруг пальца не проведешь. Он сразу поймет, что ты дилетант в цирковом деле.

— Какой еще Степан Иванович?

— Тренер по акробатике. Он сегодня вечером приезжает. Должен был репетировать с Тоней и Стасом, готовить номер. Теперь партнер — ты...

Учебник по вольтижной акробатике лежал на стиральной машине, и Януш сердито поглядывал на него из-за прозрачной шторки, усеянной каплями воды, брызгавшей из душа. Он успел прочесть введение, узнав, что вольтижная акробатика возникла в первой половине двадцатого века и сначала называли ее хандвольтиж от слияния двух слов — французского и немецкого, которые переводились как «наука» и «порхать».

Не то что порхать, Януш из ванны вылез с трудом. Тоня нажала на его ступни с такой недюжинной силой, что теперь малейшее движение приносило ему боль.

Полночи Януш штудировал учебник. Кое-что ему было знакомо из спортивной гимнастики. В училище он уже бросил тренировки и много лет не делал никаких сальто, не садился на шпагат и даже от нечего делать не ходил на руках. Собственно, сейчас от него это и не требовалось. Только держать на плечах Тоню, подкидывать ее и ловить. Порхать в воздухе должна она.

Януш накинул футболку на лампу, стоящую на письменном столе, и читал.

— Чем ты занимаешься? — заворчал проснувшийся в полночь Сережка. — Я спать хочу.

— Носом к стенке и спи, — раздраженно шепнул Януш и через плечо показал брату кулак.

— Я маме скажу... — неуверенно промямлил он.

— Риски здоровьем, — Януш перевернул очередную страницу.

Сережка обиженно засопел и уснул. Януш чувствовал себя как в училищные времена перед экзаменами. Лихорадочные ночные бдения с учебниками в обнимку и запихивание шпаргалок в подкладку формы, в карманы, за подворотнички, в сапоги, так что утром, одевшись, курсанты шуршали, как человечки-оригами. Сейчас прятать подсказки было некуда и бессмысленно. С партнершей на руках можно заглядывать только ей под юбку. Но синие лосины Тони он и так видел.

Оставшуюся часть ночи ему снились схемы из учебника и крутили в голове пируэты термины — фордершпрунг, каприоль и иже с ними.

Проснулся Януш по армейской привычке еще в сумерках, с трудом от боли в мышцах поднялся, влез в спортивный костюм и кроссовки. И побежал...

Мимо старой школы, где когда-то учился. Через гулкий деревянный пешеходный мост, под которым в резиновой лодке сидел рыбак, погрозивший кулаком вслед нашумевшему Янушу. Мимо завода. Через парк со скользкими дорожками и подмерзшими хрустящими лужами.

Бег для него был привычным занятием и не слишком утомительным. Только слегка ломило в раненом боку от студеного воздуха, пропитанного отдушками опавшей прелой листвы, речного ила и свежего хлеба, который пекли ночью в старой, еще дореволюционной пекарне.

Он бежал и думал, что совершает безрассудство: обманывает Тоню, отнимает у нее время, ведь артистом и ее партнером он не станет. Губы Януша расплозились в непроизвольной улыбке. Ему нравилось быть эгоистом. Не так часто он позволял себе это делать — долг, ответственность, помощь семье, боязнь обидеть кого-нибудь — все это копилось, как бесполезные для него самого вещи в кладовке. Когда-то казались нужными и важными, а теперь немодные, поднадоевшие, но привычные, пустившие корни в его образ жизни. Ему все больше думалось, что о нем самом никто позаботиться не готов: ни родственники, ни друзья-сослуживцы. Он особенно остро почувствовал вакуум вокруг себя, когда лежал в госпитале. К нему так никто и не пришел. Оправдания для непришедших были — мать с отчимом не отпустили с работы, ребята из разведгруппы оставались в командировке в Чечне. Он лежал в палате, все время поглядывая на дверь, но никого не дождался.

Теперь он боялся заболеть и остаться наедине с беспомощностью и болезнью. Ему хотелось проявить такую же безответственность по отношению к другим.

«Пусть каждый думает о себе сам, как я», — думал он, перебегая по бетонному мосту, еще одному, который пересекал реку в километре от деревянного старого мостика.

Ему хотелось понравиться Тоне. Он вел себя как в школе, когда дергал за косичку понравившуюся девочку. Если симпатия будет взаимной — она промолчит, стерпит...

Около дома, на спортивной площадке с тронутыми ржавчиной брусьями и турником, Януш подтянулся пару десятков раз, сделал подъем-переворот, выход наверх силой. Почувствовав знакомую ломоту в плечах, поотжимался на брусках и, довольный разминкой, вернулся домой, думая с усмешкой, что все же долго обманывать Тоню не сможет.

«Хотя почему обманывать? — рассердился он на себя. — Уволят меня, а я уже считай на другую работу устроился».

Еще с лестницы он услышал рев. Завывал Сережка. Януш решил, что брату за что-нибудь попало, но собак спустили на Януша, едва он открыл входную дверь.

— Явился! — вскрикнула мать, держа в руках какую-то тряпку. — Долго думал?! Футболку на лампу положить. Ты ее сжег! Пожар мог устроить. Взрослый мужик, а ума нет.

— Ма! — Януш виновато моргнул и показал глазами на Сережку, мол, не стоит отчитывать его перед младшим братом.

— Распустились! — бушевала мать. — Вот теперь покупай ему новую, а то он весь изрыдался.

— Бей его, бей, я его знаю, — подал насмешливый голос отчим из туалета. Оттуда из-под двери струился сигаретный дым.

— Да куплю я, куплю!

— Он еще мне ночью спать не дает, — подлил масла в огонь Сережка, прячась за матерью.

— Доносчику — первый кнут, — снова подал голос отчим.

— А ты вылезай оттуда, курилка! — взялась мать и за него.

Януш отмахнулся от них всех и заперся в ванной. Приняв душ и позавтракав, он ушел в цирк.

— Ну где ты ходишь? — напустилась на него Тоня, как только он появился на манеже.

— Я вовремя, — глянул на часы Януш.

— Иваныч уже здесь. Пошли на репетиционную арену. Быстро разомнешься, повторим перед ним наши вчерашние потуги и посмотрим, что он скажет.

Тоня была в темно-синем коротком махровом халатике поверх знакомых Янушу лосин и футболки. Она проворно пронеслась по коридорам цирка, Януш за ней еле поспевал. Они очутились на арене, практически полностью дублировавшей манеж. Там их на откидном стуле у стены ожидал их Иваныч — мужичок с белыми полосами на брючинах и рукавах, с широкой шеей и крепкими широкими плечами. Наверняка он нижним был. Иваныч окинул Януша скептическим взглядом, но подошел и пожал ему руку.

— Степан, — представился он.

— Януш.

— Поляк, что ли? — нахмурился Иваныч. Лицо у него было круглое, розовое, с широким с залысинами лбом и водянисто-голубыми прищуренными глазами с красноватыми белками.

— Наполовину, — ответила за него Тоня.

В зале занималось много артистов. Разминались, растягивались. Януш вспомнил свои навыки из спортивной гимнастики и разминался, используя турник в углу зала, гантели и гири, чувствуя все время на себе скептический взгляд Иваныча.

Иваныч сам держал лонжу, пока Януш с Тоней показывали вчерашние наработки. После чтения учебника Януш яснее понимал, что от него требуется, и замечаний со стороны Тони не слышал.

— Ну, это все детский сад, — заключил Иваныч. — Ты понимаешь, что его фактически с азов учить надо, а он уже старый?

Януш осмотрительно промолчал.

— Он за один день освоился. У него занятия спортивной гимнастикой за спиной, — с жаром заступилась Тоня. Ей очень хотелось свой собственный номер.

— Вот именно что «за спиной»... — Иваныч подошел к Янушу и так же, как вчера Тоня, начал осматривать его, щупать спину, руки, сгибать, разгибать их в локтях.

Смирившись с ролью подопытного кролика, Януш чувствовал на себе цепкие пальцы Иваныча и ежился, когда тот слишком грубо хватал его.

— Ладно, — пробормотал Иваныч. — Попробуй выход в плечи.

— С фуса? — проявил свою осведомленность Януш.

— Рано еще с фуса. Тонька сама на тебя вскарабкается.

Вспомнив рисунок в учебнике, Януш присел, взяв за руки Тоню. Она, наступив ему одной ногой на бедро, тут же поставила вторую на его плечо и, когда он выпрямился, уже стояла на его плечах двумя ногами. Он встал в полный рост, чуть расставив ноги для устойчивости.

— Шею не тяни вперед, поддерживай Тоню затылком и руками за икры, — Иваныч до упора натянул лонжу. — Спину держи!

Дальше на Януша посыпались тычки и шлепки по тем местам, которые нужно было втянуть или, наоборот, выпятить.

Януш с трудом сдерживался, чтобы не дать сдачи. Тоня намяла ему плечи своими миниатюрными ступнями, натерла уши докрасна, и он уже несколько раз пожалел, что ввязался в это дело.

— Ты устала, — наконец заметил Иваныч. — У тебя еще вечером выступление. Завтра продолжим.

— Она устала, — пробормотал Януш, потирая шею.

— Думаю, не стоит расплытаться, а надо сразу разучивать элементы, которые войдут в номер, — решила Тоня, набрасывая халатик.

Иваныч кивнул, оставаясь хмурым, но Янушу показалось, что предположения Славки не оправдались — разоблачение отменяется. Наоборот, процесс тренировок стал вроде бы налаживаться.

Тоня уже пошла из зала, когда вдруг остановилась и обернулась:

— Можешь у меня в гримерке переодеться, — предложила она и добавила с улыбкой: — Партнер.

И пошла, больше не обращая на него внимания. Януш заспешил следом, словно загипнотизированный ее волосами, собранными в короткий хвостик, который, как маятник, при ходьбе летал вправо-влево, вправо-влево...

— Номер я уже продумала, — сказала она вдруг на ходу. Януш даже не сразу понял, что Тоня обращается к нему. — Последовательность комбинаций. Проблема в том, что ты не скоро сможешь почувствовать уверенность в бросках и ловле, да и темп будет страдать. Придется больше упор делать на пластику и силу. Вот уже чего у тебя в избытке — так это силы. Я вся в синяках.

Они зашли в ту самую гримерную, где Януш увидел Тоню в первый раз. Девушка плюхнулась на низкую тахту, покрытую ковром — черным с желтыми узорами. Тоня мечтательно закинула руки за голову, вздернув острый подбородок.

— Классный номер получится. Только без подкруток не обойдется. А ближе к финалу тебе надо будет на вытянутой руке удерживать меня, а я буду стоять одной ногой на твоей ладони.

— Да запросто. Хоть сейчас, — завелся Януш, который минуту назад собирался признаться ей, что он не цирковой артист. — Иди сюда. — Он протянул ей руку и прикинул расстояние до потолка. Здание цирка было старинное, и толки располагались высоко.

— Да ну тебя! Без лонжи...

Он схватил ее за руку и поставил рядом.

— Как тебя наверх вытолкнуть?

— Надо на твою кисть руки и на мою стопу петли накинуть. А потом ты должен встать на колено и взять меня за голень... И вот тут, чуть выше подъема, встать и вытолкнуть меня вверх на свою прямую руку. Ой! — вскрикнула она, взлетев к потолку. — Не вцепляйся так, ногу сломаешь, сумасшедший!

Януш в большом напряжении балансировал вместе с ее фигуркой. Вдруг чуть подкинул ее, крутанув за стопу так, что она повернулась в воздухе лицом к нему и полетела вниз. Он поймал ее за несколько сантиметров от пола. Тонино лицо оказалось напротив его лица. Он буквально впился в ее губы, крепко прижав к себе всем телом. Она была так стиснута, что словно бы и дышать перестала. Януш откинул голову.

— С ума сошел? — холодно поинтересовалась она. Януш с испугом подумал, что ей неприятно и даже противно. — Разве можно так отпускать?! Меня чуть инфаркт не хватил. Такая скорость падения, я подумала, что пол пробью. Такое рвение бы на репетициях показывал. Да отцепись ты, — она хлопнула его по рукам. — Ребра переломашь.

Он ослабил хватку, но Тоня не вырывалась, смотрела на него с любопытством.

Януш умом понимал, что не стоит это говорить, но выдал, глядя на макушку Тони:

— Дурочка, я люблю тебя. Вот и все...

Она рассмеялась, запрокинув голову, и повторила:

— Вот и все? Мы знакомы два дня, даже меньше, несколько часов. Ты ничего не знаешь обо мне, я — о тебе. Даже твою фамилию.

— Это так важно? — он дернул плечом. — Меня зовут Скальба Януш Матеушевич. Мне тридцать шесть лет. И я еще никому не говорил то, что сказал только что тебе.

— Пусти, Януш...

От того, как она произнесла его имя, у него озноб прошел по телу. Он продолжал держать ее.

— Ты Стаса любишь?

— Вот глупость! — Тоня толкнула его в грудь и вернулась на тахту. — Кто тебе это сказал? Чуть, вздор и вообще не твое дело! — Она не могла долго сидеть спокойно и уже подошла к столику с маленькой электрической плиткой. — Хочешь есть?

— Тут разве можно готовить? — Януш хмурился, не в силах сразу переключиться с предыдущего разговора на банальный — о еде.

— Не будь занудой! Все готовят. Иди мойся, я пока приготовлю.

Душ Януш нашел в конце коридора и второй раз за эти дни вспомнил училище. Мужское отделение было без отдельных кабинок. Януша еще в училище бесило это. Не то чтобы он отличался стеснительностью, но ему казалось, что таким образом курсантов как бы обезличивают, унижают, чтобы чувствовали себя одним из толпы, заменяемым и никому по большому счету не нужным. Он всегда ощущал себя очень одиноким в толпе таких же, как он, обнаженных, обритых, что в бане, что в душевой, что в казарме. Когда уже стал офицером, он избегал общежитий, снимал комнату, не ходил в баню за компанию и в командировках старался обеспечить себе хоть закоулок, но отдельный.

Сейчас в цирковом душе мылся пузатый невысокий мужичок с загаром на плечах и белым незагорелым телом по контуру майки. Он мельком взглянул на атлетическую фигуру Януша и повернулся к нему спиной. Януш торопливо помылся и вернулся в гримерную.

Там пахло жареной колбасой и яичницей. Тоня переделалась в длинную юбку и клетчатую рубашку. Они присели к узкому столику и молча

стали есть. Она поглядывала на него то и дело, но он упорно смотрел в пластиковую одноразовую тарелку.

— Что-то ты вдруг оробел, — помедлив, заметила она. — Ты упоминал, что у тебя номер с метанием ножей был. Где выступал? Почему номер бросил?

— А можно я останусь, посмотрю новую программу? — попытался увернуться Януш от распросов. — Славка говорил, что ты выступаешь в номере воздушной акробатики.

— Ты как маленький. Зачем тебе мое разрешение? — удивилась она. Вскочила из-за стола и начала причесываться перед зеркалом. Стянула волосы на затылке и стала краситься. Глаза, губы. Косметика была яркая — в серо-голубых тонах.

Януш увидел за коричневой ширмой голубой костюм, висевший на плечиках, — блестящий, облегающий, с бахромой на брючинах и рукавах.

— Ты в этом выступаешь?

Она глянула в отражение и кивнула.

Меньше всего он думал о костюмах и выступлениях. Смотрел на ее спину и хотел обнять. Януш не мог понять, почему ему так сложно просто подойти и обнять, особенно после недавнего поцелуя. Его удивило, что она не смутилась, не была польщена, да, в принципе, никак не отреагировала. Равнодушие или она умеет прятать эмоции?.. Актриса!

— Что ты надулся? — Тоня отвлекла его от мыслей о ее коварстве. — У тебя ресницы как у девчонки. А у меня почти нет. Приходится накладные клеить.

— Ты шутишь?

— У тебя действительно длинные ресницы. — Она засмеялась. — Найди Славку, он тебе покажет место в зале. А мне надо переодеться и размяться. Скоро дневное представление.

— Ты будешь ночевать здесь? — Януш кивнул на тахту.

Она обернулась и испытующе с чуть заметной полуулыбкой посмотрела на Януша. Тоня смотрела иронично и долго. Он невольно начал краснеть.

— Я просто так спросил, — поспешил он откеститься от ее подозрений в его низменных мыслях.

— В общаге шумно. Я с разрешения директора чаще здесь остаюсь. Тут стены толстые, старые — хорошо спится. Ведь редко так везет, что приезжает цирк в город, где есть родственники, у которых можно поселиться. Да и родственники не жаждут угловых жильцов. У тебя с этим как? Не гонят еще?

— Мать с отчимом? Нет, конечно.

— А у тебя здесь родители... — Она достала костюм из-за ширмы. — Слушай, а тут в городе есть что-нибудь интересное? Где тут развлечься?

— Вообще, рыбалка тут хорошая, — неожиданно для самого себя выдал Януш.

— Ты решил меня уморить? — Тоня вытерла слезы, выступившие от смеха. — Я имела в виду театры и музеи. Хотя рыбалка — это забавно. Ты машину водишь?

— Да, только ее у меня нет. — Он никак не мог привыкнуть к ее манере говорить, перескакивая с одного на другое. Она и двигалась почти все время — то в зеркало смотрелась, то докрашивалась, то рассматривала костюм на просвет, не прохудился ли.

— Машину достать можно. А еще палатку, мангал. Рыба здесь хорошая?.. — Януш кивнул. — Ну и котелок для уха. Дня два можно провести на природе, пока снег не выпал.

— Палатка и теплые спальные мешки? — подхватил Януш с удовольствием от предвкушения. — Или двуспальный большой мешок?

Она кивнула, кажется, думая уже о другом, не слушая его.

— Иди, иди, — Тоня подтолкнула его к двери. — Дай мне собраться с мыслями и с мышцами.

Славка будто поджидал за углом коридора, ведущего к манежу. В руке он держал тумбу, на которую сажают животных на манеже.

— Что, в артисты заделался? Подход к Иванычу нашел? — судя по озлобленности, он был на пороге капитального запоя.

Януш пребывал в смятении после сумбурного разговора с Тоней и не нашел ничего лучше, чем сказать:

— Не только к Иванычу, и к ней тоже. Мы с Тоней уже переспали.

Славкины голубые глаза, обычно добродушные, сузились, помутнели. Он шагнул к Янушу. Но, словно наткнувшись на невидимую преграду, отступил, опустил голову и спросил:

— Ты что-то хотел от меня?

— Тоня сказала, что ты покажешь место в зале, откуда можно будет посмотреть представление. — Януш удивился резкой перемене в настроении друга, но развивать тему о близости с Тоней не стал. Он сам испугался того, что ляпнул.

В пустом зале гасли и зажигались цветные прожектора. Осветители проверяли технику. Униформисты в форменных брюках, но в майках и футболках расстилали на манеже красный ковер и разглаживали складки. Славка был среди униформы, в сторону Януша и не смотрел.

Зашумели зрители в фойе, запахло жареной кукурузой, дети и родители устремились в зал, отыскивая свои места, хлопая откидными сиденьями. Вспышки фотоаппаратов в мобильных телефонах высвечивали довольные физиономии детей, с леденцами на палочках, с клоунскими носами на резинках на фоне еще пустого манежа. Но вот публика заняла места и артисты стали выходить на манеж. Грохотала музыка. В нескольких метрах от Януша, среди артистов, лицом к залу стояла Тоня. Она улыбалась, хлопала ладоши, костюм облегал ее стройную фигурку. Она смотрела в зал, но словно бы и никого не видела. Рядом стояли еще артисты в таких же, как у нее, голубых костюмах. Януш догадался, что это Филипповы, о которых Тоня говорила не слишком лицеприятные вещи.

Выступление Филипповых — воздушных акробатов — было в конце первого отделения. В номере, кроме Тони, выступали еще девушка, два юноши-подростка и трое мужчин. Когда Тоня пронеслась над манежем, перелетая из рук одного гимнаста в руки другого, Януш провожал ее взглядом, замороженный, и не узнавал. Она выглядела диковинной птицей в полете, в этом костюме, в бледно-голубом освещении, хотя он уже представлял, чего стоила эта легкость. Когда ее руки попадали в руки партнера, то разлеталось белое облачко магнетизма вокруг их сцепившихся рук...

Януш не досмотрел номер до конца, у него обрывалось сердце во время каждого полета Тони. Он выбрался из зала, благо куртка у него была с собой, вышел на улицу и сразу же купил сигареты в ларьке. Закурил и побрел домой, ежась от мелкого холодного дождя.

Тоня, выступая на манеже, показалась ему

не то чтобы чужой, но отрешенной, погружившейся в свое искусство.

Януш шел, то и дело пожимая плечами в недоумении, как он мог ввязаться в эту историю. За два дня он заморочил девчонке голову, а она, поглощенная своей работой, и не догадывается о его истинных намерениях. Впрочем, после поцелуя и признания...

Закашлявшись от сигаретного дыма, Януш с досадой выбросил сигарету. Он почувствовал себя плохо — сбилось дыхание, заныло в боку. Прислонился к забору, около которого остановился, и подумал, что курить все же надо бросать. Стукнул кулаком по забору так, что доска штакетника вывалилась.

Он злился на себя за глупую привязанность к этой легкомысленной циркачке. «Все, не пойду больше туда», — решил он и пошел к дому. Около подъезда снова остановился и потянулся за сигаретами. Уже достал сигарету, но раздраженно скомкал пачку и бросил ее в мусорную урну. Уши щипал морозный вечерний воздух. Окно квартиры на первом этаже зеленовато светилось. Это Сережка включил настольную лампу. Януш видел макушку брата, колдовавшего над диспозицией солдатиков на подоконнике.

Обычно Януш тосковал по дому, когда был на службе или в командировках. Ему часто снился этот зеленоватый свет в окне... Но сейчас ему не хотелось идти домой, не было желания ни с кем разговаривать. Время шло, а известий из отряда не поступало, и от этого становилось еще тревожнее...

Достав мобильный телефон, Януш покрутил его в руке и набрал номер своего зама Андрея Жучкова. Тот ответил, и его «слушаю» прозвучало рассеянно. Януш представил его за письменным столом, занятым составлением отчетов и планов, сейчас вся работа Януша свалилась на Жучкова — есть отчего быть озабоченным. Но Януш уловил в тоне друга и недовольство, поэтому нарочито веселым голосом спросил:

— Ну, как там дела, Андрюха? Закопался в бумагах, не звонишь.

— Никаких новостей, Ян. Если б были, я бы позвонил, ты же знаешь. Командир передо мной не отчитывается. Молчит. Даже банальных слухов нет. Солдат в госпитале. Так и пара-

лизован... Но это, может, и хорошо, что тихо. Глядишь, пересидим, не высовываясь. А?

Януш молчал в трубку.

— Как твой отпуск? — начал было Андрей и, спохватившись, выпалил: — Да не бери ты в голову! Кто посмеет?! Если таких офицеров, как ты, выгонять, кто служить будет?

— Формально я виноват, — уныло констатировал Януш. — Ничего не попишешь. Ладно. Позвони, если новости будут.

Он почувствовал, что кто-то трется о его ноги. Глаза Муськи в сумерках поблескивали. Януш взял кошку под брюхо и пошел домой.

Под горячую руку попал Сережка, который все еще играл в солдатиков. Януш бросил Муську на тахту, туда же кинул куртку и свитер.

— Ты уроки сделал? — Он вспомнил, что старший брат имеет право, сделал строгое лицо, задавать такие провокационные вопросы.

Сережка пренебрежительно отмахнулся.

— Так, я не понял! — повысил голос Януш. Подошел к брату и, взяв его повыше локтя, оттянул от окна и усадил за письменный стол.

— Быстро, достал учебники и стал делать уроки.

— Что ты пристал? — опустив голову, обиженно пробормотал Сережка.

— Поговори у меня! — Януш легонько хлопнул его ладонью между лопаток.

Сережка начал хныкать.

— Что ты к ребенку пристал? — вмешалась мать, заглянув в комнату. — Ходишь где-то целыми днями, потом на брате срываешься. Лучше бы по дому что-нибудь сделал. Хоть бы полы помыл, что ли.

Януш пошел в коридор, покорно снял ведро со шкафа и тряпку. Вдруг почувствовал, что мать обняла его сзади.

— Прости, сыночек. Забыла, что ты после ранения. Совсем из ума выжила. Иди отдыхай, я сама.

— Да брось, мам. Я нормально себя чувствую.

— Ванечка, — мать иногда так называла его.

— У тебя неприятности? Я же вижу, ты сам не свой.

— Ничего серьезного, — улыбнулся он. Уже от ее участливого вопроса он почувствовал, как невидимый груз спадает с плеч. Но от неожиданной легкости слегка увлажнились глаза, благо в коридоре было почти совсем темно, только

слабый свет настольной лампы проникал из комнаты, где Сережка, вздыхая, шурушал страницами учебника.

Материнской нежности хватило до утра и то с перерывом на сон.

— Ты что же, паразит, делаешь?! — этими жизнеутверждающими словами мать приветствовала Януша утром, когда, собираясь на работу, вышла в коридор.

Она обнаружила кавардак — извлеченные с антресолей старые картонные коробки, фанерный, еще бабушкин, чемодан, рюкзак...

— Где мой спальник?

— Какой спальник? — мать подобрала с пола стопку журналов и огрела Януша по согбенной спине. Он, сидя на корточках, отцеплял от пальца рыболовный крючок. — Весь дом перевернул!

— Да уберу я! — рассердился он. — Где спальный мешок? Дома ничего оставить нельзя. Я завтра на рыбалку собирался. Я в прошлом году привозил свой старый армейский спальник.

— С ума сошел? В такой-то холод на рыбалку, после ранения? И думать забудь! Я тебя не пушу.

— Мам, ты меня с Сережкой перепутала. Ему запрещай. Кстати, о Сережке... — Януш устремился в комнату с догадкой на лице.

Брат, натянув одеяло на нос, делал вид, что еще спит, но разговор о спальном мешке явно слышал. Янушу было достаточно заглянуть за шкаф, чтобы найти то, что искал — чуть пыльный спальный мешок.

— Куркуль ты, Сережка! — покачал головой Януш.

Он сунул спальный мешок в большой пакет, туда же положил рыболовные снасти и две складные удочки. Оставив этот пакет в коридоре, Януш вышел на пробежку. Два часа он выматывал себя бегом и упражнениями. Но в итоге его решительности не ходить больше в цирк хватило ровно до времени репетиции, на которую Януш не опоздал.

Все пошло по новой. Разминка, повторение «пройденного», раздражающие Януша окрики Иваныча: «Используй ноги, не работай только руками... Глазами за партнершей следи, не верти башкой, остолоп!.. Плечи не напрягай. Голову так сильно не поднимай, иначе в пояснице прогибаешься. Надо спину ровно держать».

Януш сопел от напряжения и злости, что его, офицера-разведчика, отчитывают как мальчишку и что он вообще занимается непонятно чем. Не сразу Януш заметил настороженные взгляды Тони и ее непривычную молчаливость.

После репетиции он поплелся за ней, хотя она его не звала с собой. Тоня резко остановилась в коридоре около двери в гримерную так, что Януш наткнулся на нее.

— Ты почему вчера сбежал? — она смотрела на него так, словно видела впервые.

— Что-то вчера намечалось?

— Так все ведь уже было. Что ты на меня уставился? Только не говори, что ты ни сном ни духом.

Януш опустил глаза, чувствуя, как наливаются кровью шея. Мысленно он уже стремился к Славке. «Вот ведь урод, — подумал он. — Не постеснялся передать девчонке наш вчерашний мужской треп».

— А я спальный мешок нашел и удочки... — робко исподлобья взглянул он на нее.

— Ты думаешь, после всего, что между нами было, — Тоня взглянула на него многозначительно, — это прилично? Кстати, можно взять служебную «газель». Дядя Женя разрешил назавтра. Завтра и послезавтра нет представлений.

— Тогда с утра пораньше? Часиков в пять? — еще более робко спросил Януш, внутренне ликуя.

— Можно. Сегодня тоже нет представлений. Понедельник. Но на ночь глядя ехать неохота. Только имей в виду, я еду на рыбалку...

Они долго смотрели друг другу в глаза. Кто кого переглядит. Первой засмеялась Тоня.

— Все-таки у тебя слишком длинные ресницы, — невпопад сказала она. — Завтра с утра приходи, — Тоня забежала в гримерку и вышла оттуда с ключами в руках. — Вот. От машины. Дядя Женя сказал, что только заправить придется нам самим и канистру в багажнике он советовал наполнить, потому что спать лучше в машине, а не в палатке, на земле.

«Тем более палатки нет», — с облегчением подумал Януш, мысленно благодаря незнакомого дядю Женю.

Выйдя из цирка, он увидел «газель», о которой говорила Тоня, белую с ржавчиной на боках и рекламой цирка. Януш удовлетворенно

хлопнул машину по борту и поспешил в спортивный магазин купить котелок. С неохотой он все же приобрел и второй спальный мешок, два складных стульчика и наживку для завтрашней рыбалки.

Януш вернулся с покупками к цирку, чтобы положить их в машину, и столкнулся у служебного входа со Славкой. Тот курил в стороне от двери, отвернувшись от входивших и выходивших. Даже по сгорбленной спине чувствовалось, что он подавлен. «Ага, боится, — удовлетворенно подумал Януш, но подходить к другу не стал. — В конце концов, может, он мне услугу сделал. Тоня ведь не отказалась ехать на рыбалку. Ее не отпугнули Славкины сплетни».

* * *

Сюнная Тоня куталась в огромный зеленый шарф, в который ее, кажется, можно было замотать целиком. Януш впервые видел ее в обычной одежде, а не в трико. В куртке и джинсах она выглядела совсем девочкой и капризничала как подросток.

— Зачем я согласилась? В такую рань! Лучше бы выспалась. День репетиций пропустим, а для тебя каждый день важен. На вот, дядя Женя забыл вчера документы на машину передать. Да открывай же быстрее! Я замерзла.

Януш отмалчивался, чтобы не вызвать еще большее раздражение.

Наохлившись, она дремала на сиденье рядом с водительским. Януша даже слегка напугало и рассердило ее безоглядное доверие к нему.

«Или это равнодушие? — гадал он, вырывая от цирка на дорогу. — Ей все равно, куда и с кем ехать? Легкомысленная? Распущенная?»

Повеселела Тоня, только когда Януш на бензоколонке купил ей кофе в пластиковом стаканчике. Заправив бензобак под завязку и канистру, в магазинчике он купил кое-что из еды.

— Вот это я понимаю, — потягивая кофе, улыбнулась Тоня. В машине было жарко, она скинула мягкие сапожки без каблучков и закинула ноги в белых носках на панель над «бардачком».

Януш видел боковым зрением, что Тоня на него то и дело смотрит, изучает.

— Что ты так смотришь? — покосился он на нее.

— Да так, думаю, о чем нам говорить? Кажется, у нас не слишком много общих тем.

— Ты о чем?

— Да так, — повторила она. Сняла вязаную шапочку и накинула ее на пальцы ног. Незаколотые волосы рассыпались по плечам, слегка топорщась, наэлектризованные.

— Расскажи что-нибудь, — предложил Януш. — Мы же не неандертальцы. Двум, я надеюсь, неглупым людям всегда есть о чем поговорить.

— Наверное, — хмыкнула Тоня, по-кошачьи прищурив все еще сонные глаза. Януш успевал поглядывать и на дорогу, и на нее.

— Никогда не ловила рыбу, — призналась она. — По-моему, глупое занятие.

— Ты меня сейчас провоцируешь или всерьез? Тогда зачем поехала?

— После того, что между нами было? — изумилась она картинно. — Странный вопрос.

— Значит, ты не против продолжения? — разозлился Януш, попытавшись ее задеть, и тут же внутренне обмер, опасаясь, что перегнул палку — Тоня сейчас потребует остановиться, выйдет, и на этом все закончится.

Она засмеялась.

— Мечтать не вредно! А ты знаешь то место, куда мы едем? Ты там бывал?

— Года два назад с друзьями. Но в нашем городке и его окрестностях ничего не меняется. Мне иногда даже кажется, что и атомный взрыв не расшевелит этот город. Не сразу поймешь, то ли тут дореволюционная атмосфера, то ли советская.

— Ты здесь родился?

Януш кивнул.

— А я в Токсово родилась, это под Питером. Здесь, наверное, летом хорошо. А для детей раздолье.

— Да уж, — усмехнулся он. — Чего мы только не вытворяли со Славкой! И с моста на спор прыгали, и на трамвае, сзади прицепившись, катались...

— У вас здесь трамвай есть?

— Конечно, — удивился Януш. — Он, кстати, недалеко от цирка ездит. Неужели не видела? Ну, ты даешь!

— Ничего, кроме цирка, я не вижу, — отмах-

нулась она. — Как одержимая... А ты такой шпанистый был? Хотя есть в тебе и сейчас что-то озорное. Наверное, твоим родителям доставалось от тебя.

— Это мне доставалось, — обиженно возразил Януш, сворачивая с шоссе на проселочную дорогу. — Отчим меня полировал, будь здоров.

— Отчим? — сочувственно переспросила Тоня.

— Номинально отчим. Он, конечно, мужик с чудинкой, но добрый. Если бы у меня был такой сын, каким я был в детстве, я бы его вовсе прибил.

— Ну уж, какой ты жесткий!

— Жизнь заставляет быть таким... Приехали, — сказал он нарочито бодро и остановил машину у заросшего камышом берега. Тоня натянула капюшон и выпрыгнула из «газели». Потянулась и что-то сказала. Януш доставал вещи из фургона и не расслышал.

— Что? — переспросил он.

— Хорошо, говорю. Зимой только пахнет. Рыба, наверное, на теплые квартиры переехала, — засмеялась она. — Спит себе где-нибудь под корягой.

— Ничего, выманит, — с рыбацким азартом Януш разматывал леску и раздвигал телескопическое удилище. — Держи, только сама на крючок не попадись.

Януш помог ей закинуть удочку и усадил Тонию на складной стульчик. Расстегнул спальник и накиннул его, как одеяло, ей на плечи.

— Ловись рыбка большая и маленькая, — весело сказала Тоня.

Земля под ногами была мягкая, пропитанная влагой. Река, стальная, с желтизной у берегов, разлилась здесь, на изгибе, особенно заметно, почти до сосен, растущих у дороги. И камыши сильно разрослись по сравнению с тем временем, когда Януш был здесь последний раз.

День только начинался, но света не прибывало. Висели над заречным хвойным лесом низкие серые тучи, обещавшие затяжной, монотонный дождь, поэтому Януш поспешил разжечь костер. Небольшую вязанку березовых поленьев в красной сетке он купил в магазине на бензозаправке. Предусмотрительно купил и пятилитровую пластиковую бутылку воды. Налил ее в котелок и повесил над костром.

Глядя на огонь, он усмехнулся, подумав, что

мог не тратить деньги. Курс выживания, пройденный им на службе, позволял ему устраивать для себя довольно комфортные условия в любой ситуации, без дополнительных приспособлений.

Януш обернулся. Поплавок Тониной удочки уже не дергался, а совсем утонул, утащенный крупной рыбой. Тоня просто-напросто уснула.

Он не стал ее будить, взял из Тониных рук удилице и подсек рыбу. Это была крупная серебристая особь, но Януш не успел ее рассмотреть, потому что боковым зрением заметил приближающихся по берегу трех полицейских, во всяком случае если судить по форме.

В первую секунду он с замиранием подумал, что его идут арестовывать. Но здравый смысл быстро возобладал. Никто не знает, куда он поехал на рыбалку.

С милицией Януш много контактировал в Чечне. Сейчас ему стоило мимолетно взглянуть на приближавшуюся компанию, чтобы понять, что это ряженые. Испуга не было. Он даже улыбнулся. Если бы парни видели его улыбку, они бы, наверное, подумали, подходить им или лучше уносить ноги подобра-поздорову.

— Тоня, — позвал он. Увидев, что она вздрогнула и проснулась, Януш сказал спокойным голосом: — Сядь, пожалуйста, в машину и закройся изнутри.

— Ты что? — Она покрутила головой и увидела подхихивающую троицу. — Кто это?

— Делай, как я говорю. И побыстрее.

Он поворошил дрова в костре и, дождавшись, когда Тоня скрылась в машине, встал и пошел навстречу этим трем.

— Здорово, служивые! — весело приветствовал он их, наблюдая за их реакцией.

Двое слегка подрастерялись. Совсем молодые, им едва исполнилось лет по двадцать. А вот стоявший перед ними «вожак» лет двадцати пяти не дрогнул. Лицо смазливое, циничное, с черными прищуренными глазами.

— Ваши документы, — сипло потребовал он.

— Без проблем, — согласился Януш и полез в карман, но приостановился. — Только сначала покажите ваши.

— Чего «ваши»? — циничный «вожак» тоже слегка дрогнул, но пока он думал, что на их стороне численный перевес силы.

— Документы, — вежливо уточнил Януш.

Они переглянулись. Форму они где-то раздобыли, а вот удостоверениями явно не обладались.

— Вы что, не видите, кто перед вами стоит? — попытался взять нахрапистостью «вожак».

— Не-а, — забавлялся Януш, как кот с мышами. При этом он не переставал контролировать ситуацию и сразу заметил движение руки парня, стоявшего чуть сзади своих подельников.

«Ого, — мелькнуло у Януша в голове, — этого я недооценил».

Дальше псевдополицейские вряд ли успели понять, что произошло. Януш легко и четко сделал несколько сдержанных, но давно отработанных движений, в результате которых парни оказались на земле, без сознания.

У одного из них в кармане Януш нашел каскет, у другого — травматический пистолет, именно за ним парень полез в карман, когда Януш стремительно напал. И, конечно, он не обнаружил никаких документов.

— Ты их убил? — раздался робкий, испуганный голос Тони за его спиной.

— Я же велел — сидеть в машине! — рявкнул Януш.

— Не понимаю... — замотала головой взволнованная Тоня. — Это же милиционеры.

— Они такие же милиционеры, как я балерина, — отрезал Януш.

— Тогда надо настоящих вызвать, — рассудила она, опасливо и брезгливо поглядывая на обездвиженных несостоявшихся налетчиков.

— Еще чего! Поехали домой. Давай быстрее, — скомандовал Януш и твердым шагом направился к машине.

В машине ехали молча. Януш думал, что неплохо было бы сдать этих паразитов властям, но тогда пришлось бы показывать свое удостоверение перед Тоней, да и как-нибудь могло стать известно об этом инциденте на службе. Тогда рассчитывать на благоприятный исход дела вообще не придется. Скажут, что с психикой у майора Скальбы не все в порядке. Дерется везде. Покалечил солдат и троих парней. Еще чего доброго дело пришьют за превышение необходимой самообороны.

— Съездили, отдохнули... — разочарованно произнесла наконец Тоня.

— Зато рыбе повезло. Пойманную и ту отпустили, — вздохнул Януш.

— Думаю, ты не о той рыбе переживаешь. Другая рыбка с крючка сорвалась?

— А может, рыбка сама об этом жалеет? — огрызнулся он.

— Отвези меня в цирк, — металлическим голосом потребовала Тоня.

— У нас и так цирк... Сейчас, только вещи закину домой. Не тащить же мне их на горбу. Или ты возражаешь?

Она промолчала.

«Буду я еще с ней связываться, — злился Януш. — Скачу вокруг нее как клоун. Акробатикой на старости лет занялся. Еще не хватало что-нибудь себе сломать. Влюбился как мальчишка. — Он покосился на нее, увидел только ее затылок в белой вязаной шапочке — Тоня обиженно отвернулась. Первое желание у него было шутиливо хлопнуть ее по шапке и тут же поцеловать в макушку. Но он этого не сделал.

Благо квартира на первом этаже — Януш быстро закинул вещи, оставив их прямо в коридоре. Затем он отвез Тоню и без лишних разговоров отдал ей ключи и документы на машину. Расстались без слов, даже не попрощались.

Вернувшись домой, он во весь рост растянулся в коридоре, споткнувшись об оставленные второпях вещи. На шум выскочил Сережка и захихикал.

— Я тебе похихикаю, — погрозил Януш, поднимаясь. — Сгинь!

Он убрал вещи и сел в кухне, облокотившись о стол, и с тоской уставился в стену над газовой плитой. Если бы он был в общаге, то напился бы, но дома он не хотел. Сережка и так частенько видит пьяным отца, чтобы еще и брат...

Януш сидел в тяжелых раздумьях, потирая кулак, который слегка саднило после удара о физиономию предводителя ряженных полицейских. На улице стемнело, зашелестел о жестяной подоконник снаружи снег, первый и сразу сухой. Он наверняка не растает сразу же. На рыбалке было бы не слишком здорово под снегопадом. Хотя в прогретой машине, в спальнях мешках или еще лучше в одном... Януш вздохнул.

Его мечтания вспугнул внезапно включенный в кухне свет — вернулся с работы отчим. Он потер ладони. Лицо его была красное, посеченное снегом и ветром.

— Ты чего-то рано вернулся, — с недоумением глянул он на Януша. — Может, под рыбку? — Он показал горлышко бутылки, приподняв ее из кармана.

Януш не говорил, что поедет на рыбалку не один, а теперь не собирался объяснять, что вместо рыбы поймал трех псевдополицейских и ссору с Тоней.

— Иди ты со своей водкой! — нахмурился он.

Отчим спрятал бутылку и сочно врезал Янушу по затылку. Сережка, наблюдавший эту сцену из коридора, опять злорадно хихикнул.

— Подслушиваешь? — обернулся отец к Сережке. — Я твой дневник что-то давно не смотрел. Тогда вместе посмеемся.

Удаляющийся по коридору голос Сережки испуганно пообещал:

— Мама придет, я ей скажу, что ты водку принес.

Януш, понурившись, молчал, огрызаться больше не пытался. При всех недостатках отчима, тот его воспитывал с детства, считал родным, кормил, одевал, обувал, приезжал в училище со снедью, и полкурса объедалось домашними соленьями и пирожками.

— Ты что-то того... — смячая свой поступок, пробормотал отчим примирительно. — Напрасно так...

— Извини. Настроение плохое. Рыбалка сорвалась и вообще...

— Ладно, ладно. — Отчим спрятал бутылку за консервными банками в холодный шкаф под окном.

— Пойду разберусь с Павликом Морозовым.

«Разборка» кончилась криками и Сережкиным ревом.

Когда мать вернулась, мальчик уже успокоился и прилежно делал уроки. Януш лежал на тахте, повернувшись носом к стене. Отчим сидел в кухне, уставившись в телевизор.

Всю ночь шел снег, его тени двигались по стене, подсвеченные уличным фонарем. Несмотря на то что встал рано, Януш долго не мог заснуть. Ползущие по стене тени напоминали капли воды. Окно в канцелярии группы перед

отъездом Януша вот так же заливало, только настоящим дождем. Билеты на поезд домой он смог взять лишь на следующий вечер. Весь день старался не попадаться командиру на глаза, ведь тот велел отправляться в отпуск, подальше от начальства.

Настроение было унылое, бойцы разведгруппы слонялись по казарме притихшие. Януш хотел было наорать на драчунов, но промолчал, только тяжело вздохнул, посмотрев на них, когда вернулся ночью от командира. Рано утром он съездил за билетом на вокзал, а вернувшись, на КПП был остановлен дежурным.

— Товарищ майор, вас тут отец дожидается, — дежурный кивнул на стекло, отгораживающее комнату для свиданий от проходной.

Янушу было достаточно взгляда, чтобы понять, что за стеклом сидит на диванчике не отец. «Не отец, — мысленно повторил Януш и поправился, — не отчим». Он настолько был расстроен событиями прошедшей ночи, что его не сильно взволновала мысль о приезде родного отца.

— Ты документы его видел?

— Конечно, товарищ майор. Я бы не пустил просто так, — дежурный заглянул в журнал регистрации. — Вот. Скальба Матеуш. Вы же Матеушевич.

Януш кивнул, хлопнул бойца по плечу и зашел в комнату, где обычно солдаты встречались с приехавшими их навестить родителями. Тут пахло гуталином и смесью одеколонов.

Отец поднялся, увидев Януша. Высокий, даже выше сына, темноволосый с сединой на висках, с крупными синими печальными глазами.

— Ты Януш? — спросил он, хотя им обоим и так все было ясно.

— Зачем вы приехали? И как, кстати, узнали, где меня найти?

— Я виделся с твоей матерью. Она сказала, где ты служишь. Ты в том возрасте, когда нет смысла тебя прятать от меня. — Он говорил с сильным польским акцентом.

Януш молчал, ожидая ответа на первый вопрос.

— Хотел тебя увидеть. Подумал — умру, так и не увижу.

— На жалость бьешь? — Януш насупился.

— Я уже не молод, — пожал плечами Матеуш.

— Но я не оправдываться приехал. Только взглянуть на тебя. Из меня был бы плохой отец и семьянин. Я так и не женился и детей больше нет. Я тоже военный, — он улыбнулся, — но уже в отставке, конечно. Чувствую, ты не хочешь быть таким, как я, но ты такой. Даже профессию такую же выбрал.

Януш смотрел на него и не испытывал особых эмоций — ни злости, ни заинтересованности. В детстве он много думал об этой встрече, отец ему представлялся не эгоистом, не малодушным подлецом, а личностью таинственной и, может, даже героической. Мать о нем почти ничего не рассказывала, и этот ореол запретной темы еще сильнее будоражил детское воображение. А теперь он видел перед собой немолодого красивого мужчину, который наверняка пользовался успехом у женщин и, скорее всего, ради вольной, разгульной и разнообразной жизни бросил не слишком красивую и не слишком образованную жену с маленьким ребенком, у которого в провинциальном городке Советского Союза перспективы вырисовывались не слишком уж радужные: или сопьется, или в тюрьму сядет. А он, поди ж ты, майором спецназа стал, разведчиком, государственные награды имеет.

— Да, гены не заменишь, — заговорил наконец Януш после паузы. — Да, честно говоря, все равно, чья во мне кровь. Хорошо, что не пьяница и не наркоман. Надеюсь, что подлость по наследству не передается. Всего хорошего.

С этими словами он вышел из комнаты.

Сейчас, глядя на тени на стене от падавшего снега, он вспомнил эту встречу, о которой матери так и не рассказал. Да и о чем говорить? Как встретились два похожих внешне, незнакомых и совершенно чужих друг другу человека и, не пожелав знакомиться ближе, едва обмолвившись парой фраз, разошлись ни с чем?

У него осталось тягостное впечатление от той встречи, и он не хотел делиться этим с матерью. Его беспокоило только то, что он в отношениях с женщинами тоже чаще всего был далек от порядочности и благородных порывов. Вот только детьми не обзавелся, потому и бросать некого. Может, это и спасло его от подлых поступков — невозможность их совершить? А вовсе не честность и порядочность, как ему хотелось думать...

* * *

Разбудил его телефонный звонок. Мобильный на письменном столе дребезжал и перемещался по кругу от вибровонка. Януш вскопчил с тахты, запутавшись в одеяле. Успел заметить время — начало первого. День в разгаре.

Он думал, что звонят все-таки со службы. Но определился телефон Славы, обозначенный в телефонной книге мобильного коротко и ясно: «Должник!»

— Чего тебе? — Януш взял трубку со стола и сделал шаг к окну.

Во дворе все было занесено снегом и редкие снежинки еще висели в воздухе.

— Ты почему на репетицию не пришел? Давай быстрее. Уже на двадцать минут опоздал. Иваныч ругается.

— Тебя корейнка подослала? — Януш рассматривал солдатиков на подоконнике. Один из них, металический, еще советский, явно когда-то принадлежал самому Янушу. Среди современных пластиковых зеленых и красных он выглядел совсем невзрачно, но в диспозиции Сережки он верховодил, судя по тому, что стоял в стороне и на возвышении, на спичечном коробке.

— Да какая она корейнка? — пробормотал Славка. — Ким — это псевдоним.

— А ее настоящая фамилия?

— Я не в курсе, но точно знаю, что это псевдоним. Так ты придешь?

— Вот еще!

— Наигрался с девчонкой? Я же тебе говорил...

Януш выключил телефон со злорадством. «Она, видите ли, захотела себе партнера, — думал он, глядя в окно. — Подайте первого попавшегося. Она даже не удосужилась узнать, кто я на самом деле».

Он снова глянул в окно. По узкой расчищенной дворником полоске тротуара к подъезду Януша довольно уверенно вышагивала Тоня в своих белых сапожках, белой шапочке, заматанная объемным зеленым шарфом.

— Елки-палки! — Януш бросился надевать штаны.

Тоня делегировала Славку звонить, а сама, не рассчитывая на его красноречие, отправилась к нерадивому партнеру.

Одевшись со скоростью первокурсника училища, он решил притвориться, что его нет дома. Но едва она позвонила в дверь, он тут же открыл.

— Пустишь? — она стряхнула снег с шапки.

— Проходи, раз пришла.

— Сама вежливость. — Тоня зашла, но не стала раздеваться. — Почему на репетицию не пришел?

— Не хочу.

Она смерила его долгим взглядом.

— Я думала, что нравлюсь тебе.

— То есть ты это замечаешь тогда, когда тебе что-то нужно? Удобная позиция, — съязвил Януш.

— Если ты... — начала было она строго, но сбавила тон: — Я знаю, кто ты на самом деле. Мне Славка сразу же сказал.

Януш обескураженно смотрел на нее.

— Ну, что ты молчишь?

— Пытаюсь понять, зачем ты тогда меня привлекла в качестве партнера, голову морочила Иванычу? Да и мне...

— Ты же тоже согласился! Откуда я знаю, может, ты решил профессию поменять.

Он покачал головой.

— У меня неприятности на службе. Хотел отвлечься. Да и тебя увидел, голова закружилась.

— Ты один? — Тоня глянула в сторону кухни. — Чаем не напоишь?

— Проходи. — Он взял у нее куртку и шапку. — Не разувайся, проходи.

Пока он ставил чайник, доставал «парадные» чашки из буфета, они молчали. словно бы, когда все разъяснилось, у них и вовсе пропали темы для разговора. Прервала молчание Тоня:

— Здесь ты и живешь?

— Я тут жил в детстве. А сейчас все больше в общаге или в казарме. Собственно, как и ты.

Они снова умолкли. Сосредоточенно пили чай.

— Мы ведь совершенно разные, — заметила Тоня, отставив чашку.

Он вздохнул и кивнул.

— Но меня к тебе как магнитом, — смущенным голосом признался он.

Теперь кивнула она.

— Меня, в общем-то, тоже, — она опустила голову. — Но это ничего не значит, — Тоня предос-

терегающе подняла руку, заметив его попытку встать. — Так что осталась без партнера.

— Славку возьми. Он толковый парень. Нас еще в школе удивлял своими кульбитами.

— Он же пьяница.

— Да брось! Ты его только помани, пообещай номер, он в лепешку расшибется. Просто сам по себе Славка неорганизованный — начинает суетиться, пытается создать собственный аттракцион, номер, а в итоге срывается от первых же неудач и начинает пить. Если его грамотно направить, то ему цены не будет.

— Не знаю, посмотрим. Это теперь только моя проблема. — Она встала, быстро пошла в коридор, оделась и ушла.

Януш вздрогнул от негромкого хлопка входной двери.

— А что я ждал? — вслух спросил он себя. — Что она кинется в мои объятия?

— Ты этого хотел? — раздался за его спиной насмешливый голос Тони. Она только дверью хлопнула, сделала вид, что ушла.

— И этого тоже. — Он шагнул к ней и прижал к себе. Дурачась, натянул ей шапку на глаза. Она засмеялась и глухо, из-под шапки, сообщила:

— Я сейчас задохнусь, балбес.

Они долго целовались в коридоре. Януш видел совсем близко ее полузакрытые глаза, чувствовал, что от нее пахнет снегом, вернее от ее намокшей вязаной шапки, розовые щеки все еще хранили прохладу зимнего ветра.

Януш стал подталкивать ее в сторону комнаты, когда в дверь позвонили.

— Зараза! Это Сережка, наверное.

— Кто?

— Младший брат... Иди на кухню. Изобразим чаепитие. Он сейчас своим ключом открывает.

Но Сережка стал колотить в дверь ногой.

— Ян, открой! Я ключи потерял.

Януш отпер дверь, и Сережка повалился к нему в руки, так как лупил в дверь пяткой, повернувшись к двери спиной.

— Получишь сейчас! — пригрозил Януш. — Дверь чуть не выломал. Куда ключи задевал? Мать тебе задаст, если потерял.

— Кто там у тебя? — вытянул шею Сережка, пытаясь заглянуть за брата.

— Мои руки и марш к себе в комнату.

— Я есть хочу, — заканючил он.

Тоня выглянула из кухни.

— Януш, я, наверное, пойду. Привет! — поздоровалась она с Сережкой.

— Здравствуйте, — он заинтересованно рассматривал девушку. — А вы кто?

— Не твоего ума дело! — осадил его Януш. — Я с тобой, — эти слова предназначались Тоне.

До цирка они дошли быстро, не тратя время на разговоры. Промчались по коридору и заперлись в гримерке.

* * *

Следующую неделю они репетировали, гуляя по заснеженному городу, то и дело забираясь в гримерку.

Януш отключил мобильный телефон. Теперь ему и не хотелось, чтобы позвонили со службы. Засыпая по вечерам дома, он видел манеж, в голове крутились снова акробатические термины, перед глазами мелькали ноги и руки Тони, словно она многоножка. Только теперь эти руки и ноги были особенные, родные. Правда, во время репетиций об этом забывалось, особенно когда Тоня попадала ему пяткой по уху.

В репетициях не было ничего романтического, только напряжение, боль и раздражение на собственную неловкость. Но определенная группа мышц постепенно окрепла и пришло понимание механизма трюков.

Януш с фуса подкидывал Тоню и ловил ее на прямые руки в положении «ласточка», затем снова подкидывал, подкрутив, и ловил так, что она оказывалась на его руках, стоя на коленях. После еще нескольких поз, переступаний с одной его руки на другую она спускалась на манеж и начиналась вторая комбинация. Снова с фуса Тоня выходила вверх на одну прямую руку нижнего в положении «арабеск». Продолжая стоять на его ладони, она делала шпагат, после чего, сгибая руку в локте, Януш опускался на колено, ставил Тоню к себе на бедро, и она соскакивала на манеж. До третьей, заключительной, комбинации они так и не добрались. Януш лишь знал, что там ему предстоит выполнять сложные поддержки и

броски партнерши. Она должна была буквально летать в воздухе в положении шпагата.

Чем яснее вырисовывался номер, тем сильнее замирало сердце Януша при мысли, что все это придется бросить, если его вызовут в отряд. «А может, взять и решиться?» — думал он, глядя на покрасневшую после репетиции Тоню. Она стояла на манеже с белым полотенцем на шее, разговаривала с дрессировщицей собак и смеялась, лукаво поглядывая в его сторону. Януш тоже рассмеялся, представив реакцию сослуживцев и бойцов, когда они узнают, что разведку он променял на цирк. Тоня удивленно взглянула на него.

После репетиции, уставшие, они опять спрятались в гримерке и пили чай. Януш принес из дома яблоки. Мать оборудовала в квартире небольшой подпол и хранила там овощи и яблоки, выращенные на небольшом участке за городом. Они урождались мелкие, желтые, с румяными красными боками и очень ароматные.

Януш резал их на мелкие ломтики и клал в чай себе и Тоне. Она смотрела на него поверх чашки задумчиво.

— Почему ты смеялся там, на манеже?

— Не помню. Когда? — он пожал плечами и, обжигаясь, стал пить чай. В дверь гримерки постучали.

— Януш! — позвал из-за двери Славка. — Мне на трубку твой брат позвонил. Ищут тебя.

Тоня отодвинула защелку на двери и впустила Славку. Он протянул мобильный Янушу.

— Ян, тут к тебе со службы приехали, — сообщил Сережка. — Что у тебя с мобильником? Почему он не работает?

— Не твоего ума дело. Кто конкретно приехал?

— Капитан Жучков, — раздался знакомый голос в трубке. — Командир, ты что, в подполье ушел? Где ты вообще? Мне тебя здесь ждать?

— Жди, сейчас буду, — сухо ответил Януш и посмотрел на Тонию виновато.

— Что-то дома? — встревожилась она.

— Ничего. Кое-какие дела.

Славка злорадно усмехнулся.

Пока шел к дому, Януш продумал слова решительного отказа. Но решительность иссякла, едва Жучков заговорил.

— Ты вообще телевизор смотришь? В Дагестане теракт. Наши уже там. Тебе дозвониться

уже четыре дня не можем. Дело с дракой замяли, да и командир посчитал, что если ты уедешь сейчас в командировку, о драке никто и не вспомнит. Собирайся. У меня и на тебя билет. Поезд через три часа. В часть успеем захватить за вещами и на самолет.

— Слушай, тут такое дело... — Януш прикрыл дверь кухни и замолчал. Как рассказать все Жучкову?.. Близкой дружбы с замом у него так и не возникло, да если бы и была. В двух словах не передашь всего, что с ним приключилось во время вынужденного отпуска.

Он потер лоб, прошелся в нерешительности от окна к холодильнику и обратно.

— Ну что? — поторопил Жучков. — Ты бы собирался, а то на поезд не успеем.

Януш кивнул и спросил:

— Ты небось голодный?

— Да, пожевал бы чего-нибудь.

Поставив сковороду с картошкой и мясом разогреваться, Януш пошел в комнату собираться. Сборы были короткие, ведь, уезжая из отряда, он с собой почти ничего не взял.

Брат опять сидел у окна с солдатами.

— Серега, я сейчас уезжаю. Матери скажи, что меня срочно вызвали.

— В командировку? — уточнил Сережка, который явно подслушивал.

— Вот только матери об этом не говори. Ты понял?

— Понял, понял, не маленький.

— Слушай, — Януш смущенно потер нос. — Готов пожертвовать любимому брату одного солдата? Этот металлический, кажется, был когда-то моим.

— Ну и что? — пошел в атаку Сережка.

— Тебе жалко? Я тебе, между прочим, на день рождения целую коробку солдат подарил.

— Он у меня командир, — но брат все же протянул солдата.

— Так я тоже командир, — улыбнулся Януш и чмокнул Сережку в затылок на прощание.

Когда они с Андреем вышли на улицу, Януш помялся, но все же решился.

— Знаешь, Андрюха, ты давай дуй на вокзал, а я забегу тут по делу и приду к поезду. Билет дай.

— Ты не дури — некогда. Поехали...

— Слушай, ты же не конвойным ко мне приставлен.

— Делай что хочешь. — Андрей достал из внутреннего кармана билет. — В конце концов, тебе самому перед командиром отдуваться, если на поезд опоздаешь.

Заходить в цирк Януш не стал, вызвонил Славку, чтобы тот вышел к служебному входу. Пока ждал его, написал записку и завернул в нее солдатика.

Славка вышел, окинул друга понимающим взглядом.

— Уезжаешь? Наигрался?

— Дурак ты, Славка! — вздохнул Януш. — Тоня хочет тебя нижним в номер взять. Я ей тебя рекомендовал. Обещал, что пить не будешь. А если будешь, — Януш показал ему кулак, — имей в виду.

— Я и сдачи дать могу.

— Риски здоровьем, — нахмурился Януш. Славка не сдвинулся с места. — Ты можешь ей передать? — Он протянул другу записку. — Передашь?

— Да хорошо, хорошо! У тебя неприятности?

— На службу вызвали. Срочно. Вот и все. Ты ей записку после выступления отдай. Ладно?

Представление в цирке заканчивалось тогда, когда Януш уже час трясся в поезде. Андрей взял СВ, чтобы выспаться, и сразу же завалился на полку и засопел.

Облокотившись о столик, Януш смотрел в темное окно. Белыми искорками только мелькал снег, попадающий в слабый свет от ночника. «Сейчас она, наверное, разворачивает записку», — подумал он с волнением.

«Тоня, мне надо было срочно уехать. Ты знала, что так будет, и, надеюсь, не обидишься. Славку попросил, чтобы он тебе помог с номером. Оставляю тебе своего металлического заместителя. Я такой же солдатик, как и он, верный тебе. Вспомни об этом, прежде чем решишь обо мне забыть. Януш».

* * *

То, что она не забыла, Януш убедился, когда она появилась в палате, где он лежал после контузии. Шурша целлофановыми бахилами, она словно проскользила по линолеуму к его койке и накрыла Януша собой и бе-

лым медицинским халатом, который ей был не по размеру.

Раненые, но ходячие, лейтенант и рядовой — соседи по палате, деликатно похромали в коридор.

— Я надеюсь, теперь ты бросишь свою службу? — с надеждой прошептала она ему в плечо.

— Может, лучше ты с цирком завяжешь? — Януш скосил глаза на ее затылок. — Будешь вести домашнее хозяйство и ждать мужа со службы.

— Ага, — она подняла на него заплаканные глаза, — мечтать не вредно. — Тоня помолчала, разглядывая его отечное лицо, с чернотой под глазами и посеченное мелкими осколками. — Мужа? — переспросила она и с улыбкой покачала головой. — Как это случилось? — Тоня погладила его по щеке. — Или секрет?

— Да какой тут секрет! По глупости, если честно. — Януш повозился на койке. У него болела спина. — Была информация, что в одном жилом доме в Махачкале окопались боевики, готовят теракт. В квартире у них перевалочный пункт. Наше дело — проверить, прежде чем подгонять технику, эвакуировать население и штурмовать... Проверил... — Он усмехнулся. — Надел «гражданку», пошел в логово под предлогом, что ошибся адресом, ну, была там одна легенда... Не важно. Открыл мне дверь боевик, который числился в федеральном розыске. Я его сразу узнал, и он меня как-то вычислил. В общем, бросил мне под ноги гранату. Далеко я, как видишь, не убежал. Граната у него самодельная была, «хаттабка» — взрыватель у таких срабатывает почти мгновенно, нет спасительных пяти секунд. Вот и вся история. Я улетел на этаж ниже, пока без сознания лежал, наши начали штурмовать и газом меня слегка потравили. В общем, сам виноват, что прокололся в чем-то, раз боевик меня разоблачил. Хорошо, что никого из бойцов своих на разведку не послал, всегда легче самому, чем потом родителям объяснять... Перестань плакать. Ну что ты?

Она достала солдатика из сумки и поставила на тумбочку.

— Пусть теперь тебя охраняет. Имей в виду, он мне все будет докладывать, если начнешь от лечения увиливать.

— Кто тебе сказал, что я в госпитале?

— Славка. Он от Сережки узнал. А перед отъездом я к твоей маме ходила. От нее две сумки гостинцев тебе привезла.

— Поладили?

Тоня кивнула и погладила его по голове.

— Тебе очень плохо?

Януш хотел было ответить что-нибудь храбро-ироничное, но признал:

— Да, не слишком хорошо... Ты иди. Ребята в коридоре мерзнут. Деликатные. — Он поморщился, повернув голову к двери. У него болел весь позвоночник и тупо ныл затылок.

— Ладно, ухажу. Пойду вынашивать планы, как тебя забрать со службы.

— Мечтай, — с улыбкой разрешил он.

Тоня поцеловала его и быстро выбежала из палаты, едва не прищемив полу халата захлопнувшейся дверью.

Он еще чувствовал ее горячий вздох на своих губах, когда в палату стали возвращаться соседи.

— Дим, помоги встать, — попросил Януш лейтенанта.

— Чего ты?

— В окно хочу глянуть.

Парк за окном был заснежен. Януш переставил солдатика с тумбочки на подоконник и

увидел Тоню на дорожке парка. Она стояла спиной к хирургическому корпусу и, похоже, плакала.

Металлический солдатик созерцал картину за окном застывшим героическим взором воина, готового в любой момент вступить в бой. Во взгляде Януша сквозила боль. Он стал солдатиком, который вырвался на время из состояния постоянной готовности рваться в бой и самоотверженно рисковать собой. Он поверил, что может жить по-другому, заставил поверить в это Тоню, а затем вернулся к тому, от чего бежал. «Все будет как раньше», — подумал он. Только одинокая фигурка плачущей девушки в большом заснеженном парке стояла перед глазами, даже когда Януш отвернулся от окна...

□

Ирина Владимировна ДЕГТЯРЕВА

родилась в Бразилии.

Окончила Литературный институт им. А.М. Горького.

Прозаик, публицист. Пишет для взрослых и детей.

Автор книг «Мы из СОБРа»; «ОМОН: на земле, на воде, в воздухе»;

«Повседневная жизнь российского спецназа»,

«Крест войны»; «Звезда Дениса Плетнева»; «Цветущий репейник».

Ее произведения переведены на китайский язык.

Лауреат премии «Щит и перо»,

третьей премии II Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков.

Работала специальным корреспондентом, обозревателем в журналах

МВД. На данный момент — ведущий литературный редактор

журнала Министерства обороны «Воин России».

Член Союза писателей России.

Член Союза журналистов Москвы.

Живет в Москве.

Алексей ПЕНДРАКОВСКИЙ

г. Москва

— **С**тояли так долго, оттого что дороги — Сремонтировали. Но уж никак не поезд. Нечего на него гнать! — громогласно вступил в спор Федя Добров, немного испугав соседей по купе своим басом. — Известный-то поезд — «Тихий Дон». Как же его... «19 С» на 20! — Последнее Добров и вовсе выкрикнул на манер «бинго!».

Федина жена, сидевшая рядом, поморщилась. Ещё ей было тесно от длинных ног Доброва, которые тот раскинул, чтобы распределить свой огромный рост в купе. Напротив них, так же на нижней полке, расположилась пара — ровесники, лет тридцати. Ночью все испытывали стеснение от такого соседства.

— Ну-у... — протянула женщина. — Вижу, вы разбираетесь в поездах.

— В любых поездах! — с энтузиазмом уточнил Добров. — Хотя в последнее время водил подземные.

— О, впервые общаюсь с машинистом метро! — женщина нелепо рассмеялась, на мгновение спрятавшись за плечом своего спутника. — Всегда хотела спросить... Какой вид у вас из первого вагона? Сквозь лобовое стекло...

— Вид запомнил навеки. Хорошо — хоть ушёл с такой работы. Темнота и фонарики — что ж ещё? Порой и вовсе стараешься себя развлечь, всматриваешься в эту темень. Фантазируешь. У обычных машинистов работка то поинтереснее будет. Их поезда не загнаны ни в какие тоннели, путешествуешь себе, смотришь природу. А у нас? В подземке всё время, только на станциях вроде «Измайловской» — аллилуйя! — выходишь на поверхность! — снова почти прокричал Добров.

Жена Федора выразительно взглянула на девушку, покачав головой, будто извиняясь за громогласность мужа, а затем сама вступила в разговор:

— Говорили, вы диетолог?

— Да.

— Стало быть, лечите жирных? — тут же вклинился Добров.

— Ну... — пожал плечами попутчица. — Они составляют большую часть моих пациентов.

— Ха-х, «большую»! Какую же им ещё составлять? Я вот никогда не понимал, какое место у толстых большое? И как оно у них заболело, как травмировалось? — довольный своей шуткой, хохотнул Фёдор.

В купе повисла тишина. Лишь спутник женщины-диетолога натужно улыбнулся Доброву, показав, что хоть кто-то оценил своеобразный юмор.

— Никого тебе не жалко, Фёдь, — поджала губы жена.

— А что же мне их должно быть жалко? Главное в человеке — тело. Чего же они его не берегут?

— Вы действительно считаете, что главное в человеке — тело? — переспросила соседка по купе.

— Ну да, вы же сами врач, — бесцеремонно ткнул в нее пальцем Фёдор. — Разве врачи должны считать иначе?

— Хм, я всё же полагаю, что главное — это интеллект, сознание, — усмехнулась диетолог. Затем она о чём-то пошептала со своим спутником, после чего объявила:

— Мужчин прошу выйти. Подъезжаем, мне нужно переодеться.

Добров, бросив в оконченный спор фразу «А тело что, приложится?», встал, согнувшись почти пополам, вышел из купе и прильнул к окну. Дон предстал бесконечной полосой воды, тянущейся среди неправильных степей: их монотонность то и дело прерывали деревья. Казалось, вот-вот должна была начаться цивилизация, попадались дома или даже горстки домов, которые, однако, были оторваны друг от друга расстоянием.

Добров был в спортивном костюме. На спине красовался баскетбольный мяч с эмблемой «ОАО «Ставни». Вышедший следом за Добровым сосед по купе решил завязать разговор:

— Играли в баскетбол?

На мгновение Добров обернулся. Затем, усмехнувшись, философски заметил:

— Баскетбол всё равно что онанизм. И не только потому, что руки тренирует. Он к тому же не проходит с возрастом.

Услышав за спиной смех собеседника, Фёдя снова повернул к нему голову и пояснил:

— Играл за контору, — показал Фёдор большим пальцем на свою спину, — пока работал у них механиком. Но потом в метро устроился, под землю ушёл. Да и травму заработал. Нога до сих пор ноет!

Они перекинулись ещё парой фраз, затем дверь купе отворилась и сосед зашел внутрь, а Добров снова уставился в окно. Дома попадались уже чаще. Поезд мчался, Дон тем временем отдалялся, а потом вовсе исчез из поля зрения. Фёдор не заметил, как параллельно железной дороге вскоре пошли автомобильные трассы. В тамбуре столпились люди, ожидая остановки.

Пропыхтев остаток пути до конечной — Ростова-на-Дону, поезд издал последний вымученный скрип, дернулся и встал.

— Фёдь, сумку-то мою держи! — напомнила жена.

До Доброва дошло, что они приехали.

Сойдя с поклажей на перрон, он сразу бросил сумку к ногам, достал сигарету и закурил. К нему тотчас откуда ни возьмись подлетел бомж, промышляющий на вокзале:

— Есть курить?

Добров вновь достал пачку, открыл её, но обнаружив, что там осталась одна сигарета, потряс пачкой перед лицом бомжа:

— Не, одна осталась, братец.

Вскоре на перрон спустилась жена Доброва.

— Ну, Фёдь, позвонил человеку?

— Подожди, Оксан, — махнул рукой Добров. После долгого укоряющего взгляда жены он присел на корточки и стал рыться в ее сумке.

— Что ты делаешь? — недоуменно подняла бровь Оксана.

— Ищу мобильный.

— Говорил же, что належке поедешь! — заворчала жена. — Что тебе кроме трусов и носков ничего брать не надо. Небось, ещё какие-то вещи ко мне в сумку сплавил?

Отыскав мобильный, Добров поднялся с корточек. Отбросив сигарету, начал набирать номер. Оксана склонилась к сумке, шёпотом ругаясь, утрамбовывала массу одежды, разворошенную Добровым.

— Говорит, ждать у выхода, — объявил Фёдор, нажимая кнопку разрыва соединения.

В тот весенний день дул ветер, облекая жару, столь обычную для Ростова. Добров с женой зашли в помещение вокзала, пройдя его диагонально, вышли на улицу. Ветер, пусть и не сильный, поднимал пыль, которой, должно быть, на земле скопилось слишком много от долгих безветренных дней.

— Федь, а можно у тебя поинтересоваться, когда это ты решил уйти с работы? — начала вдруг разговор Оксана.

— А я разве говорил, что решил? — будто безразлично обронил Федор.

— Ну, в поезде ты говорил о ней в прошедшем времени...

Брови Доброва дёрнулись вверх.

— Оксан, давай потом, а? — попытался отмахнуться он, а потом вдруг помялся и выдал себя: — Мне будет хватать денег с продажи лошадок... Хочу поразмыслить... Может, ну её — работу...

Оксана ухмыльнулась:

— Федь, а сколько времени ты надеешься протянуть на триста тысяч?

— Триста двадцать пять вообще-то... — уточнил Федор.

В этот момент к ним подъехала выдавшая виды «копейка».

— Федя, ты? — из салона прокричал водила. — Залазь!

Водителем был пожилой Андрей Чураба. Несмотря на солидный возраст Андрея, его волосы сохраняли желтоватый цвет, хотя лицо было многократно надтреснуто морщинами.

— Толя говорил, что ты большого роста, — пробасил Чураба, когда Добров уместился на переднем пассажирском сиденье.

Оксана с сумкой расположилась сзади.

— Приветствую! — протянул водителю руку Добров. — Да уж, не думал, что когда-нибудь окажусь здесь.

— Ну, всё течёт на круги своя, — протянул Чураба, — как грязь по Дону в море.

«Копейка» тронулась в путь. Они ехали по улицам Ростова. Оксана с любопытством разглядывала южный город, мужчины предались воспоминаниям.

— Сколько тебе было, когда приезжал в последний раз? — спросил Чураба, не сводя глаз с дороги.

— Лет десять где-то... Ещё до всяких лошадей, — усмехнулся Добров. — Кстати, как они?

— Нормально, все три, — заверил Андрей.

По узким плохо асфальтированным улицам они выехали на мост, тянувшийся над Доном от Ростова к другому берегу. Пейзажи стали похожими на те, что были утром в окне поезда. Добров достал мобильный и набрал номер:

— Да, Артём, вы? Я приехал. Во сколько вас ждать завтра?

Во время разговора по телефону зачем-то развернулся к Оксане, сидевшей сзади, протянул ей свою длинную руку и, взяв её кисть, то поглаживал, то тряс в такт словам. Выслушав собеседника на другом конце провода, Добров громогласно заключил: «Понял!», а потом обратился к Чурабе:

— Это покупатель был. Как там его?..

— Никифоров Артём Вячеславович, — подсказал Андрей.

— А... Важная шишка? — смекнул было Добров.

Чураба напряг и без того сморщенное лицо и ответил:

— Для меня шишек важных не бывает.

— Так вот, — продолжил Добров, — мы с ним завтра едем заключать договор продажи. А сейчас он сказал, что за лошадьми приедет в среду. Мол, транспорт соответствующий только тогда будет.

Чураба кивнул.

Слева виднелось Азовское море, переливавшееся сине-зелёным цветом. Оксана бросила пару фраз о море, пытаясь добиться какой-то реакции и от Доброва, но тот избрал иную тему для разговора.

— Ну, расскажи, что ли, как батька помер? — уставился он на Чурабу.

Тот хмыкнул и начал:

— Пошёл Вовка-конюх с утра проверить стойла, а там и лежит тело. Конь с одного удара копытом пробил голову...

Добров кивнул, но дальше расспрашивать не стал.

Минуя Азов, молча проехали ещё километров пятьдесят, затем свернули с шоссе на какую-то сельскую дорогу и оказались в селе, где все дома были расположены строго в два ряда.

«Копейка» остановилась у ворот.

— Ну, вот и приехали, — объявил Чураба, вышел из машины и исчез за воротами.

— Так ты бывал здесь раньше? — спросила Оксана мужа, с опаской оглядываясь на новом месте.

— Ворот таких что-то не помню, — безразлично зевнул Добров.

Оксана стала рыться в сумке. Ворота открылись, из них вышел Чураба и снова сел за руль. Проехав несколько метров, они оказались посреди просторного участка, на котором стояли три небольших дома, не считая конюшни и сарая. Добровым был отведён один из них.

Чураба подождал, пока прибывшие расположатся, а после предложил:

— Могу показать вам коней.

Добров ничего не ответил. Все-таки усталость давала о себе знать

— Давайте! — неожиданно охотно и бодро откликнулась Оксана.

— Сейчас у нас три ваших коня и одна кобыла с жеребёнком. Солидный набор образовался, — деловито толковал Чураба, когда они подходили к конюшне.

Он познакомил гостей с конюхом Вовой, загорелым парнем с оттопыренной губой, подвёл Добровых к стойлам.

— Можно погладить? — спросила Оксана.

— Гладь, гладь, — сказал Чураба, любовно поглаживая лоснящийся конский бок. — Вот этого звать Лот, этого — Панкрат, а этого — Клевтис, — ткнул он пальцем в каждого по очереди.

— А который папку моего ухайдакал? — спросил Добров, стоящий ближе к выходу, чем к стойлам.

— Панкрат, — показал Чураба на рыжего коня, самого крупного из тройки.

Добров, помрачнев, вздохнул и вышел из конюшни. Чураба последовал за ним.

— Знаешь, не каждому перепадают три лошади... — начал было он, но Добров перебил:

— То, что повезло, я и так знаю. Давай не будем о лошадях. Пойми верно — они не интересуют. А вот о машине твоей я бы поговорил.

— А? — не понял Андрей, вопросительно уставившись на Федю.

— Что-то в ней стучит! — пояснил Добров, для наглядности жестикулируя руками.

— Не знаю... С чего ты взял? — развел руками Чураба.

— Да я тебе говорю! — настаивал Добров.

Они проследовали к машине, и Федя изучал её с полчаса, пока не заключил, что проблема в крестовине.

Покупатель Никифоров приехал рано утром следующего дня с женой. Добровы уже ждали их у калитки. Ростом и возрастом Никифоров походил на Чурабу, однако старение избрало для него иной вариант: волосы Никифорова были белыми, казалось, достигшими абсолюта в своём цвете, а лицо гладким, без явных морщин. Добров с Никифоровым пожали друг другу руки.

— Здравствуйте, здравствуйте! Куда первым делом? — приветливо раскланивался Добров.

Он уже заметил позади покупателя «Volvo».

— Сначала я бы посмотрел на лошадей... — сдержанно ответил Никифоров.

— А, ну милости просим. — Добров радушно распахнул калитку. — Благо конюх уже не спит, — впусив гостей на участок, крикнул: — Володя!

Заспанный полуодетый Вова вышел из хаты через пару минут, с недоумением глядя на Доброва.

— Володь, покупатели тут... Лошадей посмотреть хотят... — чуть виновато объяснил Добров.

Все зашли в конюшню. Женщины, Вова и Никифоров подошли к стойлам. Добров остался стоять в дверях. Оттуда он вещал:

— Лот, Панкрат и... — жестом попросил подсказку у Вовы, тот ответил:

— Клевтис!

— И Клевтис, — подхватил Добров.

— Панкрат — это тот, который донской породы? Насколько я помню из резюме, — попытался уточнить заинтересованный Никифоров.

Добров, который одной ногой уже вышел из конюшни, беспечно ответил:

— А! Я не разбираюсь в породах. Знаю, что самый дорогой — Панкрат.

Никифоров вопросительно взглянул на Вову как на более осведомлённого.

— Панкрат, — подтвердил тот.

Договор поехали подписывать в Таганрог. Добров, сев в машину, сразу же объявил:

— Москва сегодня одета по-простому, — взглядом он окинул свои спортивки, усмехнувшись. — Надеюсь, во все места важные пустят.

— О, насчёт этого не беспокойтесь! Что вы! Кстати, занимаетесь каким-нибудь спортом? — почти как у доброго уже знакомого спросил Никифоров.

— Да пол-России так когда-то ходило, — заверил Добров. — И что, поколения спортсменов? Но есть в такой одежке, однако, что-то душевное, скажу я вам. — В его голосе послышались мечтательные нотки. — Как раз под стать народу нашему. В начале девяностых я водил поезд до Праги. И там, конечно, удивляло: каждый одет именно что по-своему. И состояния души там тоже наверняка общего нет.

— Хм, пронизательно, про-ни-цательно, — протянул Никифоров, крутя рулём при входе в поворот.

— Однако времена, смотрю, меняются, — размышляя вслух, продолжил Добров. — По всем странам расползаются одни и те же шмотки, будто во всемирной прачечной перепутали, где чьи талоны, где чьи корзины...

— Пронизательнее всего Федя становится, когда говорит о своей работе, — нервно засмеялась Оксана, будто пытаясь прикрыть неловкость мужа.

— Кем сейчас работаете? — тут же поинтересовался Никифоров у Доброва. — Вы, как я понял, не разбираетесь в лошадях. Не было у вас мысли пойти по стопам отца?

— Нет, не было. Да и потом... Я в Москве сотню лет живу, — ответил Добров. — А спортом и вправду занимался. Играл в баскетбол.

— Вот! — утвердительно кивнул головой Никифоров. — Я потому и спрашивал, вижу: рост какой — для спорта подходящий.

— Ну да, баскетбол — игра настоящих здоровяков. Ведь вроде совсем недавно был молодым. Эх, если бы не травма...

— Травма чего? — мигом подхватил Никифоров.

— Правой ноги, — сказал Добров и потёр правое бедро.

По договору общая сумма лошадей состави-

ла триста двадцать пять тысяч рублей. Самым дорогим был конь Панкрат золотисто-рыжей масти, донской породы стоимостью в сто двадцать пять тысяч рублей. Выйдя из нотариальной конторы, Добров расслабился и впервые за день ощутил всю его солнечность и теплоту. Затем был поход в банк, где капитал благополучно перекочевал на добровскую банковскую карточку. Под конец Никифоров предложил пойти в сторону набережной и прогуляться в поисках какого-нибудь кафе — обмыть. Выбрали ресторан со стеклянными дверями и столиками напротив огромных окон.

— Всех угощаю шампанским, — артистично объявил Никифоров.

Внутри ресторана работал кондиционер, не перебивая окружающие запахи, а лишь делая их еще отчётливее своей прохладой. Меню было скучным и состояло лишь из завтрака и перекусов: омлеты, бутерброды, фрукты. Шампанское, однако, оказалось в наличии, так что спустя пять минут ожидания бутылка пузырями и брызгами разливалась по бокалам.

— Ну, за лошадей пить не предлагаю, так как никаких эмоций к ним не испытываю. Давайте за успешную сделку... За то, что и нам хорошо, и вам, — взял инициативу в свои руки Добров.

Он ел шницель с зеленым горошком, запивая квасом. Блюдо обошлось в сто пятьдесят рублей, и Добров, учитывая все московские мерки, был несказанно рад, что тривиальный поход в ресторан не отнял у него много средств.

— Так что? Только женщины, что ли, шампанское пить будут? — спросил Никифоров, с сожалением вспомнив, что он за рулём.

— Ну, поинтересовался бы раньше, — ответил Добров, фамильярно тыкнув Никифорову. — Я шампанское не пью.

Никифоров в ответ промямлил что-то неразличимое.

Спустя час компания вышла из ресторана и направилась обратно, к машине.

— А город-то особенный, правда? — довольно заметил Никифоров. — Вы, кстати, забыли спросить, играли в баскетбол за какую-нибудь команду?

Вдаваться в подробности своего прошлого у Доброва желания не было.

— Ну, разве что за какую-нибудь... — лениво бросил он.

Нескончаемо длинная Каменная лестница спускалась вниз, на набережную. На ступеньках, что возвышали скромный город над водой, было безлюдно. Постояли с минуту.

— У вас сигареты не будет? — негромко спросил Никифоров.

Его жена, до этого момента не сказавшая ни слова, укоризненно покачав головой, прикрикнула:

— Аркаша!

Добров, любуясь живописной набережной, яхтами на спокойной азовской воде, равнодушно ответил:

— Нет, я завязываю с этим понемногу. Всё реже и реже покупаю. Мне ведь возможно-таки удастся вернуться в спорт.

Всю дорогу обратно Фёдор смотрел в окно. Это было ему привычно за годы работы машинистом железнодорожного поезда: когда в голову не лезет лишнего, а ты сквозь стекло рассматриваешь мир, дорогу, деревья, движение. И не было это для Доброва скукой. Пусть взгляд его и становился пустым, но попадись ему в это время на глаза нечто из ряда вон — оно непременно отправилось бы в закрома памяти.

Вернувшись, Добров сразу заявил, что хочет спать, и ушёл в однокомнатный гостевой дом, отведённый хозяевами ему и жене.

...Снился ему солнечный день, такой же, как этот. На дворе в компании здоровяков Добров играл в баскетбол. Он видел, как ведёт мяч в привычной манере, затем упирается в блок, на пути ему встают двое. И тут он, зацепленный, словно крюком, чьей-то ногой, падает на асфальт.

Он проснулся в восемь. Не обнаружив Оксаны в домике, пошёл в соседний, в котором жили Чураба с Вовой.

Добров без стука открыл дверь, миновав небольшую прихожую, оказался в гостиной. Там был накрыт стол, за которым сидели Вова, Чураба, какой-то старик с усами размером с две густые брови и Оксана. Добров подсел на диван к жене.

— И давно ты здесь? — спросил тихонько.

— Наверное, час, — шепнула Оксана. — Как спалось?

— Нормально, — так же тихо ответил Фёдор, а потом привычно громко обратился к Чурабе: — Держи за помощь двадцатку.

Тот, взяв купюры, одобрительно кивнул:

— Хорошо, что покупатель приличный нашёлся. Другое предложение ко мне с Тимирника поступало. Но там, чую, съели бы лошадак...

— Ух, только не это! — рассмеялся Добров, присматриваясь к угощению на столе.

— Тебе что, лошадак жалко? — спросила Оксана, подвигая мужу тарелку.

— А как же? Мне всех на свете жалко! — ответил Добров громко и на этот раз без смешка, хотя улыбка продолжала оставаться на его лице.

— Так что, это сын Толи? — впервые подал голос усатый старик.

Чураба чуть привстал из-за стола:

— Да, знакомься, это Фёдор! Федя, это атаман Шевчук Сергей Сергеевич.

— Здравствуйте! — только и брякнул Федя новому знакомому.

— И не жалко тебе, Фёдор, что продал лошадей? — с расстановкой, по-отечески ласково пробасил Доброву атаман.

— Нет, — хмыкнув, усмехнулся Добров, — лошади мне неинтересны.

— Зря, — сказал старик, отпив вина, — удивительные животные — лошади. Помню, видел сцену подростком... Тогда шла война, и немцы проводили в домах обыск. Я услышал выстрелы с конюшни, что была при колхозе, — мерзковатое место. Зашёл во двор и смотрю — лошади бегают вокруг машины. В машину забились фрицы и стреляли из окон. А лошади будто танцевали вокруг них... Отбегали иной раз, будто предвкушая выстрел, но затем атаковали снова. Какие-то падали застреленные... Лошади, Федя, удивительные животные, они даже в бой вступают будто в танце.

Добров сначала смолчал, но затем, уже было отвернувшись, нашёл что сказать:

— Ну а с тачкой как? Вдребезги?

Но дед не ответил, он чуть привалился на стол, словно размякший от рюмочки и воспоминаний.

Добровы ради компании посидели за столом еще с час, а затем объявили, что им пора идти спать.

— А мы сейчас кобылу пойдём ковать! — бодро ответил захмелевший уже Чураба. — Вот только выпьем для процесса.

Вернувшись в домик, Оксана стала готовиться ко сну — сняла с себя почти всё. Добров же сел на стул, что был напротив кровати. Он настраивался на серьезный разговор.

— У меня к тебе две новости, — начал он, — во-первых, я ухожу с работы, во-вторых, я вспомнил, как повредил ногу.

Оксана недоуменно взглянула на мужа:

— Что ты вспомнил? Какую ногу, Федь?

— Это было, когда я приезжал к Костику на Сокол. Вернее, не помню, когда точно, но определённо в один из тех разов, — заключил Добров.

— Ты уходишь с работы? — всполошившись, переспросила жена, когда до нее дошло, что было озвучено первым пунктом.

— Да-да! — не терпящим возражений тоном ответил Федор. — Мне хватит этих денег, чтобы поразмыслить.

Оксана в растерянности опустила на крайчик кровати.

— Федь, ты тупой, а? — выдохнула она.

Добров махнул своей ручищей:

— Ты ничего не понимаешь. Буду снова спортсменом, а не рабочей...

— Ты потеряешь единственную работу! — взвилась жена. — Федь, этих трёхсот тысяч нам хватит на полгода!

— Слушай, мои триста тысяч! — рубанул он.

— Да они просто перепали тебе, — еще больше заводилась Оксана от таких перспектив. — Благо, ты везучий!

— Перепали?! Как это «перепали»? Да у меня батя умер, а!

— Да тебе все равно до этого бати! Тебе до всех дела нет! Тебе лишь ногу свою жалко. Уже давно бы вернулся в свой спорт... — в конце фразы раскрасневшаяся Оксана даже как будто всхлипнула.

Добров не выдержал, вышел и хлопнул дверью. Он направился к Чурабе, однако соседняя хата была пуста. Обернувшись, Добров заметил свет на конюшне. Немного помаяв-

шись с тяжелой, плотно подогнанной дверью, Добров оказался внутри. Слева были стойла, справа — какая-то дверь. Федор напрямик отправился к ней. В другом помещении тихонько фыркал и посапывал конь. Тут же Добров увидел Чурабу, разглядывавшего копыто, зажав под мышкой лошадиную голень. Рядом на корточках сидел Вова.

— Дай тот шип. Сопоставим, — прошептал Чураба. — Молоток давай.

Чураба ударил пару раз по копыту, видимо, довершая работу.

— О, Федь, проходи! — поднял глаза Чураба.

Добров зашёл в манеж. Чураба и вправду закончил дело и велел Вове отвести лошадь в стойло.

— Инструменты я сам в сарай занесу! — крикнул он ему вслед.

Оставшись с Добровым, он жестом фокусника извлек откуда-то открытую бутылку вина и сделал несколько жадных глотков.

— Будешь? — протянул он её Доброву, облизывая губы.

Добров кивнул и тоже припал к горлышку.

Чурабу потянуло на задушевные беседы.

— Расскажи-ка мне что-нибудь про поезда, машинистов, — начал он. — Там, наверно, своей подноготной хватает. Ты ведь поезда водил раньше?

— Да, водил, — лениво произнёс Добров, зевая. — Но уж лучше ты мне расскажи чего-нибудь. На ум не приходит ни истории...

На самом деле истории никуда от Доброва не уходили, просто настроение выдалось иное. И хмель разморил.

От Чурабы сильно несло вином. Он сидел на сене, пьяно покачивая головой.

— Слышал, что сегодня атаман про лошадой затирал? Вступают в бой, как в танец... Надо же, вот что он может сказать о лошадях! Это от того, что дел с ними не имеет. Так, судит со стороны, — вслух размышлял Чураба. — А по мне, о лошадях надо говорить, как ты о технике. Помнишь ведь, как про «копейку» мою расписывал? Технарь механизм чувствует, вот и слова правильные иной раз подберёт. Лошади — они сегодня без подков никуда, землю-то заасфальтировали. Вот им приходится в неволе сидеть, пахать да пахать, менять подковы, чтоб в мир нормально

выйти. Несвободное животное — лошадь. Хоть и выглядит так, будто куда угодно убежать может, хочет, норовит. — Чураба обратно перехватил у Феди бутылку и допил её залпом.

Проснувшись рано утром от жажды, Добров опустошил бутылку минералки, стоявшую рядом с кроватью. Жена еще спала. Федя встал, прошёл по комнате, порывлся в вещах Оксаны. Не найдя нужного, обратил внимание на комод. Выдвинув верхний ящик, Добров обнаружил в нем старую фотографию, на которой он, будучи еще маленьким, сидит у отца на колене. Там же были документы на имя Анатолия Доброва, а также какая-то коробочка. Внутри оказался бритвенный станок, еще пара жвачек и зубная щётка. Добров взял щётку с чувством той победы, что приходит внезапно, когда повезло, когда чудом находишь то, что искал, хотя и особенно-то не рассчитывал. Порывшись основательнее в сумке с вещами Оксаны, нашёл там тюбик зубной пасты. Нанёс пасту на сухую щётку и принялся чистить зубы, поглядывая в окно. Сначала Добров подумал, что ему привиделось. Затем, сплюнув пасту куда-то в сторону, удостоверился: ворота усадьбы были открыты, а во дворе стоял конь рыжего цвета.

— Эй! — неожиданно для себя крикнул Добров.

Он метнулся к окну и распахнул створки.

— Чего там? — донёсся сонный шёпот Оксаны.

— Конь уходит! — крикнул взволнованный Федя.

— Чего?

— Уходит! — Добров обернулся к жене, лежащей под одеялом, хотел еще что-то сказать, но вдруг рванул из дома во двор.

— Вова! Вова! Андрей! Вова!! Мать твою, Вова! — орал что есть мочи Добров.

Конь, сделав полкруга, направился к воротам.

— Стой! — бежал за ним Федор.

Конь поравнялся уже с открытыми дверями усадьбы. Настигнув его сзади, Добров не знал, что делать, ведь в лошадях он не смыслил, уже было потянул руку, пытаясь ухватить коня за хвост...

— Стой!

Конь внезапно встал на дыбы, махнув перед-

ними копытами. Добров замер. Ему показалось, что и конь в то мгновение застыл в стойке на задних ногах.

— Федя, назад иди! Федя, стукнет же! — истошно кричала Оксана из окна.

Конь вдруг опустился на четыре ноги, развернулся и пошёл вон. Добров продолжал стоять без движения. Спустя десяток минут он в ярости захлопнул дверь конюшни и вернулся обратно в дом.

— А как?.. — только и успела спросить Оксана, но Добров резко с досадой отмахнулся:

— Знать не знаю. Сейчас Чурабу пойду будить. Дверь в конюшню открыта была. Может, поэтому и лошадь смылась.

— А которая из...

— Я в них понимаю? — перебил, расстроено усмехнувшись, Федор.

Чурабу долго искать не пришлось. Тот спал в отдельном домике.

— Как так? Ну, Вовка! Хотя, может, и мой прогляд это... — виновато сокрушался Чураба, потирая затылок.

— А Никифорову вы про чей прогляд говорить будете? — поддел Добров.

— Да найдём мы его, не переживай! — успокоил Андрей. — Далеко не уйдёт Панкрат.

— А... Так это тот самый, что... — не завершил фразу Федя.

— Ну да. Да я же говорил тебе. Никуда не денется он. Я сам за ним направлюсь. Небось пошёл на поле одно, куда Вовка его водит. Никуда конь не денется, догоним сейчас.

Тут в кухне появился и Вова. К оттопыренной губе в то утро добавилось еще и опухшее лицо.

— Да ладно, — попытался хоть немного сгладить неприятную ситуацию Федор. — Если что, я завтра перед отъездом Никифорову верну деньги за этого коня. А тебя, Андрюх, не виню. Если б не ты, небось я ни гроша не унаследовал бы.

Андрей, который уже собирался идти в поле, отмахнулся:

— Да что ты! — фыркнул Чураба. — Найдём коня. О чем я вчера тебе рассказывал-то? Мир не под коней сегодня сделан, а больше под машины... Главное только, чтобы мы нашли его первыми.

Затем Чураба позвонил кому-то, попросил, чтобы пришли присмотреть за лошадьми, а сам, прихватив Вову, уехал на «копейке».

— Лошадь тоже в ней повезёт, — усмехнулся Добров, и на душе стало спокойнее.

Затем он гулял по двору, улыбаясь тому, что ему одному ведомо.

Оксана застала мужа в благожелательном настроении, открывающего калитку.

— Фёдь, ты куда? — крикнула она с крылечка вслед ему.

— В ларёк. После такого утречка и выпить не грех. К шести буду.

Спустя несколько минут Добров вышел на перекрёсток, где располагались продуктовые ларьки, мимо проезжали автобусы. Он почувствовал, что на лысину ему упала теплая капля воды, затем настойчиво ещё и ещё, стали появляться темные пятна на земле — начался дождь. Сунув руку в карман, он обнаружил в нём лишь электронную карту, пусть и богатую финансами, но совсем не пригодную для ларьков. Дождь мгновенно обратился в ливень. Добров решил было идти обратно, развернулся, но вдруг увидел в двух шагах перед собой автобус «Азов — Порт-Катон», который в тот момент замер на остановке с открытыми дверями. Рванув, он запрыгнул в автобус. Почти все места оказались заняты, люди смотрели пристально на нового пассажира, который настойчиво пытался засунуть в компостер банковскую карту. Сообразив, что сглупил, Фёдор убрал её в карман и, оглядев салон, пробрался на единственное свободное место. Во взгляде соседа искрился неподдельный интерес, казалось, он искал себе собеседника.

— Из дома отдыха, что ли? — спросил он у Доброва, как только автобус тронулся.

— Какой дом отдыха? — сразу и не понял Фёдя.

— Санаторий «Азовское утро». Там ещё медсёстры работают. Ну, или просто девки, одетые под медсестер.

— Нет, не оттуда, — буркнул Добров, отвернувшись к окну, чтобы избежать дальнейшего общения.

Заметив, что дождь прекратился, Фёдор вышел на первой же остановке, расплатившись

мелочью, которую нащупал в кармане. Через дорогу начиналось какое-то село, а перед остановкой располагался открытый ангар, в котором стояли в ряд автобусы. Добров обернулся на крики. Прямо за его спиной дрались двое подростков. Добров их растащил, схватив за вороты курток:

— Но! Но! Но! Тпру-у-у! — скомандовал он пацанам, будто молодым жеребцам.

Ребята тут же поутихли, разошлись, понурились головы.

Добров зыркнул на них строго, но по-отечески, а затем двинулся в поисках какой-нибудь лавки. Долго идти не пришлось, скамейка обнаружилась неподалеку.

Автобусы начали по очереди трогаться из ангара: большая часть поехала прямо, остальные на перекрестке стали сворачивать то влево, то вправо. Добров подивился тому, как много бывает направлений и незаметных дорог. Увиденное отчего-то напомнило ему один из вокзалов Праги: старое здание, от которого отходит великое множество рельсов. Воспоминания о работе на железных дорогах навеяли печаль. За ними, будто в сравнение, вспомнилась работа механиком в Пушкине. И эта работа теперь не казалась ему такой уж противной, к тому же он там играл в баскетбол, и другие сотрудники и даже кое-кто из начальства называли его «большим человеком Москвы». Сравнение твёрдо засело в голове Доброва и в памяти привело его в метрополитен. Печаль стала чередоваться со злостью, яростью от того, что метро казалось Доброву всё ближе и ближе.

«И денег остается... сто восемьдесят тысяч», — помня о дорогой утренней потере, думал он, всё больше соглашаясь с ненавистной мыслью.

Добров поднял голову. Автобусы, что стояли ранее вереницей вдоль дороги, теперь медленно заезжали в ангар. Глядя на однообразно мелькающие перед ним бесконечные машины, Добров будто выпал из реальности. Пришёл в себя, заметив боковым зрением подъехавший к остановке автобус «Порт-Катон — Азов». Встал с лавочки, направился было к нему, но тут его что-то ударило в спину. И от толчка Добров в этот момент отчего-то опять

вспомнил Панкрата. Федор дёрнулся и развернулся со скоростью, которую показывал в былых матчах. Его окликнули:

— Эй! Киньте мячик!

Кричали с поляны, что была за лавочкой метрах в пятидесяти. Тут Добров сообразил, сколько он просидел здесь, и удивился: уже стемнело, о дожде ничего не напоминало. Под его ногами лежал мяч. Он обернулся в сторону автобуса, но очередной крик, донесшийся с поляны, будто приковал к земле.

— Федя! Федя! — окликнула Доброва жена, когда тот поздним вечером отрешенно сидел на кровати в их комнате. Придя в усадьбу и заведя, что она готовит ужин в кухне, он не сказал ей, что вернулся, а тихонько прошел в свою комнату. — Где был? Что делал?

Доброва насторожили интонации жены. Ему показалось, что она спросила с безразличием, не свойственным ей. Добров вдруг почувствовал, что случилась какая-то перемена. А еще ему показалось, что Оксана ждёт, когда он начнет ее расспрашивать. Тут он вспомнил о покупателе и выдал наконец:

— Никифоров приезжал?

— Да, забрал лошадей. Удивился, как вы с ним разминулись.

— А насчёт Панкрата он не удивлялся?

— Нет. Этот конь вернулся ещё днём.

Добров встал с кровати и стал расхаживать по комнате:

— Вернулся, значит? Но как? Он что, запомнил дорогу?

— Федь! — Оксана собирала вещи в сумку, готовясь к завтрашнему отъезду. — Ну откуда я знаю? Это ты у нас со всеми споришь да споришь. Андрей же сказал тебе, что найдут они коня.

— А мне почему не сообщили? — не отставал Добров.

— Хм, а ты взял мобильный?

Добров, скрестив руки на груди, продолжал ходить по комнатенке, давая ей меру в два-три шага.

— А мне кажется, это Чураба поймал Панкрата где-нибудь в поле, а то и в степи. Ты прямо видела, что конь вернулся обратно? Через калитку? — допытывался Федор.

Он рассмеялся. Получилось фальшиво, но всё это было от злости — ему хотелось доказать что-то в этом споре.

Оксана ничего не ответила, быть может, и вовсе не сочла услышанное за вопрос.

— Так как он вернулся? — Добров повысил голос.

Оксана по-прежнему копалась в сумке и попыталась отмахнуться от расспросов:

— Ну откуда я знаю?!

— Ты здесь была!

— Я... Федь, какая, к чёрту, разница? Тебе же нет дела до лошадей. Радуйся лучше, что остался при деньгах.

— И всё-таки рассказывали тебе Чураба или Вова, как он вернулся? Как они его увидели? — Добров терял терпение.

— Федь, короче, не знаю, что ты там затеял, но, как я вижу, на деньги тебе класть. Представляешь, что с тобой будет, уйди ты с работы?

— При чём тут это? — громыхнул басом рассерженный Федор. — Я задал конкретный вопрос: видела ли ты, как конь вернулся?

Добров встал, нависнув над Оксаной. Та начала что-то бормотать, но вдруг рассмеялась:

— Ты вбил себе в голову, что у вас с этим конём какие-то счёты? Боишься его?

— Заткнись, — рявкнул Федька. — Моё дело, зачем спрашиваю.

— Да забрали уже коня твоего, можешь спать спокойно, — примирительно ответила жена.

У Доброва дёрнулось запястье, рука потянулась к виску — начался нервный тик.

— Или тебе зверушку стало жалко? Так забрал бы его с собой, в Москву, — иронизировала Оксана.

Неожиданно Добров со всей дури врезал ногой в отцовский комод так, что насквозь пробил его стенку. Нога чуть выше стопы застряла в обломках пластика и деревяшки от комода. Стиснув зубы от гнева, Добров выдрал из пробитой дыры левую ногу, к подошве ботинка которой прилипла маленькая фотокарточка отца.

— Ладно. — Добров заметил, что Оксана шокирована и не собирается его перебивать. — Уедем завтра, — успокаиваясь, добавил он и направился на улицу.

Чубары в конюшне не оказалось. Добров

сел на кучу сена в одном из пустых помещений. Злости больше не было. Завтра они покидают Ростов.

Поезд тронулся. По лицу Доброва стали пробегать полоски света, порой останавливаясь и замирая. Оксана тоже молчала. Неожиданно дверь купе открылась, и вошла запыхавшаяся женщина.

— Ох, еле успела. Привстанете, я чемодан положу?

Добров встал, женщина подняла полку и положила чемодан. По её шее сбежали капли пота.

— Ух, всё! Хоть бы кондиционер дали, а то знаете какие тут поезда ходят?

— Знаю, знаю, — заверил Добров. — В «Тихом Доне» вентиляция обычно слабая. Я его как-то раз водил...

— Водили? — удивилась женщина, в ее глазах мелькнуло уважение к случайному попутчику.

— Да, было дело. Обычно водил другие поезда, — Добров, так и не сев на прежнее место, стоял, по-хозяйски облокотившись на дверь, — но довелось прокатиться и на этом. В Воронеже смена была. Добрался сам потом к родственнику до Ростова. Забронировал билеты. Думал вместе с ним в столицу поехать, чтобы всё показать! И Москву, и кабину маши-

ниста, и весь поезд. Удостоверение-то у меня имелось, нас бы с ним куда угодно пустили. И в нос, и в хвост.

Женщина была под впечатлением:

— А он чего?

— Сказал: сынок, захочу в Москву — полечу на самолёте!

Выйдя из купе в проход, Добров стал бродить взад-вперёд. Хромал то на одну ногу, то на другую. Но прохаживаться не прекращал ровно до того момента, как взгляд не зацепился за окно. Поезд проезжал свалку, на которой стояли автобусы, каркасы, оставшиеся от них, кузова, куски автомобилей, гигантские колёса, помятые салоны. В центре всего этого была вырыта яма, из которой виднелась куча металла, металлических внутренностей. Иными словами — кладбище машин.

□

Алексей ПЕНДРАКОВСКИЙ

родился в Москве 12 декабря 1992 года.

Студент пятого курса исторического факультета МГПУ

по специальности «История православной культуры».

Пишет рассказы.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2014» в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

Александр ТИХОНОВ

*родился в п. Большеречье Омской области.
 Окончил исторический факультет Омского
 государственного педагогического университета.*

*В настоящее время – заведующий научно-
 краеведческим центром им. А.А. Жирова
 Тарской центральной районной библиотеки (г. Тара).*

*Стихи и проза публиковались
 в коллективных сборниках, альманахах,
 периодических изданиях Омска, Санкт-Петербурга,
 Екатеринбурга, Москвы и других городов.
 Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014).
 В журнале «Север» публикуется впервые.*

**Александр
 ТИХОНОВ**
 г. Тара
 Омской области

*«Внимание,
 гражданских
 не бросать...»*

* * *

Юрию К., в Луганск, с пожеланием мира!

В огне войны бессмысленной и жуткой
 Забыт на лавке плюшевый медведь.
 Средь беженцев малыш вопит: «Мишутка!..»
 Вернуться хочет, но кричат: «Не смей!»

Всё дальше цокот маленьких сандалий.
 К машине, до границы, а потом...
 Когда-то так же Припять покидали,
 Чтоб не вернуться никогда в свой дом.

Прочь от войны, что вдалеке грохочет,
 Сбивая с веток жухлых листьев ржу.
 И, кажется, медведь воскликнуть хочет:
 «Бегите, люди! Я их задержу».

А тот малыш спасён. На Белом Свете
 Случаются порою чудеса.
 Когда-нибудь он в рацию ответит:
 «Внимание, гражданских не бросать...»

* * *

Пахнет дымом свечным и ладаном...
 Тянет сыростью из углов.
 Этой церкви с фасадом латаным
 Через бури пройти свезло.

Не осталось креста над куполом,
 Потемнел на иконе лик.
 Кто считал, сколько наших убыло?..
 Скорбный список и так велик.

Но горит в той церквушке тусклая,
 Распугав липкий мрак, свеча.
 Это теплится, тлеет русское,
 Изгоняя из душ печаль.

Потому-то здесь пахнет ладаном,
 Потому отступает грусть.
 Эту церковь с фасадом латаным
 Наши предки прозвали: Русь.

* * *

Зима. Плацкарт. Попутчики беседуют
О том о сём, причём «без дураков».
На женщин мужики, подвыпив, сетуют.
А женщины на пьяных мужиков.

Под стук колёс звучит людская исповедь —
Честной народ рассказывает мне,
Расслабившись, чаёк глотая, исподволь,
То, в чём себе признаться силы нет.

Одни выходят на забытых станциях,
Другие в дикий гомон городов

Шагают с чемоданами. Дистанция
Всё меньше, вот и я уже готов,

В окошко глядя, говорить с попутчиком,
Как на духу рассказывать ему,
Что «я любил» и что «любовь измучила»...
Но вот зачем — ей-богу, не пойму.

Ревёт пурга, гудит состав нагруженный,
К финальному стремится рубежу.
«Попутчики, наш поезд как отдушина.
Я вам сейчас подробно расскажу...»

* * *

... А за окном — рассвет. И мир, как прежде, юн.
И облако кружит над ним воздушным змеем.
Загадочно поёт о чём-то Гамаюн.
Но разве кто из нас понять его сумеет?

Привычным стал недуг душевной глухоты,
Хоть ощущает дух губительную жажду.
Но мир, как прежде, юн... И понимаешь ты:
О Родине поёт. О нас поёт. О каждом.

* * *

«Смотри, там воробей. Как это мило!»
На подоконник серенький комок
Спикировал. Коллега подкормила,
И воробьишко устоять не смог.

Стучит в стекло и хлебных крошек просит,
Наохлившись, толкётся под дождём.
Там, за окном, навзрыд рыдает осень.
Здесь, за окном, мы все чего-то ждём.

Тоска-тоска... Внимая крикам птичьим,
Я мыслью удивил себя простой:
У нас с ним минимальное различье —
Мы с этой стороны, а птаха — с той.

* * *

Кем мы были на этом свете,
Как любили, о чём мечтали,
Будут знать лишь бродяга-ветер
Да полоска булатной стали.
А крестьянин, взглянув на небо,
Поле сечи забытой вспашет.
И взметнутся колосья... хлеба
Над безвестной могилой нашей.
Горевать нам с тобой нелепо,
Ведь не зря подчинимся тленью.
Нам кормить свежим русским хлебом
Поколение за поколеньем!
Хлебом-солью приветят князя,
И усобиц костры погаснут.
Значит, падали с криком наземь
Не напрасно.

Сергей ИВАНОВ
г. Москва

Принято считать, будто различие русской и европейской цивилизаций вызвано тем, что Запад наследовал Риму, а Россия – Византии. В основе такого взгляда лежит недоразумение.

Как многие другие недоразумения, оно существует благодаря языковой путанице. Мы называем западную латинскую империю Римом, а восточную – Византией. Однако сами византийцы называли себя «ромеями», «римлянами» и свою империю именовали римской. Разделенная на две части между двумя императорами, империя снова сливалась после смерти одного из них.

Цивилизационное, культурное и законодательное единство между Западом и Востоком империи сохранялось до тех пор, пока западная часть не погибла, сожженная варварами. Окончательный разрыв между частями христианского мира (который, однако, не воспринимался современниками как окончательный) произошел еще позже – только в 1041 году. Но к этому времени римской цивилизации на Западе уже не существовало – это была новая, германская, общность, имевшая с первым Римом весьма опосредованную связь. И посредником в этой связи выступала – вопреки общепринятому мнению – именно Византия.

Языческий Рим начал колонизацию Западной Европы в первом веке до нашей эры, незадолго до рождения Христа. От этого, языческого, Рима Западу кое-что досталось – например, дороги, какими Европа до сих пор кичится перед Россией. По части дорог, а также некоторых других инженерных достижений (в фортификации и вооружении) Западная Европа действительно оказалась «впереди планеты всей», однако это вовсе не следствие культурной преемственности. Это наследие колонизаторов. Дороги в Европе нужны были римлянам для того, чтобы успешнее контролировать территорию и быстрее перебрасывать легионы из одной точки в другую. Может быть, и хорошо, что латиняне не успели построить их на Русской равнине? А то бы механизированные колонны гитлеровцев так же легко пересекли ее, как Бельгию, цивилизованную еще в римские времена¹.

¹ Говорят, в Индии железные дороги работают как часы (хотя остальной транспорт отличается нерегулярностью, да и весь строй хозяйственной жизни в Индии достаточно «свободный»). При этом индийцы не кичатся своими железными дорогами – поскольку они лишь хранят то, что было заведено некогда их колонизаторами-англичанами.

Первая значительная трещина между Западом и Востоком прошла в 800 году, когда Римский Папа короновал Карла Великого императорской короной. Самоуправство Римского Папы Льва III основывалось на подлоге, совершенном его предшественником Папой Стефаном II – так называемом «Константиновом даре»².

В девятом веке формируется, а в XI веке обособляется западная германо-романская цивилизация как отдельный феномен, утверждает Рим в качестве столицы всего Западного мира. Но это совсем не тот Рим, который строил в Галлии дороги и возводил в Британии Адрианов вал. Это новый Рим, уже не первый, не второй (поскольку второй – Константинополь), а такой же «третий», как и Москва. Однако он не только присваивает себе права и прерогативы первого Рима (государственную власть), но и претендует на неограниченную духовную власть, опираясь на деяния святого Петра, подложный «Константинов дар» и законодательную слабость, проявленную византийскими императорами. Это «варварский» Рим, окончательно порвавший с римской Византией.

Естественно, его идеологи положили немало сил на то, чтобы подтвердить и утвердить независимость нового теократического квазигосударства. Однако поначалу это было нелегко сделать. Новому Риму трудно было тягаться с Константинополем, где римская культура не только сохранялась, но и развивалась. Как до Карла Великого, так и после Карла, и даже после раскола 1041 года западноевропейские народы черпали знания и культуру, моду и науку из Византии. Лишь постепенно пропасть между первым Римом и Новым удалось слегка «замазать», внушив последующим поколениям мысль о непосредственном и плавном превращении одного Рима в другой. Но факты говорят обратное. Материальная культура, книги, искусство, наследие святых отцов, мода – все это пришло на Запад из Византии.

Как только первый христианский император Рима строит столицу на Босфоре, Константинополь делается центром всемирной православной жизни. Немало для этого сделал сам «Запад» в лице святой родительницы Константина – его матери Елены, происходившей родом из Британии. Похоже, именно связи святой Елены позволили наладить быстрые церковные контакты между западом Европы и новой столицей.

Влияние Византии простиралось до крайних границ Европы. Старейший собор Германии – кафедральный храм святого Петра в Трире – зало-

жила святая императрица Елена, мать Константина Великого, отдав под церковь территорию своего дворца. Трирскому собору святая Елена передала величайшую христианскую святыню – хитон Иисуса Христа. Сам Трир, кстати, – это еще один Рим на мировой карте (по-латыни основанный императором Августом город назывался Augusta Treverorum – «Рим треверов», по названию населявшего эти земли галльского племени).

Связи христианского Запада с христианским Востоком начались еще до основания Константинополя. Возможно, для этого имелись этнические причины. Существует версия, сближающая новозаветных «галатов», живших в Малой Азии, с кельтами-галлами. Предполагается, что и те и другие принадлежат к многообразной семье кельтских народов. Если это действительно так, понятно, почему первое исторически зафиксированное послание катакомбной галльской церкви было направлено «церквам Азии и Фригии». Хотя и помимо этнических симпатий у галльских христиан было достаточно причин, чтобы обращаться к старшим восточным церквам. Восток же присылал на Запад миссионеров. Святой Иринеи, второй епископ Лионский, прибыл в Лион из города Смирны в Малой Азии, и именно он, как пишет летописец VI века Григорий Турский, «обратил целый город в христианство»³. Святой Иринеи много писал, причем на греческом языке, который долго считался главным языком церкви. Просвещенный греком Иринеем Лион, по мнению кельтологов М. Диллона и Норы К. Чедвик,

² «Константинов дар» – подложная грамота, согласно которой римский император Константин якобы передал Папе Сильвестру I верховную власть над западной частью Римской империи. Фальшивка была изготовлена во Франции во времена правления майордома Пипина Короткого для того, чтобы тот получил возможность стать королем франков. В сочинении «Константинова дара» принимала участие римская курия и, возможно, сам Папа, поскольку именно он короновал в Париже Пипина, исходя из обоснованных в «Даре» папских прав. Фальсификация была нужна Пипину и его потомкам и наследникам, королям и императорам Запада, чтобы законодательно утвердить фактическую власть. Нужна она была и римским папам, позволяя претендовать на мировое (а не только западноевропейское) господство. Подлог был разоблачен окончательно только в XIX веке, поэтому «Константинов дар» мог производить определенное впечатление на византийских владык. Если судить по этой грамоте, Римский Папа мог назначать королей и императоров по собственной воле как главный «держатель земель» на западе Европы. Даже на Босфор император Константин переехал, согласно этому «документу», будто бы только потому, что не желал делить власть с римской кафедрой.

³ Григорий Турский. История франков. М., 2009. С. 70.

становится центром распространения христианства по всей Западной Европе⁴.

Характеризуя епископа Пуатье святого Илария, те же авторы сообщают, что «он стал мощнейшим столпом Западной Церкви, тем более влиятельным из-за своего близкого знакомства с Восточной Церковью, к которому его вынудило изгнание»⁵. Наконец, и появлению монашества Западная Европа обязана восточным учителям. Приведем подтверждающую этот факт цитату из сочинения Диллона и Чедвик:

«В начале V века идеал отшельничества вдохновил св. Онората, получившего образование в Греции, основать монашескую общину на острове Лерин у берегов Прованса. Ученость и усердие в вере ее монахов быстро завоевали этой маленькой общине престиж, почти равный авторитету западного университета поздних эпох. Вскоре после основания островной общины в Южном Провансе возникли киновийные монастыри, из них самым известным был монастырь Сен-Виктор под Марселем. Влияние этих двух монастырей было обширным, в первую очередь благодаря их интеллектуальной активности. Из будущих епископов, воспитанных в Лерине, сам Онорат, Евхерий Лионский, Фауст Ризский, Цезарий Арльский входят в список самых знаменитых церковных имен V века в Галлии, а «Уложения» (*Institutes*) и «Собеседования» (*Conferences*), написанные Иоанном Кассианом, аббатом соседнего киновийного монастыря Сен-Виктор под Марселем, являются важнейшими произведениями, посвященными монашеской дисциплине в Западной Церкви до введения Устава св. Бенедикта»⁶.

Восхищенный восточным аскетизмом, строит первый монастырь в Италии святой Паулин, а Мартин Турский (316–397) под впечатлением бесед Илария основывает монастырь в Галлии. Восточная монашеская культура завоевывает даже далекую Ирландию, чего не могли сделать римские легионы⁷. Многие документы, по которым ныне изучается ранняя история Запада, происходят из византийских архивов.

С разрывом официальных церковных отношений между Римом и Константинополем Запад не прекратил духовных контактов с Востоком. Они только приняли иной, более грубый и грабительский характер. Священные реликвии, обилием которых славится современная Европа, происходят по большей части из Царьграда. Список украденных из Византии во время крестовых походов святынь занял бы не один том. Вот несколько примеров.

Святые мощи апостола Андрея, вывезенные из Константинополя кардиналом амальфийской церкви Петром, находятся сейчас в итальянском городе Амальфи. Многие христианские реликвии сосредоточились в Венеции, которая ближе других западных государств находилась к Византии. В том числе мощи знаменитой благодаря популярной песенке «Санта Лючия» – святой Луции Сиракузской. Они были захвачены в Византии в 1204 году. С XIII века в Амьене (Франция) находится похищенная в Константинополе голова святого Иоанна Крестителя. Потомок захватчиков Константинополя, его последний франкский король Болдуин Второй, продал за долги французскому Людовигу Терновый Венец Спасителя, который сейчас является главной святыней собора Нотр-Дам.

Архитектура Европы до XI века сохраняла связи с византийской. Известны церкви Равенны в византийском стиле, храмы в Сицилии и в Ахене – столице германских императоров. Византийским по типу храмом является собор святого Марка в Венеции. Можно предположить, что и позднейший европейский «классицизм» в церковной архитектуре использовал идеи, положенные строителями в основу константинопольской Святой Софии.

Западные идеологи любят говорить о развитом правовом сознании европейцев. Корни его, как считается, лежат в истории. Общеизвестно, что Запад получил от Рима «римское право», ставшее основой законодательства европейских государств. Наши «западники» обвиняют даже святого князя Владимира в исторической ошибке – вот выбери он, дескать, «католиков» вместо «греков», договорись с Римским Папой – и было бы нам счастье. Жили бы мы сейчас в цивилизованном правовом государстве.

Между тем пишушим подобные вещи должно быть известно, что «римским правом» называется свод законов, составленный в восточной Римской империи при императоре Юстиниане (482–565). Именно в Византии собрали, переработали и кодифицировали существовавшие прежде законы. Открывали собрание «римского права» императорские указы самого Юстиниана (в 12 книгах). Таким образом, современное законодательство Европы базируется на византий-

⁴ Диллон М., Чедвик Н. К. Кельтские королевства. М., 2006. С. 197.

⁵ Там же, С. 198.

⁶ Там же, С. 201.

⁷ Там же, С. 213-214.

ком. Но об этом говорить на Западе, да и у нас, как-то не принято. Этот факт не соответствует господствующему мифу, выгодному, возможно, не только Западу, но и некоторым на Востоке.

Даже латинский язык, основу европейской учености, европейцы изучали по византийским учебникам. Например, в епископских школах святого Мартина в Туре (как и во многих других) латынь преподавали по книгам Присциана, византийского грамматика VI века⁸. Именно Присциан (а также другие восточные и североафриканские авторы) донесли до европейцев стихи Вергилия и Горация.

До некоторых пор германский и романский Запад старательно подражает Византии и не стесняется этого. Первый император «римской империи германской нации», Оттон Великий, приложил немало усилий, чтобы женить своего сына Оттона II на византийской принцессе Феофано. Внук Оттона Великого Оттон III, сын этой принцессы, с ранней юности воображал себя Константином Великим. Он покидает имперскую столицу Ахен и переселяется в Рим, где патриции и плебс вовсе не рады ему, где он не имеет поддержки немецких баронов. Но и Рим как таковой, современный ему полуварварский город не устраивает Оттона. На Палатинском холме император приказывает построить точную копию дворца византийского базилевса. «Он детально копирует византийский этикет, – пишет современный французский историк Поньон. – Он принимает пищу в одиночестве. Он одевается как базилевс – в золотой плащ и пурпурные сандалии. Его придворные получают византийские титулы: «куропалат», «логофет», «паракимомен», «прото-вестиар»⁹. Не отставал от германского и двор королей франков. Он, в частности, позаимствовал из византийского придворного штата должность «коннетабля» (констебля). Так у греков и затем франков назывался командующий императорской (королевской) конницей.

Не будем забывать и такого факта, как простое «демографическое давление» Византии на Западную Европу. Еще в XIII веке Константинополь оставался самым населенным городом Европы. В нем жило 150–200 тысяч человек, тогда как в Милане и Флоренции – по 70 тысяч, в Риме и Кёльне – около 30 тысяч, в остальных европейских столицах – еще меньше. Общее число жителей Византийской империи, как считается, составляло в XIII веке около 11 миллионов человек. Население Италии в то время – не более семи миллионов. Столько же – в Германской им-

перии. А в Англии, например, всего 2 миллиона¹⁰. До XI века (когда происходит «первая сельскохозяйственная революция» на Западе и возрастает продолжительность жизни) контраст был еще заметнее.

Европа долго не выходила из византийской колыбели, чтобы, выйдя из нее, сразу же забыть о воспитателях. Однако из песни слова не выкинешь. Никакой исторический очерк о европейском средневековье невозможен без ссылок на Византию. И если мы не замечаем этих ссылок, причина в иллюзии, застилающей нам глаза.

На колонизированном Западе Римской империи всегда существовали силы, стремившиеся выйти из-под контроля империи, отделиться и захватить «своей жизнью». Стремление это вполне понятно. На определенном этапе это движение возглавили латинские епископы в союзе с германскими королями. Таким образом сложилась странная ситуация, которая и доныне нас путает – Рим отложился от Рима¹¹. Звуковая (и отчасти территориальная) идентичность двух разных явлений вызывает к жизни разного рода комплексы. Они возникают и с нашей стороны – оттого что Восток будто бы отделился от христианского центра, находящегося в Риме – так и на Западе, только там это комплекс «сверхчеловека». Но непредвзятый взгляд на события убеждает нас в том, что, освобождаясь от политической зависимости от «старого Рима», который воплощала Византия, «новый Рим» откололся от христианства. Желание племенной самостоятельности и амбиции римских иерархов привели западных христиан к отрыву от единого тела православной церкви.

Порвав с Византией, Запад сразу же начал переписывать историю, отрекаться от прежнего родства с «греками». В возникшем споре с восточной церковью латинянам для поддержки чувства собственного достоинства понадобилось обвинить Византию во всех смертных грехах. С этой «греховной страной» новорожденный Запад не хотел иметь ничего общего. Идеологи нового

⁸ Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М., 2009. С.211.

⁹ Там же. С. 89.

¹⁰ Цифры взяты из книги: Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. М. 2009. С. 36.

¹¹ Так, в 1991 году Российская Федерация отделилась от Советского Союза – Россия от России.

Рима стали вести свою родословную напрямую от Цезаря и святого апостола Петра, присвоили себе одним достояние христианской империи¹².

Такой взгляд, постепенно формировавшийся лидерами средневекового Запада, вошел в учебники и университетские программы, а потом распространился и у нас. Однако если западным европейцам такая версия истории лестна и приятна, в России она играет деструктивную роль. Почему же мы должны соглашаться с такой трактовкой событий, тем более что истинность ее легко оспорить?

Впрочем, «паписты» давно поплатились за свое забытое сыновство, за разрыв с Византией. Достаточно вспомнить кровавую реформацию. Наша задача – не осудить неоримлян, а постараться извлечь уроки из истории. Ведь мы здесь по-прежнему думаем, будто Запад учился у «мудрого Рима», а мы – у «заблуждавшейся» Византии, что не соответствует действительности. И мы, и Западная Европа были наследниками римской христианской цивилизации с центром в Константинополе. Европейцы после разрыва с Византией потеряли духовные опоры, заменив их мирскими, обмирщив и власть Римского Папы. Но не забыли ли и мы сами о римском наследии?

Рим не оставил нам дорог и крепостей (если не считать «валов Траяна» на Украине) – все это досталось «старшему брату», Западу. Европа техническое наследство первого Рима не только сохранила, но и преумножила.

Нам греко-римская цивилизация дала только храмы, закон и благодать. Мы останемся наследниками Рима, если будем хранить и обогащать наследство. Какая часть римского наследства дороже, западная или восточная – каждый решает по-своему. Ясно только, что наследство не выбирают, его завещают.

¹² Хотя даже сейчас, спустя тысячелетие после разрыва, на картах-схемах западных городов, в газетах и документах православные церкви называются «ортодоксальными», то есть в переводе – «правильными», истинными. Язык хранит правду даже тогда, когда ее не хотят слушать.

Сергей Иванович ИВАНОВ –

детский писатель, радиодраматург, журналист.

Родился в 1968 году в Ленинградской области.

Печатался в журналах «Костёр», «Пионер», «Чиж и Ёж», «Детская роман-газета», «Взвездрыг», «Врата небесные», «Урал», «Нева» и других, в «Литературной газете».

Автор многочисленных спектаклей и передач для детей на «Радио России».

Автор книг «Словарик Смешарик» (в соавт.) и «Святые православия».

Лауреат фестивалей «СеЗаМ-2003» (Санкт-Петербург) и «Дар-2011» (Екатеринбург).

Живёт в Москве.

Алексей КУДРЯШОВ

г. Сокол

Вологодской области

Мемориал
Парель — «Пелагея»
 очерк-расследование

...Это история о Родине и матери, пропажах и потерях, войне и счастье, поисках и призраках. Это история о том, как житель Бабаевского района Вологодской области, до сих пор считающийся пропавшим без вести в Великую Отечественную, нашел свое счастье в Швеции, но на закате жизни мечтает узнать о судьбе мамы, оставшейся на Вологодчине.

* * *

В «Книге памяти Вологодской области» под номером 976в значится рядовой Антонов Николай Тимофеевич 1921 года рождения. Там же указано, что в армию его призвали из деревни Ладышкино Санинского сельсовета Бабаевского района, а в октябре 1941-го он пропал без вести...

Но это неправда. Все неправда, кроме имени-отчества-фамилии, воинского звания да района. Даже год рождения не тот.

Сейчас ему 92. С осени 1944-го он живет в Швеции, и у него – советского солдата, попавшего в плен, а затем служившего в финской армии, но сбежавшего оттуда – другие имя и фамилия.

В Советском Союзе за сотрудничество с союзниками фашистской Германии его ждал бы расстрел, а в лучшем случае – сибирские лагеря.

Найди меня

Он укрылся в тихом местечке, где, согласно официальным данным на 2010 год, всего 241 житель (сейчас, говорят, чуть побольше – где-то полтысячи). Он, конечно, освоил шведский, женился на шведке (любовь всей его жизни, она, увы, сконча-

лась в 1996-м). В 60-х получил шведское гражданство. У них родилось 8 детей, и теперь у него 23 внука и 20 правнуков. Но он никогда не говорил ни с нами, ни с кем-либо еще ни на русском, ни на финском, которым владел свободно, – из опасения, что его могут выследить...

В составленных Министерством внутренних дел Финляндии особых «розыскных» списках он фигурировал с 1945 года. Правда, с разными отчествами: то с настоящим – «Тимофеевич», то «Тихонович», то совсем с экзотичным «Тибинович». А вот фамилия везде не «Антонов», другая – сегодняшняя. В 1951 году кто-то (Министерство обороны СССР?), продолжая искать его, сделал соответствующий запрос в архивы Финляндии. Там подняли упомянутые списки, выяснили, что последний раз Николай Тимофеевич «засветился» в них лишь в феврале 1950 года, и, видимо, решили, что он... умер. Так и ответили. А после смерти Сталина в 1953 году финны и вовсе утратили розыскной пыл... Как бы там ни было, след Николая Антонова потерялся, и долгие десятилетия его никто не тревожил. Но родственники до сих пор боятся за его безопасность, поэтому убедительно просили нас не раскрывать ни его нынешние имя и фамилию, ни название места, где он живет.

Хотя теперь, как он говорит, терять ему уже нечего, жизнь прожита, и прожита, он полагает, достойно. И родственники его считают, что в то трудное время он выстоял – никого не предавал, а просто пытался выжить.

Родная кровь

В декабре 1993 года, накануне своего дня рождения, он, уступая просьбам детей, надиктовал одному из сыновей историю своей жизни. Эта Книга (для печати воспоминания не предназначались, но родные называют эти 36 страниц машинописного текста на шведском именно так – Книга) стала любимейшим чтением внуков, неотъемлемой частью их детства. Поэтому нет ничего удивительного в том, что вторые имена у некоторых из его правнуков такие же, как его настоящее имя.

А одну из его правнучек назвали Мерседес-Пелагея. Пелагея – это в честь оставшейся в Вологодской области его мамы. Девочке всего шесть лет, но она очень гордится, что у нее такое необычное имя...

В «розыскных» списках Министерства внутренних дел Финляндии рядом с его фамилией указаны его якобы «двоюродные сестры» Анна и Лииса Ранталайнен. Друг дружке это действительно сестры, но никакого родственного отношения к нему они не имеют – это соседки по деревне, где он жил в детстве... На самом деле родственница у него была только одна – его мама, оставшаяся в Бабаевском районе. После войны он не решался искать ее сам, боялся даже написать ей – дабы не привлечь к ней внимание НКВД, а потом и КГБ.

Он потерял ее. Но не смирился с этим.

Человек сугубо гражданский, он за годы, прошедшие с той войны, успел переменить много мест работы: и плотничал, и помогал фермерам, и валил лес, и работал на сыроваренном заводе, и строил-чинил дома... Но куда бы ни бросала его судьба, перед глазами у него нет-нет да и возникал тот осенний день 1940 года, когда в Бабаеве мама провожала его в армию.

Это был последний раз, когда он ее видел.

Норвежская внучка

В мае 2014 года в администрацию Саннинского сельского поселения Бабаевского района из райвоенкомата перенаправили письмо. Оно было из Норвегии.

«Мой дедушка родом из России, родился и вырос в деревне, – писала некая Эмили (фамилию не указываю по ее просьбе. – **А.К.**). – Когда его призвали на фронт, он попрощался со своей мамой на базар-

ной площади в Бабаеве. Больше он ее не видел... Он ничего о ней не знает, не знает, сколько она прожила и где похоронена... Я хочу ему помочь».

Еще в этом письме Эмили упоминала, что жили они в местечке Slotinski недалеко от Бабаева. Но она сама русским не владеет (переводить письма ей помогает русская коллега по работе), а бабушка за прошедшие десятилетия родной язык подзабыл, да и произношение у него специфическое; вполне возможно, что названия эти по-русски звучат совсем иначе... (Потом, когда мы с Эмили начали переписываться на английском, оказалось, что эти опасения были не напрасны.) В конце концов мы выяснили, Slotinski – это деревня Слатинская, расположенная в стороне от крупных автодорог в 45 километрах от Бабаева (раньше ее называли также Слотинская). Именно в этой деревне Николай Антонов жил со своей мамой с лета 1935 года (в эту глухомань они приехали не по собственной воле – их насильственно переселили из-под Ленинграда) до октября 1940-го, когда его забрали в армию (в армию, а не на фронт!)...

Но прежде следует несколько слов сказать о самой Эмили.

Она шведка, ей 30 лет. Выйдя замуж за норвежца, переехала жить в Норвегию (как она пишет, «до бабушки 6-7 часов езды на машине»). У них двое детей, сын и дочка. Своего первенца она назвала, между прочим, Сандер-Николай... Эмили, как она говорит, «соционом», по-нашему – социальный работник: трудится в офисе, занимающемся нуждами инвалидов, помогает им организовать нормальную жизнь. То есть работает, если оперировать российскими реалиями, в себе.

Воспоминания деда, те самые 36 машинописных страничек, она читала не раз и не два, но, перечитывая их однажды весной, вдруг поняла: ведь это несправедливо, что дед, столько всего переживший и достигший столь почтенного возраста, так ничего и не знает о судьбе своей мамы.

Сначала СССР был для него закрытой территорией. В 90-х годах дяди Эмили сделали первые робкие попытки отыскать следы своей бабушки, но тщетно. В 1993 году, когда наконец появилась возможность навестить покинутую полвека назад родину, Николай Тимофеевич вместе с женой, сыновьями и прочими родственниками, в том числе с маленькой внучкой Эмили – большая компания набралась, человек десять, – отправились в Россию, в Санкт-Петербург, неподалеку от которого в финской деревеньке он когда-то родился. Однако туда, в пограничную зону, не попали – она по-прежнему оставалась закрытой. До Бабаева в тот раз так и не добрались...

Эмили надеется побывать там весной будущего года. Николай Тимофеевич для своего возраста крепок и здоров, но уже не в силах выдержать такое путешествие («Вот если бы десяток лет скинуть», – вздыхает он). Внучка же полна решимости поклониться могиле своей прабабушки, попросить у нее прощения от имени деда, прошептать ей, что у него все хорошо, что он не погиб...

Вот только где та могила?

Когда Эмили задумала отыскать следы прабабушки, то даже не знала, как ту зовут. Дедушка полного имени-отчества не мог вспомнить, он называл ее уменьшительным именем Paula – Паула. Но это на скандинавский манер, а по-русски, вероятно, Поля. Значит, ее могли звать Полина, Аполлинурия, Пелагея...

Полное ее имя и отчество нашлись в бумагах под грифом «Секретно», хранящихся в архиве Отдела по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава Министерства обороны России.

Под грифом «Секретно»

Не будь Интернета, Эмили не смогла бы за короткое время настолько продвинуться в своих изысканиях. А так она вышла на популярный генеалогический портал «Family Space», специализирующийся на поиске родственников. За символические деньги там согласились ей помочь. Стали проверять по выложенным в Интернет базам данных военного и послевоенного времени, не значится ли там житель Бабаевского района Николай Тимофеевич Антонов или члены его семьи.

И нашли.

Есть такой портал «Мемориал» (точнее – ОБД «Мемориал»; obd-memorial.ru), хорошо знакомый всем, кто пытался найти своих родственников. Он был создан нашим Министерством обороны в соответствии с поручением Президента РФ от 23 апреля 2003 г. №пр-698 по вопросам организации военно-мемориальной работы в РФ и Указом от 22 января 2006 года №37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества». Это обобщенный компьютерный банк данных, содержащий информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

Создатели портала, к чести их надо сказать, проделали огромную работу: за эти годы отсканирован уже практически весь фонд поступивших из военкоматов донесений, «уточняющих потери». Проблема лишь в том, что бумаги эти скомпонованы так, как подшиты в архивные дела – то есть не по порядку (впрочем, это вина не создателей компью-

терной базы данных, а неразберихи, царившей в архивах Министерства обороны в послевоенные годы). И иногда документы, рассказывающие об одном и том же человеке, отнесены к однофамильцу или человеку со сходным именем-отчеством.

Так получилось и с Николаем Антоновым из Бабаевского района. В базе «Мемориала» есть существующий всего в двух экземплярах любопытный документ под грифом «Секретно». В этом «Списке безвозвратных потерь рядового и сержантского состава Советской армии», подготовленном Бабаевским райвоенкоматом и датированном 28 марта 1951 года, только один военнослужащий – Антонов Николай Тимофеевич. Там указаны его звание, год и место рождения, партийность (коммунистом, кстати, он не был), каким военкоматом и когда призван, а также что его «можно считать пропавшим без вести в июле 1941 года». И самое главное: в графе «Ближайшие родственники» – мать Антонова Пелагея Павловна, проживающая в Ладышкинском сельсовете Бабаевского района.

Документ №390

Итак, ее звали Пелагея Павловна. И, кстати, теперь понятно, почему в «Книге памяти», которая формировалась по данным военкоматов, в качестве места жительства Николая Тимофеевича ошибочно появился Ладышкинский сельсовет, где он никогда на самом деле не был. Просто там, оказывается, жила его мама...

Но позвольте, ведь они обосновались в деревне Слатинская, а это Волковский сельсовет, а не Ладышкинский. Почему же Пелагея оказалась совсем не там, где оставил ее сын Николай?

И второй момент: в той же «Книге памяти» отмечено, что он пропал без вести в октябре 1941-го. А в документе – в июле 1941-го. Почему такая разница?

На обнаруженном «списке безвозвратных потерь» – резолюция: «Запр. дату прекр. связи». А вот ответа на этот запрос о дате прекращения связи нет.

Но мы его обнаружили-таки, проверяя документы на всех Антоновых в той же базе «Мемориала». Это адресованное в Москву письмо №390 от 11 мая 1951 года за подписью бабаевского райвоенкома подполковника Боброва. Очень короткое: «Сообщая, что последнее письмо от военнослужащего Антонова Николая Тимофеевича его матерью было получено в половине июля месяца 1941 года, точного числа мать не помнит» (орфография и пунктуация оригинала сохранены).

Так вот откуда фраза «можно считать пропавшим без вести в июле 1941 года» в первом документе! В качестве даты выбытия обозначали ту дату, которую

указал военком. Но как он это делал? Это сейчас Гражданский кодекс обязывает считать пропавшего без вести человека погибшим только по решению суда и не ранее чем через 5 лет после исчезновения. А во время войны просто-напросто добавлялось примерно месяца три к дате последнего известия или письма от солдата (вероятно, была какая-то секретная инструкция?). И это обозначалось как дата пропажи. А если человек жил на оккупированной территории, эти три месяца добавлялись к дате ее освобождения. Например, последнее письмо от человека пришло в 1941 году, а военком пишет: «Считать пропавшим без вести в марте 1944 года...»

Прибавляем к июлю три месяца – получается октябрь. Вот так волею инструкций и военкома (Боброва?) Николай Тимофеевич Антонов, сам того не ведая, «пропадает без вести» в октябре 1941-го.

Больше никаких документов касательно нашего героя в ОБД «Мемориал» найти не удалось. Нет даже обычного в таких случаях «подворового опроса», который проводили работники военкоматов согласно стандартной процедуре поисков. Кстати говоря, и сама-то процедура поисков запускалась либо по запросу сверху (что мы имеем в этом случае), либо по заявлению родственников. Однако никакого заявления от матери – единственной родственницы – в документах райвоенкомата нет. Трудно поверить, что она не интересовалась судьбой сына, успокоилась, получив извещение, что тот пропал без вести. Особенно после того, как спустя десять лет военные стали задавать вопросы, когда она получала последнее письмо от него...

Между прочим, последнее письмо должны были изъять и приложить к ответу на запрос.

Но этого сделано не было. Сомнительно, что поверили матери на слово. Вероятнее всего, их убедил упомянутый ответ из финского архива, что Николай Тимофеевич Антонов якобы мертв. Во всяком случае, на этом найденном нами документе стоит финальная резолюция: «Учесть проп. б/в».

Так на живом человеке появилось клеймо «пропавший без вести». Но это в документах. А что сказали матери? Что ее сын погиб? Почему она не пыталась больше его отыскать?

Или не пыталась просто потому, что вскоре умерла сама?

И почему, в конце концов, она обитала не в деревне Слатинская, а в Ладышкинском сельсовете?

...В деревне Ладышкино – она одна такая на весь Бабаевский район – вот уже лет 15 никто не живет. От нее остались лишь теснимые лесом развалины нескольких домов. И еще – кладбище за речкой.

На этом кладбище, где хоронили покойных со всех окрестных деревень, прямо у дороги есть одинокая

заросшая могилка со старомодным железным крестом. А на нем – табличка, гласящая, что здесь покоится «Пелагея Павловна» (!), умершая в 1950 году.

Вот только фамилия у Пелагеи Павловны, если верить табличке, отнюдь не Антонова...

О пропавших без вести

Необходимое отступление

СССР(Россия) – единственная страна-участница Второй мировой войны, в которой на государственном уровне не решен законодательно вопрос признания погибшими тех участников боевых действий, на которых нет компрометирующих материалов в архивах спецслужб. Из-за нескольких сот тысяч предателей и перебежчиков остаются с сомнительной репутацией минимум пять миллионов наших дедов и прадедов.

Хотя в части 2 статьи 45 Гражданского кодекса РФ сказано, что «военнослужащий, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим по истечении двух лет со дня окончания военных действий», презумпция невинности не срабатывает. Родственникам «пропавших» даже приходится отвечать на совершенно невероятные требования судов...

Вот конкретный пример из практики Вахитовского районного суда г.Казани, который приводит в письме Президенту РФ историк Михаил Черепанов. В 2011 году, рассматривая заявление сына пропавшего на фронте о просьбе признать отца погибшим, при наличии соответствующих документов из архивов о том, что среди пленных такой не числится, судья потребовал от истца указать обстоятельства, угрожавшие пропавшему без вести смертью, доказать безвестное отсутствие отца 65 лет после Победы и даже произвести опись имущества «пропавшего без вести». И все это продолжалось больше года. А всего-то и надо было оформить в наследство маленький деревенский домик...

27 февраля 2014 года в Общественной палате РФ прошли слушания «О роли гражданского общества в решении задач увековечения памяти погибших в годы Великой Отечественной войны защитников Отечества». Дискуссия развернулась по нескольким проблемам, в том числе рассматривалось предложение признать всех пропавших без вести в годы ВОВ погибшими.

Представители Министерства обороны РФ на это заявили: «У нас есть статистические данные, из-за которых мы выступаем против этого предложения. Масса людей действительно осталась на вражеской территории. А рассмотреть внимательно тех солдат, которые были скомпрометированы,

– с этим мы согласны. Никто не мешает нашей стране выразить акт прощения даже тем, кто оступился тогда. Этот вопрос можно было бы рассмотреть и показать благородство нашей страны».

Но на высшем уровне никаких решений по этому поводу так до сих пор и не принято. Может быть, повяжутся в преддверии 70-летия Великой Победы?..

Могила Пелагеи

В архиве бабаевского ЗАГСа по запросу Эмили обнаружили запись о смерти в 1950–1960-е годы только одной Пелагеи Павловны – но не Антоновой, а Шабановой.

Именно эта фамилия значится на табличке, прикрепленной к железному кресту, который установлен на найденной нами могиле Пелагеи Павловны.

Может, она сменила фамилию?.. Когда Николая Антонова в октябре 1940-го призвали в армию, матери, по его словам, было 49 лет – совсем не старая еще женщина. Почему бы ей не выйти замуж и не сменить фамилию?..

Мы послали фотографию могилы Эмили – она была в шоке. Неужели поиски закончились?..

Увы.

Согласно книге записи актов гражданского состояния, хранящейся в архиве бабаевского ЗАГСа, заявление о смерти Шабановой Пелагеи Павловны подавала ее невестка. А проживала Пелагея Павловна в деревне Сорка, что в пяти километрах от Ладышкина. И, между прочим, это был Соркский сельсовет, а не Ладышкинский (лишь позже, когда сельсоветы укрупняли, в Ладышкинский вошла и Сорка). И еще: Пелагея Павловна Шабанова (в девичестве, как мы полагаем, Иванова) всю свою жизнь прожила в Сорке, там вышла замуж, там родила 6 детей – четырех дочек и двух сыновей. Более того: в Сорке и поныне здравствуют два внука Пелагеи Павловны Шабановой. Одному из них 76 лет, а другому – 88, но бабушку свою они уже не помнят. А фотографий ее у них не сохранилось...

Стало быть, ложный след. Но по крайней мере выяснили, чья это могила. Единственное, что удивляет – почему в архиве ЗАГСа нет данных о кончине других Пелагеев. Впрочем, уже тогда это было не слишком распространенное имя. А кроме того, бабаевский архив за последние 60 лет пережил всякое, в том числе пожар; возможно, другие документы просто утрачены...

Попробуем зайти с другой стороны и проследить жизненный путь Николая Антонова с самого начала. Может, тогда удастся нащупать концы ниточек, которые ведут к его матери.

Свой среди чужих

Если верить официальным документам, Николай Тимофеевич Антонов родился 28 декабря 1921 года. Но сам он говорит, что ему приписали лишний год, чтобы пораньше забрать в армию...

Его настоящая родина была в 48 километрах от Петрограда – на свет он появился на территории, которая с давних пор именовалась Ингрией (или Ингерманландией).

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Ингрия (Ингерманландия, Ижора; фин. Inkeri) – так начиная с XII века называлась область на северо-западе современной России, расположенная по обе стороны Невы между Карельским перешейком и Эстонией. Русское название «Ингерманландия», взятое Петром I для обозначения вновь обретенных земель, происходит от шведского «Ingermanland». Самыми древними жителями Ингрии являлись народности воть и ижоры, позже здесь поселились финны (до 80% населения).

В середине 1919 года северная часть Ингерманландии провозгласила государственный суверенитет – республику Северная Ингрия со столицей в деревне Кирьясало (северная часть территории современного Всеволожского района Ленинградской области). Но просуществовала Северная Ингрия лишь до декабря 1920 года. Для советской власти эти события послужили поводом воспринимать ингерманландцев как неблагонадежный элемент.

С 1927 года территория Ингерманландии входит в состав Ленинградской области. С 1930-х годов, во время развертывания массового террора в СССР и усиления антифинской кампании, термин «Ингерманландия» исчез из обихода, за его использование даже подвергали репрессиям...

В 1927 году в рамках советской политики «коренизации» на территории Ингерманландии был сформирован Куйвозовский финский национальный район и более 60 финских национальных сельсоветов (и район, и сельсоветы были расформированы в 1939 году). А несколько раньше в этом районе, в деревне Большое Соелово Вуольской волости, и родился Николай Тимофеевич Антонов.

Сам он свою родину никогда не называл так, только по-фински – «Suuri Suojala». Дословный перевод «Большое Соелово» используется в официальных советских документах; правда, в «списке безвозвратных потерь» в качестве его места рождения указана деревня «Б.Соиволо» (в литературе встречается также название «Б.Соэ-

ло»). Жили там сплошь финны – Николай Тимофеевич вспоминает, что их соседями были семьи Пуллинен, Ранталайнен, Олликайсмяки и Ховатта. Из русских там обосновались только Антоновы да председатель сельсовета Мария Иванова, активно участвовавшая потом в «раскулачивании» финнов (эти ее «подвиги» описывали сбежавшие в Финляндию местные жители; их воспоминания опубликованы).

Как Антоновы оказались в финской глуши – непонятно. Да, в ту пору существовала практика в национальные поселения присылать русских должностных лиц, врачей, агрономов, но мать Николая Тимофеевича не принадлежала к элите или интеллигенции – она любила и умела работать руками, на земле, ухаживать за скотиной. Сам Николай Тимофеевич полагает, что родители приехали туда из Петрограда, и даже высказывает предположение, что его отец был революционером, но подвергся гонениям и, чтобы обезопасить своих жену и сына, отправил их жить в эту деревеньку рядом с финской границей... Однако «революционная» версия весьма сомнительна: в своих воспоминаниях – той самой Книге, надиктованной в 1993 году, – Николай Тимофеевич более сдержан: «На финской границе, где мы жили, в то время творилось много беспорядков, во время одной из заварушек и погиб мой отец». Как бы там ни было, отца Николай никогда не видел, а мать про него не то что не рассказывала, но даже не вспоминала (как и про свою родню). Впрочем, она, по словам Николая, прекрасно ориентировалась в Питере, так что, вполне возможно, когда-то там действительно жила...

В Большом Соелове у Николая с матерью был небольшой деревянный домик на одну семью, два с половиной гектара земли, две коровы и свиньи. С хозяйством мать управлялась в одиночку, Николаю доверяли разве что пасти коров. Те часто забредали в лес, а там проходила финская граница и было полно военных. Один раз Николай с друзьями, разыскивая сбежавших коров, случайно пересекли приграничную полосу, но их остановили пограничники, пожурили и отпустили домой...

В 1928 году либеральность советской власти дошла до того, что в Куйвозовском районе единственным языком образования был провозглашен не русский, а финский. По данным на 1933 год, из 58 начальных школ в районе 54 были финскими. «В школу я пошел семи лет, – вспоминает Николай Тимофеевич. – Ходить в школу надо было за два километра от дома». Преподавали в школе на финском, русский язык начали изучать только через три года, зато по три часа в день. Николай счи-

тал для себя родными оба языка. Мама тоже знала финский, но не настолько хорошо, как он.

Кстати, именно в школе Николай узнал, что отчество у него Тимофеевич...

А еще из школьных лет в памяти остался эпизод, показывающий, насколько все-таки снисходительно педагоги относились к «политическим» подчас шалостям учеников: «Помню, однажды в школе я вздумал прыгнуть с [гипсовым?] бюстом Ленина, но выронил его; грохнувшись об пол, Ленин разлетелся на тысячу кусочков. За это меня оставили после уроков, и я просидел на скамейке два часа после того, как другие дети ушли по домам...»

Отобранная родина

Между тем либеральничала советская власть недолго: уже в 1930 году Куйвозовский район вошел в число территорий, подлежащих сплошной коллективизации, и многих зажиточных финнов угнали в Сибирь, а их большие дома заняли присланные председатели сельсоветов...

Русских Антоновых раскулачивание не коснулось: по сравнению с финнами жили они небогато. Но радовались они недолго. Опасаясь, что граница слишком близко от Ленинграда, а мир с Финляндией довольно хрупок, советские военные задумали расчистить приграничье и возвести целую оборонительную полосу.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Карельский укрепленный район (КаУР) как совокупность фортификационных сооружений начал строиться в 1928 году по Приказу Реввоенсовета СССР №90 от 19 марта 1928 года. Он протянулся на 80 км по Карельскому перешейку от Сестрорецка до Ладожского озера по линии «старой границы». Основу укрепленного района составляли долговременные огневые точки (ДОТы). Всего их построили 196, и они сыграли свою роль в Великую Отечественную: начавшие наступление финны, не желая нести потери при прорыве, остановились, заняв оборону до лета 1944 года на 80-километровой линии фронта от Финского залива до Ладоги... К сожалению, КаУР практически никак не отмечен в официальной истории, потому что вплоть до 1995 года находился в составе действующей армии и на многую информацию был наложен гриф секретности.

Один из таких ДОТов носит неофициальное название «Соеловский» – по ближайшему населенному пункту. Возможно, именно за его строительством наблюдал юный Николай весной 1935

года (он описывает это в своих воспоминаниях). С инспекцией сюда наведалься тогдашний нарком обороны Климент Ворошилов – Николай с друзьями видели, как он раскатывал на открытой машине... А потом все жители Большого Соелова получили две недели на сборы: им объявили, что их переселяют. Стояло лето, в огородах все было посажено, но военных это не волновало: приказ заставить приграничье поступил из самой Москвы.

Всех жителей с нехитрым скарбом на грузовиках отвезли на ближайшую железнодорожную станцию Гризино, что в 8 километрах. Там их распределили по железнодорожным вагонам и, пообещав компенсировать стоимость оставленного имущества (наивные люди поверили), отправили в неизвестном направлении. На самом деле всех переселяли в основном в западные края нынешней Вологодской области (маленькая оговорка: Бабаевский и Борисово-Судский районы вошли в состав Вологодской области только в сентябре 1937-го). На некоторых станциях эшелон останавливался, и те, чьи фамилии выкрикивали военные, выходили.

Антоновых и еще две семьи выкликнули в Бабаеве. Дальше эшелон ушел уже без них. А им до нового места жительства – деревни Слатинская – оставалось каких-то 45 километров...

Николай Тимофеевич больше так и не бывал в Большом Соелове. Даже название это исчезло со всех карт. А ведь селение было приличное – по данным на 1936 год, Соеловский сельсовет насчитывал 252 хозяйства.

Когда в 1993 году Николай Тимофеевич вместе с семьей хотел навестить родные места, их попросту не пустили: территория по-прежнему была запретной зоной. Зато сразу после списания в 1995 году ДОТы перестали охраняться. Постепенно происходит их разрушение и разграбление мародерами и «охотниками» за металлом... Жилых строений там давно уже нет, разве что в расположенном в 4 км поселке Вуолы стоят возле дороги два дома дачников. Песчаный карьер, заросшие холмы, лесные вырубki да маленькое озерцо – вот и все, что осталось от родины Николая Тимофеевича. И еще затаившийся в лесной чаще заброшенный ДОТ «Соеловский». Впрочем, это название условное...

А деревня Слатинская жива и по сию пору.

Чужие среди своих

Слатинская не богата достопримечательностями. Эдакий уютный и чистенький поселок с подновленными деревянными домиками, оживающий главным образом летом, когда наезжают дачники. Местная гордость – родившийся здесь

генерал-майор авиации Николай Павлович Пашков (1916–2002), командовавший эскадрильей, а после войны приложивший руку к подготовке не только летчиков, но и космонавтов.

Сейчас там старожилов почти нет – самая пожилая местная жительница родилась в 1935 году, когда Антоновы приехали в Слатинскую...

Их поселили в большом доме на две семьи. Прежних жителей, уверен Николай Тимофеевич, сослали куда подальше, в лагерь. Тогда в Слатинской было много таких пустых домов. Они ветшали поменьше, без хозяев – в том, куда поселили Антоновых, даже печки не было, пришлось нанимать печника из соседней деревни, а то и готовить было не на чем. Соседями их по дому стала семья по фамилии Krogloff (так в воспоминаниях Николая Тимофеевича; по-русски, надо думать, Кругловы). В этой семье, по словам Николая Тимофеевича, был парнишка по имени Sashka, его ровесник, и его младшая сестренка Maruschka.

Отнеслись к новоприбывшим хорошо, душевно, помогли чем могли. Работали все местные в колхозе «1 Мая». Туда же приняли Антоновых...

Но это все – со слов самого Николая Тимофеевича. Однако есть и документальное тому подтверждение.

В архивном фонде Волковского сельсовета Бабаевского района (сейчас он находится в Череповецком центре хранения документов) в похозяйственных книгах деревни Слатинская (тогда – Слотинская) и колхоза «1 Мая» за 1938–1939 годы (книжки за более ранние годы на хранение в центр не поступали) значатся «Антонова Пелагея (отчество не указано), 1885 года рождения, глава; Антонов Николай (отчество не указано), 1920 года рождения, сын». В таких же записях за 1940–1942 годы у Антоновой Пелагеи год рождения почему-то становится 1884-м. Ту же Антонову Пелагею (без указания отчества и с 1884 годом рождения), но уже без сына находим в записях за 1943–1945 годы. А вот в записях за 1946–1948 годы появляется Антонова Пелагея Ивановна (так в документах!), 1884 года рождения. В записях же за 1949–1951 годы есть Антонова Пелагея Ивановна, 1885 года рождения, няня (!). Имеется отметка – хозяйство выбыло в деревню Ладышкино в августе 1950 года.

В частично сохранившихся похозяйственных книгах деревень Слатинская Волковского сельсовета и деревни Ладышкино Саннинского сельсовета Бабаевского района за 1952–1963 годы сведений об Антоновой Пелагее нет.

Та ли это Пелагея? Маловероятно, что в деревне сначала жила одна Пелагея Антонова, а потом появилась другая. Бросается в глаза также рас-

хождение в годах рождения и ее, и Николая. Скорее всего, в сельсовете, внося эти записи, просто ошиблись. Да и с возрастом самой Пелагеи нестыковка: получается, она старше, чем считает Николай Тимофеевич.

Но почему Ивановна, а не Павловна? Или ошиблись в военкомате (существует только один документ, где мать Николая Тимофеевича названа по отчеству – Павловна)?

А что, если попробовать найти их соседей – тех самых Кругловых с сыном Сашкой и дочкой Маруськой?

Деревня пропавших без вести

Сейчас никаких Кругловых в Слатинской нет. Но на их след нам удалось выйти, просматривая... те же списки пропавших без вести во время Великой Отечественной, в которых до сих пор значится Николай Тимофеевич Антонов.

В этих списках есть два Кругловых родом из Слатинской – Григорий Федорович, 1922 года рождения, и Алексей Федорович, 1922 года рождения. Указана и живущая в Слатинской их мать – Круглова Параскева (представляете чувства матери, потерявшей без вести двух сыновей?..).

Параскеву Круглову местные вспомнили! Надежда Кирилловна Богданова, всю свою жизнь прожившая в Слатинской (она 1939 года рождения; по злой иронии судьбы ее отец, Кирилл Петрович Калачев, тоже пропал без вести в Великую Отечественную; получается, если считать с Николаем Антоновым, 4 человека из одной деревни пропали во время войны без вести!), а потом и ее старший брат рассказали нам про Кругловых. Семья оказалась многодетной. Кроме старшего Григория, уехавшего в Иваново, и учившегося в Бабаеве Алексея, был у них еще один сын, 1924 или 1926 года рождения, – Александр, то есть Сашка (говорят, он после смерти матери спился, а потом по пьяни повесился на спинке собственной кровати), и дочери, в том числе Мария (Маруська!) и самая младшенькая (родилась после 1935 года) Катя. Старое кладбище, где похоронены и сама Параскева, и Сашка, давно распахано... Жива, быть может, лишь самая младшенькая, она в свое время уехала жить в Караганду, и связь с ней прервалась...

А потом нам показали пустующий сейчас дом, где жили Кругловы (и, стало быть, Антоновы; раньше вместо хлева была жилая половина, на вторую семью; именно в той не сохранившейся половине ютились Кругловы) – он чудом уцелел после страшного пожара в августе 1944 года, когда сгорела почти вся Слатинская, отстоять

удалось лишь несколько домов. Тогда, кстати, и начали разъезжаться из нее погорельцы.

Но Пелагея Антонова осталась. Уехала она, согласно документам, лишь в августе 1950-го. Уехала в деревню Ладышкино. Может, вести хозяйство одной ей стало не под силу и она устроилась туда в какую-то семью в качестве няни?..

Николай Тимофеевич о слатинской поре своей жизни вспоминает не так уж много: помогал матери, потом работал на лесоповале, плотогоном на большой реке Суда... Кстати, однажды за опоздание на работу Николая и еще одного несовершеннолетнего парня отправили на штрафные работы – чистить от топляков русло реки. От более жесткого наказания Николая спасло то, что 18 октября 1940 года его призвали в армию...

А 8 июня 1942 года, если верить обнаруженному нами документу, попавший в плен к финнам Николай Тимофеевич Антонов... умер в лагере №6 от «желудочной болезни».

Выборгский пленный

Согласно официальным данным, с 1941-го по 1944 год в финском плену побывало около 64 тысяч советских солдат и офицеров, из них более 18 тысяч – погибло. Кого-то расстреляли, но большинство умерли своей смертью – в основном от недоедания. В качестве причины смерти в этом случае указывалось обычно «желудочное заболевание».

В Государственном финском архиве составлены (и уточняются по сию пору) списки советских военнопленных и гражданских лиц, умерших в лагерях. В одном из таких списков, продублированном на специализированном ресурсе kponos.narc.fi, мы и нашли уроженца Ленинградской области (подробностей нет) Николая Тимофеевича Антонова – узника лагеря №6 (он располагался в Выборге), скончавшегося 8 июля 1942 года от того самого «желудочного заболевания». С данными Николая Тимофеевича, который живет сейчас в Швеции, не совпадает только год рождения – 1901-й, а не 1921-й. Что вполне может быть ошибкой.

Советская сторона вела собственный учет погибших. В уже упоминавшейся нами базе документов Минобороны «Мемориал» есть подготовленный в июне 1945 года список на 18318 советских военнопленных, сгинувших в Финляндии, а в этом списке – расширенные данные на умершего в 1942 году Николая Тимофеевича Антонова. Он родился 4 февраля 1901 года в деревне Заполье Зарчевского сельсовета Окуловского района Ленинградской области, а в плен попал 5 сентября 1941 года.

То есть это не «наш» Николай Тимофеевич. Совпадение. Но в финских-то списках таких подробностей нет, там «уроженец Ленинградской области». А следовательно, могли перепутать. И потом, в 1950-х годах с чистой совестью ответить на запрос нашего Минобороны, что разыскиваемый Николай Тимофеевич Антонов умер.

В общем-то, даже неправдой это назвать нельзя. Просто это не та правда.

«Наш» Николай Тимофеевич тоже попал в финский плен, но еще раньше, 20 августа 1941 года, не прослужив в Красной армии и года.

Три смерти Николая Тимофеевича

Из Бабаева призывника Антонова отправили в учебную часть в карельском городке Олонце. Там, по воспоминаниям Николая Тимофеевича, их учили ходить строем, обращаться с оружием и вдалбливали, что если попадете в плен, оставьте последний патрон для себя...

Зимой начались учения. Тогда он «умер» в первый раз. Во время одного из лыжных походов Николай обморозил обе ноги и угодил в госпиталь. Боли были адские, он фактически прощался с жизнью. Речь уже заходила об ампутации... Его спасли самоотверженность врачей и специальная лампа, которой облучали ноги. Провалился он там до весны, но все-таки вернулся в часть на своих двоих (правда, ноги побаливают с той поры).

Про то, что фашисты напали на Советский Союз, Николай вместе с товарищами узнал из сообщения по радио, когда обедали в столовой. Потом их всех выстроили на плацу и сказали, что часть перебрасывают поближе к границе с Финляндией. Но до границы так и не добрались: 31 июля 1941 года после короткой артиллерийской подготовки и при поддержке немецкой авиации II армейский корпус финнов перешел в наступление.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. В финской историографии для этих событий используют термин «война-продолжение», подчеркивая имеющуюся, по мнению финнов, прямую связь с Зимней войной 1939–1940 гг.; наши историки считают эти военные действия частью агрессии фашистской Германии, союзником которой выступила Финляндия. В течение июля-августа 1941 года финская армия заняла все территории, которые ранее отошли к СССР по итогам Зимней войны. Но затем финны оккупировали никогда им не принадлежавшую восточную Карелию, а отдельные части помогали немцам держать кольцо блокады вокруг Ленинграда. Правда, дальше многие финны идти не захотели, и поэтому

стабилизировавшаяся к концу 1941 года линия советско-финского фронта сохранялась в таком виде вплоть до лета 1944 года. Искать пути к перемирию Финляндия начала раньше, сразу после поражения немцев под Сталинградом. 4 сентября 1944 года вступил в силу приказ финского главного командования о прекращении боевых действий по всему фронту. Соглашение о перемирии было подписано в Москве 19 сентября. Немцы, большие силы которых размещались на севере Финляндии, не пожелали покидать страну, и в результате финская армия уже совместно с Красной армией повела против них боевые действия, закончившиеся только в апреле 1945 года. Окончательный мирный договор между Финляндией и СССР был подписан в Париже 10 февраля 1947 года.

...Финнам противостояла 23-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Петр Пшенников. Из-за быстрого продвижения финской армии многие части оказывались в «котлах» – в окружении. Чтобы сберечь живую силу, командование приняло решение отступить и вывезти всех на катерах по Ладожскому озеру в районе острова Валаам.

Этот день, 20 августа 1941 года, Николай Тимофеевич не забудет никогда. Он говорит, что никакого организованного отступления не было – все просто бежали к озеру под сплошным огнем. Некоторым, в том числе и Николаю, удалось вскарабкаться на плоты, но и там их доставали вражеские пули и снаряды, люди гибли или оказывались в воде. Чтобы не утонуть, бросали все – одежду, оружие... В конце концов Николай в одном исподнем, промокший и без винтовки, кое-как выбрался на берег и втиснулся в щель в скале. Оттуда он видел, как советские катера, которые должны были их забрать, не смогли подойти ближе к берегу и, бросив их на произвол судьбы, скрылись из виду. Канонада не смолкала, но Николай уже ничего не слышал – он обессилел настолько, что... заснул в своей щели. А может, потерял сознание.

Так он «умер» во второй раз.

А очнулся от того, что промерз до костей. Когда он выбрался из щели, все было кончено, на берегу и в воде не осталось уже никого живого. Возле самой кромки воды лежал мертвый советский майор. Николай стащил с него одежду, напялил на себя, чтобы согреться. Хотел взять и пистолет, но там не было патронов.

Николай пошел дальше по берегу и вскоре увидел двух финских солдат, стоявших к нему спиной. Он вспомнил про «последний патрон для себя», но у него не было ни патронов, ни оружия. Тогда он решил: пусть эти финны сами застрелят

его. И заговорил с ними – на финском, которым владел в совершенстве.

Финны, услышав родную речь, удивились и не стали стрелять, а отконвоировали Николая к своему командиру. Тот, узнав, что Николай говорит и по-фински, и по-русски, предложил стать переводчиком – в плен попало около двух тысяч советских солдат и с ними надо было как-то общаться. Николай подумал, что так он сможет помочь пленным, и согласился.

Его отправили в захваченную Хийтолу. Там царил такая неразбериха, что ему даже не присвоили номер, как всем военнопленным. Но конвойного к нему приставили. Когда требовалось, Николай переводил, в другое время его использовали на хозяйственных работах.

А потом, где-то год спустя, ему предложили вступить в финскую армию, посулив финское гражданство.

Собственно, сотрудничая с захватчиками, по законам военного времени он, у которого фактически было две родины – СССР и Финляндия, – уже стал в глазах советских властей изменником. Вспомним хотя бы такой факт: когда оказавшийся в финском плену, но сбежавший оттуда брат автора «Василия Теркина» Александра Твардовского Иван вернулся в СССР в 1946 году, ему, невзирая на побег и именитого брата-поэта, без разговоров дали 10 лет исправительно-трудовых работ... Хорошо еще, что не расстреляли.

У Николая Тимофеевича не было выбора.

Так он «умер» в третий раз.

Номер С-867

Вообще-то, в финскую армию русских не принимали, отправляли в обычные лагеря. Но Николай говорил на финском как на родном, родился в финской деревне. К тому же очень скоро после пленения он (для страховки?) поменял фамилию на финскую, а тогда пленным верили на слово. Тогда очень кстати вспомнились ему и соседи-финны по Большому Соелову, чьи фамилии, должно быть, с его подачи внесли в документы как его ближайших родственников – «двоюродных сестер».

А помимо документов, он получил и номер, который позже будет фигурировать в «списках разыскиваемых» МВД Финляндии, – С-867. Общий принцип присвоения номеров, которые при дальнейшем перемещении пленных не менялись, был такой: первой буквой или буквой с цифрой кодировался номер лагеря, «принявшего» пленного, а дальше через дефис шел порядковый номер. Буква «С» означала лагерь №21, расположенный в городке Савонлинна.

Там (вернее, в нескольких километрах от цент-

ра города, в местечке Ахолахти – ныне это знаменитый лыжный курорт) и оказался русский «финн» Николай Антонов (точнее – уже не Антонов), вступивший в финский Братский батальон №3 и направленный на несколько месяцев проходить курс начальной подготовки, практически ничем не отличавшийся от того, который он прошел в «учебке» Красной армии в Олонце.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. В июле 1941 года от Верховного командования Финляндии поступил приказ организовать для военнопленных ингерманландцев и карелов отдельный лагерь. Так был создан в Савонлинна лагерь №21 «для родственных народов», которых в дальнейшем предполагали сделать жителями захваченной восточной Карелии. К концу 1941 года в лагере было 407 человек, которые находились в лучшем положении по сравнению с другими – получали более высокую продовольственную норму, а на рукавах у них была повязка с надписью «хеймокансалайнен» – «представитель родственного народа».

В ноябре 1942 года маршал Маннергейм одобрил создание из пленных Heitorataljoona 3 (с финского переводится как Соплеменный батальон №3, но встречаются и другие названия – Родственный, Братский). Аналогично был создан Братский батальон №6, но только из финнов, оказавшихся в немецком плену; фактически это была одна из частей германских войск, хотя и использовался он только на строительных работах. Поначалу никто не собирался посылать на фронт и Братский батальон №3, но немцы настоятельно советовали это сделать (по примеру армии Власова). По мнению командования, Братский батальон №3 должен был сам воевать за свое освобождение. Численность его была, по одним данным, 1070, по другим – 1115 человек, из которых 837 ранее служили в Красной армии. В батальон подбирались люди на добровольной основе, внушающие доверие, понимающие финский язык, но не служившие в Красной армии на офицерских должностях, не являвшиеся политработниками или коммунистами. Тем не менее их надежность проверялась в особом лагере Ахолахти, где служба безопасности внедрила в батальон своих людей и вскоре, кстати, раскрыла целый заговор собравшихся бежать бывших советских солдат.

В мае 1943 года Братский батальон №3 был переброшен на Карельский перешеек и через три недели направлен на передовую, но показал себя ненадежным в бою – из его рядов на сторону русских перешло много солдат. Поэтому летом 1944 года батальон вывели из состава прифронтовых подразделений.

...На фронте, куда попал в составе Братского батальона №3 после «учебки» Николай, было довольно спокойно, лишь изредка случались, как бы мы сказали теперь, провокации. Однажды Николая отправили ночью в передовой дозор на холм. Ему почудилось, как кусты зашевелились, – и вдруг оттуда раздалась автоматная очередь. Николай наугад пальнул в ответ – это был, пожалуй, единственный раз, когда ему довелось стрелять не по мишеням. На помощь подоспели финны, началась перестрелка, но Николай в ней уже не участвовал – та, первая очередь раздробила ему кость на руке и прошла живот.

И снова его спасли врачи, на сей раз финского госпиталя. Но на этом, собственно, его «военная карьера» и закончилась, так и не успев по-настоящему начаться.

Преданные

Осенью 1944 года, когда Финляндия вышла из войны и подписала мирный договор с СССР, среди солдат Братского батальона №3 началась паника. Параграф 10 этого договора (в Парижском мирном договоре 1947 года его аналог – статья 9) гласил: «Финляндия обязуется без промедления вернуть Высшему военному командованию (Советского Союза) всех находящихся на данном этапе советских и родственных по языку пленных, а также всех тех советских граждан и граждан Объединенных Наций, которые были интернированы и насильно увезены в Финляндию, для отправки их в дальнейшем домой...» За исполнением этого пункта должна была следить специальная Контрольная комиссия, которую в СССР возглавил А.Жданов. Сроку давался месяц.

55 тысяч ингерманландцев, покинувших СССР, вернулись добровольно, а вот военнослужащих 3-го и 6-го Братских батальонов предлагалось вернуть в принудительном порядке. Финские власти, сразу «забывшие» про обещание предоставить гражданство, привлекли к делу военную полицию, которой вменили в обязанность разыскать бывших солдат упомянутых батальонов, посадить их в поезда и отконвоировать в специальные лагеря для интернированных на границе с СССР. (Потом тех, кто служил в 3-м батальоне, наши отправили в сортировочные лагеря в Казахстане и Средней Азии, а тех, кто служил в 6-м, – в Сибирь, «навесив» срок «за измену Родине».)

Николай Тимофеевич, которого тоже отправили в перевалочный лагерь на границе, все правильно понял и не стал дожидаться приговора. Охраняли финны этот лагерь спустя рукава (говорят, что

власти приказали им не стрелять по бывшим «своим»), и Николаю с товарищем удалось бежать.

Об их дальнейших приключениях можно было бы снять целый фильм – как, например, они прятались в стоге сена, как пересекали шведскую границу... Как бы там ни было, у этого фильма был счастливый конец – Николай, сменив уже и имя, осел в Швеции, обзавелся семьей, детьми...

Контрольная комиссия особенно тщательно искала служивших в 6-м батальоне, а не в 3-м. Тем не менее вплоть до 1953 года МВД Финляндии исправно включало всех найденных военнослужащих 3-го батальона в «списки разыскиваемых лиц», хотя и знало, что, по некоторым данным, 600-800 человек, не рискнувших вернуться в СССР, нашли убежище в Швеции. Между прочим, есть сведения, что многим из них сами финские власти помогли бежать, а в Швеции обеспечили работой. Большинство же документов о военнопленных, особенно протоколы их допросов, волшебным образом... потерялось.

А в то же время в СССР, в Бабаевском районе Вологодской области, бесследно исчезла Пелагея Антонова.

Была – и нет

Напомним: есть документальное свидетельство, что в августе 1950 года Пелагея Ивановна (?) Антонова переехала из Слатинской в деревню Ладышкино. Сотрудники военкомата встречались с ней (вернее, с Пелагеей Павловной Антоновой) весной 1951 года, и тогда она жила именно в Ладышкинском сельсовете (в который тогда входило порядка 20 деревень). А с 1952 года о Пелагее больше нет никаких данных ни в одном архиве. Как не нашлось и живых свидетелей ее существования.

Мы можем только гадать, что с ней произошло. Вот, например, такая версия.

В 1942 году на базе Ладышкинской средней школы был открыт детский дом для эвакуированных из Ленинградской области. С декабря 1949 года его директором была... родная бабушка автора этого материала Татьяна Михайловна Антонова (однофамилица Пелагеи). Согласно записи в ее трудовой книжке, в августе 1951 года детдом расформировали, а воспитанников перевезли в другие детдома. Но педагоги и воспитатели остались работать в Ладышкинской школе...

Если помните, у Пелагеи Антоновой из Слатинской была пометка: «няня». А что, если предположить, что она, не в силах больше вести хозяйство в одиночку – годы все-таки, – прознала о детдоме и

* * *

переехала в Ладышкино, чтобы работать в нем нянечкой или воспитателем? Тем более что там было своего рода общежитие для педагогов...

К сожалению, подтвердить или опровергнуть эту версию пока не удалось: зарплатных ведомостей того периода не найти, педагогов уже давно нет в живых, а в 2011 году ушла из жизни и та, кто точно должна была знать Пелагею, – моя бабушка Татьяна Михайловна. В ее опубликованных воспоминаниях много имен и фамилий воспитателей и воспитанников, но Пелагеи среди них нет. Ученики и педагоги Санинской школы (туда переехала Ладышкинская) пытались восстановить историю детдома, собирали свидетельства очевидцев, но и там нет упоминаний про Пелагею. Те воспитанники детдома, с которыми нам удалось встретиться, тоже не могли припомнить никакой Пелагеи, хотя одна из бывших воспитанниц, Жермина Анатольевна Коротышева, и сказала, что вроде бы была у них пожилая няня по имени Поля...

Говорят также, что в Ладышкине, где жилых домов, кроме зданий школы-детдома и магазина, было всего 4-5, жила некая Пелагея Ивановна Додонова, а в другой деревне Ладышкинского сельсовета, Зубовской, – Пелагея Павловна Акимова. Но это были коренные местные жительницы, а не переселенцы из Слатинской...

Удастся ли узнать о дальнейшей судьбе Пелагеи Антоновой – большой вопрос. Она как призрак: никто ее не видел и не помнит. Но искать ее надо уже не в Ладышкине. Возможно (скорее всего!), она покоится в одной из многих безымянных могил на том кладбище за речкой...

Чтобы не было пересудов: это история не столько о советском солдате, вынужденно служившем в армии противника, сколько о ней – матери, потерявшей на войне сына. Оставим идеологию. По-человечески очень хочется, чтобы сын нашел свою мать.

Она так и не узнала, что он не только остался жив, но и обзавелся прекрасной семьей в Швеции: вернись он в СССР – давно бы сгинул.

Она так и не узнала, что ее судьба небезразлична правнучке Эмили, живущей в Норвегии, а вот в современной России до нее почти никому нет дела.

Она так и не узнала, что в Швеции готовится пойти в школу ее прелестная шестилетняя праправнучка по имени Мерседес-Пелагея, названная в ее честь...

Но все это также значит, что прожила она свою, казалось бы, незаметную жизнь не зря.

Автор выражает признательность за помощь в работе над материалом внучке Николая Тимофеевича Эмили, добровольным помощникам Любове, Николаю и Александру Антоновым, жителям деревни Слатинская Надежде Кирилловне Богдановой (Калачёвой), Александру и Жанне Богдановым, библиотекарю Светлане Васильевой, а также всем, кто помогал в поисках. Если у читателей есть что дополнить, если кто-то знал Пелагею Антонову – большая просьба откликнуться!

E-mail: alex-kudr@mail.ru

□

Алексей Анатольевич КУДРЯШОВ

родился в 1969 году в городе Соколе Вологодской области.

Окончил факультет журналистики СПбГУ,

работал в областной прессе –

от специального корреспондента до главного редактора.

В настоящее время – ответственный секретарь вологодской областной газеты «Премьер – новости за неделю».

Помимо журналистики, занимался остросюжетной прозой и переводами с английского.

Публиковался в газетах и журналах Вологодской области

и Санкт-Петербурга, переводы выходили

в книгах московских и петербургских издательств.

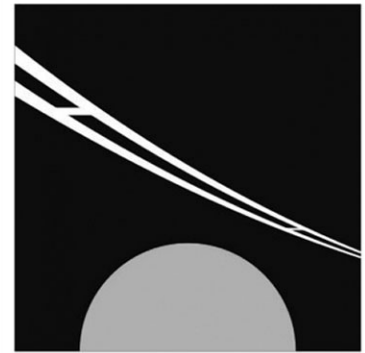
Член Союза журналистов России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Александр ЕРШОВ
г. Петрозаводск

ПРИОНЕЖСКАЯ

СЕТЕВАЯ КОМПАНИЯ

Подарок петрозаводчанам от энергетиков

ОАО «Прионежская сетевая компания» в Карелии работает уже восьмой год. Ее специалисты обслуживают электрические сети напряжением 0,4 – 10 кВ в Прионежском, Пряжинском, Медвежьегорском, Кондопожском, Олонецком, Питкярантском, Лахденпохском, Лоухском, Кемском, Муезерском, Калевальском, Сегежском, Сортавальском и Суоярвском районах республики. Также в зоне ответственности компании энергообъекты в городе горняков Костомукше, а также часть электросетей в столице Карелии – Петрозаводске.

В 2010 году «Прионежская сетевая компания» приобрела в Петрозаводске подстанцию «Онего» (ПС – 71), которая сейчас питает электроэнергией крупнейший микрорайон города – Древлянку – и находящийся рядом Университетский городок. Мощность подстанции в то время составляла 16 мегавольт – ампер (МВА). Этого вполне хватало, пока не возникла необходимость построить рядом со «старой» Древлянской, возведенной еще в советские годы, новые жилые районы, детские садики, торговые комплексы и всю остальную инфраструктуру, нужную людям.

«Специалисты – энергетики и строители, члены правительства Карелии понимали, что с учетом планов по строительству нового жилья необходимо срочно реконструировать подстанцию «Онего», увеличивать ее мощность, – рассказывает генеральный директор Прионежской сетевой компании Игорь Ширшов. – И мощность энергообъекта должна быть увеличена, как минимум, вдвое. В 2011 году проект реконструкции ПС – 71 вошел в Программу перспективного развития электроэнергетики Республики Карелия».

Работы по реконструкции начались в 2013 году, одновременно со строительством микрорайонов Древянка-6, Древянка – 8 и Древянка – 9.

Для того чтобы увеличить мощность подстанции с 16 МВА до 40 МВА, энергетикам

было необходимо установить на «Онего» два новых мощных силовых трансформатора.

По словам Игоря Ширшова, реконструкция идет опережающими темпами:

«По плану все работы мы должны были закончить летом 2015 года.

А фактически «семьдесят первая» будет модернизирована на полгода раньше.

Мы шли очень быстро благодаря слаженности действий наших специалистов и подрядчиков – фирмы «Карелэлектросетьремонт».

Еще надо отметить вот что: во время реконструкции «Онего», установки новых трансформаторов, подстанцию нельзя было отключать – ведь через нее получают электроэнергию сотни потребителей, тысячи петрозаводчан.

В этом была сложность, но мы справились».

Одна из крупнейших петрозаводских подстанций не только стала более совершенна технически.

«Семьдесят первая» – один из самых защищенных в Петрозаводске энергообъектов.

В целях надежного обеспечения безопасности «Онего» здесь установлена надежная тревожно-вызывная сигнализация, которая позволяет каждое несанкционированное проникновение напрямую фиксировать правоохранными органами.

Оснащена подстанция и современными средствами пожарной защиты и видеонаблюдения.

Как удалось специалистам Прионежской сетевой компании в срок и качественно реализовать такой крупный инвестиционный проект в сфере энергетики Карелии?

Руководители проекта в «Прионежской сетевой компании» отвечают:

«Все дело в том, что на основании планов развития отрасли электроэнергетики республики был разработан четкий и грамотный план реконструкции.

Ничего не делалось спонтанно – каждый шаг был просчитан и выверен. И то, что мы сделали это качественно, большая заслуга наших специалистов.

Они доказали, что обладают прекрасными профессиональными навыками».

Сейчас к фактически заново отстроенной подстанции «Онего» уже идет присоединение новых потребителей. От нее уже питается электроэнергией современный недавно построенный торгово-развлекательный центр «Лотос Плаза», новые жилые дома.

Благодаря произведенной реконструкции в значительной части Петрозаводска не будет наблюдаться дефицита электроэнергии еще, как минимум, десять, а то и больше лет.

Это ли не подарок петрозаводчанам?

Наталья МЕЛЁХИНА

г. Москва

В единой связке

Книга Леонида Вересова «Страницы жизни и творчества поэта Н.М. Рубцова» заставляет по-новому взглянуть на современный литературный процесс.

Перед нами сборник статей и документов, посвященных биографии и творчеству Николая Михайловича Рубцова. Казалось бы, о поэте уже сказано и напечатано практически все самое важное и самое основное. Остались только второстепенные детали, конкретизация которых интересует в первую очередь рубцоведа и вряд ли революционным образом изменит представление о поэте в широких читательских кругах.

Однако Леониду Вересову удалось отыскать в архивах и опубликовать такие фото, письма, воспоминания, факты, рецензии, которые будут интересны не только узким специалистам. Автору присущ очень необычный взгляд на вещи. Леонид Вересов обращает внимание на, казалось бы, незначительные моменты биографии поэта и начинает их осмысливать. Через это осмысление к портрету Николая Рубцова вдруг добавляются ранее не замеченные штрихи, а особенности рубцовой эпохи заставляют иначе оценить литературный процесс сегодняшнего дня.

К примеру, Леонид Вересов анализирует опыт участия Николая Михайловича в литературных конкурсах. Совершенно неожиданно эта статья

«Литературные конкурсы в творческой биографии Н.М. Рубцова» в новом свете позволяет увидеть не только характер поэта, но и разницу между литературным процессом в СССР и России.

Николай Рубцов не одерживал громких побед в «творческих состязаниях», как написали бы в советских газетах. Мало того, к различным конкурсам он относился скорее пренебрежительно. Но сравнение рубцовского «конкурсного» опыта и практики наших дней о многом заставляет задуматься. Судите сами: в 1963–1964 годах «Комсомольская правда» проводит поэтический конкурс «Твоя звезда». В эти годы Николай Рубцов – студент Литературного института в Москве. Он отправляет на конкурс свои тексты, но не становится победителем. Тем не менее получает право на публикацию в сборнике «Мы землю перелистаем» (вышел в издательстве «Правда» в 1964 году). Туда берут стихотворение Рубцова «В океане». А теперь внимание: сборник выходит тиражом 95300 экземпляров! Невероятная цифра с точки зрения сегодняшнего книгоиздания. Многие современные авторы предпочли бы совсем не выигрывать никаких конкурсов, но попасть в сборник такого огромного тиража. Напомним, что сейчас солидным даже для известного поэта считается рубеж 2000–3000 экземпляров, а уж для дебютанта тираж более 95 тысяч экземпляров – это просто нереальная мечта, тем более если это автор из провинциального города.

Сейчас невозможно представить себе поэта или прозаика, который не участвовал бы в литературных конкурсах и фестивалях. И дело тут вовсе не в том, что современные литераторы гонятся за славой и наградами, а поколение Рубцова – нет. Существующее положение дел связано с особенностями интернет-эпохи: нет никакой трудности в том, чтобы опубликовать свои тексты в Сети, но их там настолько много, что читатель пребывает в некоем состоянии растерянности. Скажем, на портале Стихи.ру кого выбрать из полутора миллиона авторов? Если говорить иносказательно, то это напоминает такую ситуацию: покупатель приходит в магазин одежды, скажем, за синим шарфом. А продавец выставляет перед ним тысячу абсолютно одинаковых коробок и предлагает самостоятельно отыскать в них синий шарф. Вот что такое литературные порталы – странички-«коробки», которые надоест листать, прежде чем найдешь интересный текст. Определенный ориентир дают конкурсы, в которых предусмотрена публикация лучших произведений на сайте той или иной премии. Как и во времена Рубцова, тексты победителей печатают в литературных изданиях, сборниках или даже предлагают договор на отдельную книгу. Но цена этой награды гораздо выше, чем в 60-70-е годы.

Ситуация усугубляется тем, что в наши дни в регионах России развалена единая система толстых журналов, годами создававшаяся в СССР. Их задача была той же, что у современных конкурсов – отобрать лучшие произведения и обратить на них внимание читателей. Во времена Рубцова свои литературные издания были не только в каждой области, крае или республике. Свои небольшие газеты выходили даже на крупных предприятиях, а литературные страницы велись в каждом общественно-политическом СМИ. Сейчас же, при тотальном дефиците литературных изданий, неудивительно, что в ряде конкурсов самый ценный приз – это публикация произведения.

И, наконец, еще один важный момент – во времена Николая Михайловича конкурсы имели идеологическую окраску. Как пишет Леонид Вересов, «поэт понимал, что его стихи «зрелого периода творчества» не смогут составить конкуренцию звонким бодрым строчкам большинства поэтов, живописующих «победы» советского народа, а не глубинную его суть и состояние». В целом отношение Рубцова к литературным конкурсам было негативным как раз по причине их зависи-

мости от политики партии. Сейчас премии имеют самую разнообразную направленность – от сугубо литературных до, например, православных, патриотических, философских и т.д., но в целом государство не контролирует эту сферу. В итоге каждый поэт может найти «творческое состязание», соответствующее его взглядам на искусство или общественную жизнь.

Таким образом, книга Леонида Вересова позволяет проследить, как кардинально изменился литературный процесс в России всего лишь за несколько десятилетий. Автор, исследуя творческий опыт Николая Рубцова, невольно вписывает полученную информацию в общий историко-литературный контекст XX–XXI века, и в этом заключается особенная ценность сборника статей Леонида Вересова.

На эту любопытную особенность обратила внимание и писательница Елена Колядина, лауреат «Русского Букера». Кстати, Елена Владимировна – землячка и Леонида Вересова, и Николая Рубцова (родина всех этих авторов – Вологодская область). Писательница посвятила сборнику статей публикацию «Чтобы в «Горнице» было светло» (газета «Метро» от 2 сентября 2014 года).

Елена Колядина пишет: «В книге Леонида Вересова описываются интереснейшие документы, например, протоколы Вологодской писательской организации 1960–70-х годов. Сегодня даже не верится, что поэт Рубцов мог поехать за государственный счёт в любую командировку, необходимую для работы над стихотворным сборником; получал гонорары за чтение пары стихов по радио или телевидению; отдыхал в домах творчества, ездил на теплоходах по рекам России в компании коллег. И на всё это в той стране денег хватало!»

Леонид Вересов рассказывает и еще об одном весьма показательном эпизоде из биографии Николая Рубцова. Автору сборника удалось обнаружить в архивах 14 ранее неизвестных рецензий, которые Рубцов посвятил творчеству литераторов-земляков. Вересов пишет: «Предлагаемые читателям материалы никогда не публиковались, они представляют из себя рядовые рецензии, которые поэт Н.Рубцов, член СП РСФСР, писал, определяя степень готовности рукописей начинающих авторов к публикации, в силу обязанностей, возложенных на него как члена Вологодского писательского сообщества. Это серьез-

ное подспорье литературоведам и рубцоведам для дополнения материалов о творческой лаборатории поэта». Леонид Вересов, говоря о «творческой лаборатории», имеет в виду известный литературоведческий метод: по рецензиям, которые поэт дает на тексты других авторов, ученым нередко удается восстановить «идейно-творческую программу» самого критика.

Но здесь есть и еще один важный момент: в наши дни очень редко начинающий автор в провинциальном городе может получить профессиональную рецензию бесплатно. Ни в местных отделениях союзов писателей, ни в литературных студиях, ни в региональных журналах нет редакторов, чьей обязанностью является рецензировать рукописи новичков, причем даже в том случае, если эти рукописи никогда не будут напечатаны. Ведь отзыв делался исключительно для того, чтобы автор-дебютант смог поработать над недостатками своих текстов и оценить свою готовность к публикации. В наши дни аутсайдеры нередко просто платят литературным экспертам (филологам, критикам, литературным редакторам) за такую работу.

Судя по «рядовым рецензиям» (из-за краткости их действительно трудно назвать полноценными исследованиями), Николай Михайлович был очень компетентным, деликатным и внимательным критиком с широким кругозором. «С высоты своего таланта поэт дает отзывы доброжелательные и утешительные», – пишет Леонид Вересов.

Рубцову приходилось работать не только с поэтическими текстами, но и с прозаическими, как рецензент он имел дело с разными жанрами вплоть до детективов. «До сих пор не было известно ни одной рецензии или литературно-критической статьи русского национального поэта на прозаические произведения. Поэтому рецензии поэта Рубцова на рассказы Н. Разживиной, прозу М.Гурьева и детективную повесть А. Филатова «Агент угро» в этом смысле уникальны», – замечает Леонид Вересов.

Уровень разбираемых стихов, рассказов, повестей тоже был разным – от любительских до профессиональных. При этом Леонид Вересов постарался отследить творческую судьбу тех авторов, на чьи тексты Николай Рубцов написал рецензии. Некоторые из них вполне успешно продолжили литературную карьеру: например, Юрий Надточий стал автором многих книг прозы. О час-

ти литераторов данные неполные: скажем, неизвестно, как сложилась творческая судьба детской поэтессы Александры Власовой. Ее стихам поэт дает довольно высокую в целом оценку, подробно разбирая некоторые их недостатки и положительные моменты. В будущем Леонид Вересов планирует составить краткие биографические справки по всем авторам, которых Рубцов-критик удостоил вниманием.

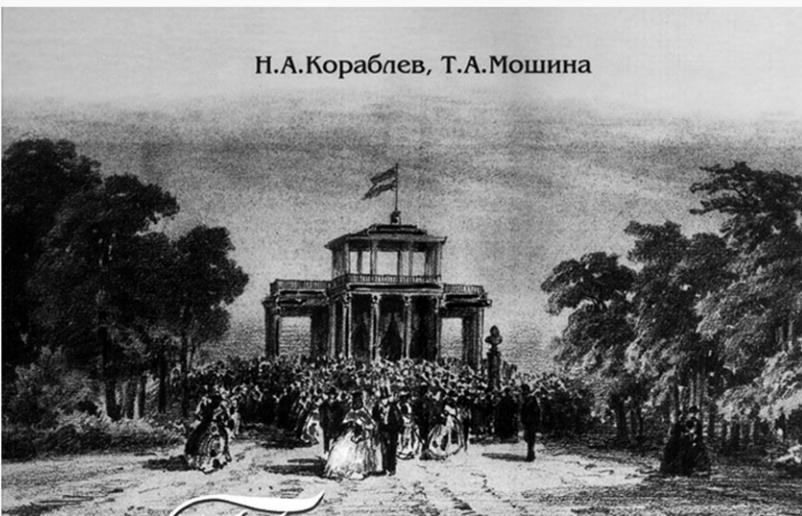
Остается добавить, что презентация книги «Страницы жизни и творчества поэта Н. М. Рубцова» состоялась в рамках фестиваля «Рубцовская осень-2014». Каждый сентябрь это мероприятие проходит на родине поэта в Вологде. Ежегодно в нем участвует порядка трех тысяч человек. В Вологду приезжают представители рубцовских центров Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Саратова, Кирова. Несмотря на то что тираж сборника Леонида Вересова иначе как мизерным не назовешь, книга была замечена.

«Не ищите её в библиотеках или магазинах – тираж этой книги сто экземпляров, – пишет Елена Колядина. – Человек, вернее так – человек за свой счёт и в своё свободное от работы время ездит по архивам и ищет документы, связанные с именем русского национального поэта Николая Рубцова... Нынче дыхание русского слова держится лишь на энтузиазме ненормальных, больных литературой». Безусловно, автор сборника «Страницы жизни и творчества поэта Н.М.Рубцова» – из числа этих «больных литературой» людей, которые, к счастью, хранят искусство слова во все времена.

Леонид Вересов
«Страницы жизни и творчества
поэта Н. М. Рубцова».
Издательство «Сад – Огород», 2013 год

Борис ГУЩИН
г. Петрозаводск

Н.А.Кораблев, Т.А.Мошина

Пименовы:

династия предпринимателей,
благотворителей,
общественных деятелей

Доброе слово в адрес предпринимателей Пименовых

Я вспоминаю, как на одной из встреч со студентами Петрозаводского университета академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв говорил о том, что серьёзная научная статья из области гуманитарных наук должна быть понятна большинству читателей.

На мой взгляд, примером такого подхода к научному тексту стала книга о династии Пименовых.

Издательство Карельского научного центра Российской академии наук порадовало любителей истории изданием привлекательной как содержанием, так и оформлением исторической монографии Н.А. Кораблёва и Т.А. Мошиной «Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей». Оригинал-макет книги выполнен Е.Е. Насоновым. Для научной монографии – хорошее художественное оформление: привлекательная обложка, обилие фотографий, в том числе и цветных, удачно подобранные шрифты, хорошо читаемый текст – явление, согласитесь, не частое. К тому же данная книга стоит в ряду тех, которые может прочесть каждый благодаря простому внятному рус-

скому языку. При всей своей привлекательности для читателя – это настоящее научное издание, удовлетворяющее всем требованиям оногo: обилие ссылок, список литературы и архивных источников, ряд наиболее интересных документов, включая завещание М.П. Пименова 1862 года.

Кто такие Пименовы – видно из самого названия книги. Я вкратце напомню об этом читателям.

Основатель династии Марк Пименович Пименов (1799–1865), крестьянин-вепс, уроженец Шокшинской волости, благодаря своему недюжинному природному уму, практической сметке и организаторским талантам в 36 лет стал питерским купцом I гильдии. Будучи в Петербурге, он выдвинулся в число ведущих подрядчиков России. М.П. Пименов, как подрядчик, строил Аничков мост через Фонтанку. Он же построил батареи «Князь Меншиков» и «Николаевскую», форт «Император Павел I» в Кронштадте.

В Петрозаводске М.П. Пименов активнее других купцов снабжает горожан хлебом и бакалеей, строит Николаевский приют с театральным залом, Пименовский мост, павильон-беседку в парке, реконструирует Общественную пристань и т.д.

Архиепископ Олонецкий и Петрозаводский Аркадий справедливо назвал М.П. Пименова «беспримерным в Олонецкой епархии благотворителем церквей и обителей»: Крестовоздвиженская церковь в Петрозаводске, Ионо-Яшезерская обитель, церковь в селе Семчезеро, часовня в селе Данилово.

Дело М.П. Пименова продолжил его племянник Ефим Григорьевич Пименов (1827–1873). Благодаря ему в Петрозаводске появилось четырёхэтажное здание Олонецкой духовной семинарии. Он же способствовал основанию в городе Мариинской женской гимназии, а петрозаводский детский приют целых пять лет жил, и неплохо, на деньги, пожертвованные Ефимом Григорьевичем. Первое специальное театральное здание в Петрозаводске построено также при поддержке Е.Г. Пименова. Он вместе с супругой являлся одним из инициаторов создания Благотворительного общества и активно поддерживал его финансово.

В 1860 году Е.Г. Пименов стал одним из самых активных земских деятелей края и немало способствовал преодолению продовольственного кризиса в Олонецкой губернии в конце 1860-х годов.

У Ефима Григорьевича и Анны Николаевны Пименовых родилось семь сыновей и четыре дочери. Большинство из них связали свою жизнь с Петербургом. Подлинным наследником родовых традиций в Петрозаводске стал Григорий Ефимович Пименов (1875–1919), совладелец (вместе с братом Александром) лесозавода, директор Онежского пароходства, городской голова (1901–1910, 1913–1917), крупный земский деятель. Г.Е. Пименов неукоснительно поддерживал фамильную благотворительность: жертвование на школы и приюты, технические нововведения в городе, увеселительные мероприятия и т.д.

Династия Пименовых имеет самое прямое отношение и к музею «Кижы», где я работаю.

Часть сотрудников нашего музея работает в Петрозаводске на Неглинской набережной, 23 – в доме, принадлежавшем некогда окружному лесничему, видному земскому деятелю, комиссару Временного правительства (а по сути, губернатору) в 1917 г. Иерониму Феликсовичу Кучевскому. (О И.Ф. Кучевском и истории его дома можно прочесть в моей публикации «1917. Начальник губернии»// Север. № 1-2, 2012)

Оказывается, 21 января 1905 года надворный советник Иероним Феликсович Кучевский сочетался вторым браком с Анной Ефимовной Морозовой. У Анны Ефимовны это тоже был второй брак. Её первым мужем был подпоручик М.И. Мо-

розов. Девичья фамилия её – Пименова. А в тяжёлые годы Гражданской войны в семье Кучевских жила сестра Анны – Ольга Ефимовна (в 1919 году ей было 47 лет) с 7-летним ребёнком: сын это был или внук – история умалчивает.

Так что каждый день на своём рабочем месте я вольно-невольно вспоминаю сестёр Пименовых и Иеронима Кучевского.

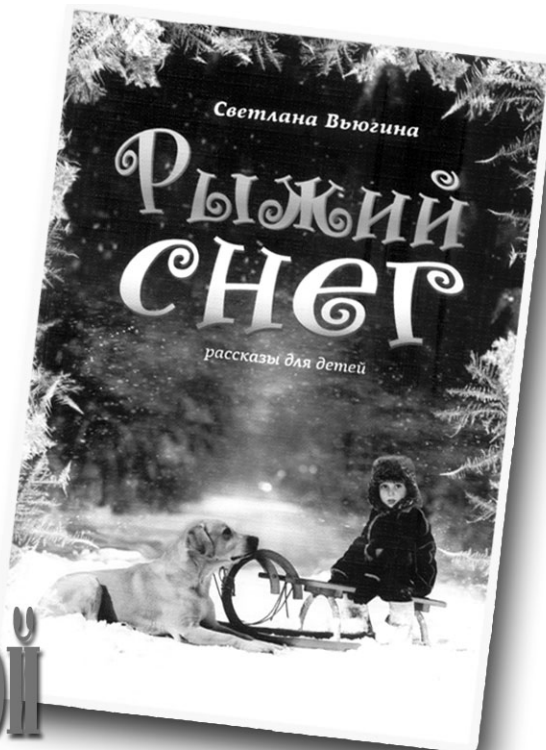
Вся хозяйственная и культурная жизнь Петрозаводска до 1918 года была в значительной мере связана с семьёй Пименовых, и поэтому книга о них рисует интересную картину развития города, который никак не был провинциальным захолустьем, как его иногда пытались представить в советское время. Книгу Н. Кораблёва и Т. Мошиной я рекомендую не только историкам и музейным работникам, но и самому широкому кругу читателей. Я, читая её, испытал огромное удовольствие. Как от содержания, так и от манеры изложения.

**Кораблев Н.А., Мошина Т.А.
Пименовы: династия предпринимателей,
благотворителей, общественных деятелей.
Петрозаводск,
Карельский научный центр РАН,
2012.**

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

«Рыжий снег» Светланы Вьюгиной

Порой, рассматривая полки с детской литературой в книжных магазинах, отходишь разочарованным. Сказочные истории с невообразимыми персонажами, картонные герои, надуманные взаимоотношения с родителями и сверстниками, решения не существующих в жизни ребенка проблем... Возможно, такие книги тоже нужны, возможно, они будят фантазию, возможно... Однако, предлагая детям эти книги, не отучаем ли мы их видеть мир во всем его многообразии, живо воспринимать окружающее, уметь разглядеть неожиданное в казалось бы привычном?

И невольно возникает вопрос – а где же настоящее? Где книги, в которых малыш может прочитать о таких же ребятах, как он? Книги, которые отображают мир, в котором живет сам читатель?

На мой взгляд, к таким нужным книгам относится новый сборник рассказов Светланы Вьюгиной «Рыжий снег». Герои «Рыжего снега» вошли в книгу из реальной жизни, но это не значит, что реальные рассказы показывают мир менее фантастическим, менее сказочным, чем книги, о которых я сказал вначале. Светлана Вьюгина ненавязчиво, без дидактики учит маленького читателя видеть многообразие мира, видеть необычное в обычном, помогает читателю обратиться именно к настоящему – к живой природе, к живым существам, реальным, но таким интересным!

Оттого, наверное, действие большинства рассказов Светланы Вьюгиной происходят в деревне, на даче, что именно там человек, в том числе и ма-

ленький человечек, может ощутить общность всей природы, ощутить свое родство со всем живым миром, будь это лисичка, белка, муравей или даже цветы, деревья. Жизнь природы, часто напоминающая жизнь человека, поскольку все на земле взаимосвязано, отражается в книге: «...черемуха душисто отцветала, потом тихо осыпала крылечко легкими лепестками и теперь скромно наклонилась над нами, как бы прислушиваясь к маминной сказке». Читатель Светланы Вьюгиной начинает понимать, как важно уметь увидеть или прислушаться к голосу этой природы. Вот дети просят маму придумать сказку про черемуху, но мама отвечает: «Черемуха сама о себе рассказывает...»

Взаимосвязь природы и человека автор показывает, не только олицетворяя природу, но и демонстрируя похожесть наших человеческих действий с природными образами. Вот мама варит варенье, разливает его по банкам, и автор приводит сравнение: «Мама была похожа на усталую пчелу, яблочное варенье – на мед».

Жизнь в деревне более естественна. Эта естественность пронизывает все рассказы, она видна даже в образах. Вот бабушка, нарядившаяся в день своего рождения. «Бабушка Таня сидела у самовара, маленькая, ладная, похожая на ватную куклу, которую надевают на заварной чайник...» Ватная кукла – образ, который сразу рисует очень яркий портрет бабушки, а кроме того, он ассоциируется с работой своими руками, с народными промыслами, с давними традициями.

Ведь это не фарфоровая, тем более не пластмассовая кукла, а ватная – такая, какие делали наши предки. На поток их производство не поставишь – потеряют свою прелесть. А сейчас горожане могут учиться делать их только на мастер-классах, которые ведут мастерицы.

Общение с живым существом помогает ребенку взрослеть, формирует чувство ответственности. Как переживает герой рассказа «Конопастик» мальчик Вова, когда, оставленный без присмотра в квартире, пропадает его хомячок. И мама говорит Вове: «Ты перестал с ним заниматься, вот он и убежал» «Я ведь только немножко, на один денек перестал», – объясняет мальчик. «А если бы я тебя на денек оставила?» – говорит мама. Маленький читатель этого рассказа может соотнести себя с героем, осознать, как важно нести ответственность за кого-то.

Рассказам Светланы Вьюгиной присущ мягкий юмор. Не может не вызвать улыбку кот Валенок, не желающий жить в городской квартире. Чтобы поехать обратно в деревню, он загодя забирается в походную сумку человека, отправляющегося в деревню. И молчит кот, чтобы его не обнаружили, и терпит тряскую дорогу в автобусе.

Автор показывает красоту мира. Вот маленький герой рассказа «Земля» отправляется с папой на пруд. И по дороге папа показывает ему различные цветы, рассказывает о них, о своем деревенском детстве.

«– Да-а, – говорит папа. – Красота!

– Где красота?

– Где-где... – смеется папа. – Везде! Вокруг нас! На всей нашей земле красиво».

Так, через диалоги, через восприятие взрослого и ребенка учит Светлана Вьюгина своих маленьких читателей замечать красоту вокруг, ценить живую природу, общаться с животными, приобретать тот необходимый жизненный опыт, на который потом, во взрослой жизни, можно будет опереться в трудные минуты. И при этом не всегда обязательно отправляться за город. Есть и еще одна важная наука, которую преподает автор. Это умение ценить то, что есть, радоваться дарам мира, которыми можно любоваться, не уезжая из дома. «В городе, где живет Вадик, нет ни океана, ни моря, есть только реки – Сейм и Тускарь... Но это тоже замечательно, что у нас есть целых две реки! Многие вон в пустыне живут, там стакан воды дороже всякого золота...»

Герои Светланы Вьюгиной задаются детскими вопросами: «А зачем небо?», «Что тебе больше нравится – небо или земля?», «Зачем нужна дорога?», и над этими детскими вопросами иной

раз было бы полезно задуматься и взрослым. Есть и другие вопросы, которые рождаются в процессе общения с природой. Отождествляя себя с муравьишками, помня свой пусть еще небольшой опыт, девочка Полина спрашивает, не холодно ли муравьям зимой в муравейнике. И в этом вопросе звучит не просто любознательность, но забота о другом существе.

Ребенок, познающий мир, часто живет воспринимает природу, которая на взгляд некоторых взрослых скучна. Дождливым и холодным летом, которое девочка Аня проводит на даче, она ходит в сапожках по лужам, слушает, как тихонько хлопают листья рябины, наблюдает за трясогузками, пьющими воду... Она познает мир, а мир в рассказах Светланы Вьюгиной благодарно раскрывается внимательному взгляду, радуя героев необычными, сказочными ситуациями. То уголек – Огневица жарко топит баньку, то филин притворяется домовым и кричит человеческим голосом. А то природа просто радуется фантастической картинкой – рыжим снегом, например. Откуда бы рыжему снегу взяться? А просто ворона щиплет клювом березовые сережки, из которых сыплется на снег рыжие семена...

Думаю, рассказы Светланы Вьюгиной помогут маленькому читателю чуть больше ценить мир, стать чуть внимательнее, чуть добрее, а значит, сделают жизнь чуть лучше.

**Вьюгина С.В. – Рыжий снег –
Рассказы для детей –
Издательство
Литературного фонда России
«Донской писатель» – Ростов-на-Дону –
2013 г. – 120 с.**

Этот номер для Вас подготовили:

Елена Пиетилийнен
главный редактор

Елена Бермус
редактор отдела прозы

Евгений Кудрявцев
дизайн, верстка

Вениамин Слепков
редактор отдела очерка и публицистики

Александр Воронин
редактор отдела поэзии и сайта журнала

Людмила Шананина
корректор

Ирина Боякова
секретарь

Редакционный Совет

Большакова Надежда (Мурманская обл.)

Васильева Надежда (Петрозаводск)

Востряков Игорь (Петрозаводск)

Гнетнев Константин (Петрозаводск)

Крапивин Владислав (Тюмень)

Ковалев Александр (Санкт-Петербург)

Лемесов Валерий (Швеция)

Маркова Елена (Петрозаводск)

Миккола Мария-Леена (Финляндия)

Минеева Инна (Петрозаводск)

Мустонен Раиса (Петрозаводск)

Переяслов Николай (Москва)

Пиетилийнен Елена (Петрозаводск)

Попов Андрей (Сыктывкар)

Пронин Сергей (Петрозаводск)

Соломещ Илья (Петрозаводск)

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-3570 от 31.05.2000 г.

Цена договорная